ЦИ(Монг)
И
17712

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

К семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева

17712 -
1987
1988

Библиотека Калмыцкого НИИФЭ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

37И

Редколлегия

Н.А. Баскаков, И.Ф. Вардуль, Г.И. Михайлов, М.Н. Орловская (секретарь), В.М. Солнцев (ответственный редактор), Н.А. Сыромятников, Б.Х. Тодаева, Н.П. Шастина, З.В. Шевернина

Составители

М.Н. Орловская, З.В. Шевернина

Сборник посвящен семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева. Статьи сборника разрабатывают различные проблемы языка, литературы, этнографии монгольских, тюркских и других народов, затрагивают спорные и малоисследованные в монголистике и тюркологии вопросы. В сборнике наряду с советскими востоковедами принимают участие и иностранные ученые.

И $\frac{0714\text{-}2005}{042(02)\text{-}74}$ 224-74

© Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1974.

ПРОФЕССОРУ ГАРМЕ ДАНЦАРАНОВИЧУ САНЖЕЕВУ – СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Большой путь прошел Гарма Данцаранович Санжеев за 70 лет - от учителя начальной школы до доктора филологических наук, профессора, крупнейшего советского монголоведа-филолога. Им написано много научных трудов; многочисленны его ученики. Научный вклад Г.Д. Санжеева настолько значителен, что с полным основанием можно говорить о санжеевском этапе в развитии советской монголоведной филологии.

Г.Д. Санжеев родился 2 февраля 1902 года в селении Тайшин. По старому административному делению этот бурятский аил принадлежал Балаганскому уезду Иркутской губернии. Родным языком Г.Д. Санжеева был бурятский. Но уже в детские годы, в начальной школе, куда он поступил в возрасте десяти лет, он овладел русским языком.

В годы революции Г.Д. Санжеев поступает в Черемховское коммерческое училище и учится в нем до 1920 г. Затем он сам начинает преподавать, становится учителем начальной школы. Юношеская мечта стать писателем (работая в школе, он написал несколько маленьких пьес) привела Г.Д. Санжеева на литературное отделение педагогического факультета Иркутского государственного университета. Здесь, слушая лекции Г.С. Виноградова, он увлекается фольклором и начинает собирать народные сказки, песнопения, шаманские заклинания. Эта уже серьезная потребность в углублении своих знаний побудила Г.Д. Санжеева в 1924 г. уехать в Ленинград и поступить на монгольское отделение Ленинградского института живых восточных языков.

1[x]-1061

В Ленинграде Г.Д. Санжеев слушает лекции крупнейших советских востоковедов и лингвистов, таких как В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, Л.В. Щерба и др. Он усиленно занимается языками (кроме монгольских и западноевропейских изучает маньчжурский и казахский языки). Участвует в работе монгольского семинара в ЛИЖВЯ, который в то время вел выдающийся монголовед академик Б.Я. Владимирцов. Занимаясь под его руководством в студенческие годы, а затем в аспирантуре, Г.Д. Санжеев прошел хорошую филологическую школу, воспринял лучшие традиции отечественного монголоведения. Именно в годы учебы в Ленинграде решилась дальнейшая судьба Г.Д. Санжеева: он посвятил свою жизнь изучению языка и культуры монгольских народов.

В одном из своих отзывов о Г.Д. Санжееве академик Н.И. Конрад писал: «Характерной чертой научного облика Г.Д. Санжеева, в которой именно и выражается его преемственность лучших традиций, идущих от его непосредственного учителя Б.Я. Владимирцова, является соединение двух направлений исследования: во-первых, языкознания, во-вторых, этнографии и фольклористики». Со временем языкознание стало основной областью научных интересов Г.Д. Санжеева. Но начал он как фольклорист и этнограф.

Еще студентом в 1927 г. Г.Д. Санжеев публикует свою первую работу – «Песнопения аларских бурят», содержащую шесть печатных листов добротного фольклорного материала. Затем следует большая статья «Мировоззрение и шаманизм аларских бурят», появившаяся в 1928 г. на немецком языке в венском журнале « Anthropos». Эта статья интересна не только описанием бурятского шаманства, а главным образом, глубоким научным анализом и общей характеристикой этого явления.

Летом 1927 г. Г.Д. Санжеев впервые попадает в Монгольскую Народную Республику. Он отправляется туда по совету Б.Я. Владимирцова, поручившего своему ученику провести этнолого-лингвистическое обследование дархатов, небольшой национальной группы, живущей в Прикосогольском районе МНР. Результатом этой поездки были две книги – «Дархаты. Этнографический отчет

о поездке в Монголию в 1927 г.» и «Дархатский говор и фольклор». Эти работы, насыщенные свежими материалами и ценными сведениями, свидетельствующими об острой наблюдательности автора, долгие годы были единственными фундаментальными исследованиями о дархатах. Основной вывод автора об этнической принадлежности дархатов (он считает их омонголившимися урянхайцами, т.е. тюрками по происхождению, с незначительным количеством монгольских элементов) остаются в силе и сейчас.

Одной из крупнейших работ Г.Д. Санжеева по фольклору является «Монгольская повесть о Хан-Харангуе». Эта книга, вышедшая в свет в 1937 г., состоит из публикации текста и перевода, которым предшествует вступительная статья, содержащая историко-литературное исследование публикуемого памятника. Г.Д. Санжеев определяет памятник как произведение героического эпоса, тщательно анализирует особенности его композиции и морфологии, вскрывает специфику текста, который считался в ту пору уникальным. Опровергая распространенное в 30-е годы мнение о возникновении героического эпоса во времена феодализма, он убедительно показывает, что «первоначальный героический эпос у монголов создавался на базе первобытного фольклора, пропитанного шаманистической фантастикой» [2, 11]. Это положение Г.Д. Санжеева, отодвигающее время зарождения героического эпоса в дофеодальную эпоху, является ныне общепринятым. Через много лет был найден еще один список этой повести, опубликованный Г.Д. Санжеевым под названием «Кызыльская рукопись монгольской эпической повести "Хан-Харангуй"» (в 1960 г.).

Среди остальных работ Гармы Данцарановича по монгольской фольклористике следует отметить «Аламжи мерген. Эпос северных бурят» (1936 г.), статьи «Народное творчество бурят-монголов» (1936 г.), «О характере бурятского эпоса "Гэсэр"» (1953 г.), «Эпос унгинских бурят» (1970 г.) и др. Они свидетельствуют о том, что проблемы фольклора постоянно привлекают внимание ученого. Особенно ценны записи ряда улигер-унгинских бурят, сделанные Г.Д. Санжеевым в 1928 г. Эти записи, готовые к публикации, он предполагает перевести на русский язык. Пока же в упомянутой

выше статье «Эпос унгинских бурят» издано краткое содержание улигера «Толэй мерген».

В 1931 г., после окончания аспирантуры, молодой, но уже отлично зарекомендовавший себя ученый обосновывается в Москве, где получает кафедру в Московском институте востоковедения им. Н. Нариманова.

То был период интенсивного культурного развития монголоязычных народов. В Бурятии, в Калмыкии, в Монгольской Народной Республике разворачивалось всеобщее начальное образование. Развивались национальные литературы, ширилось использование средств массовой коммуникации. Возникла острая потребность в создании научного фундамента для нормализации молодых литературных языков, для их преподавания в школе. И Г.Д. Санжеев не мог остаться в стороне. Начинается период его глубоких теоретических исследований в области грамматического строя современных монгольских языков.

В 1934 г. выходит «Синтаксис монгольских языков», в 1938 – «Морфология бурят-монгольского языка» (написанная в соавторстве с М.Н. Имехеновым), в 1940 г. – «Грамматика калмыцкого языка» и «Синтаксис бурят-монгольского языка», в 1941 г. – «Грамматика бурят-монгольского языка». Ту же линию исследований продолжают многие статьи Г.Д. Санжеева (такие, как «Залоги в монгольских языках» и др.), его докторская диссертация «Синтаксис глагола в монгольских языках» (1948 г.), написанные им разделы коллективной «Грамматики бурятского языка» (1962 г.), а также очерки «Современный монгольский» (1959 г.) и «Старописьменный монгольский язык» (1964 г.).

Многие положения, выдвинутые Гармой Данцарановичем в этих работах, приняты современным монголоведением. Особенно большой вклад он внес в изучение синтаксиса предложения и системы глагола монгольских языков. Эти труды Г.Д. Санжеева имеют не только научную ценность. Они послужили теоретической основой для преподавания родного языка в школах Бурятской и Калмыцкой АССР и Монгольской Народной Республики.

Другую линию научной деятельности Г.Д. Санжеева представляют сравнительно-исторические исследования в области

монгольских и, шире, алтайских языков. Это направление, безусловно, является ведущим для него как языковеда.

В аспирантуре он изучал лексические соотношения монгольского и маньчжурского языков, в результате чего появилась статья «Маньчжуро-монгольские языковые параллели» (1930 г.), содержащая богатый языковой материал и серьезные, не потерявшие и сейчас своей значимости выводы о путях проникновения слов одного из сравниваемых языков в другой. Немало исторических наблюдений и этимологий в предвоенных грамматических монографиях Г.Д. Санжеева. Но полностью он посвящает себя сравнительно-историческому изучению монгольских языков после войны, особенно после лингвистической дискуссии 1950 г., активным участником которой он был. Обращение Г.Д. Санжеева к сравнительно-историческим исследованиям было вызвано также его участием в работе Института востоковедения АН СССР (с 1951 г.), где он возглавил сектор Кореи и Монголии, позднее – сектор дальневосточной филологии и сектор тюрко-монгольских и дальневосточных языков. С 1954 г. Г.Д. Санжеев полностью переходит в Институт востоковедения.

Продолжая исследования академика Б.Я. Владимирцова, Гарма Данцаранович издает в 1953 и 1964 гг. свой главный лингвистический труд – двухтомную «Сравнительную грамматику монгольских языков». О значении этой грамматики можно сказать словами акад. Л. Лигети: она является «первой работой, которая в такой широкой перспективе трактует все существенные вопросы монголистики» [1, 133].

В своей «Сравнительной грамматике» Г.Д. Санжеев предлагает новую классификацию монгольских языков и диалектов (наиболее подробно разработана им классификация диалектов бурятского языка), высказывает гипотезу о существовании единого (хотя и разделенного на диалекты) монгольского языка вплоть до XIII в., показывает процесс выделения современных монгольских языков (связывая начало этого процесса с распадом империи Чингисхана). Тем самым он вносит важные коррективы в наше пред-

ставление об общем ходе становления современный монгольских языков.

Г.Д. Санжеев обнаруживает древнейший перелом гласного i, предшествовавший двум другим переломам этого гласного, и уточняет их хронологию (первый перелом он относит к VIII-X вв., второй – к X-XII вв., третий – к XIV-XV вв.). Связывая эти процессы с развитием аффрикат, он рисует картину фонетической эволюции монгольских языков, значительно более детальную, чем та, которая была известна до него.

Впервые в монголоведении он подробно исследует систему именного словоизменения (а также приименные служебные слова), чему посвящена половина первого тома, и систему глагола, чему посвящен весь второй том. На широком материале (привлекаются все монгольские языки в той мере, в какой они изучены) Г.Д.Санжеев рассматривает именные и глагольные формы с точки зрения их образования и значения, выявляя общие тенденции в развитии и различия, существующие между монгольскими языками. При этом особое внимание уделяется глагольным формам, в системе которых наиболее отчетливо проявляются различия между монгольскими языками.

Наконец, в своей работе Г.Д. Санжеев делает вывод о малой вероятности исконного родства монгольских языков с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими. Позднее (в главе, написанной им для второго тома четырехтомника «Языки народов Азии и Африки») эта мысль получает дальнейшее развитие и аргументацию.

В целом «Сравнительная грамматика» Г.Д. Санжеева – это обобщающий труд, подводящий итог сравнительно-историческому изучению монгольских языков в предшествующие годы и создающий исходную базу для дальнейших углубленных исследований. Завершив этот труд, Гарма Данцаранович со свойственной ему неиссякаемой энергией и целеустремленностью идет дальше и избирает для себя одну из наиболее актуальных и трудных задач современной исторической монголистики – создание этимологического словаря. Работа эта, начатая несколько лет назад, еще не завершена, но уже сейчас можно сказать, что она будет иметь

ольшое значение для исторической лексикологии монгольских языков и для решения алтайской проблемы.

Г.Д. Санжеев широко известен не только как автор многочисленных исследований. Он ведет также большую педагогическую и научно-организационную работу. Заведующий кафедрой монгольского языка в Московском институте востоковедения, декан дальневосточного факультета Института востоковедения, заведующий сектором Института востоковедения АН СССР, заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания», профессор Московского государственного университета – таков неполный перечень постов, занимаемых Г.Д. Санжеевым в разное время. Многие монголисты прошли аспирантуру у Гармы Данцарановича. Еще больше монголистов (и не только монголистов), считают себя его учениками. Их можно встретить в Москве и в Ленинграде, в Бурятии и в Калмыкии, в Монголии и в других странах.

Заслуги Г.Д. Санжеева получили широкое признание в Советском Союзе и за рубежом. Он награжден орденом «Трудового Красного знамени», является заслуженным деятелем науки и техники Бурятской АССР, почетным членом Венгерского общества ориенталистов имени Чома де Короши. Ему присвоено почетное звание «иностранного профессора» Института языка и литературы АН МНР.

Литература

1. Лигети Л., рец. на кн.: Г.Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, М., 1953, – ВЯ, 1955, № 5.
2. Санжеев Г.Д., Монгольская повесть о Хан-Харангуе, М.-Л., 1937.

И.Ф. Вардуль, Н.П. Шастина

Список печатных трудов
Г. Д. Санжеева

1927

Песнопения аларских бурят, – «Записки коллегии востоковедов», М.-Л., т. 3, вып. 2, стр. 459-552.

Weltschaung und Schamanismus der Alaren-Burjaten, – Wien, «Anthropos», Bd, 23, стр. 939-955.

1930

Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г., – кн.: «Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР», Л., вып. 10, стр. 1-64.

Фонетические особенности говора нижне-удинских бурят, Л., 11 стр.

Маньчжуро-монгольские языковые параллели, – «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», Л., сер. VII, № 8, стр. 601-626, № 9, стр. 673-708.

1931

Дархатский говор и фольклор, – кн.: «Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР», Л., вып. 15, стр. 1-112.

Рец. на кн.: A. Mostaert, Le dialekte des Monqols Urdus, St. Gabriel-Mödling, 1927, – «T'oung Pao», vol. XXXVIII, стр. 472-474.

N. Poppe, Dialekte alar, I partik, L., 1930, – «T'oung Pao», vol. XXVIII, стр. 474-477.

N. Poppe, Dialekte dahur, L., 1930, – «T'oung Pao», vol. XXXVIII, стр. 471-472.

1932

Монгольско-русский словарь, М., 173 стр.

1934

О новом бурят-монгольском алфавите, – сб. «Алфавит Октября», М.-Л., стр. 133-136.

Синтаксис монгольских языков (Практическое пособие для переводчиков востоковедных школ и самостоятельного изучения монгольского языка), М., 149 стр.

1935

Новый сборник халха-монгольского фольклора, – «Советский фольклор», М.-Л., № 2-3.

1936

Аламжи Мэргэн. Эпос северных бурят, М., 267 стр.

Народное творчество бурят-монголов, – «Литературный критик», М., № 4, стр. 118-134.

По этапам развития бурят-монгольского героического эпоса, М.-Л., № 4-5, стр. 58-67.

Учебник монгольского языка, М., 195 стр. (совместно с другими авторами, общая редакция).

1937

Монгольская повесть о Хане-Харангуе, М.-Л., 170 стр.

1938

Морфология бурят-монгольского языка, Улан-Удэ (соавтор И.Н. Имехенов).

1939

Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори, – «Записки Бурят-монгольского института культуры», Улан-Удэ, № 1, стр. 7-23.

1940

Грамматика калмыцкого языка, М.-Л., 160 стр.

Синтаксис бурят-монгольского языка, Улан-Удэ, 146 стр.

Учебник монгольского языка, М.

Грамматические приемы в монгольских языках, – «Труды московского института востоковедения», М., № 2, стр. 198-221.

Джангар, – «Литературный критик», М., № 4, стр. 82-101.

Джангар и монгольский эпос, – «Литературная газета», 8.X.

Декада бурят-монгольского искусства в Москве, – «Пионерская правда», 19.X.

Историческое прошлое монгольских народов, – «Известия ЦИК СССР», 6.X.

Литература возрожденного народа, – «Литературная газета», 20.X.

Творения народа, – «Известия ЦИК СССР», 22.X.

1941

Грамматика бурят-монгольского языка, М.-Л., 188 стр.

Илиада калмыцкого народа, – «Записки бурят-монгольского института культуры», Улан-Удэ, № 3-4, стр. 154-163.

1944

О некоторых фонетических явлениях в монгольских языках, – сб. «Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому», М., стр. 245-255.

1945

Образцы монгольской литературы, М.

1946

Исключения в монгольских языках, – «Труды Московского института востоковедения», М., № 3, стр. 94-115.

1947

Краткий грамматический очерк монгольского языка, – кн.: «Краткий монгольско-русский словарь», М., стр. 337-396.

Первоначальные тексты на монгольском языке, М., 115 стр.

Учебник монгольского языка для 2-го и 3-го курса, М., 266 стр.

Залоги в монгольских языках, – «Труды Военного института иностранных языков» М., № 3, стр. 93-116.

Изучение монгольского языка и литературы, – «Труды Московского института востоковедения», М., № 5, стр. 297-304.

К тюрко-монгольской лингвистической проблеме, – «Труды Московского института востоковедения», М., № 4, стр. 66-69.

Синтаксис глагола в монгольских языках. Тезисы докторской диссертации, М., 10 стр.

1949

Программа по введению в монгольское языкознание, М., 4 стр.

Программа по грамматике современного монгольского языка, – М., 5 стр.

Программа по истории монгольской литературы, М., 8 стр.

Программа по курсу перевода с монгольского языка на русский, М., 4 стр.

Программа по курсу перевода с русского языка на монгольский, М., 6 стр.

Программа по лексикологии монгольского языка, М., 4 стр.

Программа по монгольскому языку (тексты и устная речь), М., 10 стр.

Программа обзорного курса теоретической грамматики монгольского языка, М., 4 стр.

Программа по сравнительной грамматике монгольского и русского языков, М., 5 стр.

Программа по стилистике монгольского языка, М., 4 стр.

1950

Либо вперед, либо назад, – «Правда», 23. V.

Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина, – кн.: «Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина», М., стр. 101-128.

1951

К некоторым вопросам изучения исторического развития языков, – «Известия Академии наук СССР», М., т. X, вып. I, стр. 66-86.

Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания, – «Записки бурят-монгольского института культуры», Улан-Удэ, № 11, стр. 88-121.

Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР, – «Большевик», М., № 8, стр. 38-48.

О специфике качественных изменений в языке, – «Вопросы философии» М., № 4, стр. 113-119.

Программа по монгольскому языку, – М., 18 стр.

Труды И.В. Сталина и задачи в области востоковедения, – «Труды Московского института востоковедения», М., № 6, стр. 3-24.

Язык и диалект в свете трудов И.В. Сталина, – «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М., т. III, стр. 3-31.

Языкознание и этнолого-археологические науки, – «Тезисы докладов научных сотрудников Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР», М.

К вопросу о посессивном строе предложения, рец. на кн.: О.П. Суник, Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посессивный строй предложения, Л., 1947, – «Труды Московского института востоковедения», М., № 6, стр. 189-204.

Рец. на кн.: В.И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, – «Известия Академии наук СССР», ОЛЯ, М., т. X, вып. 2, стр. 204.

1952

К проблеме частей речи в алтайских языках, – «Вопросы языкознания», М., № 6, стр. 84-102.

Монгольские языки и диалекты, – «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М., т. IV, стр. 30-125.

Некоторые вопросы истории и диалектологии казахского языка, – «Казахстанская правда», 13.II.

Некоторые вопросы истории и диалектологии казахского языка (на казахском языке), – «Социалистик Казахстан», 13.II.

Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина, – М., стр. 321-371.

О специфике качественных изменений в языке, – сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», М., т. 2, стр. 147-158.

Тридцать пять лет Октября и советское языкознание (без подписи), – «Вопросы языкознания», М., № 6, стр. 7-24.

Рец. на сб.: «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (соавтор П.Я. Черных), – «Известия Академии наук СССР», ОЛЯ, М., т. XI, вып. I, стр. 76-84.

Ред.: А.Р. Ринчинэ, Учебник монгольского языка, М., 320 стр.

1953

Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 240 стр.

Вступительное слово в кн.: «О характере бурятского эпоса "Гэсэр"», Улан-Удэ, стр. 6-23.

И.В. Сталин и советское языкознание, – «Вестник высшей школы», М., № 3, стр. 39-46.

Монгольское языкознание в СССР, – «Lingua posnaniensis», Poznań, Lp. 4, стр. 137-163.

1954

Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка, – сб.: «Вопросы узбекского языкознания», Ташкент, стр. 48-59.

1955

Грамматический строй бурят-монгольского языка в свете учения И.В. Сталина о языке, – сб.: «Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка», Улан-Удэ, стр. 5-17, 70-72, 104-107, 155-156, 173.

Жизнь и деятельность Доржи Банзарова, – сб.: «К столетию со дня смерти Доржи Банзарова», Улан-Удэ, стр. 9-23.

XIV съезд польских востоковедов, – «Советское востоковедение», М., № 5, стр. 136-140 (соавтор М.Н. Иванова).

Letter to the Editors, – «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge, Mass., vol. 18.

Ред.: Доржи Банзаров, Собрание сочинений, М., 375 стр.

1956

Следы грамматического рода в монгольских языках, – «Вопросы языкознания», М., № 5, стр. 73-74.

1957

Монгол хэл аялгууны учир, Улаанбаатар, 86 стр.

Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики, – «Roznik Orientalystyczny», Warszawa, t. XXI, стр. 373-384.

Монголоведные примечания к кн.: Г.И. Рамстед, Введение в алтайское языкознание, М.

2-1061

...ека Калмыцкого НИИФЭ

Ред.: Г.И. Михайлов, Культурное строительство в МНР, М., 221 стр.

1958

Б.Я. Владимирцов – исследователь монгольских языков, – кн.: «Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова», М., стр. 12-40.

К вопросу о глагольных основах в монгольских языках, – «Краткие сообщения Института востоковедения», М., вып. XXIV, стр. 3-8.

Наклонения в монгольских языках, – сб.: «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.-Л., стр. 3-26.

Ред.: Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова, М., 348 стр.

1959

Современный монгольский язык, – М., 104 стр.

Сравнительная грамматика монгольских языков (на китайском языке с предисловием автора на монгольском языке), Пекин.

1960

Кызыльская рукопись монгольской эпической повести «Хан Харангуй», – кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., стр. 265-350.

Место лингвистической реконструкции в монголистике, – (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов), М., 11 стр.

Место лингвистической реконструкции в монголистике (на немецком языке), М., 15 стр.

Современный монгольский язык, – М., изд. 2, 104 стр.

Ред.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика, М., 350 стр. (совместно с Р.А. Аганиным).

Н.А. Баскаков, Тюркские языки, М., 247 стр.

Русско-монгольский словарь, сост. А.Р. Дамба-Ринчинэ и Г.С. Мупкин, М., 730 стр.

1961

Система монгольского глагола, – «Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал», Улаанбаатар, т. 2, стр. 292-306.

Ред.: М.Н. Орловская, Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке, М., 115 стр.
Б.Х. Тодаева, Дунсянский язык, М., 152 стр.

1962

Академик Лайош Лигети и развитие ориенталистики в Венгрии, – «Народы Азии и Африки», М., № 5, стр. 159-162.

К вопросу об отрицании в монгольских языках, – «Acta Orientalia», t. XV, Budapest, стр. 273-282.

Монголоведные примечания к кн.: В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М.

Глагол, – раздел в кн.: Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Грамматика бурятского языка, М.

Ред.: Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Грамматика бурятского языка, М., 317 стр.
О.П. Суник, Глагол в тунгусо-манчжурских языках, М.-Л., 363 стр.

1963

Место лингвистической реконструкции в монголистике, – «Труды двадцать пятого международного Конгресса востоковедов», М., т. III, стр. 314-319.

Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 266 стр.

Рец. на кн.: St. Kaluzynski, Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache, Warszawa, 1961, 171 стр., «Вопросы языкознания», М., № 2, стр. 141-144.

Ред.: Ю.А. Горгониев, Категория глагола в современном кхмерском языке, М., 131 стр.

1964

К ассимиляции гласных в монгольских диалектах, – «Zeitschrift

für Phonetik, Sprachwissenschaft und Komminikationsforschung», Berlin, Bd II.

Несколько замечаний о структуре слова и его границах, – кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.-Л., стр. 270-272.

Старо-письменный монгольский язык, – М., 89 стр.

Сравнительная грамматика монгольского языка. Глагол, – М., изд. 2, 266 стр.

Ред.: И.Я. Златкин, История Джунгарского ханства (1635-1758), М., 480 стр.

Б.Х. Тодаева, Баоаньский язык, М., 158 стр.

1965

Профессор Георгий Петрович Сердюченко, – «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», М., т. XXIV, вып. 5, стр. 462-463.

Задачи изучения языков Сибири, – кн.: «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ.

Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике, – кн.: «Лингвистическая типология и восточные языки», М., стр. 77-92.

Ред.: Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в., М., 340 стр.

1967

Рец.: Я. Цэвэл, Монгол хэлний товч тайлбар толь, Улаанбаатар, 1966, – «Народы Азии и Африки», М., № 3.

1969

Проявление логики вещей в языке, – сб.: «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., стр. 62-68.

Ред.: Г.И. Михайлов, Литературное наследство монголов, М., 175 стр.

1970

Заметки по тюрко-монгольскому вокализму, – сб.: «Studies in General and Oriental Linguistics», Tokyo.

An Epic of the Unga-burjats, – «Mongolian Studies. Edited by Lous Ligeti», Budapest, стр. 507-517.

Перевод и послесловие к ст.: Г. Жамьян, Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме", – «Народы Азии и Африки», М., № 5.

Составила К.Н. Яцковская

Н.А. Баскаков

ПРИНЦИПЫ ВЫБОРА ПРИЗНАКОВ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЯ ГОР У АЛТАЙЦЕВ

(к проблеме оронимии Горного Алтая)

Задача данной статьи – выявление признаков, по которым отбирались названия гор народом, стоявшим совсем недавно на уровне родо-племенной структуры общества.

Большинство гор в Горном Алтае сохранили свои старые названия, относящиеся по крайней мере ко времени, предшествовавшему проникновению на Алтай русской культуры, т.е. до XVII в., когда алтайцы (ойроты) занимались еще главным образом охотой и скотоводством.

Основными номенклатурными названиями рельефа земной поверхности, связанными с наименованиями гор и возвышенностей у алтайцев, являются: *qyr* 'горный хребет', 'гора', 'цепь гор, холмов', 'холмистая местность'; *tuu* 'гора'; *tuular* мн.ч. 'горы', 'горная цепь'; *tajǯa* 'гора, покрытая лесом'; *qaja* 'скала', 'утес'; *boom* 'крутой скалистый выступ'; *baš* 'вершина горы'; *mees* 'безлесный отлогий склон горы', 'южная сторона горы'; *meže* 'высокий холм', 'сопка'; *tön* 'холм', 'бугор'; *testek* 'холм'.

Кроме того, в составе наименований гор встречаются и другие номенклатурные названия, связанные с характеристикой рельефа земной поверхности, например: *boǯoči//boočy* 'горный перевал'; *arty* 'порог реки'; *qudjur* 'солончак'; *kečü* 'переправа'; *saj* 'отмель'; *eer* 'седловина'; *ojoq* 'впадина', *beltir* 'соединение двух и более рек', 'устье реки'; *taš* 'камень'; *qat* 'слой'; *qooby// qoby* 'лог', 'лощина'; *djar* 'берег', 'крутой яр'; *qažat* 'высокий берег' и т.д.

Все названия гор на Алтае состоят либо из одного слова, обозначающего признак, по которому выбрано название данной горы, либо из определительного словосочетания, элементы которого также обозначают признак.

Классификация названий гор в Горном Алтае в семантическом плане позволяет выделить семь основных групп: 1) группу названий, связанных с наименованиями людей и их коллективов (племен, родов и пр.); 2) группу названий по фауне гор; 3) по флоре; 4) группу названий по цветовым оттенкам; 5) по другим качественным признакам; 6) по названиям соседних, связанных с горами гидронимов; 7) по случайным предметным признакам.

Первая группа, по названиям людей и их коллективов, занимает незначительное место среди других названий гор в Горном Алтае. Сюда можно отнести только Могол (< *Moγol* – название одного из алтайских, теленгитских родов); редко встречаются также оронимы, образованные по названиям свойств человека или по професии: Кюлюк (< *külük* 'силач', 'удалец', 'ловкий', 'проворный'); Абыс (< *abystyŋ qyry* 'поповская гора').

Наименования гор второй группы, т.е. связанные с фауной края, встречаются уже чаще. К ним относятся следующие названия: Маралду (< *Maraldыu* 'изобилующая маралами'); Бабырган (< *babyrγan* – вид белки, областн. 'белка-летяга'); Тооту (*töö tuu* 'верблюжья гора', или 'верблюд-гора') – название по общему очертанию силуэта горы; Итыская (*ittu qaja* 'собачья скала'); Тарбаганда (*tarbaγanduu mees* 'южная сторона горы, изобилующая сурками').

Кроме того встречаются названия гор, связанные с табуированной лексикой охотничьего языка, в качестве примеров приведем следующие названия: Абай-Кобы (< *abaj qooby* букв. 'лог старшего брата' в значении 'медвежий лог', где название *ajuu* 'медведь' по обычаям запрета замещено обращением к старшему брату *abaj* 'братец'; Абаган (< *aba qaan* букв. 'братец-хан' в значении 'медведь-хан'); Адаган (< *ada qaan* букв. 'отец-хан' в значении 'медведь-хан').

Третью группу названий гор – по наименованиям растений, характеризующих данную гору, составляют следующие названия: Артыш (< *artyš* 'можжевельник'); Сартамыр (< *sary tamyr* 'желтый корень' – название растения); Мажаган (< *mažaq* 'колос', 'колосистый'); Айгулак (< *aj qulaq//uj qulaq* 'конский щавель'); Боротал (*boro tal* 'серая ива'); Марчалкат (*marčal qat* 'ягода марчы' – болотное растение); Четту//Четту бажы (< *čettü//čettü bažy* 'с порослями хвойного кустарника'); Талда (< *talduu* 'изобилующая тальником, ивой, ракитой'); Тытту коба (*tyttuu qooby* 'изобилующая лиственницами'); Кылбышту (< *qylbyštuu tuu* 'гора, изобилующая баданом' – широколиственное вечнозеленое растение); Согонолу кыр (< *sogonoluu qyr* 'гора, изобилующая диким луком'); Кайынду кыр (< *qajyndduu qyr* 'гора, изобилующая березами').

Четвертую группу составляют названия по цветовым оттенкам: Ак-кем (< *aq kem* 'белореченская', букв. 'белая река'); Акка (< *aq qažat* 'белая возвышенность'); Агайра (< *aq ajry* 'белое разветвление гор'); Ак-кобы (< *aq qoby* 'белое ущелье'); Ак-кая (< *aq qaja* 'белая скала'); Ахту (*aq tuu* 'белая гора'); Саракта (< *sary aq tuu* 'желто-белая гора'); Ак-бом (< *aq boom* 'белый выступ скалы'); Саргоба (< *sary qoby* 'желтый лог'); Кызыл-таш (< *qyzyl taš* 'красный камень'); Кызыл-ер (< *qyzyl eer* 'красная седловина'); Кызыл-кюдюр (< *qyzyl qudjur* 'красный солончак'); Чанкыр (< *čan-qyr*) 'голубая /гора/'; Сурайры (< *sur ajry* 'серая развилина'); Алтын-туу (< *altyn tuu* 'золотая гора'); Темир-алды (< *temir aldy* 'железная подошва горы', букв. 'железный низ').

Пятая группа включает названия гор, образованные по различным качественным признакам: Кырлан (< *qyrlan* 'гористое место', 'труднопроходимый горный кряж'); Кырлык (< *qyrlyq* 'гористый', 'имеющий грани'); Кырлу-тон (< *qyrluu tön* 'возвышенность, имеющая грани'); Межелик (< *meželik* 'курган', 'сопка', 'холмистость'); Таштукат (< *taštuu qat* 'каменистый слой'); Умак-таш (< *umaq taš* 'множество камней'); Кызык-таш (< *qyzyq taš* 'раскаленный камень'); Янкыр (< *djaan qyr* 'большая гора'); Болчок (< *bolčoq mees* 'круглая, шарообразная горка'); Сиregур (< *sürü qyr* 'остроконечная гора'); Бешпек (< *bešpek* 'пышная'); Юмалы

(< *djumaly* 'пушистая'); Адырту (< *adyr tuu* 'бугристая гора'); Чичке (< *čičke* 'стройная'); Кыйрак (< *qyjraq* 'кривая', 'кособокая'); Бош-туу (< *boš tuu* 'пустая гора'); Кынырар (< *qyŋyrar* 'звенящая', 'имеющая звонкое эхо'); Байлу-кем (< *bajluu kem* 'заповедная', 'священная река'); Иик-туу (*iik-tuu* 'жертвенная гора'//'гора-веретено'); Ширанда (< *šyra tuu* 'гора страдания, мучений'); Берт-боом (< *bert boom* 'крутой скалистый выступ с изгибом').

Шестую группу составляют названия гор, общие с гидронимами, находящихся вблизи рек, озер, порогов и т.д., например: Юлдуз-коль (< *djulduz kol* 'звездное озеро'); Толгуяк (< *tolgojoq* 'изгиб речки'); Бальтир-ойок (< *beltir ojoq* 'впадина у соединения рек'); Сал-кечю (< *sal kečü* 'переправа на плотах' букв. 'плот-переправа'); Салужар (< *saldjar* 'крутой берег реки'); Ярлу (< *djarluu* 'с высоким, отвесным яром'); Салюгем (< *sajluu kem* 'река с берегами, покрытыми галькой'); Артыбаш (< *arty baš* 'порожистое начало реки'); Кайнарты (< *qajnar arty* 'кипящий порог'); Аржан-туу (< *aržan tuu* 'гора с целебным источником'); Беш-иир (< *beš iirdüü* 'с пятью омутами, водоворотами'); Черлок (< *čorloq* 'капля').

Последняя, седьмая, группа включает названия, образованные по различным другим предметным признакам, например: Тугая (< *tuu qaja* 'горная скала'); Боочу (< *booču* 'горный перевал'); Кырашкан (< *qyr ašqan* 'переваливший через гору'); Тебек-кудюр (< *tebege qudjur* 'солончаковый подножный корм', 'тебеневка'); Элес (< *eles* 'силуэт', 'неясное очертание', 'призрак', 'мираж'); Чадарт (< *čadyr* 'гора-шатер'); Шавлы (< *šabyluu* 'имеющая подпругу', 'с подпругой'); Оркеш (< *örkös* 'верблюжий горб'); Оймок (< *ojmoq* 'гора-наперсток'); Шибе (< *šibee* 'крепость'); Шибелик (< *šibelik* 'крепостная гора'); Иртыш (< *er tiš* 'зуб великана'); Елдо-кат (< *djoldo qat* букв. 'на дороге ягоды'); Елдо-кобы (< *djoldo qooby* букв. 'на дороге лог'); Янгызкош (< *djaŋyz qoš* 'одинокий шалаш'); Бичикту-кая (< *bičiktüü qaja* 'скала с надписями'); Имеря (< *imajeri bežy* 'вершина горы с отметкой, со знаком').

Что касается структуры оронимов, то, как уже отмечалось выше, все названия гор разделяются на два основных типа: а) простые названия, состоящие из одного непроизводного или производного слова, б) сложные названия, состоящие из сочетания двух, максимум трех слов, где определяемое является номенклатурным термином, а определение указывает на его признак.

В односложных названиях гор наиболее часто встречаются следующие словообразовательные аффиксы:

-luu/-lüü *-duu/-düü* *-tuu/-tüü*, например: *soŋonoluu* 'изобилующая диким луком'; *maraldуu* 'изобилующая маралами', *tyttuu* 'изобилующая лиственницами' и т.д.

-lyq/-lik, например: *qyrlyq* 'гористый', 'имеющий грани' и т.д.

-ar/-er, например: *qyŋyrar* 'звенящий' и некоторые другие.

Для сложных названий гор – словосочетаний, характерны следующие модели:

а) сочетания – приложения, например: *ada-qaan* 'отец-хан';

б) сочетания, основанные на грамматической связи примыкания, например: *marčal qat* 'ягоды болотного растения марчал' *aq qaja* 'белая скала' и т.д.;

в) сочетания, основанные на грамматической объектной связи управления, например: *djoldo qat* 'на дороге ягоды' или *qyr asqan* 'перевалivший через гору';

г) сочетания имени с аффиксами словообразования, выражающими атрибутивную форму, например: *tytuu qooby* 'лог, изобилующий лиственницами' и т.д.

Выше указаны только наиболее продуктивные структурные типы словосочетаний, другие типы встречаются значительно реже отмеченных.

Итак, из краткого обзора основных структурных и семантических типов оронимов, встречающихся в Горном Алтае, можно сделать следующие выводы:

1. Основными признаками, избранными алтайцами для наименования гор, являются признаки, определяющиеся природными окружающими условиями, фауной и флорой гор, цветовыми впечатле-

ниями, различными качественными особенностями, характеризующими горы, а также соседним рельефом земной поверхности и в том числе озерами, реками, протоками и т.д., реже встречаются названия гор, связанные с наименованием людей, их коллективов (племен, родов) и их свойств.

2. В структурном отношении оронимы Горного Алтая представлены отдельными словами, производными и непроизводными по своему составу, а также словосочетаниями, между компонентами которых существует примыкание, атрибутивная безобъектная или объектная грамматическая связь.

Т. А. Бертагаев

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С выходом в свет толковых и двуязычных словарей, довольно полно отразивших лексику монгольских языков, мы получили возможность заняться этимологическим изучением словарного состава монгольских языков, начатым Б.Я. Владимирцовым полвека тому назад.

Одним из важнейших принципов этимологического исследования является установление семантической и фонетической преемственности сравниваемых слов.

Известно, что преемственность во многих случаях сопровождается такой модификацией как семантики, так фонетического облика корневой основы этимологически родственных слов, что они на синхронном уровне нередко кажутся чуждыми друг другу, на первый взгляд не сопоставимыми. Таковыми, например, нам представляются бур. *айрһан* 'творог' и общемонг. *хайр* 'песок', бур. *үйрмэг* 'истлевшее', 'превратившееся в прах', 'порошок' и бур. *үй* 'множество', 'толпа', 'скопище' и др.

Но семантико-фонетические законы изменения слов убеждают нас в их этимологическом родстве. Об этом свидетельствует их общий корневой семантический знаменатель (этимон) и общий корень. Скрытую же связь значений можно выявить, опираясь на данные истории материальной и духовной культуры, а фонетическую – путем установления закономерностей изменения звуков в данном языке.

А все это может проявляться в виде сходства этимологической дистрибуции элементов анализируемых слов. *ай//үй — айраг* 'квашеное молоко', 'кумыс'.

Корневое слово *ай* чаще всего встречается в языке народного творчества монгольских племен в значениях «бесчисленное количество», «множество», «тьма тьмущая», а также в сочетании с *түмэн* 'десять тысяч', *ай түмэн адуутай* 'бесчисленное множество лошадей (бур. табунов)'. Его абсолютный синоним представлен в виде лабиальной разновидности *үй* в идентичной дистрибуции: *үй түмэн адуутай*. Они часто замещают друг друга. Но значение 'множество' у них не первичное, а производное, подкрепленное словами, подобными *түмэн* 'десятки тысяч'. Для того чтобы сочетаться со словами типа *түмэн* и приобрести значение «бесчисленное», слова *ай (үй)* должны были располагать смысловой основой, потенциально готовой порождать приведенное выше производное значение.

Таким более первичным значением могло быть «что-то мелкое, мельчайшее»; «мелкие пылинки, частицы»; «труха», «порошок», «пыль» и т.д. [8], т.е. нечто, воспринимаемое как скопище, бесчисленное множество дробных единиц. И, действительно, производные глаголы от корневых слов *ай* и *үй* – бур., монг. *ай-ра-х* и *үй-рэ-х*, калм. *үі-р-х/орф.* үү *-р-х* (*-ра, -рэ* – суффиксы, образующие непереходные глаголы) соответственно означают 'разрушаться', 'осыпаться' (о чем-то мелком); 'рассыпаться' (на мелкие крупинки или частицы), 'измельчаться', 'превращаться в прах, в пылинки и мелкую труху' (о гнилом дереве и т.п.); ср. бур. *үйрмэг* 'порошок'; *үйрмэг алтан* 'золотой песок'; *үйрэгэй* 'крошки', 'осколки', 'раскрошенный', 'раздробленный', 'сыпучий' (о снеге); ср. калм. *үі-л-х* (орф. үүлх 'раздробить', 'размельчить' (калмыцкие примеры подсказаны мне Г.Ц. Пюрбеевым, научным сотрудником Института языкознания АН СССР).

К тому же слово *ай* в современном монгольском дает производные значения от первичного: «часть», «группа», «отдел» и т.п., соответственно, «в отдельности», «частями», «группами» и т.д. [7]. В последнее время *ай* стало употребляться в значениях «часть речи», «категория» и т.п.

От глагола *айрах* образованы в бурятском следующие слова: *ай-р-хай* 'раскрошенный', 'рассыпчатый', 'сыпучий', 'что-либо рассыпавшееся от сухости'; *айр-уул* 'сырки из творога', т.е. 'створоженный крупчатый молочный продукт'.

Нужно особо отметить, что того же происхождения и слово *ай-ра-г*, означающее у западных бурят «заквашенное рассыпчатое высушенное молоко», а у монголов и восточных бурят – «кумыс», иначе говоря «квашенное кобылье молоко», и как во всяком заквашенном молоке, и в кумысе имеются мелкие, рассыпчатые крупинки, створоженные частички. По этому признаку оно и получило наименование *айраг*.

Очевидно, того же корня *ай-маг* в значениях «группа», «поколение», «род», часть административной территории – «район»; линг. «раздел и отдельные области явлений, предметов», в современном монгольском «части речи»; ср. производный от него глагол бур. *аймаглах* 'разделять', 'группировать', 'собирать по группам и частям', 'районировать'. К ним же по всей вероятности по своему корневому элементу примыкает и *ай-л* в значениях 'группа семейь юрт (домов), хозяйств', небольшая община' и т.д.

По чередованию *г* и *й* можно причислять к тому же корню монг. *аг-а-р-ца* ~ *аа-р-ц* -- род творога из кислого молока, бур. 'крупчатый осадок кислого молока (*хүрэнгэ*) после варки' (из которого приготовляют напиток, настояв его на кипяченой воде).

В тюркских языках имеется глагол *ayïr-* 'разделить', 'разъединить', 'разделиться', 'лишить чего-нибудь', 'избавить', осм. *аіра* 'расходиться в разные стороны' и др.; этот глагол схож с упомянутым выше монгольским *айра-х*, и производные от осм. *аір: аі-р-ы* 'разделенный', 'отделенный', 'раздвоенный', 'ветвь, разделившаяся вилообразно' и др., в том числе *аір-ык* 'маленький ручеек, раздвоенный, деленый' и тому подобные образования [4]. Одного с ним корня, судя по монгольскому материалу, и *айран* 'питье из кислого квашеного молока'. Но в отличие от монгольских образований у них отсутствует первичная корневая основа *ай* 'скопище мелких частиц'.

Близкие значения находим в словах с корнем *хүй*, отличающимся от *үй* только инициальным согласным *х//к*, передко возникающим перед начальным гласным монгольских слов. Бур. *хүй* 'толпа', 'куча', 'скопище' (*үй* 'бесчисленное множество', 'множество', монг. *хүй* 'род', 'поколение' в значении «коллектив», 'скопище людей' (китайское *хүй* 'общество' – случайное совпадение), монг., бур. *хүй-лэ-х(э)* 'собираться стаями в одно место', бур. 'скучиваться', 'толпиться'; *хүй-р-мэг* 'россыпь' (осадочных пород), 'куча щебня'; ср. калм. *күі-р-х* (орф. *хүүрх*) 'дробиться', 'размельчаться', 'разбиваться на мелкие кусочки', бур. *хүі-р* 'моль' (т.е. 'превращающий в россыпь, в крохи; делающий пыль'), с переходом дифтонга *үй* в долгий гласный *үү* появляется монг. *хүү-рэ-г* 'хрупкий', 'легко крошащийся' (ср. монг. *үйрмэг//үүрмэг* 'рассыпчатый'), *хүү-рэ-х* 'разрываться', 'отрываться лоскутом', монг. *хүү-лэ-х* 'разрывать', 'отрывать клок, лоскут'; бур. *хүү-р-хэй* 'ломкий', 'хрупкий', 'продырявленный', 'пробитый', бур. диал. *хүү-р-г-э-дэ-һэн* 'пепел' (напр. из трубки курительной), бур., монг. *хүү-р* 'прах', 'труп'. По линии чередования передних и заднеязычных гласных к словам этого же корня примыкает общемонг. *хуц-р-а-х(а)* 'шелушиться', 'облущиваться', 'отдираться' и т.д. [его каузативная разновидность *хуц-л-а-х(а)*], возможно, и *хуц-р-ай* 'напильник', т.е. 'напиливающий в порошок'; бур. *хуц-р-гай* 'шелушение'. Наконец, монг. *хүй-л-а-х* 'накоплять', 'собирать' — *хүй* в биноме *хурал хүй* 'сборище', 'собрание' и т.п. [7].

Близкими значениями обладает и его акающая разновидность: монг. *хай* (ср. *ай*) 'частица чего-либо' (целого, единого) → 'знакомый', ср. выражение *хай хайгаа татах* 'знакомый тянет знакомого' (букв. 'частица тянет частицу'), монг. *хайл(а)* 'обрезать', 'подрезать', 'обтесывать', бур. *хай-да-һан* 'обрезки'; *хай-р* монг., бур. 'галька', 'щебень'; бур. диал. 'песок'; монг. *хай-р-га* 'мелкий гравий', *хай-р-с* 'чешуя' и др.

Тог-//мөг- → *мөөрөг* 'удача', 'судьба' — 'круг'.

Слово *мөө-р-ө-г* (← *мөгө-р-ө-г*) в монгольском и бурятском означает 'счастье', 'удача', 'судьба', 'предопределение', 'жребий'. Все эти значения связаны с одним стержневым значением

«счастье данное, а не добытое». В этом заключается суть проникновения в этимологическое значение этого слова: «счастье может быть предопределено божеством или же силой, независимой от того человека, которому оно предназначено». Если мы начнем этимологические изыскания приведенного слова с этой стороны, то натолкнемся на один весьма любопытный этнографический сюжет, который может нам подсказать ход развития значений в интересуемом нас слове. Шаманисты, в частности западные буряты, во время общественных жертвоприношений своим местным божествам, или эжинам (владыкам) и старцам данного округа, после разбрызгивания архи (архи – вид алкогольного напитка наподобие вина, выгнанного из кислого молока) бросают деревянную чашку (круглой формы), в которой находилось архи-вино, так, чтобы она вращалась вокруг своей оси во время полета и при этом восклицают: «*төөрөг!*», что означает 'пусть вращается, пусть кружится'. Чашка должна при этом вращаться «по солнцу». (Круг и окружность для шаманов имели магическое значение.) При таком вращении имеются шансы на то, что чаша упадет правильно, не опрокинувшись, т.е. ляжет на дно /3, 195/.

Если чаша упадет на дно, это означает, что божество приняло жертву молящегося, что оно будет относиться к нему благосклонно, и ему будет предназначено благополучие в семье, в хозяйстве и в жизни. Он поднимает чашу, молится, затем срывает клочок травы с того места, где так удачно приземлилась чаша, и затыкает эту траву с правой стороны за пояс в знак получения божественного знамения.

Весь этот процесс называется *төөрөг*. Следовательно, восклицание *төөрөг* 'Пусть кружится!', 'Пусть вращается!' приобретает новое значение – обозначение всего ритуала с чашей.

Этот обряд напоминает игру в орлянку: если чаша опрокинется и упадет дном кверху, то божество отнеслось к данному лицу неблагосклонно, и оно будет считать, что ему не повезло – *төөрөг муу байгаа*, или *төөрөггүй байгааб* 'тоорог был плохой', или 'оказался я без тоорог'. Это лицо будет искать своего божественного покровителя, и, обратившись к шаману, принесет

жертву своему покровителю, и на этом она может успокоиться. Удачное падение чаши породило выражение: *төөрөг абааб, төөрөгтэй болооб* 'получил свой тоорог', 'стал с тоорогом' или же *бурхан һаан төөрөг абааб* 'получил от бога свой тоорог'. Таким образом, слово *төөрөг* стало употребляться и в новом значении: «удача», «счастье» и «предопределенное благополучие», отсюда не так далеко до значений «судьба», «рок» и «жребий». В современных монгольских литературных языках первичные значения утрачены, сохранились даже не вторичные, а третичные значения: «рок», «судьба».

Слово *төөрөг* глагольного происхождения, имеет общий корень со словом бур. *төөрихө*, монг. *төөрөх*, означавшим вначале 'кружиться на одном месте', а в современном языке – 'блуждать', 'плутать' (заблудившийся человек обычно кружится на одном и том же месте).

Глагол *төөрөх*, в старописьменном *төгөрихү*, таким образом, утратил первичное значение и бытует в современных языках во вторичных значениях, а производный от него глагол ст. письм. монг. *төгөригдэх* 'приходить в беспорядок, в смятение и т.д.' имеет уже третичное значение. Первоначальное значение сохранилось в следующих производных его образованиях: ср. ст. письм. монг. *төгөригләхү* 'делать круглым', 'окружать', 'округлять' от *төгөриг* 'круг', 'кружок', 'круглый' (← 'остов дуги лука', еще не оклеенного роговыми пластинками), монг. *төг-рө-г* ~ бур. *төх-ө-рө-г* 'круглая серебряная монета' (← бур. 'рубль', монг. 'тугрик' (денежная единица).

Чередование *г* с *j* дает корневую основу *той-* в монгольских словах: *той-ро-х* 'окружать', монг. *той-ро-г* 'окружность', 'округа', 'орбита'; перен. *той-м* 'обзор', 'обозрение', монг. *той-г*, бур. *той-н* 'коленная чашечка' (круглая по форме); *той-мо-г* 'комолый' (округлый); монг. *той* 'свадебный пир' (на котором сидят, образуя круг) и т.д.

К этому ряду относятся и бур, диал., монг. *тоо-но* 'круглое отверстие в крыше юрты для дыма и света' → бур. лит. 'крышка для закрытия отверстия в юрте'; бур. диал. *тоо-м-то* ~ бур. лит.

тоо-н-то ‘место для закапывания материнского последа’ (прежде чем закапывать, чертят круг) ⟶ ‘место рождения’, наконец, *тоғоо-(н)* ‘котел’ (в виде полушария) и т.д.

Ср. бур. *төө-рэ-бшө* ~ *төө-рө-бшө* ~ *той-ро-бщо* ‘круглая конусообразная шапка с загнутыми вверх и пришитыми краями’, а в западных диалектах *төө-рэ-бшэ малгай* ‘женская круглая шапка с плоским верхом’, зап. бур. *төө-р-сэ-г* ‘круглая низенькая посудина, в которой отстаивают молоко’ монг. *тоо-р-цо-г* ‘ермолка’, ‘цветочная чашечка’, *тоорцог хэнгэрэг* – род барабана круглого. Чередование гласных и дифтонгоида *төө-р* ~ *тоо-р* ~ *той-р* дает глагол *той-ро-х* ‘окружать’, ‘обходить’ и производные от него *тойруу* ‘окружной’; *тойрон* ‘вокруг’; ‘окрестности’, ‘округ’; *тойрог* ‘окружность’, ‘орбита’, ‘округ’ и др.

Первичное значение слова *төөрөг* ‘пусть кружится, вращается’, ‘круг’ подтверждается рядом родственных корневых слов с разными чередующимися звуками: со звонким зубным согласным и с узким лабиальным переднего ряда *дүг-рэ-г* ‘круг’, ‘что-либо круглое’; а с заднеязычным лабиальным гласным *дуг-а-ри-г* ‘круглый’, ‘круг’, ‘окружность’; монг. *дуг-а-раа,* бур. *дух-а-р'ан* ‘круговая чаша’; монг. *дуг-уй* ‘круг’, ‘колесо’ ← *дуг-уй-лан* ‘кружок’, *дуг-уй-ра-х* ‘образовать круг’ и т.д.

Он ‘год’ и *онгон* ‘первооснова’, ‘первозданность’, ‘дух’. Слово *он* ‘год’ в современных монгольских языках – однозначное слово, в то же время оно является корневым, варьируемым фонетически в отдельных монгольских языках КНР и древнемонгольском языке, где появляется инициальная придыхательная согласная *х* и *h*: *хон* и *hон*.

Однако в ряде диалектов, в частности бурятского языка, оно не осмысливается в значении «год», то есть отрезка времени в двенадцать месяцев, как, например, его синоним *жил* или *јил* ‘год’. Скорее всего в диалектах он – некое начало какого-либо отрезка времени, имеющее отношение к хозяйству или хозяйственной деятельности. В разговорной бытовой речи, в диалектах, слово он имеет очень ограниченную валентность и встречается чаще всего, например, в выражении: *модоо јилдэ адаһантай хэр ондо орово?*

'Как в этом году скот ваш вступил в «он»?' Очевидно, имеется в виду вступление после зимнего и ранневесеннего периода в новый, весенний сезон. Сочетание *онд орох* встречается и в монгольском языке. Наряду с этим находим его в составе сложных бурятских диалектных слов *нодендо, ножиндо* 'в прошлом году', *уржанда* 'в позапрошлом году' и т.д., а также в парном синонимическом сочетании *он жил* 'год'.

Оно же, очевидно, употребляется в сочетаниях: монг. *он тусам* в значениях 'расстояние полета стрелы по горизонтали и по вертикали' (у. Цэвэл'а – *харвалга хүрэм газар; дээш оргон харвасан сумны хүрэм газар*), а также 'мера измерения дальности расстояния'; в монгольском сочетание *он тавих* идентично выражению *шав тавих* 'расставлять меты (знаки) для установления предела своего участка или усадьбы, где будет размещена юрта'.

Слово *он*, таким образом, употребительно также в значении 'отрезок', как во временно́м, так и в пространственном смысле.

Укажем еще на одно окружение, которое выводит значение слова как бы за пределы семантической сферы, приведенной нами выше.

В монгольском бытовом языке существует такой номинант-сочетание с определяющим словом *он*: *он цаг*, что означает по Цэвэл'у *өвөл хаврын хатуу цаг* 'трудное время зимы и весны'; *он цагт тарган оров уу* букв. 'в трудное время (скот) упитанным вступил'– выражение, равное вежливому обращению к собеседнику: 'благополучно ли живете?'

Значит, со словом он ассоциируется представление и о самом трудном, исключительно тяжелом отрезке времени.

Антонимом *он* в этом значении является вариант его в переднеязычной губной огласовке *өн*, означающий 'обильное кормами время'(«зима с кормами, лето без засухи»).

Разновидностью *он* при чередовании конечного носового *н* и среднеязычного *й* является *ой* 'годовщина', точнее в монгольском 'начало или дата наступления нового отрезка времени'. В бурятских диалектах *hуй//hүй – hуй-н-доо* или *hүй-н-дөө хүрхэ* имеет значение 'достигнуть одного года со дня рождения с ини-

циальным придыхательным согласным *h* и узким гласным *y* и ү. (В литературном бурятском *ой* заимствовано из монгольского языка.) В представлении бурят *hуй*, вернее, *hуй-н-д-оо* в форме омертвевшего датива на *-д* с возвратной частицей *-оо* (в ином виде не наблюдается), только и означает 'годичный возраст' или 'возраст грудного ребенка', или 'начало жизненного пути', 'первооснова'. Вообще-то и *он* имеет значение 'первоначальный отрезок времени', 'первооснова'. А его значение «меры последовательно проходящего времени или летосчисления» более позднего происхождения, судя хотя бы по тому, что в маргинальных говорах бурятского языка оно лишено такого смысла.

Следовательно, слово *он* и его семантическое поле осмысливается в понятиях «первичность», «начало», «первооснова какого-то отрезка времени», отсюда впоследствии «кусочек времени, в течение которого содержится скот», «сезон» → «год». И нам представляется, что корневая основа его заложена в слове монг. *он -ин* → совр. монг. *онь* в значении 'начало', 'первооснова времени', 'первоначальное время' (*анх үе* у Цэвэл'а), или 'начало какого-либо действия': *хөдлөхийн онин дээрэ* 'в начале движения'. Далее находим ее в слове *он'-и-со* 'первооснова чего-либо', 'начало чего-либо', 'сущность', 'суть' и т.д. *ь юуны өмнө аливаа үзэгдлийн оньсыг олох хэрэгтэй* 'прежде всего найти первооснову (сущность) всякого явления'; затем уже прослеживается значение 'сущность предмета, его первооснова' → 'механизм чего-либо' → 'пружина' → 'затвор' → 'загадка' в деривативе *он-и-со-га*, совр. монг. *он-с-го*. И во всех производных образованиях от *онь* и *оньсго*. В явном родстве с ним и монг. *он-ч* 'суть', 'сущность', 'смысл'.

Несомненно, *он-* лежит в основе монг. *он-ц-гой*, бур. *он-согой* 'единственный', 'одиночный'; бур. *онсогой модон* 'дерево-одиночка' (в степи); 'отдельный', 'особенный', 'исключительный в силу единичности' и в совр. монг. *он-ц*, бур. *он-со* 'особый', 'обособленный', 'особенный', 'отличный', 'выделяющийся' и т.д. Ср. *онцгойрох* 'уединяться', 'обособляться', 'выделяться', *онцгойдох* 'оказываться слишком уединенным' и т.д.

Примыкает к ним и *он-о-вч* ‘определенность’, ‘обособленность’, ‘единичность’, ‘конкретность’, ‘целесообразность’, ‘благоразумие’ и т.д.

По акающей огласовке сюда же относится и *ан-х* ‘сперва’, ‘вначале’. Можно усматривать присутствие *он* даже в акающем варианте с инициальным заднеязычным придыхательным звонким *г* в слове *г-ан-ц* ‘единственный’, ‘одинокий’.

Итак, семантическое окружение (дистрибуция) корневого слова *он* – значения ‘первооснова’, ‘первоначало’, ‘начало’, ‘первичная сущность’ и т.д.

А это нас подводит к многозначному и важному в религиозных и иных представлениях монгольских племен слову *он-гон*. Слово это вначале означало ‘первичный’, ‘первоначальный’, ‘первозданный’, ‘девственный’, ‘нетронутый’; эти значения действительны и в современном монгольском языке. Ср. бур. *онгон хирбээ дайда* (фольк.) ‘первозданная девственная природа’; монг. *онгон тал* ‘девственная нетронутая степь’; монг. *онгон үс*, бур. *онгон үһэн* ‘седые волосы от рождения, от природы, с самого начала’; монг. *онгон дэл* ‘нетронутая нестриженая грива у лошадей’, бур. диал. *онгон һайхан дайдам* ‘прелестная первозданная моя земля’ и т.д. Ср. с ним калм. *ун-г* ‘начало’, ‘исток’, ‘корень’, ‘изначальный’, ‘первозданный’; ‘род’, ‘поколение’. Все первичное, первозданное, или первооснова, почиталось предками монгольских племен, и потому они были священными – монг. *онгон уул* ‘священная гора’. Здесь, вероятно, более позднее осмысление в связи с эдзенами или эджинами, владыками гор. Слово *онгон* в значении ‘первооснова’, ‘первичность’, затем в значении ‘предок’, т.е. ‘первооснова происхождения человека’ существовало в самой глубокой древности (не говоря об *он*), что доказывается тем, что слово *онгон* было связано с религиозно-мистическими представлениями монголов и обозначало животного тотема-предка /2, 138/.

У западных бурят и некоторых других монгольских племен существует почитание козла, быка, коня, медведя как онгонов, т.е. предков-животных: *тэхэ онгон* ‘козел онгон’, *үхэр онгон*

'бык онгон', *морин онгон* 'конь онгон' [3, 185], *баабгай онгон* 'медведь онгон' и др.

Не следует смешивать с *онгон тэхэ, онгон морин* и др. Это позднейшее явление – 'козел, конь, посвященный онгону' (об этом пойдет речь ниже).

Почитание матери, ее первородства, впоследствии отца со временем трансформировалось в культ духов предков. Как правильно отмечает Д. Банзаров, «первоначальное простое почтение к предкам подвергалось искажению и породило онгонов» [1, 83]. Так возникло представление о духе предков, особенно о духе предков-шаманов и разных заянов (ангелов, святых), порожденных шаманистической мифологией. Таким образом, в слове *онгон* возобладало значение «дух предка-шамана или заяны», и оно стало идентичным значению слова «дух».

В его семантическое поле входят производные от него или тем или иным способом связанные с ним значения. Посвящаются духу животные (это известно уже со времен Чингисхана): козы, кони, быки, а также рабы; *онгон боол* [5, 166-173], *онгон тэхэ* 'онгон коза', *онгон морин* 'онгон конь', *онгон үхэр* 'онгон бык'. У бурят и у монголов, очевидно, было животное, посвященное духу. Это животное становилось священным, неприкосновенным, пользовалось полной свободой и доживало до естественной смерти. Труп животного, чаще всего коня, поднимали на помост, специально устроенный для захоронения. Вероятно, и онгон-раб пользовался полной свободой, был неприкосновенным.

Теперь уже дух-онгон, отторгнутый от материального тела, функционировал самостоятельно, почитался как божество, этот дух мог быть призываем и мог воплотиться временно в живого шамана для того, чтобы предсказывать судьбу людей и предвидеть их будущую жизнь. Это называлось *огно орулаха* 'заставить дух войти в шамана'; с этой целью старики во главе с шаманом совершали обряд *дуудалга* 'клич, призыв (духа)'. Шаман с тростью ходил взад-вперед в сопровождении хора стариков, призывая духа, постепенно он приходил в экстаз, вдруг падал плашмя, и это означало, что дух, внемля призыву, вошел в шамана, последнего поднимали и начиналось камлание.

И наконец, буряты рисовали схематически, условно в виде разных человеческих фигур духов-онгонов, и эти рисунки вкладывали в специальные деревянные ящички, помещенные в выдолбленных столбах, или подвешивали ящички под потолком юрты, амбара и навеса. И это изображение, которое можно сопоставить со славянским идолом, тоже называлось «онгон» /6/.

Такова история развития значений слова *онгон*.

Литература

1. Банзаров Д., Собрание сочинений, М., 1955.
2. Зеленин Д.К., Культ онгонов в Сибири, М.-Л., 1936.
3. Манжигеев И.М., Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960.
4. Радлов В.В., Опыт словаря тюркских наречий, т.I, СПб., 1893.
5. Рыгдылон Э.Р., О монгольском термине онгу-богол, – «Филология и история монгольских народов», М., 1958.
6. Хангалов М.Н., Собрание сочинений, т.I, Улан-Удэ, 1959.
7. Цэвэл Я., Монгол хэлний товч тайлбар толь, Улаанбаатар, 1966.
8. Черемисов К.М., Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951.

Т.А. Гуриев

ТОПОНИМЫ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Поражает пестрота топонимических названий в Северной Осетии: здесь мы обнаруживаем редкое собрание топонимов, весьма различных по своему происхождению, что объясняется, прежде всего, географическим положением этой горной страны. Кавказские горы издавна служили убежищем для всех тех народов, которые «по историческим обстоятельствам искали защиты от нападений более сильных народов, для всех тех, которые были оттеснены к югу и попали как бы в тупик, в пространство, которое обведено естественными труднопреодолимыми границами» [12, 195]. Сюда уходили остатки многих разгромленных в степной и предгорной зоне племен, весьма различных по языку, культуре, антропологическому типу и т.д. Кроме того, необходимо учитывать выгодное положение Осетии, с древних пор привлекавшее внимание многих повелителей воинствующих племен.

Все это привело, в частности, и к тому, что в топонимике Осетии выявляются элементы десятков языков. Имеется также довольно значительная группа топонимов, которые при теперешнем состоянии науки вообще не поддаются объяснению. Надо полагать, что объяснить какую-то часть этих загадочных названий будет очень сложно, так как в них могли отложиться лексические элементы исчезнувших языков давно ассимилированных народов.

Мы рассмотрим несколько интересных случаев отражения монгольского влияния на топонимику Осетии.

Прежде всего необходимо отметить двоякий характер этого влияния: непосредственное и через осетинский язык. Эта двойст-

венность, несмотря на некоторую нечеткость и относительность, имеет важное методическое значение. Когда мы говорим о непосредственном влиянии монгольского языка на формирование топонимики Осетии, мы имеем в виду такие названия, которые состоят из монгольских элементов и фактически не этимологизируются жителями данного края, т.е. являются тополексемами, «ничего иного не обозначающими, кроме объектов, за которыми закрепились» [19, 36-37]. В центре нашего внимания должны быть именно такие тополексемы монгольского происхождения. И, наоборот, мы не будем рассматривать топонимы, образованные из осетинских слов монгольского происхождения. Например, при помощи слова *адаг* 'балка', 'овраг', 'низина', 'русло' и т.п., восходящего к монгольскому *адаг* 'устье', 'низовье' и т.п., образованы десятки названий. Оно и в наши дни служит для образования все новых и новых топонимов. И, разумеется, такие названия непосредственного отношения к теме нашей статьи не имеют.

Одним из наиболее интересных названий является Нар. Эта тополексема встречается как название горных аулов в Дигории. Кроме того, этот элемент входит в названия ущелья, реки, местности и т.д.; ср. *Нар* – название местности, *Нарæм* 'ущелье Нар', *Нары-дон* 'река Нар' (впадает в р. Ардон). Тот факт, что данный топоним встречается в районах обитания носителей иронской и дигорской речи, не может быть случайным. Видимо, в Алании (прежнее название страны аланов-осетин) присутствовал этнический элемент, на языке которого *нар* имело определенное значение. Со временем этот этнос растворился в местной среде, топоним перестал быть понятным и превратился в тополексему. В свое время В.И. Абаев объяснил это название из монгольского *нара* 'солнце' и, стало быть, *Нары хъäу* значит «Аул солнца» [3, 90].

Нас не может не заинтересовать слово *нарон* 'нарец'; оно выходит за пределы соответствующего морфологического ряда, являясь своего рода исключением. В осетинском языке термины, обозначающие жителя или выходца из того или иного места, всегда образуются при помощи суффикса *-аг*. Данное правило универсально и, кажется, не знает исключения, кроме указанного. Ср.

например: *Лац* 'Лац' (название аула) – *лацаг* 'лацец', *Хъобан* 'Кобань' (название аула) – *хъобайнаг* 'кобанец', *Захъа* 'Зака' (название аула и местности) – *захъа-й-аг* 'закец', *Куырттат* 'Куртат' (место в горах) – *куырттатаг* 'куртатинец' и т.д.

Можно было бы слово *нарон* сопоставить по формальному признаку (суф. *-он*) с несколькими словами, обозначающими племя или народ; ср. *ирон* 'ирец', 'осетин', *дыгурон* 'дигорец', *касгон* 'косог', 'кабардинец', *махъалон* 'маколец', 'ингуш'. Однако указанными примерами исчерпывается список слов на *-он*, обозначающих племенную принадлежность или происхождение. Во всех прочих случаях осетинские этнонимы имеют на конце суффикс *-аг*. Ср.: *асиаг* 'асинец', 'балкарец', *сомихаг* 'сомихец', 'армянин', *гуырдзиаг* 'грузин' и т.д. Следует также учесть, что в исторических документах мы нигде не находим упоминания о племени с таким названием.

Можно полагать, что *Нарон* < *наран* является изначальной формой. Таким образом мы приходим к монгольскому *наран* 'солнце', конечное – *-ан* совпало с алано-осетинским суффиксом *-ан -он*. Это привело к деэтимологизации данного слова, теперь уже имеющего «внутреннюю форму». Как видим, топоним Нар восходит к *Наран* > *Нарон*, а не наоборот.

Очень интересным топонимом является Даргавс (осет. *Дӕргъӕвс*). В Даргавсе располагается, в частности, уникальнейший памятник средневековья – некрополь, состоящий из нескольких десятков хорошо сохранившихся склеповых сооружений. Некрополь Даргавс – это целый комплекс неразрешенных задач. В научной литературе высказаны различные, подчас исключающие одна другую, гипотезы о происхождении, датировке и архитектурном стиле склеповых сооружений Даргавса.

В прошлом веке были сделаны попытки этимологизировать название Даргавс. Доктор В. Пфаф считал, например, что оно повторяет название древнего города Тархонитис близ Дамаска в Сирии и обозначает «Судейский город» [15,97]. Предположение В. Пфафа не находит никакого исторического подтверждения, не говоря уже о невозможности *даргъавс* < *тархонитис*. Несостоя-

тельной оказалась и попытка графини Уваровой объяснить данное название из осетинского *дуарӕс* 'привратник', защитник /ущелья/' и т.п. /20,104/.

Мы уже писали о нашем опыте объяснения загадочного топонимического названия Даргъавс /7/. Мы усматриваем в данном топониме монг. *daruga* > *darga* 'начальник', 'предводитель', 'староста' и т.д. и *avs/aвs* 'гроб' и т.д. Никаких фонетических препятствий для *daruga* *darga* + *avs* = *dargavs* (*даргъавс*) мы не видим. Данная этимология не противоречит и экстралингвистическим фактам. В Даргавсе расположены известные гробницы, внушительные размеры и тщательная отделка которых подсказывают, что перед нами не рядовые захоронения, а усыпальницы для неизвестных нам представителей привилегированных сословий /10; 6/. Нельзя игнорировать и тот факт, что местность Даргавс изобилует могильниками, наиболее ранние из которых датируются VII в. /16,98/. По нашему мнению, название Даргавс первоначально принадлежало только некрополю (или другим могильникам), а затем перенесено на местность, ущелье, близлежащий аул. Мы можем только строить догадки, почему данная местность носит монгольское название, а не осетинское.

Достоверно известно, что предводители аланов-осетин на монгольской службе носили титул дарга. Например, в начале XIV в. аланский военачальник Фодим был назначен дарга. По этому поводу у Ю.Н. Рериха сказано: "Fou-din fut nomme «Darga» ou chef d'etat major du flanc droit du corps d'armee de la Guarde des Alanes" /23,245/.

Возможно, в данной местности была выстроена гробница (или гробницы) для аланских предводителей, состоявших на службе у монголов. Такое предположение не беспочвенно. Монгольские правители не игнорировали существовавших народных обычаев; они ловко использовали их в своих целях. В данном случае это относится и к аланскому обычаю хоронить на родине всех умерших или погибших в далеких странах. История донесла до нас любопытное известие об одном таком историческом прецеденте, хотя подобных случаев, было, несомненно, много. Из хроники вре-

мен нашествия монгольских войск в Аланию узнаем, что правитель (один из князей) этой страны Арселан после поражения вместе с сыном Асланджеком явился в лагерь к победителю и изъявил свою покорность. Монгол выдал Арселану грамоту на управление народом Асу, но половину войска Арселана забрал себе в гвардию, а остальную половину оставил при нем для защиты его владений. Асланджен был взят ханом Мангу, но вскоре был убит в сражении с возмутившимися войсками Шерхью (?). Мангу приказал бальзамировать его тело и отправить на родину /8,72/. Надо полагать, что этот аланский (асский) дарга был похоронен с большими почестями. Монгольский хан знал обычай аланов-асов и построил на этом свой расчет. Благодарный царь аланов, услышав о смерти своего сына, сказал: «Старший сын мой рано погиб, не успев сослужить службу императору. Вот второй мой сын, Негулай, предлагаю его Вашему величеству» /8,73/.

Мы не утверждаем, что в Даргавсе покоятся останки именно Асланджена, хотя нельзя исключать и такую возможность. Поскольку большинство феодалов (алдаров) перешло на сторону монголов и на монгольской службе оказались десятки тысяч аланских воинов, постольку можно думать, что похороны асских дарга в Алании были не редкостью. Поэтому не удивительно и наличие данного топонима в Осетии /6/.

Унал – название горного аула, расположенного по дороге в Нар, рассматривается как явный монголизм, оно не отделимо от монгольского *unal* > *унал* 'падение', 'упадок' и т.п. Можно думать, что название этого горного аула наследует название местности. Вообще месторасположение аула Унал вполне оправдывает свое название: ясно видны следы земляного обвала и наносов. Монгольскому *унал* в осетинском часто соответствует *лабырд*, слово, многократно встречающееся в топонимике горной Осетии.

Тюрко-монгольские элементы ярко представлены в топонимах района древнего города Татартуп, у выхода реки Терек в степную зону. Впрочем, этого и следовало ожидать, так как здесь находился крупный культурный центр Алании, который в течение долгого времени был местом пребывания монгольских полковод-

цев и даже ставкой ханов Золотой Орды [17,15-16]. Уже один факт переименования древнего аланского города в Татартуп, где легко выделяется этноним татар, свидетельствует о сильном татаро-монгольском влиянии в этом районе. Бывший город Татартуп расположен на левом берегу реки Терек. Если на одном берегу реки местность и городище связывались с этномимом татар, то не исключается, а скорее предполагается, что где-то вблизи должно было существовать другое поселение, в названии которого отложился этноним другого племени. Такой топоним действительно имеется: на правом берегу реки Терек мы находим название Елхот, состоящее из этнического названия *ел/ер* > *ир* 'осетины', 'иры', 'осетинский' [5,124] и монг. *хот* 'город', 'стойбище' и т.п. Л.И. Лавров полагает, что первая часть названия Елхот – *ел/эл* – означает на языке балкар «селение» [11,210]. Для элемента *хот* автор объяснения не дает. Принятию гипотезы Л.И. Лаврова мешает вариант этого названия в Южной Осетии – Ерхот – и распространенность элемента *ер* в ряде топонимических названий; ср., например, Ерман, Ехцъо и др.

Если наше разъяснение топонима Елхот верно и состоит из самоназвания осетин – иронцев и монгольского *хот*, то значение всего топонима будет 'ерское, осетинское селение'. Данное разъяснение не лишено географичности: на одном берегу реки расположился татарский стан, а на противоположном – ерское селение. Можно было бы предложить монгольское объяснение и для элемента *ел/ер* в Ел-хот, однако по указанным выше соображениям более предпочтительно связать его с самоназванием осетин-иронцев. Это тем более вероятно, что все топонимические названия с элементом *ел/ер* локализуются в районах обитания носителей иронской диалектной речи.

Из прочих топонимов данного района наиболее интересными представляются *Кӕрдзын* – Карджин и *Бӕрӕгъуын* – Барагун. Название *Кардзин* (Карджин) напоминает топоним монгольского происхождения *Kardchin*, отмеченный профессором В. Минорским в Курдистане и связываемый с монгольским собственным именем [22,77] /Полагаем, что топоним Кардзын не имеет отношения к слову *кӕрд-*

зын 'хлеб не-пшеничный' (ячменный, кукурузный, просяной и т.д.)/. Перед нами два омонима. Впрочем, топоним *Кӕрдзын* может восходить и к *гар-зуун* 'восточная сторона' (см. ниже).

Бӕрӕгъуын (Барагун) первоначально принадлежал местности у реки Терек, а совсем недавно, в начале 20-х годов, название *Барагъуын* приняло новое селение. (Иначе оно называется «Красногор».)

Топоним *Бӕрӕгъуын* не этимологизируется на материале осетинского и соседних языков, но он не отделим от монгольского *baragun* > *baruun* в значении 'правый', 'западный' /4,238/. Местность получила это название, по всей вероятности, в монголоязычной среде. Не может быть сомнения в том, что значение этого топонима связано с местом расположения относительно реки Терек. Но дело в том, что местность *Бӕрӕгъуын* расположена не на правом берегу реки, а на левом, хотя и на западном. Как же в таком случае оправдать данное топонимическое название? Нет ли здесь противоречия?

Для правильного разрешения кажущегося противоречия нам необходимо обратиться к другим фактам. Прежде всего укажем, что топонимическое название Барагун > *Баруун* многократно встречается на карте Монголии /21,132-133/.

Следует учесть, что монгольские племена имеют свое понятие лицевой стороны, не совпадающее с соответствующим понятием у европейцев. Монголы имеют «южную ориентировку», что создает специфическую «синонимичность понятий» /13,31/.

Известный русский путешественник и исследователь XIX в. Н. Пржевальский писал по поводу понятия лицевой стороны у монголов: "Из обычаев монголов путешественнику резко бросается в глаза их обыкновение всегда ориентироваться по странам света, никогда не употребляя слов «право» или «лево», словно эти понятия не существуют для номадов. Даже в юрте монгол никогда не скажет, с правой или левой руки, а всегда на восток или на запад от него лежит какая-либо вещь. При этом следует заметить, что лицевою стороною у номадов считается юг, но не север, как у европейцев, так что восток приходится левою, а не правою стороною

горизонта" [14,44-45]. В данном факте отразилась многовековая традиция скотоводческого племени, в частых передвижениях которого единственным ориентиром служило солнце в зените.

В свете сказанного становится совершенно ясным, почему рассматриваемый топоним закрепился за местностью на западном берегу реки Терек. Не исключено, что название Барагун имело характер противопоставления топониму, отражавшему понятие «восток», «восточная сторона». В этой связи считаем возможным обратить внимание на топоним *Кӕрдзын*, о котором писалось выше. Возможно, *Кӕрдзын* восходит к *gar-zuun* > *гар-зуун* из *зуун-гар* 'левая рука', 'восточная сторона'. Подобная перестановка частей слова не может быть исключена (ср., например, *Хъандзаргас* 'Кандзаргас' из *Хъан-Ченгес* 'Чингизхан'. По мнению В.А. Абаева, перестановка частей слова отвечает нормам того времени [2,46]. Если бы наше предположение оказалось верным, то мы бы получили еще одно поразительное подтверждение долговечности и мотивированности топонимов: на одной стороне реки местность носит название *Бӕрӕгъуын* западная сторона', а на противоположном – *Кӕрдзын* < *гар-зуун* из *зуун-гар* 'восточная сторона'.

В любом случае, значение топонима Барагун говорит о монгольском влиянии. Нельзя не согласиться с Ю.А. Карпенко в том, что семантика топонимического названия, признак, по которому дается наименование, слово, образующее топоним – «это все существенно для населения лишь в момент образования, рождения топономического названия. Затем эта семантика из топономического названия быстро выветривается» [9,48].

Поскольку топоним Барагун не связан в сознании осетинского населения с понятием «запад», «западная сторона», и вообще не имеет никакого иного значения, кроме топонимического, постольку приходится рассматривать его как тополексему. Это значит, что осетинское *Бӕрӕгъуын* имеет с монгольским *барагун* 'запад', 'западная сторона', 'правая' лишь этимологическую связь, т.е. оно фактически перестало быть тождественным самому себе, своему первоначальному содержанию. Факт потери своего первоначального значения и превращения названия в тополексему ос-

лабляет не только данное топонимическое название, но полностью игнорирует его связи с другими топонимами, с которыми оно было связано. Вообще исчезновение первоначального значения делает топоним неустойчивым, и, следовательно, подверженным замене или изменению. Такую участь могла иметь и гипотетическая тополексема *зуун-гар* > *гар-зуун* (> *Кардзын?*), которая могла быть в употреблении в момент появления *Бäрäгъуын*.

Монгольское *gonggor* 'впадина', 'котловина' отложилось в топонимическом названии *хъонгъур адаг* 'конгур овраг', служащем обозначением пастбища недалеко от Задалеска в Западной Осетии [5, 96]. *Хъонгъур* в настоящее время не входит в словарь, и мы можем полагать, что указанный топоним появился в средние века. Второй компонент *Хъонгъур адаг* также монгольского происхождения, но появление его в данном сочетании кажется избыточным. Не исключено, что слово *хъонгъур* было в периферии осетинского словаря, но со временем было забыто, это могло вызвать необходимость в поясняющем слове *адаг* 'балка', 'овраг', 'низина' и т.д.

Как видно из изложенного, топонимические названия монгольского происхождения отмечаются в разных районах Северной Осетии, в том числе и в высокогорных.

Эти факты наряду с отражением монгольского влияния в осетинской фамильной номенклатуре, лексике, фольклоре и т.д. свидетельствуют о глубине алано-монгольских контактов, а также о присутствии монголоязычного элемента в Осетии, ассимилированного в местном алано-осетинском этносе.

Литература

1. Абаев В.И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958.
2. Абаев В.И., Историческое в нартском эпосе, – «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949.

3. Абаев В.И., Нартский эпос, – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. X, 1945.
4. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
5. Гуриев Т.А., Несколько замечаний об этническом термине «ir», – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. XXIII.
6. Гуриев Т.А., Опыт объяснения топонима «Даргавс» в Северной Осетии, – «Ученые записки СОГПИ», Орджоникидзе, т. XXVII, вып. I.
7. Гуриев Т.А., Тюрко-монгольские элементы в топонимике Осетии, – журн. «Махдуг», 1964, № 5.
8. «Живая старина», СПб., 1894, № 1.
9. Карпенко Ю.Н., О синхронической топонимике, – «Принципы топонимики», М., 1964.
10. Кокиев Г., Склеповые сооружения горной Осетии, Владикавказ, 1928.
11. Лавров Л.И., Эпиграфические памятники Северного Кавказа, т. I, М., 1966.
12. Миллер Вс., Черты старины в сказаниях и быте осетин, М., 1882.
13. Мурзаев Э.М., Основные направления топонимических исследований, – «Принципы топонимики», М., 1964.
14. Пржевальский Н.М., Монголия и страна тангутов, т. I, СПб., 1875.
15. Шфаф В.Б., Этнологические исследования об осетинах, – «Сборник сведений о Кавказе», т. II, Тифлис, 1872.
16. Ячелина Е., Крепость Зильде-Машиг, – СЭ, М.-Л., 1934, № 3.
17. Семенов Л.П., Археологические разыскания в Северной Осетии, – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. XII.
18. Семенов Л.П., Татартупский минарет, Дзауджикау, 1947.
19. Серебренников Б.Н., О методах изучения топонимических названий, – ВЯ, 1959, № 6.

20. Графиня Уварова, Могильники Северного Кавказа, – «Материалы по археологии Кавказа», VIII, М., 1900.
21. Heissig W., Uber Mongolische Landkarten, T. 1, Peking, Vetch, 1944.
22. Minorsky V., Mongol place-names in Mukri-Kurdistan, – "Mongolica", 1957, № 4.
23. Roerich G., Le troupes alanes a l'epoque mongole, – Ю.Н. Рерих, Избранные труды, М., 1967.

Библиографические сокращения

ВЯ – «Вопросы языкознания».
СОГПИ – Северо-осетинский государственный педагогический институт.
СОНИИ – Северо-осетинский научно-исследовательский институт.
СЭ – «Советская этнография».

Д. Г. Дамдинов

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Монголоязычные народы являются, прежде всего, кочевниками, основным занятием которых было экстенсивное животноводство. Однако еще с древних времен эти народы занимались также и земледелием.

С древнейших времен монголы собирали съедобные растения, коренья трав, плоды и ягоды дикорастущих деревьев и кустарников. При добыче кореньев пользовались примитивной копалкой, которая впоследствии изготовлялась с уступом для нажима ногой. Возможно, что усовершенствованный вариант этого инструмента сохранился у монгольских народов до настоящего времени: *гаһана//гадаһан* 'палка с железным наконечником для выкапывания кореньев саранки' [41; 357].

Сбор съедобных растений и кореньев был характерен не только для монгольских народов, но и для саяно-алтайских племен (шорцев, алтайцев, челканцев, тубаларов, темуров, сагайцев, качинцев, карагасов, сойотов, кумандинцев и др.). Они тоже пользовались корнекопалкой *(ozup, oгър)* [30, 76-77; 29, 149-151].

Совершенствование орудий сбора диких растений и плодов постепенно привело к возникновению мотыжного земледелия. Известно, что в эпоху неолита появилось первое примитивное земледельческое орудие – мотыга [19, 108], которое, очевидно, не имело широкого распространения у бурят.

В языке монгольских народов сохранились названия съедобных растений, кореньев, плодов, ягод. Теперь многие из этих рас-

тений стали культурными. Так, например, дикий лук репчатый, встречающийся до сего времени в укромных местах (в ущельях, расщелинах и т.д.) в Забайкалье, назывался *сонгино//хонгино*, а теперь так называется лук репчатый (культурное растение): бур. *хонгино*, монг. *сонгино//болцуут сонгино* [40; 7; 207, калм. *songin*[a] [32; 44; 367, дунсян. *сунгуна* [397.

Это же название встречается в тюркских языках [32; 44; 5; 10; 14; 267: тур. *soğan;* балк. *soğan;* алт.,тел. *соғоно;* урянх. *сонгона;* ойрот. *согоно* 'дикий лук'.

Повсеместно распространенное слово *мангир* 'дикий лук' (о многолетнем луке) обычно употребляется в значении лука вообще: бур. *мангир*; монг. *мангир* 'лук стареющий' или 'мангир'; калм. *мәңгрен* 'лук'; осм. *манкыр* 'мангыр'; урянх. *маңғыр* 'лук' (растение); *маңғырсын* 'степной лук'; эвенк. *мāнгэсун* 'лук степной' [1, 387; алт. *рағуг*; тел. *тапуг* – то же значение; кор. *manil* 'чеснок' [44, 1567.

Следует сказать, что некоторые названия съедобных диких растений и плодов являются общими для тюрко-монгольских языков.

Бур. *жэмэс*; монг. *жимис//жимиш*; ойрат. *земис//земес*; уйг., тур. *дэрбэт (кобдо);* крм., ком., дж. *јимиш(с)//јемиш(с)* 'плоды', 'ягоды', 'фрукты'; алт. *јеміш* 'пища', 'корм'; тел. *јеміш* 'добыча хищных животных' < *је* 'есть', 'кушать', 'наслаждаться' (уйг., осм., дж., крм., тир., к.-кир. и др.) +*міш* – окончание причастия; турецкая форма *јеміш* – это форма «омертвелого» причастия, и в таком виде заимствована монголами [3, 197.

В дальнейшем при развитом земледелии и животноводстве сбор съедобных растений и кореньев сохраняется, так как продолжает оставаться немаловажным источником пищи.

Появление некоторых земледельческих терминов относится, по-видимому, еще к тому далекому времени, когда нынешние тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки переживали период предполагаемого единства, или праязыкового состояния. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в этих языках общих земледельческих терминов. Правда, некоторые из них могли явиться результатом заимствований.

К одному из таких общих слов относится слово *тари* ‘сеять’, ‘засеять’, тюрк. *тары*. О том, что *тари* является древнейшим словом, свидетельствует наличие большого количества производных от этого корня.

Так, в бурятском языке от него образована целая группа слов при помощи аффиксального и лексико-семантического способов словообразования: *таримал* или *таримал ургамал* ‘культурное растение’ или ‘посеянное(посаженное)растение’; *таряан* ‘хлеб’, ‘посев’, ‘урожай’, ‘зерно’; *тарилга* ‘посевная кампания’, ‘посев’; *тарялалан* ‘посев’, ‘посевная площадь’; *тарялшан* ‘хлебороб’, ‘хлебопашец’, ‘крестьянин’; *тариха* ‘сеять’, ‘засевать’, *улаан таряан* ‘пшеница’; *хара таряан* ‘ярица’ или ‘яровая рожь’; *тарилгын талмай* ‘посевная площадь’; *таряанай газар* ‘поле’, ‘пашня’; *таряан узуур* ‘жнивье’.

В других монгольских языках имеются: монг. *tariya tariɣa~ tariyala* ‘пахота’, ‘посев’, ‘земледелие’, ‘хлеб’; халх. *тариа*; баит. *тараа* ‘зерно’; дунсян. *таран* ‘посев’, ‘зерно’, ‘урожай’ (совр. монг. *тариан*); монг. *tarijačin, tarigan-či;* калм. *taraantši* (более древнее) *taraatšin* ‘земледелец’; тюрк. *taryčy, tarātšn;* чаг. *taranči* ‘земледелец’, ‘хлебопашец’; калм. *taraalŋ~taraanɛ̄ gazr (tarijalan)* ‘поле’, ‘пашня’; *taraan* ‘хлебные злаки’, ‘зерновые культуры’, ‘поле и пашня’; *tsaɣan taraan* ‘пшеница’, *taraanɛ̄ gazr* ‘поле’, ‘пашня’; *taraa saɣalza* ‘пахать’; *taraa tsokka* ‘молотить’; *taraanɛ̄ is* ‘солома’; *taraanɛ̄ tolzaa* ‘колос’.

Этот корень мы обнаруживаем и в ряде других алтайских языков: уйг. *tari-jan, taru-j* ‘поле’, ‘пашня’; кач., кир., кам. *tary* ‘просо’, ‘пшено’ > алт., тел. *taraan,* бар. *taran* – то же значение; якут. *тараан – јорэ* ‘просо’, ‘каша’; ойрот. *тараан* – то же значение; тур. *tarla,* ком. *tarlan* ‘поле’, ‘пашня’; урянх. *тарыг* ‘семя’, ‘посев’; эвенк. *тарем* ‘сеять’, ‘стряпать’; эвенк. *таюгран, путэн* ‘сев’; уйг. *tarig;* ольч. *тари;* гольд. *тарiури;* ороч. *тарiку, tari* ‘сеять’, ‘пахать’; маньч. *tarin* ‘пахота’, ‘посев’, ‘земледелие’; др.-тюрк. *tarry* ‘урожай’, ‘жатва’ [18; 427]; *tarij* 1) ‘зерно’, ‘злаки’, ‘хлеб’, 2) ‘просо’, 3) ‘земледелие’, ‘землепашество’; *tarīɣ*

bitï ‘тля (зерновая)’; *tarïγci* ‘хлебопашец’, ‘земледелец’; *tarïγlaj* ‘хлебный’, ‘зерновой’; *tarïγlïγ ev* ‘помещение для хранения зерна’, ‘амбар’; *tarïγlïq* ‘амбар’; *taril* – страд. от *tarï-; tarïγ tarïldï* ‘хлеба были посеяны’; *tarlïq* ‘поле’, ‘нива’; *tarlaγ* ‘поле’, ‘нива’; *tarlaγusïz* ‘невспаханный’, ‘целинный’; *tarmaz* ‘огурец’; *tartïn* ‘кушанье’, ‘продукты’ [9, 537, 538, 539].

К общеалтайскому лексическому фонду также, видимо, можно отнести еще слова *арбай, хадуур, бухал, тээрмэ.*

Бур. *халтар арбай, арбай*; леб., шар., кир., к.-кир, тар., саг., ойр., дж., тоб. *арба* ‘ячмень’; кир., тар., каз., ад., крм., дж., ойр., ком., осм. *арпа* – то же значение; монг. *арба, арбай,* калм. *aruä~ aruä*, урд. *arwä*, маньч. *arfa*, урянх. *maz арпай, арпэй* ‘ячмень’.

Бур. *хадуур*; калм. *хадур, хадж*; монг. *хадуур* ‘серп’; монгор. *ɣagïr* ‘серп’; дунсян. *ɣaду* ‘коса’, ‘серп’; тюрк. *qaja*, конб. *qas*, тунг. *kadaga, kadaar* ‘серп’, ‘коса’; маньч. *xadufun* ‘серп’, ‘коса’, ‘топор’, ‘скобель’; ольч. *кадку*, гольд. *кадуко* ‘серп’, ‘коса’; урянх. *хадыр* ‘серповидные изогнутые ножи’; якут. *хатур,* эвенк. *кадывун* ‘коса’; *кадочин* ‘косарь’.

Бур. *урэ, урэһэн;* монг. *үр(э)*; калм. *тәрәнә әкн, буудян әкн*; дунсян. *фурэ*; ком., дж., уйг. *урук, уруг, уруу* ‘семя’, ‘семена’.

Бур. *атар газар*; монг. *атар газар, атар*; калм. *этнг һазр* ‘целина’; тюрк. *atur;* шор. *auds;* тат. *etiz;* кор. *pat'>pat'ari* ‘поле’, ‘пашня’.

Бур. *бухал*; монг. *бухал* ‘копна сена или хлеба’; тат. *богол* ‘стог’; якут. *бугул* ‘копна’, ‘стенка’, ‘кучка’;*бугул бугуллаа* ‘ставить копны’.

Бур. *тээрмэ;* монг. *тээрэм,* калм. *teerm, tërmn (usn teermə)* ‘водяная мельница’; *mör'eer teermə tatuulxa* ‘молоть на конной мельнице’; ком. *tägirmän,* осм. *däjirman zu tägir* ‘вращение’, ‘вертеть’, ‘вращать’; чув. *tawer* ‘поворачивать’; кирг. *тег* ‘вращаться’.

Наряду с общеалтайскими земледельческими терминами имеются также термины, общие только для монгольских языков.

Как указывал Б.Я. Владимирцов, в источниках по истории монголов имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах

древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством [2, 35].

Как явствует из некоторых источников, монголы более активно начали заниматься земледелием после образования монгольского государства. Земледельческие районы тогда находились вблизи городов и укрепленных пунктов. После распада империи эти районы пришли в упадок и стали вновь возрождаться лишь в XVII в.

Г.Н. Румянцев указывает, какие именно племена монгольских народов занимались примитивным земледелием в древности. Он пишет, что для второй группы «лесных» народов, т.е. «скотоводческо-земледельческой», характерно синтетическое, комплексное хозяйство – примитивное земледелие с развивающимся скотоводством, в сочетании с охотой и рыболовством, которые еще играли значительную роль в пищевом балансе.

К этой группе «лесных» племен принадлежат крупнейшие племена Баргуджин-Тукума – хори-туматы, баргуты, а также их ближайшие западные соседи – ойраты и частично баяты, часть меркитов и таиджиутов.

Основная масса населения занималась земледелием и скотоводством, а также ремеслом (ткачеством, кузнечным делом и обработкой продуктов скотоводства) [34, 151].

Об этом же упоминается у А.П. Окладникова: «Перед нами встает очень яркая картина быта двух слоев населения. Масса занималась земледелием, скотоводством и домашней промышленностью» [21, 284].

В отдельных местах, населенных кочевниками, существовали довольно крупные центры оседлости с относительно развитым земледелием, где даже применялись такие передовые для того времени методы, как искусственное орошение полей, остатки которого обнаруживаются на территории Иркутской области и Бурятии [21, 291; 4, 75; 33, 73-75; 17, 14; 28, 410; 12, 149-150; 13, 172; 42, 28-38; 6, 75], не говоря уже о Каракоруме и всей Монголии [2, 45].

Следы древнего земледелия давно были обнаружены не только на территории Бурятии, но и Даурии. Николай Спафарий впер-

вые в 1696 г. в районе Нерчинска на речке Жернокопке видел большие каменные жернова, оставленные неизвестным древним народом [24; 41, 165, 288]. Многие древнейшие земледельческие орудия, обнаруженные археологами как в Бурятии, так и в Монголии, остались без названий. К таковым относятся: ладьевидные зернотерки, чугунные сошники, тяжелые литые плужные лемеха и отвалы из чугуна, каменные жернова и др. [42, 30-31; 27, 192; 23, 32], последние из которых имеют названия во всех монгольских языках: бур. *тээрмын шулуун*; монг. *тээрмийн чулуу*; калм. *тээрмин чулун*.

А.П. Окладников указывает, что к памятникам древнейшего земледелия в Прибайкалье могут быть отнесены «чашечные» камни [22, 287], которые также обнаруживаются на территории Бурятии (в урочище Сосновка).

Рассмотрим несколько земледельческих терминов, сохранившихся у всех монголоязычных народов.

Бур. *анзаһан;* монг. *анжис(ан);* калм. *андсх* 'соха'; монгор. *ndziäse* 'плуг'; монг. *anǰisun;* урд. *andžasu;* маньч. *anǰa* 'соха'; монг. *andǰusu* [37], дунсян. *анджасу* 'плуг', 'соха'; урянх. *андазыңъ* 'соха'.

Данное слово встречается также в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, но только на территориях, сопредельных с монгольскими. Поэтому можно предположить, что оно было заимствовано ими от монголов. Данное слово является сложным, состоящим из двух корней: *ан+джису(ку),* из которых *ан* обозначает «загон», «полосу земли», а *джису(ку)* – «резать», «пахать».

Корень *ан* со значением «ширина или длина чего-нибудь» как таковой не сохранился в монгольских языках, зато идентичное слово *эң//ең* 'ширина' встречается не только в монгольских, но и в тюркских языках. Поскольку значения корней ан и эн почти совпадают и выражают «меру длины или ширины», мы допускаем в данном случае образование нового слова посредством чередования гласных *а* и *э*.

Слово *анджису* 'соха' было, видимо, образовано в монгольских языках посредством словосложения. Впоследствии оно под-

верглось фонетическому изменению под действием перелома гласных, а в бурятском к тому же еще произошло чередование *с* на *h*, и получились современные формы: *анзаһан, аижис(ан)* и др.

В «Древнетюркском словаре» дается отдельной словарной единицей *ан* III со ссылкой на *ер* I, что (*ер* I) означает «ширина» [9]. Кроме того, в чувашском языке слово *ана* означает «загон», т.е. 'полоса земли в 2-3 гектара'. С этим же словом *ана* образованы другие слова в чувашском языке, относящиеся к земледелию. Например, *ана-саран* 'пашня', 'покос', *ана-палам-тамга* 'метка на загоне' [11].

Просо – одна из древних зерновых культур, которые выращивались монголами: бур, *будаа*; монг. *шара будаа*; сол. *badan;* раг. *botaga, botga,* алт. *butsa,* кашм. *botah* 'просо', 'пшено'; маньч. *buda* 'каша', 'кушанье' < монг. *budaya;* вост. монг. // *bata//bataa//badaa.*

К названиям продуктов земледелия относятся: бур. *гурил, талхан*; монг. *гурил*; калм. *нуйр;* дунсян. *курун* 'мука'; удобрений: бур. *шэбхэ*; монг. *шивх*; калм. *шивх* 'навоз'. Из технических культур древнее общее название носят: бур. *наран сэсэг;* монг. *наран цэцэг*; калм. *нарн овсн*; дунсян. *наран чыджэ* 'подсолнух', 'подсолнечник'.

Следующий этап развития земледельческих терминов у монгольских народов тесно связан с изменениями, произошедшими в жизни монголов в новый период, т.е. с конца XVII и начала XVIII в. В этот период монгольские народы окончательно упрочились на своих новых местах жительства в разных языковых окружениях. В XVII в. после добровольного присоединения Бурятии и Калмыкии к России наблюдаются сдвиги в хозяйстве бурят и калмыков. Об этом подробно говорит Б.Я. Владимирцов: «Прежде всего довольно значительное количество монголов оставило кочевой образ жизни и перешло к оседлому, земледельческому, начиная уже с XVII века, ...а также в добайкальской Бурятии и в Забайкалье, наблюдаются, редкие, правда, земледельческие поселения и у калмыков, начавшие возникать лишь в XIX в. Таким образом, у монголов XVIII-XIX вв. можно наблюдать почти всевозможные формы соединения скотоводства и земледелия» [2, 191]. Пер-

вые опыты обработки земли калмыками в XIX в. описываются в очерках калмыцкой истории [25, 232].

Значительное количество терминов земледелия образуется на основе бытовой лексики. Образование терминов земледелия происходит по признакам внешнего сходства. Например, слово *төмс* в монгольском, *төмсн* в калмыцком обозначает шулятные яйца животных, а в земледелии оно означает «картофель»: монг. *төмс*, калм. *төмсн* 'картофель', 'овощи' (бур. *хартаабха* 'картофель'). Также используется и слово *толгой* 'голова': монг. *толгой (болцуу)*, калм. *толһа (мэнгрснэ)* 'луковица', бур. *һонгино*, редко *һонгинын толгой* – то же значение.

Слово *сар* 'вол': калм. *цар чолун* (букв. 'вол – камень'), монг. *тээрмийн чулуу*, бур. *тээрмын шулуун* 'жернов'.

Слово *шэхэн* 'ухо': монг. *хомын чих*, калм. *хамудин* 'гуж', бур. *хомуудай шэхэн* 'гуж'. Слово *һоёо* 'клык': монг. *соёо (нахиан)*, бур. *тарианай гараса* 'всходы'. Слово *нюрган* 'спина': монг. *нуруу өвс (цомог)*, калм. *овалһата өвсн 'скирд', бур. һури, сомоо* 'скирд'. Слово *буха* 'бык': каракол. калм. *буха* 'большой (главный) канал'. (Примеры из языка каракольских калмыков любезно предоставлены А.Ш. Кичиковым – старшим научным сотрудником Калмыцкого НИИЯЛИ). *Үдэ, үрһэн* 'семя', 'плод': монг. *үр*, калм. *үрһмл әклж, үрһлһн*, каракол. калм. *урсён*, бур. *үрэһэн, үрэ, хүрэнгэ* 'семена для посева'.

Шудэн 'зуб': монг. *шүд*, калм. *шүдн*, бур. *шүдэн* 'зубья борон, граблей'. Таких примеров в бурятском языке много [8, 106].

Распространенным способом образования земледельческих терминов в монгольских языках является описание. Описательные термины возникли в связи с появлением различных сельскохозяйственных машин и усложнением технологии производства. Например: монг. *муугаар хагалсан газар*, калм. *хаһлгдлго үлдси һазр* (при пахоте), бур. *далан* 'огрех'; монг. *хадгалах газар, ногоо агуулах газар*, калм. *төмс хадһлдг бәәрн (һазр)*, бур. *овощ хадагалдаг газар* (овощехранилища) 'овощехранилище'; монг. *тариа хадах машин*, калм. *төрәнэ машин*, бур. *таряа хададаг машина* (жатка) 'жатка', 'жнейка'.

Грамматически эти термины могут представлять собой определительные, дополнительные и обстоятельственные словосочетания. Например: монг. *жижиг суваг*, калм. *усллһна цувг*, бур. *арык (һубаг)* 'арык'; монг. *өвсний машина*, калм. *өвснә машин (өвс хадгг машин)*, бур. *үбһэнэй машина* 'косилка'; монг. *тариа хадах*, калм. *тәрә хуралһн, урһц ахуллһн*, бур. *хубита газар* 'участок (земли)'.

Некоторые слова приобретают значения терминов в результате семантического переосмысления: от *аца//аса* 'ветвь' – монг. *ац*, бур. *аса* 'вилы'; от *хаяха* 'бросить' – монг. *хаягдал, шаар*, калм. *үлдл*, бур. *үлэгдэл* 'остаток', 'отходы'; от *шигшэх* 'просевать' – монг. *хэвэг шигшдэс*, калм. *кэвг, һуйрин хайг*, бур. *нагшадаһан* 'мякина', 'отруби'; от *дарах* 'давить' – монг. *дарш, дарсан, бордоо* 'силос'; *бордоо, тэжээл* 'корм', 'фураж'; от *гм* 'болезнь' – монг. *харуу*, калм. *буудян гәм*, бур. *головня* 'головня'.

Многие земледельческие термины заимствованы монголами из русского языка, особенно много их в калмыцком и бурятском языках. Например: монг. *овёс*, калм. *сульъ, арва*, бур. *овёс* 'овес'; монг. *агроном*, калм. *агроном*, бур. *агроном* 'агроном'; монг. *комбайн*, калм. *комбайн*, бур. *комбайн* 'комбайн'; монг. *комбайнч*, калм. *комбайнер (комбайн йовулдг күн)*, бур. *комбайнер* 'комбайнер'.

В калмыцком и бурятском языках, в монгольском – гораздо реже, попадаются кальки и полукальки русских слов и терминов, относимых к области земледелия. Так, например: монг. *хар шорой (хар хөрс)*, калм. *хар һазр, һазрин хар көрсн*, бур. *хара шорой (хүрьһэн)* 'чернозем'; монг. *жимсний аж ахуй*, калм. *тәмснә урһмл урһалһн*, бур. *жэмэс тарилга* 'плодоводство', 'садоводство'; монг. *үүрлүүлсэн тарилга*, калм. *үүрлж тәрән* (бур. *гнездовой посев*) 'гнездовой посев'; монг. *тариа хатаах машин*, калм. *буудя хагсадг машин*, бур. *орооһо хатаадаг машина* 'зерносушилка'; монг. *тариа цохих машин*, калм. *тәрә цокдг машин*, бур. *таряа сохидог машина (молотилхо)* 'молотилка'.

В данной статье сделана попытка проследить в общих чертах пути развития и образования земледельческих терминов в монгольских языках.

Литература

1. Василевич Г.М., Русско-эвенкийский словарь, М., 1958.
2. Владимирцов Б.Я., Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.
3. Владимирцов Б.Я., Турецкие элементы в монгольском языке, СПб., 1911.
4. Гирченко В.П., Хозяйство кудинских бурят в XVIII в. и первой трети XIX в., – «Жизнь Бурятии», 1927, № 1-3.
5. Грум-Гржимайло Г.Е., Западная Монголия и Урянхайский край, т.I, вып. 1, Л., 1926.
6. Давыдова А.В., Гуннские памятники Забайкалья, – «Труды БКНИИ», вып. I, Улан-Удэ, 1959.
7. Дамба-Ринчинэ А.Р. и Мупкин Г.С., Русско-монгольский словарь, М., 1960.
8. Дамдинов Д.Г., О земледельческой терминологии бурятского языка, – «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963.
9. Древнетюркский словарь, Л., 1969.
10. Дыренкова Н.П., Грамматика ойротского языка, М.-Л., 1940.
11. Егоров В.Г., Чувашско-русский словарь, Чебоксары, 1935.
12. Залкинд Е.М., Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1958.
13. Залкинд Е.М., Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в., – ЗБМИК, XXIV, Улан-Удэ, 1957.
14. Катанов Н.Ф., Опыт исследования урянхайского края, Казань, 1903.
15. Козьмин Н.И., К вопросу о турецко-монгольском феодализме, М.-Л., 1934.
16. Кон Ф., Экспедиция в Сойотию, М., 1934.
17. Кудрявцев Ф.Н., История бурят-монгольского народа, ч.I, М.-Л., 1940.
18. Малов С.Е., Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.-Л., 1954.
19. Манжигеев И.М., Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960.
20. Монгол орос толь, М., 1957.

21. Окладников А.П., Очерки из истории западных бурят-монголов, М.-Л., 1937.
22. Окладников А.П., История Якутской АССР, т. I, М.-Л., 1955.
23. Окладников А.И., Тунгусо-Маньчжурская проблема и археология, – «История СССР», 1968, № 6.
24. Окладников А.П. и Рижский М., Археологические исследования в Читинской области, – «Забайкальский рабочий», 12.IX. 1952.
25. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период, М., 1930.
26. Пекарский Э.К., Словарь якутского языка, т. I, вып. I-IV, 1959.
27. Писарев В.Е., Происхождение земледелия и полевых культур Восточной Сибири, – «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II, М.-Л., 1956.
28. Поппе Н.Н., К вопросу о происхождении скотоводства у монголов. Домашние животные Монголии, – «Труды Монгольской комиссии», М.-Л., 1936.
29. Потапов Л.П., Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.
30. Потапов Л.П., Очерки по истории Шории, М.-Л., 1936.
31. Радлов В.В., Опыт словаря тюркских наречий, т. I-IV, СПб., 1888-1911.
32. Рамстедт Г.И., Введение в алтайское языкознание, М., 1957.
33. Риттер К., Землевладение в Азии, т. V, СПб., 1879.
34. Румянцев Г.Н., Некоторые проблемы истории культуры монголов XII-XVII вв., – «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», Улан-Удэ, 1965.
35. Русско-бурят-монгольский словарь, М., 1954.
36. Русско-калмыцкий словарь, М., 1964.
37. Санжеев Г.Д., Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч. I, – ИАН СССР, М.-Л., 1930.
38. Титов Е.И., Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926.
39. Тодаева Б.Х., Дунсянский язык, М., 1961.

40. Цэвэл Я., Монгол хэлний товч тайлбар толь, Улаанбаатар, 1966.
41. Черемисов К.М., Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951.
42. Шунков В.И., К истории земледелия Бурятии, – ЗБМИК, XXI, Улан-Удэ, 1958.
43. Шренк Л., Об инородцах амурского края, т.I, СПб., 1883.
44. Ramstedt G.I., Kalmuckisches Wörterbuch, Helsinki, 1935.

Список сокращений названий языков и диалектов

алт.	– алтайский
баит.	– язык баитов
балк.	– язык балканских тюрков
бар.	– язык барабинских татар
бур.	– бурятский
гольд.	– гольдский
дж.	– джагатайский
др. тюрк.	– древнетюркский
дунсян.	– дунсянский
дэрбэт.	– дэрбэтский
каз.	– казакско-татарский
калм.	– калмыцкий
каракол. калм.	– язык каракольских калмыков
кашм.	– кашмирский
кир.	– киргизский
к.-кир.	– кара-киргизский
ком.	– команский
кор.	– корейский
крм.	– караимский.
леб.	– язык лебединцев
маньч.	– маньчжурский
монг.	– монгольский
монгор.	– монгорский
ойрат.	– ойратский
ойрот.	– ойротский

ольч.	– ольчскии
ороч.	– орочский
осм.	– османский, или турецкий
саг.	– язык сагайцев
сельдж.	– сельджукский
сойот.	– сойотский
сол.	– солонский
тар.	– язык таранчей
тат.	– татарский
тел.	– теленгитский
тур.	– турецкий
тюрк.	– тюркский
уйг.	– уйгурский
урянх.	– урянхайский
халх.	– халхаский
чаг.	– чагатайский
чув.	– чувашский
шор.	– шорский
эвенк.	– эвенкийский
якут.	– якутский

Библиографические сокращения

БКНИИ	– Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР.
ЗБМИК	– «Записки Бурят-Монгольского института культуры».
ИАН СССР	– «Известия Академии наук СССР», М.-Л.

Ц. Дамдинсурэн

БУРЯТСКИЙ ПЕРЕСКАЗ РАМАЯНЫ

Бурятский пересказ знаменитого индийского эпоса Рамаяны содержится в восьмой главе книги «Ключ к сокровищам» («Чиндаманийин тулхигур»), составленной и изданной ксилографическим способом во второй половине XIX в. бурятским ученым Ринченом Номтоевым.

В этой короткой статье мы не даем детального разбора пересказа и тем более его сравнительного изучения по отношению к многочисленным версиям индийской Рамаяны. Ограничимся краткими сведениями об авторе, о сочинении, в котором содержится пересказ, о самом пересказе и приведем текст и его русский перевод.

Об авторе

Ринчен Номтоев, живший в XIX в., – известный бурятский ученый, прогрессивный деятель культуры. Мы располагаем очень скудными данными о его жизни и деятельности. В основном это – колофоны книг, написанных или переведенных им, и сообщения о нем некоторых бурятских деятелей.

В послесловии к своему большому тибетско-монгольскому словарю Номтоев сообщает, что составил его в год Красного быка XV шестидесятилетнего цикла (1877 год), когда ему было 57 лет. Родился он, следовательно, в 1821 г. В 1895 г. он составил и издал «Драгоценный кубок» («Эрдэни-йин сайин хумха») – комментарии к книге древнеиндийского мудреца Нагарчжуны. После этой даты книги с его именем не встречаются. Поэтому мы думаем, что он умер в самом конце XIX в.

О его прогрессивной деятельности можно прочесть в трудах некоторых ученых. Бурятский ученый М.Н. Богданов писал следующее: «... следует отметить, прежде всего, хоринского бурята Ринчена Номтоева и бывшего настоятеля Агинского дацана Данжинова. Оба – авторы многих книг и статей, переводных и оригинальных, на тибетском и монгольском, а первый и на русском языках; оба проповедники широкого просвещения и гуманности и оказали самое сильное влияние на забайкальских бурят. Номтоевым составлен, между прочим, весьма ценный тибетско-монгольский толковый словарь» [1,167].

Историк Ф.А. Кудрявцев в своей книге «История бурят-монгольского народа» пишет: «В 1859 г. было основано Цулгинское бурятское приходское училище при Цулгинском дацане. Сначала учителем был здесь Шеретуй дацана Ринчен Номтоев, затем Чимыт Цинлунов...». Автор дальше пишет: "В 60-х годах XIX в. Ринчен Номтоевым был составлен «Самоучитель, или русская азбука, для учеников монголо-бурятских», изданный в Казани в количестве 400 экземпляров... Смотритель училищ Верхнеудинского округа считал учебник Номтоева составленным по новому методу и весьма полезным. Учебник применялся в бурятских школах" [2,221-222].

Известный бурятский писатель Хоца Намсараев рассказал о нем следующее: "Ринчен Номтоев в детстве учился 6-7 лет в русской средней школе города Верхнеудинска. Затем он стал послушником и жил при монастыре Чилуту. Там он хорошо изучил индийский, тибетский, монгольский и маньчжурский языки и письменности. Несколько лет он был настоятелем монастыря Сулга в местности Тугнэ. Затем, став светским человеком, он женился, как говорят, на девушке Байнжал, дочке Тагар-нойона. Она была славной девушкой, есть даже народная песня о ней. В ней поется: «У Тагар-нойона три дочери, самая прелестная из них Байнжал». Жигжид Галсанов мне рассказывал, что Ринчен Номтоев, будучи уже седым стариком, всегда читал или писал книги. Он научил многих бурят русскому языку. Сам сочинил и издал самоучитель русского языка" [6,179].

Отметим также, что Ринчен Номтоев принимал активное участие в работе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества [4,214,3047.

Перечислим некоторые из его наиболее важных трудов:

1. Тибетско-монгольский словарь, составленный в 1877 г. Самый лучший и полный из всех ныне существующих тибетских словарей; впервые издан недавно, в 1959 г. в городе Улан-Баторе.

2. Самоучитель русского языка для бурят. Издан около 1860 г. в Казани.

3. Монгольский букварь.

4. Очерк о монгольской письменности.

5. «Ключ к сокровищам» – комментарии к книге афоризмов Сачжа пандита Гунгачжалцана (1182-1251).

6. «Драгоценный кубок» (сборник 33 рассказов из Панчатантры) – комментарии к стихам древнеиндийского мудреца Нагарчжуны, изданные ксилографическим способом в 1895 г. Книга переиздана в 1959 г. в Улан-Баторе.

В последней части своих комментариев «Драгоценный кубок» Номтоев выдвигает на первый план моральное учение буддизма и пренебрежительно отзывается о церковных обрядах. Он писал о том, что когда желто-красные нарядно одетые ламы кричат молитвы, стучат тарелками, барабанят и т.д. – это, мол, не буддизм. Добрые мысли каждого человека – вот что такое буддизм. Нам кажется, что это осуждение обрядов буддизма и подчеркивание его моральной стороны связано с уходом Номтоева из монастыря. Во всяком случае, эта идея в других комментариях не встречается.

О книге, включающей пересказ Рамаяны

В XIII в. в Тибете жил известный ученый Сачжа пандит Гунгачжалцан (1182-1251). Он написал книгу афоризмов «Изящные изречения» («Субхашитаратнанидхи»). Нам известны три комментария к ней: комментарии Ринчинбала, комментарии Цултимбала и комментарии под названием «Красивый венок». Наиболее авторитетными из них являются комментарии, составленные в XIII в.

Ринчинбалом, исправленные и отредактированные учеником Гунгачжалцана Мардоном Чойчжалом. В этой книге прокомментированы не все стихи, но приводятся все рассказы и сказки, на которые ссылается Сачжа пандит Гунгачжалцан в своей книге. Таким образом, эти комментарии представляют собой сборник, состоящий из 47 рассказов и сказок. В 321-м куплете книги афоризмов «Изящные изречения» упоминается о царе ракшасов Раване с острова Ланки. Во всех известных нам комментариях после этого куплета приводится краткий пересказ Рамаяны.

Упомянутые выше комментарии многократно переводились на монгольский язык и дважды перерабатывались. Автором одной из этих переработок является известный монгольский ученый Чахар-габши Лобсанцултим (1740-1810). Он выпустил книгу ксилографическим способом в 1779 г. к приезду в Пекин Панчина Балдан-Еши III, который считается одним из воплощений Сачжа пандита Гунгачжалцана.

Лобсанцултим пишет в колофоне своей книги: «Выбирая из двух комментариев Субхащиди и других книг, я написал эту книгу по своему усмотрению» [3,196]. Отсюда видно, что он свою работу считал не переводом, а самостоятельным творчеством. И действительно, его комментарии не совпадают дословно с тибетскими, хотя по содержанию они двольно близки.

Ринчен Номтоев следовал в своей работе тому же принципу. Он взял за основу сочинение Лобсанцултима, но широко привлек также тибетские и монгольские комментарии. Творчески переработав все материалы, он создал комментарии, существенно отличающиеся от всех остальных, так что его труд можно назвать самостоятельной филологической работой и памятником старой бурятской и монгольской литературы.

Эти комментарии содержат около 50 рассказов и сказок. Большое количество печатных и рукописных экземпляров сочинения, встречающихся в Бурятии и Монголии, свидетельствуют о том, что книга Номтоева была популярна среди населения.

Этот пересказ содержится в книге «Ключ к сокровищам», как комментарий к 321-му куплету афоризмов Гунгачжалцана. Основными источниками этого пересказа являются упомянутые комментарии Лобсанцултима и Ринчинбала. При их переработке Номтоев, видимо, пользовался еще и другими источниками. Это можно проиллюстрировать следующими примерами.

В тибетских комментариях Ринчинбала приводится легенда о горе Тисэ, но не упоминается мудрец Вальмики. Лобсанцултим сообщает, что мудрец Вальмики жил у горы Тисэ, поэтому иногда эту гору называют горой Вальмики. Номтоев же, приводя легенду о горе Тисэ, говорит, что эту легенду рассказал сам мудрец Вальмики (легендарный автор Рамаяны).

В комментариях Лобсанцултима сказано, что Махешвари послал к Раване свою жену Уму. Ринчен Номтоев добавляет, что он отправил Уму для того, чтобы дать Раване такую волшебную силу, какую он пожелает.

У Ринчинбала сказано, что Равана позвал Ситу и Лакшману. Номтоев добавляет, что он позвал их, находясь в укрытии.

В ряде мест пересказа внесенные автором изменения делают текст понятнее для бурятского читателя. Так, сургучные дома тибетских комментариев Лобсанцултим и Номтоев заменяют деревянными. В текст включено также объяснение происхождения имени Раваны.

В комментариях Ринчинбала сказано: «Хануман все плодовые деревья посадил верхушкой в землю». В этой фразе не очень ясно, поломал ли он деревья, чтобы верхушка доходила до земли, или все деревья вырвал с корнем и, перевернув, посадил в землю. Номтоев вслед за Лобсанцултимом, упрощая эту фразу, написал так: «Хануман, сломав плодовые деревья, саду причинил большой ущерб».

Сравнивая различные монголо-тибетские пересказы, можно проследить, к каким эпизодам исходного текста восходят различные неясные и кажущиеся излишними детали. Например, Ринчен Номтоев упоминает, что царь Рама в поисках жены пошел к

верховью большой реки, и там царь увидел двух обезьян. Большая река является здесь совершенно лишней деталью. В тибетских комментариях Ринчинбала также упоминается бурная река. В тибетской рукописи, изданной Ж.К. Балбиром указано: "В одной долине они (Рама и Лакшмана) встретили большую черную воду (реку). Младший брат пошел к ней напиться, тогда старший брат его остановил и сказал: «Нельзя пить, она образовалась из крови какого-то великого существа» " [5,58]. Что это за существо – остается неясным. В одной тибетской рукописи, имеющейся у нас, приведено полное объяснение. Там сказано, что река была теплой и вонючей, с дымящимся над ней паром, она образовалась из пота двух дерущихся обезьян – Бали и Сугривы. Немного иная трактовка имеется в тибетском пересказе Рамаяны, краткое содержание которого издал Ф.В. Томас [8]. Там сказано, что этот поток образовался из жидкости, которая вытекала из глаз, рта и носа спящего Сугривы, обезьяны-великана [8,201].

В тексте Ринчена Номтоева сын Махешвари, обидевшись, проклинает Равану, говоря: «Пусть твою власть разрушит обезьяна!». Откуда сюда попал образ обезьяны? Объяснений нет. Объяснение мы находим в одной калмыцкой рукописи: «Равана сказал сыну Махешвари, имеющему обезьянью морду, что не хочет получить волшебную силу от обезьяномордого ребенка». Поэтому-то сын Махешвари обиделся и проклял его такими словами: «Пусть твою власть разрушит обезьяна».

Во многих работах Ринчена Номтоева можно встретить упоминания отдельных имен и образов Рамаяны. Например, в составленных им комментариях под названием «Драгоценный кубок» сказано: «Сингала – это название одного острова, который находится в море на юге от Индии. Европейцы его раньше называли Сингалийским. Теперь его называют Цейлоном. Это и есть остров Ланкапури, на котором жил ракшас Дашагрива» [6,386].

В своем тибетско-монгольском словаре он пишет: «'бод-. гроге (Равана) – это имя царя Ланки» [7,322].

Ринчен Номтоев, безусловно, сыграл важную роль в распространении и популяризации великого эпоса Рамаяны.

Главная цель нашей публикации заключается в том, чтобы познакомить ученых с этим маленьким и ранее не известным в науке пересказом индийского эпоса, свидетельствующим о широкой популярности Рамаяны в Центральной Азии.

Вопрос о распространении Рамаяны в Монголии и Тибете будет освещен в других статьях.

Надо сказать, что большинство собственных имен санскритского происхождения у Ринчена Номтоева искажены или переведены этимологически. Литературоведам-индологам они непонятны и незнакомы. Поэтому мы не сохранили их, а везде восстанавливали санскритские имена.

Приведем здесь эти восстановленные санскритские имена параллельно с именами, искаженными или этимологически переведенными Ринченом Номтоевым:

Бали, царь обезьян, противник Сугривы; у Номтоева – Сайн хучуту (имеющий хорошую силу).

Бхарата, младший брат Рамы; у Номтоева – Бхаесэна.

Вальмики, легендарный автор Рамаяны; у Номтоева – Ширголджан хотату арши (мудрец, имеющий муравьиную кучу).

Дашагрива, царь ракшасов; у Номтоева – Арбан хоголайту (десятигорлый).

Джамбутвиб, древнее название Индии; у Номтоева – Дзамбутвиб.

Кайлас, одна из вершин Гималаев; у Номтоева – Кээлаша.

Кумбхакарна, младший брат Равана; силач, великан, у Номтоева – Кумбхакарна.

Лакшмана, младший брат Рамы; у Номтоева – Кумана.

Ланка, страна ракшасов, древнее название острова Цейлон; у Номтоева – Лангка.

Махешвари, бог-разрушитель, одно из имен Шивы; у Номтоева – Махашувари.

Равана, одно из имен Дашагривы; у Номтоева – Дагудан нухурлэгчи (зовущий друг).

Ракшас, чудовище, житель страны Ланка; у Номтоева – мангус (чудовище).

Рама, главный герой Рамаяны; у Номтоева – Рамана.

Сита, жена Рамы; у Номтоева – Сита или Субаг-ун хэухэн (девушка из канавы).

Сугрива, царь обезьян; союзник Рамы, у Номтоева – Сайн хоголайту (имеющий хорошее горло).

Ума, жена Махешвари; у Номтоева – Ум-а.

Хануман, советник Сугривы, помощник Рамы; у Номтоева – Хало-Маньдзу.

Ниже приводится текст бурятского пересказа Рамаяны.

321. Великие люди должны отказаться от любви к развлечению, блаженству и [вкусной] пище. Поддавшись любви, был убит гордый ракшас Дашагрива на Ланке.

Рассказывают следующее. На маленьком острове, в стране под названием Ланка, – жили чудовища – ракшасы. Их царь имел десять голов. Поэтому он был известен как Дашагрива (десятиголый) из Ланки, или владыка Ланки.

Долгое время он находился в состоянии созерцания [чтобы увидеть] бога Махешвари, но безрезультатно. Он молился Махешвари, отрезая и принося ему в жертву одну за другой свои головы, которые он сжигал. Тогда Махешвари послал [к нему] свою жену Уму, сказав ей, чтобы она дала волшебную силу, какую он пожелает. Ума пришла и спросила: «Какую волшебную силу ты хочешь?». Дашагрива ответил: «Я не желаю получать волшебную силу от женщины». Тогда Ума рассердилась и прокляла его. «Пусть женщина разрушит твою власть!». Сказав это, она ушла.

Он продолжал приносить в жертву [Махешвари] свои головы. Тогда Махешвари послал [к нему] своего сына. Сын пришел и задал тот же вопрос. Дашагрива ответил: «Я не желаю получать волшебную силу от ребенка». Рассердившись, сын проклял его: «Пусть обезьяна разрушит твою власть». Сказав это, он ушел.

Дашагрива опять стал приносить жертвы, отрезая и сжигая свои головы. Тогда сам Махешвари пришел и спросил: «Какую же волшебную силу ты хочешь?». Дашагрива ответил: «Я хочу завладеть великим океаном, трижды укрепленным городом и бесчисленным множеством ракшасовых войск. Пусть будет моя казна равна казне богов богатства. Пусть будем мы нерушимы, как планета Венера».

Махешвари дал ему два волшебных свойства: Дашагрива не сможет умереть, пока не отрубят его среднюю конскую голову. Все, что скажет его язык, будет мудро.

У жены Дашагривы родилась дочь, которую показали брахману – предсказателю. Тот сказал: «Если ее вырастить, будет

вред государству». Тогда девочку положили в медный ящик и бросили в море.

Ящик приплыл в страну Джамбутвиб и попал в оросительную канаву. Один крестьянин нашел этот ящик, открыл его и там увидел очень красивую девочку. Он ее взял, вырастил и дал имя «Девочка из канавы».

Потом этот крестьянин отдал свою приемную дочь в жены царю его страны Раме. Ее назвали царица Сита.

Рама захотел жить в уединении и предложил управлять [страной] своему среднему брату Лакшмане.

Тот отказался, сказав: «Если ты, всесильный, не захочешь царской власти, а захочешь посвятить себя религии, то я тоже пойду в уединенное место и займусь созерцанием». Тогда царь отдал власть самому младшему брату Бхарате. Царь Рама, царица Сита и брат Рамы Лакшмана втроем ушли в лес и там стали жить в отшельничестве.

В то время Дашагрива, гордясь тем, что его жена очень красива, сказал: «Есть ли в мире кто-нибудь красивее моей жены?». Один ракшас возразил ему: «Очень красива Сита – жена царя Рамы из страны Джамбутвиб». Дашагрива, услышав это, загорелся желанием и пошел в лес, где жил царь Рама. Там, на видном для них месте, он появился в облике красивой антилопы. Царица Сита, увидев антилопу, попросила царя поймать ее. Царь сказал: «Поймав ее, мы причиним ей вред. Кроме того, возможно, что это призрак, обманывающий зрение». Царица сказала: «Это же все отговорки, чтобы не ловить». Тогда царь пошел за антилопой, но она исчезла. Царь стал искать ее.

В это время Дашагрива позвал из укромного места: «Лакшмана, Сита!». Услышав это, царица сказала: «Вероятно, царь в затруднении. Иди и помоги ему». Лакшмана ответил: «На свете нет такого человека, который был бы сильней моего царя. Поэтому ему не нужна помощь». Царица сказала: «Неужели ты хочешь смерти царя, чтобы притязать на меня?». Лакшмана сказал: «Я не делаю нечистых дел, и ты мне не нужна». С этими словами он принес много камней, сделал из них ограду вокруг царицы и сказал: «Не выходи отсюда до нашего прихода». И пошел за царем.

Пользуясь этим, Дашагрива превратился в брахмана, пришел к царице и попросил у нее покушать. Она сказала: «Я не могу выйти за ограду. Поэтому возьми сам». Тогда Дашагрива, взяв царицу вместе с каменным ограждением, убежал домой.

Так царь ракшасов похитил царицу, обманув ее криком. Поэтому Дашагриву назвали «Зовущим другом» (Раваной).

Вернулись царь и его брат и увидели, что ни царицы, ни ограды нет. Царь кинулся искать. Дошел он до истоков великой реки, где боролись два обезьяних царя – Бали и Сугрива. Сугрива, прекратив борьбу, подошел к царю. Царь спросил его: «Не видел ли ты, кто похитил мою царицу?». Сугрива ответил: «Похитил ее Дашагрива с острова Ланки». «Из-за чего вы оба боретесь?». Обезьяний царь сказал: «Мы боремся за царскую власть. Мы должны бороться еще три дня. Кажется я не смогу его одолеть. Он, наверное, победит». Царь сказал: «Если это так, то я тебе помогу. Привяжи на лоб себе зеркало, чтобы я не ошибся».

Когда Бали и Сугрива снова стали драться, то царь пустил стрелу в Бали, который сказал: «Я ничего плохого Вам не сделал. Мы боролись между собой. Почему же вы предпочли Сугриву, а меня, Бали, обрекли на смерть?». С этими словами он умер.

Сугрива, обрадовавшись, сказал: «Я выполню все, что вы пожелаете». Царь ответил: «Отними у Раваны мою жену, царицу Ситу, и приведи [ко мне]». Сугрива сказал: «У меня есть советник, обладающий огромной силой. Поручу ему это дело».

Они вдвоем отправились в одно место, где жило множество обезьян. Там был и тот советник по имени Хануман. Он был выше других обезьян ростом и имел три глаза. Когда ему сообщили об этом деле, то он сказал: «Если так, то мне нужен какой-нибудь предмет, по которому царица мне бы доверилась». Тогда царь снял с пальца кольцо и отдал ему.

Взяв кольцо, советник сделал один прыжок и очутился [слишком далеко] – в стране бога ветра. Поев у бога ветра, он стал еще сильней и, прыгнув назад, попал в страну ракшасов. Там он увидел, что царица Сита сидит в тюрьме среди садовых ашоковых деревьев. Он спросил у нее о случившемся. Царица ему рассказа-

ла: «Я не согласилась на его (Раваны) предложение, сказав ему: "Я жена царя людей, а ты – чудовище-ракшас". Тогда меня посадили в тюрьму». Хануман, показав кольцо царя, сказал ей: «Царь меня послал [к тебе]. Пойдем сейчас же». Царица ответила: «Меня же похитили, поэтому ты тоже должен увезти меня силой, если сумеешь». Хануман сказал: «Раз так, то дай мне пищу». Царица ответила: «Я не могу взять того, что мне не дано. Я не могу тебе дать их еду. Сорви сам фрукты с деревьев и ешь. Ваш обезьяний нрав грубый. Только не порть фруктовые деревья, посаженные ими (ракшасами)».

Тогда Хануман вошел в ограду фруктового сада и стал есть фрукты, затем сломал деревья и причинил саду большой ущерб. Увидев это, ракшасы поймали его и собрались убить. Хануман сказал им: «Есть два способа меня убить, если вы хотите. По отцовскому способу (как был убит отец), мой хвост нужно завернуть в тряпку, пропитанную маслом и поджечь – тогда я погибну в огне. По материнскому способу (как была убита мать) меня нужно накормить хорошей пищей и поместить в амбар, – тогда я задохнусь, подавившись [едой]. Какой способ вам подходит, таким и убивайте».

Ракшасы порешили воспользоваться отцовским способом. Очень длинным сделал Хануман свой хвост, чтобы завернуть его, потребовались все ткани и шелка этого города. Пропитав хвост маслом, подожгли его и отпустили [Ханумана]. Все дома, кроме дома царя ракшасов были деревянные. Хануман ночью обежал все эти дома и ограды и огненным своим хвостом поджег их. Затем он опустил хвост в море и потушил огонь.

Хануман построил мост через море и сообщил об этом царю Раме. Царь с многочисленным войском прибыл через мост в страну ракшасов и напал на них. Отрезав среднюю конскую голову, царь Рама убил Дашагриву.

Кумбхакарна, младший брат Дашагривы, в это время спал и ничего не знал о случившемся. Ракшасы звали его, но он не просыпался. Он проснулся только тогда, когда в уши ему налили раскаленный чугун. Вдохнув, он втянул в себя мясо и кровь всех вои-

нов, оставив одни кости. Только Рама и Хануман остались невредимы.

Царь сказал Хануману: «Ты иди к снежной горе Кайлас и принеси оттуда лекарства». Хануман пошел, но по ошибке принес не то лекарство. Царь сказал: «Это не то лекарство». Хануман еще раз пошел и принес всю гору Кайлас. Взяв лекарство, они оживили всех воинов. Царь приказал: «Теперь отнеси эту гору обратно». Рассердившись, Хануман размахнулся и выбросил гору. Поэтому вершина горы Кайлас до сих пор немножко кривая. Пока эта гора летела, от нее отвалился и упал кусок – это и есть снежная гора Тисэ. Так рассказал мудрец Вальмики.

Царь Рама с царицей и войском благополучно вернулся домой.

Так исполнилось проклятие жены и сына Махешвари: женщина с обезьяной погубили Равану.

Литература

1. Богданов М.Н., Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926.
2. Кудрявцев Ф.А., История бурят-монгольского народа, М.-Л., 1940.
3. Лувсанчултэм Чахар-габши, Эрджэний сан Субашид, Улаанбаатар, 1958.
4. Хамаганов М.П., Бурятская фольклористика, Улан-Удэ, 1962.
5. Balbir G.K., L'histoire de Rama en Tibetain, Paris, 1963.
6. Damdinsürüng Če., Mongγol uran γokiyal-un degeji γaγun bilig, – "Corpus scriptorum mongolorum", t. XIV, Unlan-Bator, 1959.
7. Sumatiratna, Bod-hor-kyi brda-yig, – "Corpus scriptorum mongolorum", t. VI, Ulan-Bator, 1959.
8. Thomas F.W., A Ramayana Story in Tibetan from Chinese Turkestan, – "Harvard University press", Cambridge Massachusetts, 1929.

А. А. Дарбеева

О СКАЗКАХ НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

Нижнеудинские буряты почти четыреста лет живут изолированно от основной этнической массы монголоязычных народов в окружении русской языковой среды. Их язык и этнографические черты были частично описаны исследователями XIX и начала XX вв. /5; 8, 15-48/.

Между тем, мы совершенно не располагаем образцами живой разговорной речи нижнеудинских бурят, их фольклором. Публикация текстов фольклора необходима для ознакомления с языком, сохранившим элементы древнемонгольского языка.

Вместе с тем, бытование сказок среди современных нижнеудинцев свидетельствует об активной социальной функции их родного языка и преждевременности предположения о полной ассимиляции нижнеудинских бурят русской средой. Это опровергает, в частности высказывавшееся мнение о том, что "изолированная жизнь, русское окружение оказали на них (нижнеудинских бурят – А.Д.) большое влияние. Они позабыли свой язык, обычаи и даже потеряли свои этнические черты" /1, 129/.

На основании данных социологолингвистического анкетирования нижнеудинских бурят в августе 1968 г. нами выявлено следующее: (1) в целом взрослое население является двуязычным, т.е. владеет бурятским и русским языками; (2) родным языком они считают бурятский; (3) дети дошкольного возраста обычно плохо владеют русским языком, ибо языком общения в семье, с соседями-односельчанами служит родной язык; (4) во время игр дети дошкольного и младшего школьного возраста в основном пользуются бурятским языком; (5) языком обучения в начальных школах

сел: Кушун, Мунтубулак официально является русский язык. Практически же учителя-буряты прибегают к помощи родного языка для пояснения незнакомых русских слов.

Бурятский и русский языки функционально сосуществуют и в сфере производственной деятельности, но обсуждение производственных вопросов на совещаниях, собраниях проводятся на русском языке, так как буряты в укрупненных хозяйствах составляют меньшинство.

Нижнеудинские буряты в процессе беседы свободно переходят с одного языка на другой. При этом нередко в бурятскую речь вставляются русские слова.

Таким образом, анкетирование показало, что нижнеудинские буряты не забыли своего языка, но в их языке (также, как и в других диалектах бурятского языка) немало русских заимствований, которые проникли и в фольклор.

Кроме того, бытование исторических, генеалогических легенд, сказок, песен, пословиц и поговорок также свидетельствует о том, что пока еще именно на бурятском языке существует устное народное творчество нижнеудинских бурят.

Нами записаны исторические легенды со слов Н.М. Елизарьева, которому исполнилось сто лет в сентябре 1970 г.

Среди нижнеудинцев старшего поколения есть общепризнанные искусные рассказчики. С некоторыми из них нам удалось встретиться и записать несколько сказок. Ниже мы приводим сказку «Дурман», записанную со слов Е.А. Коногорова – колхозника села Кушун.

В целом сказки нижнеудинских бурят в большинстве своем представляют вариации сказок бытующих среди бурят и других народов. В них те же мотивы перевоплощения змей, чудовищ в девицу или юношу, борьба добра и зла, воплощенных в образах разных животных и т.д.

В данном случае нас интересует не содержание, а язык этих сказок и сам факт сохранения их бурятами, продолжающими фольклорную традицию своих предков.

Относительно языка этих сказок можно сказать следующее:

I. В них отражается общность с языком добайкальских бурят, в основном в структуре построения фраз и предложений.

II. В сказках употребляются преимущественно общебурятские слова, относящиеся к основному словарному фонду, поэтому содержание сказок будет понятно в равной степени и добайкальским и забайкальским бурятам.

III. В сказке «Дурман» самое существенное различие между нижнеудинским и другими говорами и диалектами бурятского языка наблюдается в звуковом составе, именно:

1) различие в консонантизме:

а) отсутствие в НД (нижнеудинский диалект) общемонгольской заднеязычно-увулярной, щелевой фонемы *х*, которой соответствует в НД увулярная смычная фонема *k*;

б) употребление в НД заднеязычной, смычной, сильной глухой фонемы *k*, отсутствующей в бурятском и монгольском языках; исключение представляет хамниганский говор бурятского языка, в котором имеется эта фонема;

в) существенное расхождение в употреблении фарингального *h*. В сказке «Дурман» вместо общебурятского *h* в анлаутной позиции нередко встречается аффриката *КХ*, например: *kхууна* вместо *hууна* 'сидит' и т.д.; здесь отражается общая тенденция в функционировании этой фонемы в НД, которая в некоторых случаях выпадает (преимущественно на стыке двух морфем в интервокальной позиции), в других – заменяется согласными звуками;

г) в аффиксе соединительного деепричастия согласный *ж* заменяется звуками: *дъ, ш*, например: вместо *абажа* употреблено *апша, унажа-уньди* и т.д.;

д) в НД нередко наблюдается вставка согласного *д* перед *е, я* в начале слова.

2) Различие в вокализме:

а) в НД имеются гласные: *э, эв*, представляющие мягкорядные, неогубленные звуки, отсутствующие в других говорах бурятского языка. Соответствующее отражение они нашли в языке приведенной ниже сказки;

б) в НД наблюдается необыкновенная частотность в употреблении гласного *ы*, что ярко выражено в данной сказке;

в) известно, что историческому **i* первого слога в большинстве монгольских языков могут соответствовать разные гласные, в зависимости от последующего слога. Этот процесс ассимиляции, называемый в монголистике переломом гласного **i*, завершился в большинстве монгольских языков, а также и в бурятском. Однако в изолированных монгольских языках, а именно в могольском, баоаньском и частично в дунсянском, нет перелома гласного [4; 6;7]. Древнемонгольский **i* сохранился и в НД в анлауте и в первом слоге, например: *нірган*, 'спина', *ніhан* 'слюна' и т.д.

Одним словом, в сказке «Дурман» четко представлены только фонетические расхождения НД с другими говорами и диалектами бурятского языка. В повседневной бытовой речи наблюдаются различия и в лексике, и в морфологии.

При транскрибировании сказки «Дурман» нами использована современная бурятская графика, основанная на русской графической системе с добавлением некоторых знаков для обозначения смычных заднеязычно-увулярных *г*, *к*, смычного, заднеязычного *Н*. Особое графическое изображение получил гласный переднего ряда, нелабиализованный *ä* в виде знака *ə*. Необходимо также отметить некоторое расхождение в написании одного и того же слова, объясняемое стремлением точного воспроизведения произношения сказителя, допускавшего двоякое произношение например звука *h* в разных позициях.

Дурмаан

Дурмаан, ḱхууна. Тырыш ысыгээн ґаḱса күбүүн, Кхаэн, күбүүн, бытчи бəəна, ḱабатəə күбүүн бытчи бəəна. Ыкы ысыгынь мытчи бəəна. Тиигээт Дурмаан күкшэ апḱаа түкөөрбэ, наhан брээмиинь күсыытьтөө. Тиимэ болбо, барактəə болтибо. Тиигээд лэ Дурмаан ḱаанда ошбо. Ḱаан өөндэ атб'ээт үгбэ Дурмаанда: "Минии басґəəйим апкадаа ути моґээн ḱаани миндаґа саґаан дыгыли ḱулууди асраа болбор, минии басґа апḱаш. Асраабоэ болбор басґəəйим апḱабоэш!". Дурмаан атб'ээт үгбэ: "Бии туршинам, бии йабанам!".

Дурмааң ошбо. Далəəн, заkада ошшо kараапта kхууба, ур'əəни модоң kараапта, ґурбаң сырыктээ kараапта kхууґаат Дурмааң йаббa. Ґурбаң боошко шороэ абба, пvvшкэ. Тиигээт йаббат. Йабаа, йабаа, далаəйаар kоло ошоо. Kараабаа татаба. Vти моґээң kаани ґыр тыр б'əəна! Дурмааң тиикыдээ сырыктээ затиба: "З'əə кvбvvт, бииш ынды ныґы гурбаңдыр ґул'аалkап, арти тамтиш болkо, бии тындээ kубилґааґаа руулаат диркып, таа, кvбvvт, тырнээ мытчи б'əəгаар'əəт". З'əə, ошбо! Vти моґээң kаани гырты ошбо. Vти моґээ kаани гыр kхаэkан!

Дурмаани ороот диркыдыынь vти моґээ kааң басґаң моґээ больди кыптны. Дурмааң əəтиба, тиигээт Дурмааң кылбы: "Vбээ даа, бии таңда əəшилди дирээ кvvм". Тиигээт Дурмааң битии саашаа тилам гыжи нидээ kарkадыынь тыры моґээнь kхаэkан, басґаң больтиба. Миндаґа саґааң дыгылтээ басґаң урдаань ботчиба.

З'əə, kол'уулаң ґул'аадалчиба, арти тамти кыжи. Тиигээт kаартаар наадат'тиба, kаартат'тиба. Дурмааң kаартаар быркы наадаkа, моґээң басґаң баhаа быркы б'əəна. Тиигээт лэ шvvбэ. Дурмааң kубилґааң; моґээнш басгаəйа шvvбэ, шvvбэ, мынгээнь баани шvvт'тибэ. Бышы мынгыниинь ныгөө коомната соо б'əəтиба. Тыры мынгындөө ошkо hамаандань Дурмааң vлгөөтээ б'əəhан миндаґа саґааң дыгылиин абаат kармаандаа кээт kхуутиба. Тиигээт дат'аат наадабат. Дурмааң шvvгдыбы, шvvгдыбы. "З'əə, ыны kармаантиим шvvтибыш! Минии kараапсоотиим шvvкэбээш! Бии мынээ kараaптаа ошшо мынгээ асарkам". Тиигээт мыкыльди ґарба. Ґарhаар гvибэ, гvитиба. Гvижэ дирhээр кылбы: "Vтыр, кvбvvт, kараабаа татактыы, vтыр, vтыр йабактыы!".

Уу, тыры kхаэkан, басґань kоэноонь гvижэ кыптны. Алта hылмыйээ тəəлажа далаэ руу шидыт'тиба. "Дурмааң, алта hылмыйиим абыыштаа! намайаа дураша йабаарəə", – гыны ". Дурмааң жиктээ, барґааhаар kатkаат vскыдыынь, барґааhаң н'əəлдат'тиба. Өөк, тиижэ йабаар kарkадыынь kара vvлэн, дээрыынь ґарнааң. Тыры kара vvлэн моґээ больди kараап дээрэ унаkыынь! Моґээ ширйаар диртиба. Дурмааң ныгы боошко шорйоо hөгыыш! Моґээ бараң далаэ руу унат'тиба. Дурмааң баhаа kараабаа татаат йабат'тиба. Моґээ баhаа ширйаар диршэ, Дурмааң баhаа боошко шорээйоо тыhы

буудат'тиба. Г'урба дати диршэ, ґурба боошко шорээйоо тыһы буудаат ла kараабаа татаат Дурмааң тыргылбы.

Далаэ ырйээт йапkадыынь, иимэ йvvмэ болбо: Арґалаң зааң Абарґа дикэ моґээйэ дээлажа б'ээна. Арґабээ дикэ дээң больдээна. Тыры дээни больдээkадыынь Арґалаң зааң Дурмаанда кылбы: "Шии намда туһалдыыш"–гыжы!". Дурмааң бээґаат Абарґа дикэ моґээйэ kарбыытиба. Урээ буу боэ, ґодли бээґаа даа. Г'одлиоор kарбажа алыытиба. Арґалаң зааң кылбы: "З'ээ, Дурмаан, даршабээ дээйиим дарбаш таа, kхаэн б'ээна даа, быркыш, быркы кvбvvң б'ээнаш таа, ырдымтээш-гыны". Дурмааң кылбы: "Шии намаэйэ гыртыым кvргыыш-гыжы". Кvрыккып даа-гыыш. З'ээ, Дурмааң гыртээ кvркы дурниинь кvрны! Гыр тээшээ, гыр тээшээ!

Тиигээт лэ Арґалаң зааң быйээрээ дирээт кылны: "Шии дирээт дээрыым уна гыжы". Дурмааң тырнээ унаат, Арґалаң зааң өөндөө кылны:"Нидээ ании, нидээ ании! Минии нидээ н'ээ гыкыдыым н'ээкэш!".

Дурмааң kхуугаат нидээ анитчиба. Үни болkыйдаа? "Дурмаан, нидээ kара"-гыыш!". Нидээ kарkадыынь Дурмааң гыртээ бээтчиба, гыртээ кvршэ дирчибэ, Дурмааң гырээ ґазаа kхуужа б'ээна. Арґалаң зааң кылны: "Шии кvvндэ кылкыбээш, минии нирґанда kхуужа дирээп гыжы", – тиигээт лэ ырйээт йапчиба.

Дурмааң байартээ, kаанаа басґа апkыынь. Гыртээ диршэ ґул'аалба, арти ууба. Арти ууґаат, һоктоот, быйээ kээрkажа дуулыыш! Дурмаани kубилґаа уґаа дикэ б'ээна гыыш! Миндаґаң саґааң дыгылээ kулуужа абаап, Арґалаң заани нирґууң дээрэ ун'ди дирээп гыжы, быйээ kээрkажа ґарлээш! Дурмааң тиигээт унаат унтат'тииш!

Vглөө боһоот ґазаа ґарба, шээкэйээ. Г'азаа ґарkадыынь Арґалаң зааң амаа анґээтижа б'ээгыыш! Идыкыынь! "Шии, Дурмааң, йvv кылээпш?". "Vбээ дөө, бии кылээбооп, ыныш богдо кылээ, богдо кылээ" – гыжы б'ээна Дурмааң. /Богдо гыжы артийаа кылдык б'ээгаа /. "З' , таа намайаа шигныыт гыыш!". Боошкоор артийаа асраа. Г'урбаң боошко арти уулґаа. Арґалаң зааң мукарит'тиба, ґазаа унатчиба. һэгээрээт боһоо. Тыры унтаkа һамаандань Дурмаанш kойор пvvшкэ залаат б'ээлгат'тьоо: буруу-ґаар, муу зуґаалаа болбор пvvшкvvтш һvркы б'ээгаа.

Амитаӊ зоӊ сугларат'тьоо, Арґалаӊ зааӊ кылны: "З'ээ, нээрээ кылээш". Гыжы, тыры Дурмаанаа мактаат, йабат'тьоо.

Дурмааӊ тиигээт kаанаа басґа абаа. Kаани кvдын дапkар гырты ошоо, kаани басґатайаа kол'уулан kхууна, аша бурkандаа тышы kхаәӊ kхууґаа.

Дурман

Жил был Дурман. Он был единственным сыном отца. Хороший парень растет, сильный парень растет. Родители его знают это. Затем Дурман собрался жениться, время подошло. Так было, свадьба назревала. Тогда Дурман отправился к хану. Хан ответил Дурману: "Ты возьмешь мою дочь в жены, если выкрадешь у царицы-змеи белую бобровую шубу. Если не принесешь ее, то мою дочь не возьмешь!". Дурман ответил: "Я попробую, я иду!".

Дурман пошел. Придя к берегу моря, сел на корабль, на старинный деревянный корабль с тремя матросами и поплыл. Взял с собой три бочки пороха, пушку. Затем отправились. Плывут, плывут по морю, далеко уплыли. Корабль пристал к берегу. Вон дворец царицы-змеи! Тогда Дурман обратился к матросам: "Ну, ребята, я здесь погуляю дня три, будет водка и табак, я там немножко погуляю и вернусь. Вы, ребята, знайте это!". Ну, пошел! Пошел во дворец царицы-змеи. Красив дворец царицы-змеи!

Когда Дурман зашел, царица-змея превращалась в девушку-змею. Дурман испугался, затем он сказал: "Да нет, я к вам в гости пришел". Потом, когда Дурман на миг отвел глаза, та змея превратилась в красивую девушку. Перед ним стоит девушка в белой бобровой шубе.

Ну, теперь загуляли вдвоем, здесь есть и водка, и табак. Потом стали играть в карты, закартежничали. Дурман хорошо играл в карты, дочь змеи тоже хорошо играла. Он начал обыгрывать ее, обыгрывает да обыгрывает. Дурман хитрый: он все обыгрывает, обыгрывает дочь змеи и выиграл все ее деньги. Другие деньги были в соседней комнате. Пока она ходила за деньгами, Дурман, схватив висевшую белую бобровую шубу, положил ее в карман и сел. Затем опять начали играть. Дурман все проигрывает да проигрывает. "Ну, ты выиграла все мои карманные деньги! Но тебе

не выиграть то, что на корабле! Я сейчас пойду и принесу деньги с корабля". Так, обманув ее, ушел из дворца. Как вышел, так и побежал. Бегом вернувшись на корабль, он говорит: "Быстро, ребята, быстро поднимайте паруса, быстрее, быстрее отплывайте!".

Уу, та красивая девушка бежит за ним. Сняв с себя золотые украшения, бросила их в море, сказав: "Дурман, возьми мои золотые украшения! Вспоминай меня!". Дурман хитрый, он не рукой, а прутиком дотронулся до них, прутик прилип к ним. Ох, в тот же миг взвилось черное облако. Это черное облако, превратившись в змей, сверху налетает на корабль! Змеи с шумом приближаются к кораблю. Дурман выпустил одну бочку пороха! Все змеи упали в море. Дурман опять поплыл. Змеи опять с шумом налетели, Дурман опять пальнул в них порохом из одной бочки. Три раза налетали змеи, и Дурман, истратив все три бочки пороха, спасся от преследования.

Когда он объехал море, случилось следующее: Лев сражался с огромным змеем. Во время сражения Лев говорит Дурману: "Ты мне помоги!". Дурман выстрелил из лука в огромного змея и убил его. Раньше ружья не было, были лук и стрела. Дурман убил змея стрелой из лука. Лев сказал: "Ну, Дурман, ты одолел моего непобедимого врага, это очень хорошо, ты молодец, парень ты ловкий, искусный стрелок". Дурман сказал: "Ты меня проводи домой". Тот обещал проводить. Ну, Дурману очень хочется домой! Домой, домой!

Потом Лев сам заявился и говорит: "Ты садись верхом на меня". Дурман сел верхом на Льва, тот говорит Дурману: "Закрой глаза, закрой глаза! Откроешь глаза тогда, когда я скажу: "Открой!".

Дурман закрыл глаза. Долго ли это длилось? "Дурман, открой глаза", – говорит Лев. Когда Дурман открыл глаза, увидел, что он сидит у себя во дворе. Лев говорит: "Ты никому не говори, что приехал верхом на мне", – сказав это, он скрылся.

Дурман веселится, радуется, что женится на дочери хана. Дома он загулял, выпил водки. Напившись водки, опьянел и начал похваляться, что Дурман очень хитрый! Он выкрал белую бобровую

шубу у царицы-змеи и приехал верхом на Льве! Затем он свалился пьяный!

Утром, протрезвев, вышел во двор. Во дворе стоит Лев с раскрытой пастью! Сейчас съест! "Ты, Дурман, что сказал?"—"Да нет я ничего не говорил! Это водка сказала", – говорит Дурман. "Ну, вы выслушайте меня", – просит Дурман. Он принес водки в бочках и напоил Льва тремя бочками водки. Лев свалился во дворе. Протрезвившись, Лев встал. За это время Дурман успел приготовиться: на Льва нацелил две пушки на тот случай, если тот выдумает напасть.

Собрался народ. Лев говорит: "Ну, ты прав, Дурман". Похвалив его, Лев ушел.

Дурман взял себе в жены дочь хана. Дурман переехал в многоэтажный дворец хана и зажил счастливо со своей женой.

Литература

1. Балдаев С.П., Материалы о бурятских племенах и родах, – «Этнографический сборник», Улан-Удэ, 1961, вып. 2.
2. Боржонова А., К вопросу о влиянии русского языка на бурятский, Иркутск, 1927.
3. Дарбеева А.А., Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху, М., 1969.
4. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, т.I, М., 1953.
5. Санжеев Г.Д., Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят, Л., 1930.
6. Тодаева Б.Х., Дунсянский язык, М., 1961.
7. Тодаева Б.Х., Монгольские языки и диалекты Китая, М., 1960.
8. Хангалов М.Н., Собрание сочинений, т.II, Улан-Удэ, 1959.

7–1061

Ц.-А. Дугар-Нимаев

ЗАМЕТКА О МАЛОИЗВЕСТНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ РИНЧЕНА НОМТОЕВА

Ринчен Номтоев – известный бурятский филолог XIX в., автор ряда лингвистических работ. Ему принадлежат труды в области грамматики монгольского языка, которые в последние годы стали предметом изучения монголоведов.

Монгольский ученый Т. Нагва, впервые специально рассмотревший грамматические труды Р. Номтоева, дает подробный разбор двух его крупных работ "Монгол үсгийн йалгалыг үзүүлэгч тодорхой толь нэрт оршваа" и "Дээд шашин эрдэнэ-бээр монгол орныг гэгүлэгсэн үгийг үзүүлсэн йаруу хэлний хүрхэрэл". П. Балданжапов упоминает три работы Р. Номтоева.

Для данной статьи представляет интерес не исследованная работа Р. Номтоева "Монгол-ун эгэшиг ба гэгигүлэкчи үсүг-үд тэгүн-ү дэбисхэрлэхүй-лүгэ сэлтэ-ийн орошибай". Она была издана ксилографическим способом, как сказано в колофоне: *хэмэхү эүн-ү сайн зарлиг-ун хура багулгакчи хийд-ун дгэслонг блоб-бзан ринчен нэрэтү эблэгүлэбэй* 'Данное сочинение составлено гелоном по имени Лубсан Ринчен в монастыре под названием "Вызывающий дождь доброй проповеди"[9]. Имя Лубсан Ринчен – это известный псевдоним Ринчена Номтоева, а монастырь под названием "Сайн зарлиг-ун хура багулгакчи" (тиб. *шад-дуб чарбап линг*) – это название Цолгинского дацана, в котором находился Ринчен Номтоев до 60-х годов XIX в. Стало быть, работа была написана около пятидесятых годов, до его ухода из монастыря в светскую жизнь.

Данный ксилограф (размер 11х35) состоит из девяти листов и имеет следующее содержание.

На обороте первого листа (1б) дан алфавит в виде таблицы. По вертикали расположены семь гласных (*а, э, и, о, у, ө,*), по горизонтали напротив каждой гласной приводятся образуемые ими вместе с 17 согласными слоги (по терминологии автора *үсүг-үд*).

На листах 2а – 7б приведена таблица написания монгольских семи гласных (*а, э, и, о, у, ө, ү*) и ста слогов (с согласными *н, б, г, м, л, р, с, д, т, й, ц, з, в, ш*) в начале (*тологой буйу эхин*), в середине (*думда*), в конце (*сэгүл*) слов.

В начале листа 8а сказано *эдүгэ эгүн эцэ хойнагши арбан нигэн дэбисхэр- н чинга х ндэй-йи бичис гэй* ('отсюда в дальнейшем будут показаны звонкие и глухие случаи одиннадцати согласных'. Речь идет о произношении и правописании согласных *н, г, б, м, л, р, д, с, й, нг, у* в закрытых слогах в положении после гласного (лл. 8а – 9б). К каждому слогу даются несколько примеров слов с разбивкой на звонкие (*чинга*) и глухие (*хүндэй*) случаи сочетания.

Содержание работы показывает, что это популярное пособие для начинающих овладевать монгольской грамотой: алфавитом, простейшими правилами чтения и письма.

Интересно остановиться на одном абзаце колофона: *эгүн-ү дэгэрэ монголүсүг сурхой хэрэглэкчин А ли гаали-ийн үсүг сурадцал үгэй октуулү болху тула эгүн эцэ тусагар хабтасан-дор сэйлгэжү талбигсан тэгүн эцэ үзэгдэхүй* 'поскольку стремящимся научиться монгольской грамоте совершенно нельзя не знать буквы галика, то учитесь по отпечатанному отдельно от этого ксилографу'. Из содержания абзаца ясно, что Р. Номтоеву принадлежит еще одна грамматическая работа – о монгольском написании санскритских, тибетских букв.

В связи со всем сказанным можно определить наше мнение относительно авторства одного сочинения. В своем обзоре монгольских грамматических сочинений монгольский ученый профессор Б. Ринчен называет сочинение "54. Энэтхэг ба төвд монголын Аа ли ану а-гийн эрихэ гаа-ли ану гэ-гийн эрихийн үсүг орошивай", к которому дает следующее примечание:

"Чухам аль газрын барханд бартай байсныг мэдэх тэмдэгүй. Төгсгөлийн үг нь:

Энэтхэг төвдийн Аа ли гаа лийг
Эндэх монголын хэлээр бичих унших тэргүүтнийг
Эрх бус тус болохыг хүсэж,
Зүү нийг хичээнгүйлэн хэв тор сиилгэвэй би,
Радна хэмээжээ.

Энэ төгсгөлийн дөрвөн шад нэгэн бадаг шүлгээр зохиогчийн товч намтар, бар гаргасан газрыг мэдэх хүн гарах буй за гэж тэмдэглэлээ" ('Нет указания точно, в каком месте был сделан ксилограф. В колофоне встречаем слова:

Знанием чтения и письма санскритского и
тибетского галика
На монгольском языке этой стороны,
Желая обязательно принести пользу,
Усердно добился печатания его я,
Радна по имени.

Отметим, что наверняка найдется человек, знающий краткую биографию автора этих четырех стихотворных строк и место издания ксилографа').

Автором, написавшим свое имя санскритским словом Радна (тиб. Ринчен) является Ринчен Номтоев. В некоторых других своих работах он подписывался как Радна. Содержание этого сочинения полностью подтверждает указание на то, что правила галика были отпечатаны отдельно. Выражение *эндэх монголын* почти буквально и по смыслу повторяет его собственное выражение "*энэ зүг-үн улус-ун хэлэн-э*" в колофоне перевода десятой главы Бодичарияватары.

Стало быть, сочинение, приведенное под № 54 в работе проф. Б. Ринчена, принадлежит Ринчену Номтоеву и является той грамматической работой, которая была отпечатана в Цолгинском дацане вслед или одновременно с его пособием по монгольской письменности, разобранным нами выше.

Итак, можно сказать, что Ринчену Номтоеву принадлежат не две и не три, а четыре грамматических работы по монгольскому языку.

Литература

1. Балданжапов П.Б., Jürüken-ü tolta-yin tayilburi, Монгольское грамматическое сочинение XVIII в., Улан-Удэ, 1962.
2. Bodhicaryā vatāra, изд. Б.Я. Владимирцов, Л., 1929 (на монг. яз.).
3. Пагва Т., Монгол хэл зүйч-эрдэмтэн Сумадирадна (Лувсан Ринчен) – гийн бүтээл үүдийн товч тойм, Улаанбаатар, 1958.
4. Ринчен Б., Монгол бичгийн хэлний зүй, Улаанбаатар, 1964.

В.С. Дылыкова

ЛЕГЕНДА О ВЭНЬ ЧЭН И СОНЦЗЭНГАМПО

Впервые о жизни тибетского царя Сонцзэнгампо и о китайской принцессе Вэнь Чэн было рассказано в «Качэм-кагольме» и «Мани-камбуме» – произведениях апокрифической литературы. Эти два апокрифа относятся к XIII-XV вв. «Качэм-кагольма» обладает определенной исторической правдивостью в описании фактов, что очень важно для тибетской историографии, и переводится как «Завещание царя Сронцзан-гамбо» [1,25]. Памятник «Мани-камбум» состоит из множества отдельных сочинений и носит название «Собрание творений царя Сронцзан-гамбо». В 1829 г. Я. Шмидт опубликовал на немецком языке в переводе с калмыцкого «Сказание о женитьбе тибетского царя Сонцзэнгампо на китайской принцессе Вэнь Чэн» [5]. Затем весь текст сказания, включенного в «Мани-камбум» и его перевод был опубликован французским тибетологом Жаком Бако [3, 1-60]. Сообщение о Вэнь Чэн можно найти в статье Дж. Туччи [6,121-126]. На русский язык с тибетского эта легенда не переводилась.

Ниже приводится часть перевода этой легенды по книге "Sprul-pas rgyal-po srong-btsan-sgam-pos rgya-bza khap-tu bžes-pai lo rgus" ("История о том, как обладающий даром перевоплощений тибетский царь Сонцзэнгампо взял в жены китайскую принцессу"), изданной в Цинхае в 1958 г.

Когда царю Сонцзэнгампо, владевшему искусством волшебных перевоплощений, исполнилось шестнадцать лет, к нему пришел советник Гар и сказал: "Прошу, царь, распоряжения посватать тебе в жены также и китайскую принцессу. (Сонцзэнгампо

был уже женат на непальской принцессе, – прим. пер.) Царь вручил Гару семь золотых слитков со следующими словами: "Этот подарок отдай в начале сватовства". Он передал советнику драгоценный панцирь, инкрустированный рубинами, и три слитка и сказал: "Вручи этот панцирь как выкуп за принцессу. Китайский император задаст тебе три вопроса, и тогда в ответ на каждый вопрос ты передашь эти слитки один за другим". Сонцзэнгампо приготовил для советника Гара и его свиты караван, который состоял из множества верблюдов и мулов, навьюченных вещами, необходимыми в дороге, а также одеждами и украшениями. На прощанье царь наказал: "Двигайтесь по дороге днем и ночью, какой бы опасной она ни была, не забывая при этом призывать благословение богини Тары".

И вот, восьмого дня четвертого месяца в год огня-обезьяны, когда звезды благоприятствовали путешествию, советник Гар со ста всадниками и караваном отправился в Китай. Они ехали долго и наконец достигли стен танской столицы, резиденции танского императора Тай Цзуна. Там проживало сто тысяч семей. Увидев стены, протяженностью в день пути, и огромные ворота, ведущие в город, тибетцы поразились и испугались. Как раз в это время в столицу также прибыли советник индийского царя Дхармы, со ста всадниками, советник воинственного царя Кэсара со ста всадниками, советник персидского царя со ста всадниками, советник царя хоров со ста всадниками; и все они желали сватать за своих повелителей китайскую принцессу Вэнь Чэн. Посланники индийского царя расположились у восточных ворот, посольство царя Кэсара разместилось у южных ворот, гонцы царя персов остановились у западных ворот, посланники царя хоров устроились у северных, тибетские посланники расположились между северными и восточными воротами...

Призвал всех советников к себе китайский император и сказал: "Вас, посланных сватать принцессу, пятеро. Посостязайтесь-ка вы в мудрости: кто окажется самым умным, тот и получит принцессу в жены своему господину". Посланцы согласились на предложение императора. И началось состязание на сообразительность.

Прежде всего император велел принести большую бирюзу. Он предложил советникам продеть сквозь имеющийся в ней извилистый ход кусок шелка. Ничего не смогли придумать посланцы индийского и персидского царей, а также царя хоров и Кэсара. Наступила очередь советника Гара, посланника тибетского царя. Поймал он муравья и откормил его до больших размеров. Затем перевязал ему брюшко шелковой нитью, соединенной с куском свернутой в трубку щелковой материи, сунул муравья в отверстие бирюзы и начал дуть. Муравей прополз по извилистому ходу и выполз из драгоценного камня. Так был продет шелк через бирюзу. Но на этом состязание не кончилось. Император не отдал Вэнь Чэн Гару. Тай Цзун велел пригнать сотню кобылиц с жеребятами и предложил советникам угадать, матерью какого именно жеребенка является каждая из кобылиц. Справиться с очердной задачей не смог никто из советников, кроме Гара. Он приказал отделить от кобылиц жеребят и накормить их как следует, но воды не давать. Когда жеребят выпустили, они кинулись каждый к своей матери и стали сосать молоко. Так Гар безошибочно угадал матерей всех жеребят. Но и на этом состязание в мудрости не закончилось. Привезли во дворец сосну, обтесали ее, превратив в бревно, и нужно было определить, где у бревна комель, а где вершина. Кто отгадает, тот и станет победителем. Бились советники над этой задачей, но так и не смогли ее решить. Только один Гар знал, что комель всегда тяжелее вершины. Попросил тибетский посол откатить бревно к реке и сбросить его в воду. Когда все было исполнено, тяжелый комель погрузился в воду, а легким концом бревно развернулось вверх. Опять выиграл состязание посланник тибетского царя, но и тогда не отдал ему дочь китайский император. "Будем соревноваться в мудрости еще раз" – решил Тай Цзун. На следующий день пригнали пятьсот овец, и император сказал: "Этих овец вы должны в течение одного дня убить, мясо съесть, а кожи выдубить. Тот, кто это сделает, получит принцессу". Тогда каждый тибетец, а их было сто человек в свите Гара, убил по одной овце, мясо сложили в одну сторону, а шкуры в другую. Усевшись в ряд, они стали резать мясо маленькими кусочками, макать эти кусочки в соль и есть.

И так съели все мясо. Шкуры же стали передавать один другому и, передавая, мяли их. Последний в ряду натирал шкуру маслом и отдавал рядом сидящему в ряду. К концу ряда шкура была уже выдублена. Таким образом тибетцы справились и с этой задачей. Но опять заупрямился китайский император и не захотел отдать принцессу тибетцам. По приказу императора принесли и вручили каждой группе посланцев по сто кувшинов вина. "Завтра в полдень это вино надо выпить, не пролив ни капли и не опьянев. Тот, кто выполнит это, получит принцессу", – сказал Тай Цзун. Повелел Гар своей свите разлить это вино в маленькие сосуды и пить его маленькими глотками. Все вино было выпито, ни одной капли не было пролито, и никто не опьянел. Когда тибетцы посмотрели на других советников, то увидели, что те залпом пили вино большими чашами. Скоро они опьянели, их стало тошнить, а вино пролилось на землю. Но китайский император, не желая выдавать свою дочь замуж за тибетского царя, так и не отдал тибетцам Вэнь Чэн.

Однажды забили во дворце барабаны, призывая советников пяти стран во дворец. На пути во дворец советник Гар ставил отметки синей краской на приметных местах. По прибытии во дворец советников изысканно угостили, а когда стемнело, последовал незамедлительный приказ императора вернуться всем по домам. Ему хотелось посмотреть, кто из посланцев раньше всех доберется до своей резиденции. Легко находя дорогу по сделанным отметкам, Гар быстро нашел свой постоялый двор. Остальные же посланники заблудились и ночевали либо в чужом доме, либо в переулке.

Победа была за тибетцами, однако император пожелал испытать всех посланцев еще раз. Он повелел собрать триста девушек, включив в их число и принцессу Вэнь Чэн, нарядить их в красивые одежды, надеть на них дорогие украшения – так, чтобы все они выглядели как одна. Когда приказ этот был исполнен, он призвал посланцев и велел им найти среди массы девушек принцессу Вэнь Чэн, обещая отдать свою дочь

тому, чей посланец ее угадает. И тут даже сметливый Гар растерялся, но вспомнил про хозяйку постоялого двора, с которой он находился в любовной связи. Она хорошо знала принцессу, но боялась гнева императора, который с помощью гадателей мог узнать, кто рассказал приметы принцессы тибетцу.

И тогда Гар сказал ей: "Я знаю способ, чтобы не узнали гадатели, кто именно раскрыл тайну принцессы. Запри двери дома и во дворе устрой большой очаг-треножник. Сверху на него поставь большой медный котел, полный воды. В воду брось перья различных птиц. И накрой котел красным щитом. На этот щит садись, хозяйка. На голову надень глиняный горшок, в глиняном горшке проделай дырочку, в дырку вставь медную трубку и говори в нее. Если сделаешь так, то ни один гадатель не угадает, что о приметах принцессы сообщила ты". Ответила хозяйка: "Слушай меня внимательно. Божественная принцесса не отличается от других девушек ни ростом, ни красотой сложения. Не отличается она от них и своим нарядом. Уста ее благоухают ароматом голубого лотоса. Вокруг нее вьется бирюзовая пчела, привлеченная ароматом тела. На левой щеке ее рисунок игральной кости. На правой – рисунок лотоса. Посредине лба есть красное пятнышко, а над ним – изображение сидящего бодхисаттвы. На зубах принцессы – белые точечки, а на шее – родинка. Божественная принцесса не будет стоять в начале ряда трехсот девушек, не будет она находиться и в середине его. А будет она седьмая от края в левом ряду. Тело и одежда принцессы находятся под волшебной защитой и дотронуться до них нельзя. Возьми ты новую стрелу и прикрепи к ней квадратный кусок шелка, а затем подойди к принцессе. Зацепи ее концом стрелы за воротник самой верхней одежды и выведи принцессу из ряда девушек".

Придя на площадь, где были собраны девушки, Гар увидел, что другие посланцы уже сделали свой выбор. Убедившись, что ни один из них не выбрал принцессу, Гар обра-

довался. Переходя от одной девушки к другой, он внимательно осматривал их. Подойдя к седьмой девушке, он обнаружил приметы, о которых сообщила ему хозяйка дома. Зацепив стрелой за воротник ее одежды, он вывел китайскую принцессу из ряда девушек. Горько заплакала угаданная Вэнь Чэн и последовала покорно за тибетцем. Гар посадил ее перед собой на лошадь и объехал людную площадь, гордясь своей победой. Обратилась Вэнь Чэн к Тай Цзуну со следующими словами: "Если я должна ехать в Тибет, то дай мне отец своего охранителя, божество, которому ты приносишь жертвы – изображение Шакьямуни. Дай мне в эту голодную и снежную страну запасы семян различных злаков. Дай мне в эту снежную и холодную страну шелковые одежды, которые бы в течение всей жизни согревали бы мое тело. Дай мне в сопровождение подругу-служанку в эту далекую окраинную страну". В ответ сказал император следующее: "Тебе, дочь-красавица, дарю изображение Шакьямуни, подлинник которого сделан из десяти драгоценных материалов владыкой богов – дарующим милость Индрой. А копию этого изображения изготовил Вишвакарма, и освящено оно самим Буддой. Если у этого несравненного изображения попросить видимое, слышимое, мыслимое и ощущаемое, то Будда быстро распорядится, чтобы ты обрела то, о чем просишь. И вот это изображение Будды – источник подобных благ, расстаться с которыми все равно что расстаться с сердцем, я дарю тебе, дочь-красавица. Сокровищницу богатств, вмещающую в себе драгоценности, милые сердцу моему, я дарю тебе, дочь-красавица. 360 священных книг и хранилища их, сделанные из золота и бирюзы, я дарю тебе, дочь-красавица. Способ приготовления различных яств и напитков, а также бирюзовые ожерелья я дарю тебе, дочь-красавица. Атлас на сиденье трона, затканный рисунками плодов, деревьев, чудесных птиц и львов, на удивление царю тибетскому я дарю тебе. Шестьдесят мастеров-умельцев, сведущих и в строительстве, и в выделке драгоценных украшений, я дарю тебе, дочь-красавица. Лекарства, помогаю-

шие от четырехсот четырех болезней, дарю тебе, дочь-красавица. Двадцать пять красивых девушек, милых сердцу твоему, которые будут утешать тебя в горе, я дарю тебе, дочь-красавица". Таково было решение императора Тай Цзуна.

В 641 году принцесса Вэнь Чэн прибыла в Лхасу, и вскоре там состоялась торжественная свадьба. Вэнь Чэн стала женой Сонцзэнгампо. Прибывшие в Тибет с принцессой Вэнь Чэн мастера очень быстро передали тибетцам свои знания в области земледелия, зодчества, изготовления бумаги, виноделия, керамического производства. Тибетцы сменили войлочные одежды на шелковые. Согласно другой легенде, Сонцзэнгампо по желанию Вэнь Чэн приказал построить в центре Лхасы монастырь Чжокхан. Когда храм был построен, Вэнь Чэн поместила в нем привезенную ею статую Будды. Именно с этого времени буддизм получил в Тибете большое распространение. Вэнь Чэн прожила в Тибете тридцать лет. В тибетских исторических записях уделяется большое внимание ее заслугам. Ей посвящены многие пьесы, исполняемые на праздниках бродячими труппами [4, 100-174]. В одной из наиболее известных рассказывается история ее замужества. Во дворце Потала и до последних дней можно было видеть статуи Сонцзэнгампо и Вэнь Чэн, и каждый год тибетцы отмечали праздник "Сагадава", день, когда прибыла в Лхасу китайская принцесса Вэнь Чэн.

Этот отрывок из легенды можно проанализировать с помощью системы В.Я. Проппа [2]. Такие мотивы, рассмотренные им, как "акт враждебности", мотивы трудных задач, а именно: испытания или выбор невесты, наглядно прослеживаются в рассматриваемой тибетской легенде. Причем в тибетской легенде решение трудных задач, за исключением выбора невесты, производится не силой магии, а силой разума. Все это лишний раз подтверждает фольклорный характер тибетской легенды о женитьбе царя Сонцзэнгампо. Прежде чем

выдать свою дочь замуж, китайский император задает советникам различные трудные задачи. "Мотив "трудных задач" – один из самых распространенных в сказке" [2, 282]. Задача задается как испытание советников пяти стран. Эти испытания интересны тем, что содержат момент угрозы: "Если не выполните эти условия, то не получите принцессу". Особенно ярко выражен "акт враждебности" по отношению к тибетскому советнику Гару. Эта враждебность проявляется ясно тогда, когда он выполняет одно задание за другим, а Тай Цзун вместо того, чтобы сдержать слово и отдать ему дочь, придумывает все новые и новые трудные задачи. Одно из состязаний определенным образом связано со скотоводством (убить сто овец, мясо съесть, а шкуры выдубить). Это состязание дополняется испытанием едой, весьма распространенным в фольклоре. Также вполне допустимо, что здесь сказались представления общности трапез, как символ общности рода. В любом случае это является отражением форм ритуальной трапезы, связанной с вступлением в брак [2, 296]. Интересно решена проблема узнавания китайской принцессы. "Задача узнать искомого среди равных встречается не только в шаманской практике, она встречается еще как свадебный обряд и зарегистрирована вплоть до XIX в. по всей Европе. Приведем несколько случаев. Во Франции, в Вогезах жених в день свадьбы должен выбрать суженую из большой толпы девушек... В Сардинии жених, являясь к празднику обручения, вводится в комнату, где сидят в ряд как можно больше девушек, все в молчании и напряженном спокойствии. То же записано во многих других местах. Так в Берри, во Франции, в конце свадьбы все женщины становятся в ряд. Жених обходит их сзади и по обнаженным ногам должен узнать невесту" [2, 302]. Этот обычай имеет широкое распространение. Кагаров включает этот обряд в серию экзапатетических или диссимуляционных обрядов (ритуальных фикций) [2, 302].

Литература

1. Востриков А.И., Тибетская историческая литература, М., 1962.
2. Пропп В.Я., Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.
3. Bacot J., Le mariage chinois du roi tibétain Sron bcan sgampo, – MCB, Bruxelles, 1935, vol. III.
4. Duncan M.H., Harvest festival dramas of Tibet, Hong Kong, 1955.
5. Schmidt I., Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses, SPb., 1829.
6. Tucci G., The wives of Sron-bcan sgam-po, – «Orients Extremus», 1962, IX.

Библиографические сокращения

MCB – «Mélange chinois et bouddhiques».

Г. Кара

ПОПРАВКИ К ЧТЕНИЮ ОЙРАТСКИХ ГРАМОТ 1691 г.

Ойратские грамоты 1691 г., знаменитые памятники истории ойратско-русских дипломатических связей, занимают важное место в истории монгольской письменности. Они относятся к немногочисленным образцам ранних ойратских официальных бумаг, написанных буквами «ясного письма» еще в XVIII в. Их язык отражает живую ойратскую речь и сильно отличается от языка ойратских текстов буддийского содержания, которые, в большинстве случаев – переводы, не могли освободиться от влияния старописьменного языка и тибетского церковного слога.

Фотокопии трех ойратских грамот, хранящихся в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов – двух писем ойратского Галдана Бошокту к русскому царю и одного письма ойратского посланца к тому же царю – были опубликованы впервые Н.П. Шастиной в ее книге «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» [5, 170].

Эти грамоты несомненно ценны как исторические памятники, однако ввиду того, что их содержание было давно известно по русским переводам (парафразам) или записям, сделанным еще в XVII в. они, как источники, менее важны для изучения истории ойратов, чем для исследования их языка и письменности. События ойратской истории известны лучше по внешним (европейским, китайским и мусульманским) источникам, чем по внутренним (ойратским), что характерно для истории кочевников: о собрании сведений относительно

их быта и событий их жизни заботились скорее их оседлые соседи. Это можно сказать и об истории монголов монгольской эпохи: без мусульманских, китайских и прочих внешних источников (хотя и не всегда объективных) мы знали бы гораздо меньше, примерно то, что содержит оригинальное, но с точки зрения характеристики исторической эпохи одностороннее «Сокровенное Сказание», сохранившееся в китайской транскрипции, к счастью, чудом уцелевшее от пожаров и прочих бедствий.

Филологическая обработка трех ойратских грамот – их чтение (в транскрипции), перевод и комментарий – принадлежит перу американского алтаиста Дж. Кругера, который опубликовал результаты своих исследований в 1969 г. [6, 286-295].

В настоящей статье сделана попытка дать ряд поправок и примечаний к чтению и в некоторых случаях к переводу Дж. Кругера, придерживаясь установленного им порядка документов:

документ 1 – письмо ойратского посланца к русскому царю,

документ 2 – письмо Галдана к русскому царю (по Кругеру – письмо ойратского посланца Ачин-Кашки; однако оно имеет печать Галдана),

документ 3 – письмо Галдана к русскому царю,

печать – оттиск той же печати на двух последних документах.

В транскрипции ойратских слов предпочтительно писать *c*, *č*, и *z*, *ǰ*, что ближе к ойратской фонетике второй половины XVII в., которая известна по записям Витсена и современным русским транскрипциям. Ойратское двоеточие передается двоеточием (у Кругера: двоеточие соответствует ойратскому знаку долготы, а ойратское двоеточие передается то запятой, то точкой), долгота обозначена горизонтальной черточкой над гласной буквой.

Yeke caγān χan 'Великий белый царь' и *Bošoqtu xan* 'Бошокту-хан'. Во всех трех документах русский царь называется последовательно словом *xan* (с краткой гласной, см. монг. *qan* 'князь', 'правитель', но не *qaγan* 'император'), ойратский правитель имеет всегда титул *xan* 'император'. Это старинное различие двух родственных слов встречается и в переводах буддийских рассказов, в которых говорится о магараджах (*yeke*) *qaγan* ~ ойр. *yeke xān* и об их вассальных королях (*üčüken*) *qad* (ед.ч. < мн.ч. < ед.ч. *qan*), это различие отражается в монгольских письмах северо-западных алтан-ханов первой половины *XVII* в., и также в ранних грамотах в квадратной письменности, где читается *Činγis qanu ba Qānu ba Jarliqdur* [2,107]; в надписи 1346 г.: *Činnggis qan töröji* (там же: *Ögedei qaγan*) и в древнейшем из всех известных монгольских памятников, на Чингисовом камне: *Činnggis qan-i* [1,81].

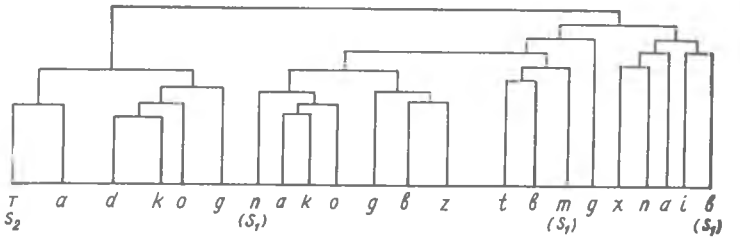
В обращении к царю, в письмах Галдана употребляется вежливый язык: Галдан "доложит" царю (*ayilad-a-*) и просит "внимать" его словам (*ayilad-*), как низший (например хан) должен говорить высшему (например, хагану), когда просит помощи у царя. В то же время, пользуясь двумя родственными словами, близкими по звучанию, он искусно выражает свое превосходство. Халхаские князья, вассалы маньчжурского императора, могли сохранить свой ханский титул благодаря наличию тех же двух терминов «хан» и «хаган» (в маньчжурском оба – хан): в отличие от богдыхана (*boγdo qaγan*) в письме они назывались лишь ханами (*qan;* см., например, халхаское пограничное письмо 1731 г. [3, рис. 9а, № 180]; *Qalq-a-yin Wačirai-batu tüsiyetü qan Wangjil dorji*, там же: *Oros-un qan abai*), однако в силу возможности монгольская орфография и орфоэпия допускает произнесение *qan* и *qaγan* одинаково – *хан* (*Čečen qaγan-tan-u bičig* [3, № 179], но на оттиске печати: *Sečen qan*). Согласно монгольской традиции, титул Петра I в его монголоязычной грамоте 1697 г. [3, рис. 11,

№ 264/, написанной на «разговорном» языке, пишется в орфографии, близкой к ойратской и «ойратовидным» почерком: *tengriyese jaya/atu... yeke čaγan qan* 'милостию неба (букв. судьбой от неба) великий белый царь' /7, 14-15; 5, 287/.

Вместо *oquqsö:r* (Кругер) текст дает обычную ойратскую форму *ögüqser* (монг. *öggügseger*).

Это предложение *Tobuliyin almoud dörbön kümün od getele: namai arban kümün od geqsen biciq zarligi: ta bügüdedü medöülsü geji xoyor nökörön abci irelei bi* Кругер переводит следующим образом: 'When the Voevoda of Tobolsk said /only/ four men could go on to /Moscow/, I went and took the letter-order which said to my two /unlisted/ men: «You will inform everyone»', т.е. 'Когда тобольский воевода сказал, что только четыре человека могут поехать /в Москву/, я пошел и взял грамоту, приказавшую поехать десятерым вместе со мной, и сказал моим двум /незарегистрированным/ товарищам: «Вы известите всех»'. Слог посланника немного тяжел, и перевод Кругера не передает точно смысл ойратского предложения. В данном предложении выделяются два субъекта действия. Субъект левой, подчиненной части – *Toboliyin almoud* 'тобольский воевода'. Эта часть, которая кончается деепричастием *getele*, включает в себя целое предложение *dörbön kümüd od* 'пусть поедут четыре человека', выполняющее функцию прямого дополнения. Вся левая часть является косвенным дополнением правой части. Субъект правой части *bi* 'я' стоит здесь за сказуемым, финитной глагольной формой, слившись с ней (см. калм. *irlāw*). Вторая, правая часть содержит две подчиненные единицы: *namai...geji* и *xoyor nokorön abci*, оба в функции косвенного дополнения. Правая из них имеет прямое дополнение, которое является самостоятельным предложением (*...medöülsü*. имеющим свои прямое и косвенное дополнения (*...zarligi* и *ta bügüde-dü*). Субъект этого «внутреннего» предложения показан модальным суффиксом *-sü* (оптатив, 1-е л. ед.ч.). Адъектив прямого дополнения *...zarligi* – также предложение *namai... geqsen*, прямое до-

полнение которого – предложение, и его субъект стоит в винительном падеже. Схематически можно представить сказанное выше следующим образом:



Итак, более точный перевод звучит так: 'Хотя тобольский воевода сказал: «Пусть поедут /лишь/ четыре человека», – я поехал, взяв /еще/ двух своих товарищей, чтобы всем Вам показать (букв. известить) грамоту, приказавшую мне поехать /в Москву/ вдесятером'.

Документ 2

Meskŭŭ 'Москва'; палатальный вокализм объясняется, вероятно, невелярностью русского твердого *k*, долгота второго слога соответствует русскому ударному *ва*, см. калм. (торгут. и дербет.) *Moskū* (Рамстедт) и тур. *Moskov* (Радлов). *Meskŭŭ yeke nutuqtan (-tān)* русск. в царствующем своем граде Москве /4,392/. Примеры: *adistidēr* 'милостью', вм. книжного *adistid-yēr*, *ali bese kereq üyile* 'любое дело', см. калм. *bes*^{e}, *bos*^{e}; *al*$^{'l}$ *bos 'wer es auch sei'* (Рамстедт); *ayladxad* вм. регулярного *ayilad-*. *Zokistu Xasxa-tai: Girgouri Ki boro* 'Григорий Кибирев с Зокисту-хашхой' (Кругер: *zokistu asaq 'trusted Cossack'*). О слове «хашха», которое должно быть каким-то титулом, писали Румянцев и Окунь /4, 382/: Дархан Оюки Кашка, Очин Кашка (стр. 404), Цокту Хашка, и т.п. См. тюрк. *qašqa axtači* 'шталлмейстер' (Радлов), *Nuryun üyile* *'the general matter'*, т.е. 'общее дело', см. калм. *nuryan 'alle'*, т.е. 'все' (?), *nut*^{u} *G nuryan* 'Land und Volk' 'страна и народ';

nuryᵘnɛ 'publik', 'allgemein', т.е. 'публичный', '(все)общий' (Рамстедт); нургун бичик 'письмо' [4, 398]; *икы нургунъ шаджин тэрэнъ; кын, кын нургудун тусута 'али сайн болху'ги, киче* 'каждый [из нас] должен всячески стараться на благо общего дела' [4, 393].

В линии 11 читается *niqta* (Кругер: *niqte*) калм. *nikt^{e}*, *nikt^{a}*, здесь: 'тщательно', *delge (renggüi...)* 'подробно'.

elčiyin (Кругер: *olcira?) amandu* 'в устах посланца', т.е. об остальных подробно расскажет посланец.

Документ 3

Вместо *bayize* в тексте (л. 1) читается *beyize* ~монг. *ǰ-e* (вульг. *bei ǰ-e*).

Вместо *Zebzün-damba* читается *J̌ibzün- damba*.

Вместо *negeǰi* (по Кругеру то же самое, что *negedǰi* '*united*', монг. *nigedčü* 'соединяя') читается *nekeǰi*, деепричастие от *neke-* 'догонять', 'преследовать'.

Вместо *ireǰi* 'приезжая' в тексте стоит *ideǰi* 'съедая', здесь: 'захватывая'.

Итак, вместо перевода: '*The Jebtsun-Damba khutukhtu joined Ochiroi-khan and then set out, and came via the stages (zabsar) of Mongolia successively*', т.е. 'Джебцзундамба хутукту присоединялся к Очирой-хану, потом отправился и приехал постепенно через монгольские кочевья', нужно перевести: 'Преследуя Джебцзундамба хутухту и Очирой-хана, мы взяли промежуточных монголов (т.е. их кочевья) одного за другим...'.

Вместо *Bogdo xāni nutug- du* 'к земле богдыхана' читается *Bogda xāni xota- du* 'к ставке (или: к городу) богдыхана' [л. 5]; в линии 6: *Boqdo xān*.

Вместо *odo* 'теперь' в тексте стоит *ödö*, т.е. *ödö bol-* 'отправиться' монг. *ögede bol* (вежливое выражение, здесь говорится о посланце Далай ламы). В л. 11 *xaryu* 'дорога' – опечатка: вместо *zaryu* 'судебное дело'. В линии 13: *beyedēn* 'на себя' (Кругер: *beyeden*); в л. 14: *ertenese nāru* 'с давних

пор доныне (Кругер: *xaru* 'в каком направлении'); л. 16: *cerig* (Кругер: *cereq*); л. 17: *bolχōr* и *bolχuyigi* (Кругер: *bolχu:r, bdχugi*).

Слова *χalχayigi mandu γarγād* переводятся по Кругеру '*protection was produced for us*', т.е. 'была дана нам защита', однако вопреки сомнениям Кругера они могут быть переведены и в смысле: '(Далай лама) нам дал Халху'.

Печать Галдана

О ней говорится в современном русском документе: "Листы за печатью Бушукту хана или без печати" [4, 389]. Легенда написана в квадратной письменности, точнее в ее тибетской разновидности, которая встречается на нескольких монгольских и тибетских печатях XVII и XVIII вв. В то время эта письменность была довольно хорошо известна среди монголов, как одна из орнаментальных письменностей тибетского происхождения. Язык легенд в этой письменности обычно тибетский, как и в этом случае. Порядок линий регулярный (средняя линия трудно читается и, чтобы поддержать свой опыт чтения *bidan hγin*, Кругер ссылался на аналогию надписи 1257 г. Мунке-хана, где порядок линии 2 1 3, в чем я не совсем убежден). Вот транскрипция и "перевод" трех линий печати Галдана:

Dga'-ldan
bstan-'jin
Bo-šog-thu khan

'Галдан Дандзин Бошокту-хан'. Тибетская транскрипция монгольского титула следует старой традиции обозначения монгольских глухих (придыхательных) согласных с помощью знаков тибетских придыхательных.

Оттиск печати не сопровождается точной датой. Все три документа датируются по внешним – русским и отчасти китайским – источникам, упоминающим о битвах Галдана, и по современным русским записям, касающимся посольских отношений. На основе этих записей можно установить, что грамо-

ты Галдана были вывезены из ойратской земли осенью 1691 г., еще точнее: документ 3 – 27 ноября 1691 г. (по старому календарю), когда "Бушухту... послал с ним, Григорьем (Кибиревым), посланцев ... к Москве Очин Кашку с десятью товарищами" [4, 387].

Литература

1. Владимирцов Б.Я., Общественный строй монголов, Л., 1924.
2. Квадратная письменность, М.-Л., 1941.
3. Пучковский А.С., Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения, М.-Л., 1957.
4. Румянцев Г.Н., Окунь С.Б., Сборник документов по истории Бурятии XVII в., вып. I, Улан-Удэ, 1960.
5. Шастина Н.П., Письма Лубсан-тайчжи в Москву, – "Филология и история монгольских народов", М., 1958.
6. Krueger J.R., Three Oirat-Mongolian Diplomatic Documents of 1691, – CAJ, vol. XII, The Hague-Wiesbaden, 1969.
7. Serruys H., Three Mongol Documents from 1635, – CAJ, vol. VII, The Hague–Wiesbaden, 1962.

Библиографические сокращения

CAJ – "Central Asiatic Journal".

Л. Лёринц

"ХУРИН АЛТАЙ" И "ЕРЕНСЕЙ"

В 1964 г. появился второй том "Абая Гэсэра" – "Сказания о Хубуне Ошор Богдо и Хурин Алтае" [1], подготовленный к печати бурятским филиалом Академии наук СССР в Улан-Удэ. Раньше мы уже высказывали предположение, что "Хурин Алтай" и "Ошор Богдо" не относятся к циклу песен о Гэсэре; их содержание существенно отличается от известных вариантов Гэсэра; сам Гэсэр в песнях второго тома мало действует, чаще всего о нем упоминается, чтобы этим объединить сказания с песнями о Гэсэре. По нашему мнению, "Хурин Алтай" ничего общего не имеет с песнями о Гэсэре, которые возникли совершенно самостоятельно, и только из-за большой популярности Гэсэра были попытки со стороны исполнителей объединить его с песнями о Гэсэре. В сказании "Хурин Алтай " очень редко, но все же упоминается имя Гэсэра, хотя действующим лицом он не является, ведь в это время он уже покидает земной мир и находится на небесах. Появляется иногда небесный брат Гэсэра, по эпосу – дядя Хурин Алтая Дашин Шохор, выступающий на стороне Хурин Алтая. Этим и ограничивается сходство между "Гэсэром" и "Хурин Алтаем". Правда, в конце "Хурин Алтая", когда добро уже одерживает верх над злом, и все недруги получают заслуженное наказание, а положительные герои вознаграждаются, Санхан Гоохон рассказывает своим сыновьям, как Гагуурай Гоохон и Ебсоголдой превращали Гэсэра в ишака. Од-

нако этот эпизод не связан органически с сюжетом эпоса; он появился в заключительной части произведения значительно позже. "Хурин Алтай" отражает своеобразие бурятского эпоса той поры, когда песни о Гэсэре еще не были известны бурятам. После появления "Гэсэра", были попытки объединить каким-либо образом самые интересные и популярные сюжеты старинных произведений с "Гэсэром". Учитывая, что эпос о Гэсэре даже на бурятской территории представлял собой относительно законченную эпопею, проще всего было главных героев старых популярных сказаний сделать сыновьями Гэсэра, объединив тем самым произведения, которые сюжетно не были органически связаны.

Наше предположение, что "Хурин Алтай" только позже присоединили к песням о Гэсэре, поддержала бы такая песня, которая по сюжету походила бы на "Хурин Алтая", но никакого отношения не имела бы к "Гэсэру". Иными словами, нужно проследить, существует ли "Хурин Алтай" самостоятельно, независимо от эпоса о Гэсэре.

В 1968 г. в Улан-Удэ появилась былина "Еренсей" (собрание Ц. Жамцарано) Маншут Имегенова, со слов которого Жамцарано записал и "Абай Гэсэр-хубуна" [2]. Рассматривая параллельно "Еренсея" и "Хурин Алтая", можно заметить много сюжетных совпадений, которые нельзя считать случайными.

Ниже сравним "Еренсея" и "Хурин Алтая" и исследуем эти совпадения. Оговоримся заранее, что сходство "Еренсея" с "Хурин Алтаем" прослеживается не во всей былине Имегенова, а только во второй ее части ("История Ханхан Согте, сына Еренсея").

"Хурин Алтай"	"Еренсей
1. Хурин Алтай ловит волшебного буцефала и отправляется, чтобы взять в жены Агуй Ногоон, дочку Наран Гэрэла.	1. Ханхан Согто отправляется, чтобы взять в жены Налхан Тайжу, дочь хана Газар Баяна.

2. По дороге побеждает демонов и находит сына хана Шургалжан Баяна, Шураг Тайжу, которого отравила одна женщина-демон ядовитым чаем.
3. Хурин Алтай водой вечной жизни оживляет его, потом убивает женщину-демона, которая и его тоже хотела отравить чаем.
4. Превратившись в старика, идет ко двору хана Наран Гэрэла.
5. Он должен бороться за руку девушки с шестью претендентами, побеждает их и снова принимает свой настоящий вид.
6. По приказу хана нужно привезти с берега Желтого моря желтую собаку-чародея Гунига.
7. Он идет к небесным кузнецам, чтобы они сделали кандалы и ошейник для собаки.
8. Кузнецы хотели отказаться, но когда он проклял их, они выполнили его просьбу.

9. С помощью Дашин Шохора ловит собаку, потом по приказу хана, который испугался ее, отпускает ее.
10. Следующая задача заключалась в том, чтобы при-

2. По дороге побеждает демонов и отправляется на небо, чтобы семь кузнецов закалили его тело.

3. Старуха хочет его отравить ядовитым чаем, он убивает ее и оживляет Шураг Тайжу, сына хана Шорголжин Баяна.
4. Превратившись в старика, он идет во двор хана.

5. Он побеждает шестерых претендентов и снова принимает свой настоящий вид.

6. По приказу хана нужно привезти с берега Молочного моря желтую собаку-чародея Гунига.
7. Он идет к небесным кузнецам, чтобы они сделали кандалы и оковы.
8. Кузнецы хотели отказаться, но когда он пригрозил им, они выполнили его просьбу.
9. Он ловит собаку.

10. Следующая задача заключалась в том, чтобы при-

нести перо птицы Ханхан-хардига, которое было острое, как лезвие ножа. Он спасает дочерей птицы от змея, который хотел их съесть, и с помощью собаки Гунига убивает змея.

11. Он несет обратно перо, которое подарила ему птица Ханхан-хардиг, и убивает Данъял Шара Мангадхая, уничтожает всю мангадхайскую семью.

нести перо птицы Ханхан-хардига, которое было острое, как лезвие бритвы. Он спасает дочерей птицы, убивает змея с помощью собаки Гунига. Птица дарит ему нужное перо.

11. Хан пугается пера, Согто относит перо в безопасное место, молодые отправляются домой.

Содержание этих двух частей песен по существу одинаково. Как мы уже упомянули, обе песни пел один и тот же исполнитель Маншут Имегенов. Возникает вопрос, только ли содержание их сходно, или же исполнитель "Хурин Алтая" целиком, почти дословно включил это произведение в "Еренсей". Хотя последнее предположение кажется более вероятным, в действительности же сказитель одно и то же содержание облекал в разную форму и пел песни, в которых, хотя не очень часто, но все же можно заметить места, которые совпадают:

Буха ехэ хүзүүтэни
Булгалаһан нохой тэрэл!
Буудайл иүнгүн һаадагтани
Ханьялаһа нохой тэрэл!

Буха ехэ хүзүүтэни
Булгалаһан нохой байнал
Буудай мүнгэн һаадагтани
Ханьялаһан нохой-ханай байна!

Дословно совпадающие части встречаются редко, однако адекватные по содержанию отрывки двух былин можно обнаружить во многих местах, но в каждой былине они излагаются по-разному. Значит, адекватности содержания не всегда сопутствует совпадение формы изложения.

При исследовании совпадений мы определили, что соответствующая часть "Хурин Алтая" и "Еренсея" – самостоя-

тельная бурят-монгольская былина, которую потом включали в большие циклы, как например, Гэсэриада.

В сравниваемых поизведениях имена частично совпадают. В обеих песнях рассказывается об отравлении ядовитым чаем храбреца, которого спасает Хурин Алтай или Ханхан Согто, Шураг Тайжу, сын Шорголжин Баяна. В обеих песнях волшебную собаку, которую герою нужно достать, зовут Гунигом, а волшебную птицу – Ханхан-хардигом. "Хурин Алтая" произвольно отнесли к "Гэсэру", поэтому здесь можно встретить имена, известные из "Гэсэра", но все-таки, кроме вышеупомянутых имен, никакого совпадения между "Гэсэром" и былинами нет.

На основе анализа двух песен можно составить общую схему, которая не относится ни к "Гэсэру", ни к другой крупной былине. Это сюжетная схема самостоятельной былины, которая может сделать произведение более интересным:

1. Герой с большими трудностями достает воду вечной жизни, ловит самую молодую из пьющих эту воду диких лошадей, волшебного буцефала, достает оружие.

2. Отправляется на поиски жены, по дороге борется с демонами и побеждает их.

3. Отправляется на небо и закаливает свое тело с помощью небесных кузнецов.

3. Старуха-демон хочет отравить его ядовитым чаем.

4. Оживляет водой вечной жизни принца, которого отравила ядовитым чаем старуха.

5. Превращается в старика и идет ко двору отца девушки, которая должна стать его женой.

6. Борется с молодыми соперниками и побеждает их.

7. Принимает свой настоящий облик, но хан ставит перед ним новые задачи.

8. Нужно привести с берега Молочного моря (Желтого моря и т.д.) желтую собаку Гунига страшной силы.

9. Небесные кузнецы делают ошейник и кандалы для собаки, он ловит ее, потом по приказу хана, испугавшегося собаки, отпускают ее.

10. Следующая задача заключается в том, чтобы принести острое, как лезвие ножа, перо птицы Ханхан-хардига.

11. Спасает дочерей птицы от змея; убивает его с помощью собаки.

12. Хан пугается пера – отсылает его обратно.

12а. Герой относит перо в безопасное место.

13. Хан отдает ему дочь в жены, и молодые возвращаются домой.

Последний вопрос: насколько установленная таким образом сюжетная схема былины специфична для бурятского эпоса и какую роль играли монгольские народы в создании этого эпоса.

Если былину рассмотреть целиком, окажется, что это простая одноходовая былина; действие продолжается и после женитьбы героя. Нужно отметить, что "Хурин Алтай" уже двухходовая былина, где второй ход – похищение жены и освобождение ее. Ход песни не отличается от того общего хода который определил Поппе в эпосах халха. Что касается некоторых других мотивов, то тоже можно сослаться на общие монголо-бурятские эпические традиции. Иногда, например в истории с пером птицы Ханхан-хардиг, устанавливается связь с индийской мифологией (борьба змея и Гаруды). Часто встречается этот сюжет и в былинном эпосе монгольских народов [3, 147-149, 153-154].

Различия между монгольскими и бурятскими песнями обусловлены в первую очередь разницей в степени общественного развития, песни халха отражают организованный феодальный порядок развитого животноводческого общества (борьба ханов), а бурятские песни сохранили черты низшего по развитию лесовническо-охотнического общества (дуэль).

В этом и состоит основное отличие монгольских былин от бурятских; все они по существу части единого монгольского эпоса.

Литература

1. Абай Гэсэр-Хубун, ч. II, Ошор Богдо и Хурин Алтай, Улан-Удэ, 1964.
2. Еренсей, Улан-Удэ, 1968.
3. Монгол ардын аман зохиолын дээж, Улаанбаатар, 1967.

Ш. Лувсанвандан

ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАСНЫХ И УДАРЕНИЕ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Звуки языка в потоке речи могут так или иначе влиять друг на друга, это явление наблюдается и в монгольском языке. Такое влияние осуществляется путем ассимиляции, диссимиляции, прибавления и редукции.

Благодаря влиянию одних гласных на другие образуются стройные правила дистрибуции гласных в производных словах монгольского языка. Например, если ударный гласный звук сильный ("мужской"), т.е. *а, о, у*, то после него употребляется не слабый ("женский") гласный, т.е. *э, ө, ү*, а только сильный или средний (*и*). Если ударная гласная слабая (*э, ө, ү*), то в последующих слогах встречается только слабая или средняя и т.д. В монголоведении этот закон известен как закон гармонии гласных.

2. Гармония гласных в восточных диалектах монгольского языка, в частности в халхасском, достигается не только по признаку сильный – слабый звук, но и по признаку лабиализации. Если гармония других гласных по сильному и слабому ряду, так же как и гармония гласных по лабиализации, основывается на законе полной ассимиляции, то *у, уу, уй, ү, үү, үй* гармонируются по закону частичной ассимиляции. Например: *хад, хадан, хадаар; мод, модоор; бэл, бэлээр; өд, өдөн, өдөөр* (гармония гласных на основе полной прогрессивной ассимиляции), *ус, усан, усаар, үз, үзэн, үзээд* (гармония гласных на основе частичной ассимиляции).

3. Явления ассимиляции, диссимиляции, прибавления и редукции звуков играют смыслоразличительную роль в словах и морфемах. Характерно, что в некоторых случаях звуки языка могут являться смыслоразличительными в словах и морфемах по всем своим свойствам, в других случаях – только по некоторым, а в третьих – они, не определяя непосредственной функции слов и морфем, играют только роль выявителя смысла соприкасающихся звуков. Это явление отчетливо выражено в законе дистрибуции гласных. Если гласные фонемы монгольского языка в ударных слогах выполняют смыслоразличительную функцию в словах и морфемах по всем своим свойствам (т.е. сильные и слабые, лабиализованные и нелабиализованные, долгие и краткие, задне-, средне- и переднеязычные, открытые, средние, закрытые, палатализованные и непалатализованные), то в неударных слогах гласные фонемы, выполняя такую же роль лишь по некоторым свойствам (т.е. по долготе и краткости, нормальной долготе и дифтонгоидности), не различают слова и морфемы своими другими свойствами (т.е. напряженностью, палатализованностью, положением языка и открытостью). Например, *дараа – дараалал, орол – ороол, гэрэл – гэрээл, дөрөл – дөрөөл, дараа – дарай, дороо – дорой, аргуу – аргуй, түргүү – түргүй, гараар – гэрээр, цолоор – цөлөөр, гараас – гэрээс, холоос – хөлөөс* и т.д.

В приведенных примерах мы можем указать как на исключение на долгие гласные *уу* и *үү* в неударных слогах, которые гармонируют с гласными предыдущего ударного слога лишь по напряженности, а не по лабиализации. Например, *харуулаад, эрүүлээд, төрүүлээд* и т.д.

4. 700 лет тому назад Саджи Пандит Гунга-Джалцан впервые разделил гласные звуки монгольского языка на три группы – "мужские", или сильные, "женские", или слабые, и нейтральные. Позднее этим терминам стали придавать различное значение и толкование. А. Бобровников, В.М. Наделяев и И.Д. Бураев, с одной стороны, и В.Я. Владимирцов и Н. Поппе – с другой, перевели на русский язык эти термины как

твердые, или задние ("мужские") и мягкие, или передние ("женские"), основываясь в своей классификации на положении языка по отношению к нёбу. Такое определение "мужских" и "женских" гласных от части соответствует действительности. Несмотря на то, что некоторые из "мужских" гласных действительно являются заднеязычными и непалатализованными, большинство палатализованных гласных являются средне- или переднеязычными, следовательно, мы не имеем возможности считать все "мужские" гласные заднеязычными и непалатализованными. Исходя из этого положения, Г.Д. Санжеев считает, что разделение по фонологии не соответствует разделению по физиологическим признакам [1, 83]. Поэтому правильнее называть их "мужскими" и "женскими", чем задними и передними. Если тщательно наблюдать за произнесением гласных звуков в монгольском языке, то легко можно убедиться в том, что при произнесении "мужских" гласных органы речи напряженные, а при произнесении "женских" – ненапряженные. Это особенно ясно проявляется при произнесении одинаково лабиализованных или палатализованных "мужских" и "женских" гласных. Например, "мужской" передний *о* в словах *онъ, солъ, толъ, холъ* и "женский" гласный *ө* в словах *өнө, сөл, төл, хөл*. Для *о* и *ө* оба лабиализованные и оба средние, они разделяются на "мужские" и "женские" гласные по напряженности. Следовательно, гармония сильных и слабых гласных в неударных слогах с предшествующими гласными в ударных слогах обозначает в действительности не гармонию передних и задних гласных или палатализацию, а прежде всего их напряженность. Таким образом, можно предполагать, что подразделяя гласные звуки на "мужские" (*эр*) и "женские" (*эм*), древние монгольские языковеды имели в виду сильную и слабую напряженность мускулов при артикуляции.

5. Большинство монголоведов считают, что гармония гласных в монгольском языке относится к чисто монгольским простым словам, а не таким сложным, как *магадүйь*, а также не к таким заимствованным словам, как *телефон*. Профессор

Г.Д. Санжеев в своей книге "Сравнительная грамматика монгольских языков" гармонию гласных в монгольском языке определял как закон регулирования состава гласных слова /17. По этому определению, гармония гласных не распространяется на часто встречающиеся в монгольском языке сложные слова, где сильные и слабые гласные появляются вместе, и на иноязычные заимствования. Каково же тогда действительное положение?

В современном монгольском языке существует строгий закон регулирования гармонии гласных при спряжении и склонении с помощью суффиксов. Например: *телефоноор, телеграммаар, километрээр, арифметикаар, пушкинаас, экскурсээс, секторээр, трактораар, аспирантураас* и т.д. Также существует определенное правило присоединения суффиксов в сложных словах, в составе которых нарушается гармония гласных. Например, *магадгүйгээс, алтангэрэлээр, мал төлөөр*. Таким образом, при словоизменении "нарушающих" гармонию гласных заимствований и сложных монгольских слов строго придерживаются определенных правил.

Если мы проанализируем "нарушающие" гармонию гласных явления, то выяснится следующая картина.

Если заимствованное, например, из русского языка слово в начальном слоге имеет ударный "женский" гласный, а в последующих слогах неударный *а* или *о*, то к нему прибавляется суффикс с сильными гласными. В этом случае, когда ударный *э* или *у* находится не в начальном слоге, суффикс зависит от гласного неударного первого слога. Ударные *э* и *у* в монгольском языке не могут самостоятельно регу. ювать последующие за ними суффиксы, а гласные начального слога являются главными, и в данном случае *э* и *у* регулируется гласным в начальном слоге. Например, *арифметикаар* произносится *арифмаэтикаар; морфемээр* произносится *морфоэмээр* или *морфамоор; коммунаас* произносится *комуунаас; экскурсээр* произносится *экскуурсээр*.

Кроме того, в таких заимствованных словах, как *танкер*, которые имеют ударение на начальном слоге, гласные второго слога редуцируются и гармонируются по напряженности и лабиализации, например: *сектор – сээктэр, танкер – таанкар, докер – докор*.

В то же время такие заимствованные слова, как *телефон, телеграмма*, не произносятся как *телефен, телегрем* или *толофон* и *талаграмма*. Если заменить *а* и *о* в неударных слогах "женскими" гласными, то совсем изменится фонетический облик заимствованных слов, при произнесении которых, с одной стороны, стараются не разрушать исконного произношения, с другой стороны, в какой-то степени подчинить их фонетическим законам родного языка. Среди заимствованных слов есть много таких, которые не противоречат фонетическим законам заимствующего языка (например, *доктор*).

При внимательном наблюдении за произнесением монголами таких слов, как *телефон, телеграмма* и т.д., наблюдается та же закономерность сочетания сильных и слабых гласных, что и при произнесении чисто монгольских сложных слов. В монгольском языке часто встречаются такие слова, как *аргагүй, алтангэрэл* и т.д., состоящие из двух или более основ и потому не подчиняющиеся гармонии сильных и слабых гласных. Обычно при произнесении таких слов монголы делают несколько ударений. Например, при произнесении сложного слова *алтангэрэл*, состоящего из двух слов *алтан* и *гэрэл*, главные ударения остаются на тех же слогах, что и при произнесении каждого из этих слов отдельно. При прибавлении к таким сложным словам словоизменительных суффиксов во внимание принимаются последние ударные слоги. Например, *алтангэрэлээр, олзийбатаас, эрдэнэ-очироор, бат-олзийгээр* и т.п. Это свидетельствует о том, что кажущаяся дисгармония гласных в словах, состоящих из нескольких основ, объясняется самостоятельностью ударных гласных и их подчинением себе последующих неударных гласных по напряженности и лабиализации.

Таблица

Примеры	Гласные, на которые распространяется закон регулирования гармонии гласных	Ударный гласный	Неударный гласный	Лабиализованный	Нелабиализованный	Гласный начального слога	Словоизменительный суффикс	Суффикс с лабиализованным гласным	Суффикс с нелабиализованным гласным	Суффикс с "мужским" гласным	Суффикс с "женским" гласным
телефоноор	*о*	*о*				*е*	*оор*	*оор*		*оор*	
трактораар	*а*	*а*		*о*		*а*	*аар*		*аар*	*аар*	
арифметикаар	*а*		*а*			*а*	*аар*		*аар*	*аар*	
морфемоор	*о*		*о*			*о*	*оор*	*оор*		*оор*	
аспирантураас	*а*		*а*			*а*	*аас*		*аас*	*аас*	
коммунаас	*о*		*о*			*о*	*аас*		*асс*	*аас*	
экскурсээр	*э*		*э*			*э*	*ээр*		*ээр*		*ээр*
секторээр	*э*	*э*				*э*	*ээр*		*ээр*		*ээр*
танкераар	*а*	*а*				*а*	*аар*		*аар*	*аар*	

Отсюда можно сделать вывод, что силовое ударение в монгольском языке является регулирующим центром для последующих за ним неударных слогов. Если данное слово имеет только одно силовое ударение, то все гласные подчиняются гармонии, а если данное слово имеет два или более силовых ударений, то последующие за ним неударные гласные регулируются, разделяясь на несколько групп. Таким образом, гармония гласных происходит по закону регулирования состава гласных слова или морфемы, подчиненных одному ударению.

Литература

1. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, т.I, М., 1953.

К.М. Любимов

СИСТЕМА ПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В грамматической литературе по тюркским языкам до сих пор нет единого мнения о природе причастий, существуют разные взгляды и разный подход к определению и вычленению причастий. Об этом говорят все авторы специальных работ, посвященных исследованию этой грамматической категории. То же самое наблюдается и в грамматической литературе по турецкому языку.

Обращают на себя внимание следующие существенные расхождения во взглядах тюркологов-лингвистов. Одни считают причастием глагольно-временную форму на *-dı* [3, 440; 4, 207-217], другие, а их большинство, не рассматривают эту форму как причастие. Одни относят к причастиям форму на *-dık/-acak* [1, 294, 299, 300 и др.; 2, 110], другие, а их тоже большинство, называют ее именем действия или глагольным существительным. Различные мнения высказываются также по поводу формы на *-yor*.

Поэтому прежде всего надо дать, насколько это возможно, точное определение категории причастий, которое соответствовало бы действительному состоянию современного турецкого языка. Таким определением, по нашему мнению, является определение Н.К. Дмитриева:

"Причастием называется такая форма глагола, которая одновременно обладает признаками глагола и прилагательного, иначе говоря, является отглагольным прилагательным.

9х-1081

Если, с одной стороны, причастия различаются по времени и принимают аффиксы сказуемости, то с другой – они, как всякое прилагательное, определяют признак предмета" [6, 189].

Следовательно, турецкие причастия а) употребляются в функции определения, как глагольные прилагательные, выражая действие или состояние субъекта, как его признак или свойство во времени, и б) служат основой для образования грамматических времен.

Причастия, служащие основой для образования грамматических времен, обладают точной временной характеристикой: они выражают абсолютные времена – настоящее, прошедшее, будущее.

Причастия, употребляемые в функции определения, по нашему мнению, следует подразделить на две группы. К первой группе надо отнести лексико-грамматические причастия: *yazar* 'пишущий', *yazmış* 'написавший', *yazacak* 'имеющий написать'. Ко второй группе – грамматические причастия, которые не выражают абсолютного времени, но передают различные относительные времена, связанные по значению с грамматическими временами и получающие конкретные значения только в контексте или ситуации: *yazan* 'пишущий', 'писавший', 'написавший'; *yazmış olan* 'являющийся/являвшийся написавшим'; *yazacak olan* 'являющийся/являвшийся имеющий написать'; *yazmakta olan* 'являющийся/являвшийся в писании'; *yazmak üzere olan* 'являющийся/являвшийся чтобы писать'.

В турецком языке имеется большое количество грамматических времен и большое количество причастий. В такой ситуации важно установить существующую между ними связь, чтобы лучше понять природу турецких причастий, их значения и их функции.

Лексико-грамматические причастия широко употребляются в турецком языке как прилагательные (а иногда и как существительные) и помещаются в словарях на правах самостоятельных слов.

Причастие на *-mış*. Это причастие образуется от основы любого глагола прибавлением аффикса *-mış*, *-miş*, *-muş*, *-müş* и служит определением признака лица или предмета, выражая приобретенное качество в результате совершившегося действия. Это причастие часто употребляется без дополняющих слов и в этом случае образуется только от непереходных глаголов: *çürümek* 'гнить' – *çürümüş elma* 'гнилое (сгнившее) яблоко'; *kaynamak* 'кипеть' – *kaynamış su* 'кипяченая (вскипевшая) вода'; *okumak* 'читать', 'учиться' – *okumuş adam* 'ученый (выучившийся) человек' и т.д.

Такое причастие может иметь при себе дополнение, но его назначение при этом остается таким же, как и в предыдущих примерах: *rengini kaybetmiş yüz* 'поблекшее лицо' (букв. 'свой цвет потерявшее лицо'); *tahsil görmüş adam* 'образованный человек' (букв. 'образование увидевший человек'); *balta görmemiş orman* 'девственный лес' (букв. 'топора не видавший лес').

Примечание. В турецком языке сохранилась архаичная форма причастия от небольшого количества глаголов на *-madık*, которая ныне полностью заменяется отрицательной формой причастия на *-mış*. Например: *balta görmedik orman* = *balta görmemiş orman* 'лес, не видавший топора', 'девственный лес'; *görülmedik hadise* = *görülmemiş hadise* 'невиданное происшествие'; *işitilmedik vaka* = *işitilmemiş vaka* 'неслыханное событие'.

Причастие на *-acak*. Это причастие образуется от основы любого глагола прибавлением аффикса *-acak*, *-ecek* и служит определением, передающим признак лица или предмета, выражая качество, скрытое в предмете и могущее проявиться в любой момент. Это причастие часто употребляется без дополняющих слов и в этом случае образуется, как правило, от непереходных глаголов:

gidilmek (безл.) 'идти', 'ехать' – *gidilecek yol* 'проезжая дорога', 'дорога, предназначенная для езды'; *içilmek*

(страд.) ‘быть выпиваемым’; *içilecek su* ‘питьевая вода’, ‘вода, предназначенная для питья’.

Примечание. В некоторых случаях язык допускает употребление переходных глаголов в том же значении: *içmek* ‘пить’ – *içecek su* ‘питьевая вода’ (вода, которую пьют, а не которая пьет). В этом случае на выручку грамматике приходит здравый смысл, логика.

Это причастие может иметь при себе дополнение, но его назначение при этом остается таким же, как и в предыдущих примерах: *beni durduracak kuvvet* ‘сила, которая сможет удержать меня’ (букв. ‘меня могущая удержать сила’); *çocuğa bakacak kadın* ‘женщина, которая сможет ухаживать за ребенком’ (букв. ‘за ребенком могущая ухаживать женщина’).

Причастие на *-ar/-maz*. Положительная форма этого причастия образуется от основы любого непереходного глагола прибавлением аффикса *-ar, -er, -ır, -ir, -ur, -ür*, а отрицательная форма – прибавлением аффикса *-maz, -mez* и служит определением постоянного признака или свойства предмета:

akmak ‘течь’ – *akar su* ‘проточная вода’ (‘вода, которая может течь’, *akmaz su* ‘непроточная вода’ (‘вода, которая не может течь’); *yanmak* ‘гореть’ – *yanar dağ* ‘горящая гора’ (‘гора, которая может гореть’), ‘вулкан’; *okumak* ‘читать’, *yazmak* ‘писать’ – *okur yazar adam* ‘грамотный человек’ (‘человек, который может читать и писать’).

Примечание. Это причастие, как правило, не имеет при себе дополнений: оно только определяет лицо или предмет как прилагательное.

Лексико-грамматические причастия (на *-mış*, на *-acak*, на *-ar/-maz*), а также некоторые непричастные формы (*-yor, -dı, -makta, -mak üzere*) лежат в основе форм грамматических времен.

I. Грамматические времена, образованные на базе лексико-грамматических причастий.

На базе спрягаемого причастия на *-mış* (например *yazmış* ‘написавший’) в турецком языке образуются два времени, выражающие состояния субъекта в настоящем или прошлом:

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы прошедшего-настоящего времени или настоящего результативного времени. Например: *yazmışım, yazmışsın, yazmıştır* 'я, ты, он написавший ЕСТЬ'.

Примечание. Аффикс сказуемости настоящего времени *-dır/-tır* во всех спрягаемых формах может опускаться, если контекст или ситуация точно определяет настоящее время.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы преждепрошедшего времени или прошедшего результативного времени. Например: *yazmıştım, yazmıştın, yazmıştı* 'я, ты, он написавший БЫЛ'.

На базе спрягаемого причастия на *-acak* (например, *yazacak* 'имеющий написать') в турецком языке образуются формы двух времен, выражающие состояние субъекта в настоящем или прошлом:

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы будущего-настоящего времени или будущего в настоящем. Например: *yazacağım, yazacaksın, yazacaktır* 'я, ты, он имеющий (на)писать ЕСТЬ'.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы будущего-прошедшего времени или будущего в прошлом. Например: *yazacaktım, yazacaktın, yazacaktı* 'я, ты, он имеющий (на)писать БЫЛ'.

На базе спрягаемого причастия на *-ar/-maz* (например, *yazar* 'пишущий вообще', 'могущий писать') в турецком языке образуются два времени, выражающие постоянное свойство субъекта в настоящем или прошлом.

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы настоящего обычного или настоящего абстрактного времени. Например: *yazarım, yazarsın, yazar* 'я, ты, он могущий (на)писать ЕСТЬ'.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы прошедшего обычного или прошедшего абстрактного времени. Например: *yazardım, yazardın, yazardı* 'я, ты, он могущий (на)писать БЫЛ'.

II. Грамматические времена, образованные на базе непричастных основ.

На базе спрягаемого инфинитива в местном падеже (например, *yazmakta* 'в писании') в турецком языке образуются формы двух времен, выражающие состояние субъекта в настоящем или прошлом.

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы настоящего длительного времени. Например: *yazmaktayım, yazmaktasın, yazmaktadır* 'я, ты, он в процессе писания ЕСТЬ'.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы прошедшего длительного времени. Например: *yazmaktaydım, yazmaktaydın, yazmaktaydı* 'я, ты, он в процессе писания БЫЛ'.

На базе спрягаемого инфинитива с послелогом (например *yazmak üzere* 'для того, чтобы писать') в турецком языке образуются формы двух времен, выражающие состояние субъекта в настоящем или в прошлом.

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы будущего ближайшего времени. Например: *yazmak üzereyim, yazmak üzeresin, yazmak üzeredir* 'я, ты, он чтобы писать ЕСТЬ', 'я вот-вот начну писать', 'я готов начать писать' и т.д.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы будущего ближайшего в прошлом. Например: *yazmak üzereydim, yazmak üzereydin, yazmak üzereydi* 'я,ты,он чтобы писать БЫЛ', 'я должен был вот-вот начать писать', 'я был готов начать писать' и т.д.

На базе квази-причастной основы на *-yor* (например, *yazıyor* 'пишущий в данный (определенный) момент') в турецком языке образуются формы двух времен, выражающие незаконченные действия субъекта в настоящем или прошлом.

1. Прибавлением аффиксов сказуемости настоящего времени образуются формы настоящего времени данного момента. Например: *yazıyorum, yazıyorsun, yazıyor* 'я, ты, он пищущий в данный момент ЕСТЬ'.

2. Прибавлением аффиксов сказуемости прошедшего времени образуются формы прошедшего времени определенного момента. Например: *yazıyordum, yazıyordun, yazıyordu* 'я, ты, он пишущий в определенный момент БЫЛ'.

Примечание. Исторически форма *yazıyor* восходит к деепричастной форме *yazıp* + спрягаемый вспомогательный глагол *yorumak (yürümek)* в причастной форме 'идущий'. Деепричастие сообщало содержание глагола 'писать', а причастная форма вспомогательного глагола – динамику действия. В современном языке форма *yazıyor* иногда выступает в предложении в качестве причастия, например, *yazıyor gibi oturuyor* 'он сидит, как пишущий (человек)' или *yazıyora benziyor* 'он похож на пишущего (человека)'. Тем не менее, эти частные случаи не дают права считать словоформу *yazıyor* причастием. Можно с натяжкой считать эту форму квази-причастием. Можно эту форму называть также предикативным причастием, поскольку она не употребляется в функции определения.

На базе герундия (глагольного существительного) на *-dık* в сочетании с аффиксами принадлежности в турецком языке образованы формы двух времен, выражающие законченные действия.

1. Форма прошедшего времени на *-dı: yazdım, yazdın, yazdı* 'мое, твое, его писание (имеется)', т.е. 'я написал', 'ты написал', 'он написал'.

2. Прибавлением аффикса сказуемости 3-го лица прошедшего времени *-dı* ко всем формам прошедшего времени на *-dı* образуются формы преждепрошедшего времени на *-dıydı: yazdımdı, yazdındı, yazdıydı* 'мое, твое, его писание БЫЛО', т.е. 'я, ты, он уже писал'.

Примечание. О происхождении форм прошедшего времени на *-dı* имеется большая и разноречивая литература. Говоря о происхождении этой формы, не следует упускать из виду ее современное значение и сов-

ременное употребление в языке. Для современного языка форма на *-dı* не является причастием ни в каком смысле: она не может быть определением и не спрягается так, как спрягаются причастия на *-mış* и на *-acak*. Исходя из этого надо признать, что форма на *-dı* для современного турецкого языка является формой глагольного существительного (герундия), спрягаемого с аффиксами принадлежности. Этот вывод подкрепляется тем, что в современном турецком языке личные формы преждепрошедшего времени образуются по типу *yazdığımdı* — *yazdımdı* 'мое написание было', точно также, как и *odamdı* 'моя комната была', где *-m* — аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа и *-dı* — аффикс сказуемости прошедшего времени 3-го лица единственного числа.

К группе грамматических причастий, как было уже указано, относятся причастия на *-an, -mış olan, -acak olan, -makta olan* и *-mak üzere olan*. Эти причастия не служат основой для образования форм грамматических времен: они выступают только в функции определений.

Причастие на *-an*. Это причастие образуется от основы любого глагола прибавлением аффикса *-an, -en* и выражает или действие, совершающееся в данный момент, или действие совершавшееся, или действие совершившееся, или действие, которое может совершиться или совершаться, как свойство лица или предмета. Значение этого причастия в каждом отдельном случае конкретизируется контекстом. Причастие *yazan* в контексте принимает значения следующих форм конкретных грамматических времен:

1) *yazan* 'пишущий в данный момент' (=*yazıyor*);

2) *yazan* 'писавший в определенный момент' (=*yazıyordu*);

3) *yazan* 'написавший' (=*yazdı*);

4) *yazan* 'пишущий вообще', 'могущий писать' (=*yazar*);

5) *yazan* 'писавший вообще', 'могший писать' (=*yazardı*).

Это причастие, образованное от глагола *olmak – olan* 'являющийся', 'являвшийся', употребляется с существительными и прилагательными, а также, что важно для нас, с инфинитивом в местном падеже и с инфинитивом с послелогом *üzere*, образуя специфические причастия, связанные с двумя определенными грамматическими временами.

Причастие на *-mış olan*. Это причастие образуется сочетанием причастия на *-mış* с причастием *olan* 'являющийся/ являвшийся', которое передает разные временные значения. Такое причастие от глагола *yazmak* 'писать' выглядит так: *yazmış olan* 'являющийся/являвшийся написавшим', т.е. 1) 'являющийся написавшим' (=*yazmıştır*); 2) 'являвшийся написавшим' (=*yazmıştı*).

Причастие на *-acak olan*. Это причастие образуется сочетанием причастия на *-acak* с причастием *olan* 'являющийся / являвшийся', которое передает разные временные значения. От глагола *yazmak* 'писать' это причастие выглядит так: *yazacak olan* 'являющийся/являвшийся имеющим (на)писать', то есть: 1) 'являющийся имеющим (на)писать' (=*yazacaktır*), 2) 'являвшийся имеющим (на)писать' (=*yazacaktı*).

Причастие на *-makta olan*. Это причастие образуется сочетанием любого инфинитива в местном падеже с причастием *olan* 'являющийся / являвшийся'. Оно от глагола *yazmak* 'писать' имеет следующий вид: *yazmakta olan* 'являющийся/ являвшийся в писании', т.е.: 1) 'который находится в процессе писания', 'который пишет' (=*yazmaktadır*); 2) 'который находился в процессе писания', 'который писал' (=*yazmaktaydı*).

Причастие на *-mak üzere olan*. Это причастие образуется сочетанием любого инфинитива с послелогом *üzere* 'для того, чтобы' с причастием *olan* 'являющийся', 'являвшийся'. Такое причастие от глагола *yazmak* 'писать' выглядит так: *yazmak üzere olan* 'являющийся / являвшийся для того, чтобы писать', т.е.: 1) 'который вот-вот начнет писать', 'который готов писать' (=*yazmak üzeredir*); 2) 'кото-

рый должен был вот-вот начать писать', 'который был готов писать' (= *yazmak üzereydi*).

Что касается формы на *-ar/-maz olan*, то она, по нашему мнению, только внешне похожа на причастие. На самом деле здесь простое словосочетание, в котором форма на *-ar/-maz* является или существительным, или прилагательным. Так, словосочетание *yazar olan* имеет значение 'являющийся/являвшийся писателем', а словосочетание *ölmez olan* – 'являющийся/являвшийся бессмертным'.

В турецком языке имеется большое количество сложных форм грамматических времен, образуемых сочетанием лексико-грамматических причастий с различными временными формами глагола *olmak* 'быть', 'становиться', 'стать', 'являться' или глагола *bulunmak* 'находиться'. Однако специальных форм причастий, которые бы грамматически соответствовали этим сложным временным формам в турецком языке нет, и вероятно нет необходимости в их существовании.

Турецкие причастия, являясь функциональной формой глагола, выражают не только время, но и наклонение.

Н.А. Баскаков по этому поводу пишет так: "Аффиксы грамматического словообразования, которые образуют причастные формы глагола, вместе с тем придают данной причастной форме также и семантику наклонения или времени, а иногда и наклонения и времени" [3, 414].

В другом месте Н.А. Баскаков пишет: "Каждое причастие... кроме выражения реальной семантики действия и состояния, как признака предмета, является вместе с тем и носителем категории субъективной оценки данного процесса действия с точки зрения, во-первых, его реальности или нереальности, а во-вторых, с точки зрения времени совершения данного процесса действия или состояния" [3,424]. Подкрепляя свои теоретические положения фактами языка, Н.А. Баскаков подразделяет причастия в каракалпакском языке на две группы: причастия с семантикой изъявительных форм [3, 425] и причастия с семантикой повелительно-

желательных и условных форм [3, 445]. Об этом же пишут и другие исследователи причастий в тюркских языках [2, 110; 9, 6, 10, 17; 5, 145-146].

В турецком языке причастия по их связям с наклонениями можно подразделить на две группы. К первой, наиболее многочисленной, группе относятся причастия изъявительного наклонения. Ко второй группе – причастия неопределенные по отношению к наклонениям, которые принимают конкретное модальное значение лишь в контексте по общему смыслу высказывания и по определяющим контекст глагольно-временным формам. Естественно, речь может идти только о грамматических причастиях.

К группе причастий изъявительного наклонения относятся следующие причастия.

1. Грамматическое причастие на *-makta olan*, передающее состояние лица или предмета в настоящем или прошлом и соответствующее по значению настоящему длительному времени на *-maktadır* и прошедшему длительному времени на *-maktaydı*:

а) по значению равное форме настоящего времени на *-maktadır*, *Fethiye'de filim çevirmekte olan Tamer Yiğit, her gece İstanbul'daki sevgilisi Sevda Ferdağ ile saatlerce süren telefon konuşmaları yapmaktadır* (Akşam, 6.VII.1968) 'Тамер Игит, снимающий фильм в Фетхие, каждый вечер часами разговаривает по телефону со своей возлюбленной Севдой Фердаг, находящейся в Стамбуле' (*filim çevirmekte olan Tamer Yiğit = Tamer Yiğit filim çevirmektedir*);

б) по значению равное форме прошедшего времени на *-maktaydı*: *Babam bir kibrit çaktı, yanmakta olan cıgarasını bir daha yaktı* (Baysal, 18) 'Отец чиркнул спичкой и еще раз зажег горевшую сигарету' (*yanmakta olan cıgara = cıgara yanmaktaydı*).

2. Грамматическое причастие на *-mak üzere olan*, передающее состояние лица или предмета в настоящем или прошлом и соответствующее по значению будущему ближайшему

времени на *-mak üzeredir* или будущему ближайшему в прошлом на *-mak üzereydi:*

а) по значению равное форме настоящего времени на *-mak üzeredir: Şimdiden imtihana girmek üzere olan bir mektepli çocuk gibi yüreği atmağa başladı* (Kadri, 63) 'Он нервничал как ученик, который вот-вот должен сдавать экзамен' (*İmtihana girmek üzere olan mektepli çocuk = mektepli çocuk, imtihana girmek üzeredir);*

б) по значению равное форме прошедшего времени на *-mak üzereydi: Dışarı çıkmak üzere olan askere seslendi* (Karakurd, 203) 'Он окликнул солдата, который вот-вот должен был выйти из помещения' (*çıkmak üzere olan asker = asker çıkmak üzereydi*).

3. Грамматическое причастие на *-mış olan*, передающее состояние лица или предмета в настоящем или прошлом и соответствующее по значению настоящему результативному времени на *-mıştır* и прошедшему результативному времени на *-mıştı:*

а) по значению равное форме настоящего времени на *-mıştır: Bakmaktan yorulmuş olan Emine gözlerini kapıyor* (Михайлов, 94) 'Эмине, которая устала смотреть, закрывает глаза', букв. 'Эмине, являющаяся уставшей от смотрения, закрывает глаза' (*yorulmuş olan Emine = Emine yorulmuştur);*

б) по значению равное форме прошедшего времени на *-mıştı: Bu esnada İstanbul'dan yeni gelmiş olan genç muharrir de onların yanında bulunuyordu* (Kadri, 71) 'В это время около них находился и молодой журналист, который только что приехал (букв. был только что приехавшим) из Стамбула' (*gelmiş olan muharrir = muharrir gelmişti*).

Примечание 1. Причастие *olan* 'являющийся / являвшийся' в тексте может опускаться, причем от этого смысл высказывания не страдает. Например: *Otomobilimiz, yağmurdan göl haline gelmiş yollardan geçiyor* (Гайдаров, 78) 'Наш автомобиль едет по дорогам, которые превратились от дождя в сплошное озеро' (*göl haline gelmiş yollar = yollar göl haline gelmiştir).*

Если конечное сказуемое стоит в прошедшем времени, то и причастие приобретает значение прошедшего времени: *Otomobilimiz, yağmurdan göl haline gelmiş yollardan geçiyordu* 'Наш автомобиль ехал по дорогам, которые превратились от дождя в сплошное озеро' *(göl haline gelmiş yollar = yollar göl haline gelmişti).*

Примечание 2. Причастие *olan* 'являющийся/являвшийся' может заменяться или причастием *bulunan* 'находящийся/находившийся' или причастием *duran* 'стоящий/стоявший', которые привносят незначительный стилистический оттенок в высказывание: *Pencerenin önünde oturmuş bulunan adam* (Nesin, 89) 'Человек, находившийся сидящим перед окном'; *Meydanda dizilmiş duran tayyareler* (Karakurd, 58) 'Самолеты, стоявшие выстроившимися на взлетной площадке'.

4. Грамматическое причастие на *-acak olan*, передающее состояние лица или предмета в настоящем или прошлом и соответствующее по значению будущему-настоящему времени на *-acaktır* и будущему-прошедшему времени на *-acaktı:*

а) по значению равное форме настоящего времени на *-acaktır: Sabahleyin erkenden gelecek olan tayyarelerden biri, bugün indiği yere tekrar inip beni alacak(tır)* (Karakurd, 114) 'Один из самолетов, которые завтра рано утром прилетят сюда, снова приземлится на том месте, где он садился сегодня, и возьмет меня' *(gelecek olan tayyareler = tayyareler gelecekler dir);*

б) по значению равное форме прошедшего времени на *-acaktı: Bu sırada bölüklere bizzat kumanda edecek olan binbaşının sesi yükseldi* (Karakurd , 58) 'В это время раздался голос майора, который должен был лично отдать команду звеньям' *(kumanda edecek olan binbaşı = binbaşı kumanda edecekti).*

Примечание. Причастие *olan* в тексте может опускаться, причем от этого смысл высказывания не страдает: *Yarın İstanbuldan hareket edecek bütün vapurlar Boğazdan dışarıya çıkamıyacaklardır* 'Все пароходы,

которые завтра должны будут отправиться из Стамбула в рейс, не смогут выйти из Босфора' *(hareket edecek vapurlar = vapurlar hareket edeceklerdir).*

Если конечное сказуемое стоит в прошедшем времени, то и причастие приобретает значение прошедшего времени: *Dün İstanbuldan hareket edecek bütün vapurlar Boğazdan dışarıya çıkamamışlardı* 'Все пароходы, которые должны были вчера отправиться из Стамбула в рейс, не смогли выйти из Босфора' *(hareket edecek vapurlar = vapurlar hareket edeceklerdi).*

К группе причастий неопределенных в модальном плане относится, собственно, одно многозначное причастие. Это грамматическое причастие на *-an,* которое передает действие совершающееся, действие совершавшееся, действие совершившееся, действие могущее совершиться или совершаться и действие, которое могло совершиться или совершаться. Это причастие в разных контекстах или ситуациях соответствует следующим грамматическим временам: настоящему данного момента на *-yor,* прошедшему определенного момента на *-yordu,* прошедшему на *-dı,* настоящему абстрактному на *-ar* и прошедшему абстрактному на *-ardı:*

1) причастие на *-an,* равное по значению форме настоящего времени на *-yor: Çakallar uluyor ve ulama seslerine, kasabanın çamurlu sokaklarında başıboş dolaşan büyük çoban köpeklerinin haykırışları karışıyor* (Karakurd, 11) 'Воют шакалы, и к этому вою примешивается лай огромных овчарок, которые свободно бродят по грязным улицам города';

2) причастие на *-an,* равное по значению форме прошедшего времени на *-yordu: ...insanı hayata davet eden bir kudreti vardı ki* (Edip, 17) 'У него [в лице] была какая-то сила, призывавшая человека к жизни',

3) причастие на *-an,* равное по значению форме прошедшего времени на *-dı: Tayyarelerinden inen bütün zabitler binbaşının etrafında bir halka yaptılar* (Karakurd, 5) 'Все офицеры, вышедшие из своих самолетов, образовали кольцо вокруг майора';

4) причастие на *-an*, равное по значению форме настоящего времени на *-ar: Ayipsız dost arıyan adam dostsuz kalır* (пословица) 'Человек, который ищет друзей без недостатков, остается без друзей';

5) причастие на *-an*, равное по значению форме прошедшего времени на *-ardı: Çocukluğundanberi tütün içen babam üç yıldır hiç tütün içmez* 'Мой отец, с детских лет куривший табак, вот уже три года совершенно не курит'.

В турецком языке, как и в других тюркских языках, широко осуществляется принцип экономии служебных элементов, как главная особенность этих языков. Об этом убедительно говорит и пишет Г.П. Мельников [8, 104-113]. Этот принцип можно распространить на употребление причастий, которые в зависимости от контекста и определяющих контекст финитных глагольных форм получают конкретное грамматическое значение. Двувременная система грамматического выражения времени в турецком языке (настоящее и прошедшее) [7, 44-63] допускает использование одной и той же формы причастия в двух различных временных плоскостях, а причастие на *-an* получает в конкретной языковой ситуации одно из пяти возможных значений. Турецкий контекст настолько точно определяет грамматические значения причастий, что полностью исключаются какие-либо недоразумения.

Литература

1. Айляров Ш.С., Учебник турецкого языка, М., 1954.
2. Баскаков А.Н., О классификации причастий в турецком языке, – ВЯ, 1959, № 6.
3. Баскаков Н.А., Каракалпакский язык, II, Фонетика и морфология, часть I, М., 1952.
4. Баскаков Н.А., Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках, – "Труды Московского института востоковедения", 1951, вып. 6.
5. Джанашиа Н.Н., Глагольные имена в турецком языке, – "Труды Тбилисского университета", 1967, т. 110.

6. Дмитриев Н. К., Грамматика башкирского языка, М.-Л., 1948.
7. Любимов К. М., Система грамматических времен в современном турецком языке, – "Советская тюркология", Баку, 1970, № 2.
8. Мельников Г. П., Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики, – "Народы Азии и Африки", М., 1969, № 6.
9. Сат Ш. Ч., Причастия в тувинском языке, автореф. канд. дисс., М., 1961.

Условные сокращения

Гайдаров – Гайдаров Ф. П., Учебник турецкого языка, ч. 2, Баку, 1944.

Михайлов – Михайлов М. С., Перифрастические формы и категория вида в турецком языке, М., 1954.

Akşam – газ. «Akşam», İstanbul.

Baysal – Faik Baysal, Sancı meydanı, – «Yeni hikayeler», İstanbul, 1957

Edip – Halide Edip, Himmet çocuk, – Refik Ahmet, Orta mektepler ve muallim mektepleri için kiraat, Sınıf I, İstanbul, 1932.

Kadri – Yakup Kadri, «Ankara», Ankara, 1934.

Karakurd – Esat Mahmut Karakurd, Dağları bekliyen kız, İstanbul, 1937.

Nesin – Aziz Nesin, Sınır üstündeki ev, – Aziz Nesin, Ölmüş eşek, İstanbul, 1958.

Г. И. Михайлов

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Д. НАЦАГДОРЖА

Успех любого писателя во многом зависит от того, насколько органично сочетаются в его творчестве традиции и новаторские черты.

Монгольские писатели по-разному подходили и подходят к решению этой проблемы. Удачным примером в этом отношении является творчество Д. Нацагдоржа. Еще в 1945 г. Ц. Дамдинсурэн в предисловии к сборнику произведений этого поэта отмечал, что писатели МНР опирались в своем творчестве на литературное наследие и народное устное поэтическое творчество монголов, а также на опыт мировой классической литературы.

Далее Ц. Дамдинсурэн писал: «Товарищ Д. Нацагдорж был одним из писателей, усвоивших литературу и народное устное поэтическое творчество» [5, 67].

Б. Содном в монографии, посвященной творчеству Д. Нацагдоржа, утверждает, что Д. Нацагдорж в своем творчестве опирался на литературные и фольклорные традиции [9]. Так, в основу очень популярной пьесы Д. Нацагдоржа «Три печальных холма» («Учиртай гурван толгой») положен сюжет народной песни «Юндэн-гөөгөө», говорит Б. Содном. Говоря о стихотворении «Моя родина» («Миний нутаг»), автор монографии о Д. Нацагдорже отмечает народный стих, которым оно написано. В стихотворении «Весна» («Хавар») поэтом исполь-

10[x]-1061

зованы и фольклорные, и литературные традиции. Наличие в одном и том же стихотворном произведении различных размеров Б. Содном считает характерным для традиционных ерөөлов (благопожеланий).

Исчерпывающий ответ об отношении Д. Нацагдоржа к традициям сейчас дать трудно, но несколько развить и дополнить высказывания Б. Соднома необходимо.

Как уже было отмечено выше, сюжет народной песни «Юндэн-гөөгөө» послужил основой для пьесы Д. Нацагдоржа «Три печальных холма». Однако писатель, создавая пьесу, использовал не только фольклорный сюжет, но и фольклорную форму диалогической песни (харилцаа дуу). А песен этого жанра монголы сложили очень много. Этому посвящены диссертации Ч. Лодойдамбы [3] и Э. Оюун [7], антология Ц. Дамдинсурэна [2], фольклорная антология М. Гаадамбы и Д. Цэрэнсоднома [1] и другие монгольские публикации. Можно было бы составить большой список харилцаа дуу, в начале которого находилась бы золотоордынская рукопись на бересте, а потом — «Самая», о которой речь будет ниже, и многие другие.

О сюжете пьесы «Три печальных холма» уже писал Б. Содном о своей монографии. К сказанному им можно добавить, что сюжет песни «Юндэн-гөөгөө» Д. Нацагдорж мастерски развернул. Ведь песня дала писателю даже не сюжет, а лишь некие сюжетные линии, в чем нетрудно убедиться при знакомстве с ее текстом.

Каковы персонажи песни «Юндэн-гөөгөө»? О главном герое сказано очень мало, есть только его портрет: он красив, походка его уверенна, он выделяется среди других телохранителей Да-ванъ.

Если в строках песни, посвященных ему, дается лишь внешний облик героя, то в пьесе «Три печальных холма» создан уже образ героя, т.е. Юндэн предстает перед читателем или зрителем человеком с характером и сильными чувствами, борцом против произвола феодалов.

О Да-ване сказано еще меньше, чем о Юндэне; ему посвящены четыре строки в двух соседних куплетах.

Эти строки говорят о том, что соперник главного героя – крупный феодал, в юрте занимает почетное место и приезжает к кому-то по своим делам. Этих деталей для Д. Нацагдоржа было достаточно, чтобы воссоздать образ феодала, типичного представителя своего класса, с его образом мышления, взглядами на жизнь, на простых людей.

Героине в песне уделено несколько больше внимания, чем Да-вану. Надо думать, два куплета, в которых говорится о телогрейке с воротом (*захтай дүүдүү*), о телогрейке на вате (*хөвөнтэй дүүдүү*), которые она шила, и о мускусе, относятся к ней. Далее говорится, что она с детства была дружна с Юндэн-гөөгөө. В последующих же двух куплетах рассказывается о ее неверности, о ее измене Юндэну.

Однако мало сообщается и о героине, хотя строки, посвященные ей, повторяются в различных вариантах и в других куплетах. О характере этой девушки известно только то, что она отказалась от Юндэн-гөөгөө. А чем объясняется этот ее поступок? Можно предполагать легкомыслие или корысть с ее стороны, но можно тут усмотреть и слабость героини, неспособность противостоять притязаниям влиятельного феодала. Ясно лишь отрицательное отношение к ее поступку со стороны создателей песни.

Значит, и в отношении характеров героев можно говорить лишь о неких наметках, схематичном рисунке песни. Строки, посвященные персонажам песни, что-то говорят только человеку, знакомому с судьбой прототипов героев. Д. Нацагдорж хорошо, видимо, знал историю Юндэн-гөөгөө и его возлюбленной, прочувствовал ее и создал в своей пьесе образ нежной, любящей девушки, верной подруги, готовой до конца идти с возлюбленным, делить с ним и радость и горе, способной отстаивать свое счастье. Кроме главных действующих лиц Д. Нацагдорж показал и народ, друзей Юндэна. Если в песне конфликт имеет в значительной степени личный характер, то

в пьесе он гораздо шире и острее: араты противостоят феодалу, угнетенные борются со своим угнетателем.

Короче говоря, большой мастер сумел на основе очень простого сюжета создать крупное драматургическое произведение, подлинно народное, вошедшее в золотой фонд монгольской литературы.

Монгольские писатели широко использовали фольклорные формы ерөөлов (благопожеланий) и магтаалов (хвалы). Ероолы Ц. Дамдинсурэна, например, в свое время пользовались большой популярностью. Один из них, как известно, был удостоен Государственной премии МНР. Выходили из-под пера монгольских писателей и магтаалы. Умелое использование этой фольклорной формы позволяло поэтам создавать замечательные произведения. К их числу прежде всего относится стихотворение Д. Нацагдоржа «Моя родина» («Миний нутаг»).

Правда, Д. Нацагдорж не назвал это свое произведение магтаалом, однако, он бесспорно шел от традиционных произведений такого жанра. В книге «Воспоминания и заметки о Д. Нацагдорже» («Д. Нацагдоржийн тухай дуртгал тэмдэглэл») Т. Нацагдорж пишет, что поэт прочел первые строчки своего стихотворения «Моя родина», заявив при этом: «Я успел изучить ритм шаманского стихотворения, которое слышал прошлым летом. Сейчас, поставив задачу написать национальное по форме, революционное по содержанию хорошее стихотворение, так [его] начал» [6, 38].

На первый взгляд может показаться, что это свидетельство Т. Нацагдоржа находится в противоречии с моим определением жанра стихотворения «Моя родина». На самом же деле здесь нет никакого противоречия. Надо полагать, «ритм шаманского стихотворения» послужил лишь толчком, побудившим писателя приступить к работе, а сам замысел заставил Д. Нацагдоржа придать своему произведению форму магтаала, в чем легко можно убедиться, обратившись к традиционным магтаалам.

О народном стихе «Моей родины» уже писал Б. Содном в своей монографии (шаманы также пользовались традиционными поэтическими средствами). Но весь строй стихотворения Д. Нацагдоржа напоминает народный магтаал. От народной поэзии идет и рефрен:

Это моя родина,
Монголия – прекрасная страна.

К подобному приему прибегали и исполнители магтаалов. Имеет рефрен, например, «Магтаал Хангаю» («Хангайн магтаал»), каждая строфа которого заканчивается строками:

Наши места Идэр и Тэрх
Седого Баян-хангая,
Родина моя! [1,117].

Этот магтаал посвящен Хангаю. Имеются такие же произведения, воспевающие другие горы. Рождение жанра магтаалов относится к глубокой древности, к той эпохе, когда предки нынешних монгольских народов верили в существование эзэнов и ханов рек, озер, гор, лесов и т.д., а магтаалы являлись обращениями к этим эзэнам и ханам.

Д. Нацагдорж создал новый во всех отношениях магтаал. Поэт революционной эпохи не взывал, конечно, ни к эзэнам, ни к ханам, а думал о родине и о народе, который стал хозяином своей земли и своей судьбы. И те, кто считает стихотворение «Моя родина» гимном родной стране, имеют на то все основания.

Теперь обратимся к произведениям Д. Нацагдоржа, которые Б. Содном с интересующей нас точки зрения не рассматривал.

Стихотворение Д. Нацагдоржа «Голубеет» ("Цэнхэрлэн харагдна") сейчас можно оставить в стороне, поскольку связь его с одноименной народной песней совершенно очевидна. Не составляет большого труда и установление взаимосвязи стихотворения Д. Нацагдоржа «Четыре времени года» («Дөрвөн цаг») с произведениями народной календарной поэзии. И в дан-

ном случае легко устанавливаются сходство и различие между творениями поэта и народа.

Обратимся к другим произведениям Д. Нацагдоржа.

Говоря об использовании Д. Нацагдоржем фольклорных и литературных традиций, Б. Содном обошел молчанием рассказ «Слезы ламы» («Ламбугайн нулимс»). А это произведение представляет большой интерес для исследователя проблемы сочетания традиций и новаторских черт в творчестве Д. Нацагдоржа. При более пристальном изучении этого рассказа оказывается, что в его основу положен фольклорный сюжет. Заимствованный сюжет автор так разработал, что связь между рассказом «Слезы ламы» и народной песней «Самаяа» до сих пор оставалась незамеченной. А связь между ними бесспорно существует, ибо в обоих случаях обнаруживается общность ситуации, сходные любовные треугольники, похожая развязка и ярко выраженная сатира на лам.

Однако в руках мастера и сюжет, и композиция, и образы, и конфликт претерпели серьезные изменения. В народной песне, «Самаяа» дан только финал любовной истории Бээжин-ламы и Жуяр, сообщается лишь об их ссоре и окончательном разрыве. Иными словами, дана только развязка, а завязка лишь подразумевается. Из высказываний Бээжин-ламы можно понять, что их связь длилась долго; Жуяр получила от ламы много подарков и т.п.

В рассказе Д. Нацагдоржа несколько иной любовный треугольник: на место ноёна народной песни он поставил простого парня (хар хүү). Такое изменение на первый взгляд может показаться малозначительным, однако в действительности оно имело серьезные последствия. Не так-то трудно предпочесть ноёна ламе, противопоставление ламе ноёна – одно дело, противопоставление же служителю Будды простого парня – совсем другое, конфликт получился острым, приобрел определенное социальное звучание.

В песне «Самаяа» персонажи обрисованы схематично, в рассказе же «Слезы ламы» выступают живые люди. Д. Нацаг-

дорж показывает, как лама, соблюдавший монашеские обеты и стремившийся к достижению святости, встал в один прекрасный день на путь греха. Д. Нацагдорж сумел создать типичный образ ламы, легко нарушающего обет безбрачия. Вспомним произведения ряда дореволюционных авторов, в которых говорилось об упадке набожности, пренебрежительном отношении лам к своим обязанностям, несоблюдении ими обетов и т.п.

Такие ламы в жизни встречались на каждом шагу и во времена Д. Нацагдоржа. Гэвш рассказа Д. Нацагдоржа – один из лучших сатирических образов в новой монгольской литературе.

В рассказе «Слезы ламы» уже дан образ героини. Автор рассказа говорит: «Девушка, изучившая науку обработки острого меча страсти» («*Уран тачаангуй хурц илдийг боловсруулахын эрдмийг судалсан хүүхэн*») [4, 223]. Д. Нацагдорж изображает ее хищницей, ловкой соблазнительницей, корыстной любовницей, оставляющей в конце концов сластолюбивого гэвш в дураках.

Так выглядят главные герои народной песни и рассказа Д. Нацагдоржа. Третьи лица (ноён песни «Самаяа» и хар хүү рассказа «Слезы ламы») только упоминаются, на сцене не появляются, остаются где-то за кулисами. В этом отношении Д. Нацагдорж следует сюжету народной песни, а во всем остальном, как видно из изложенного выше, он идет своим путем.

По традиции Д. Нацагдорж взял фольклорный сюжет, но разработка его – уже нечто новое, внесенное самим автором рассказа.

И этот рассказ Д. Нацагдоржа может служить хорошим примером мастерской разработки совсем несложного фольклорного сюжета.

Имеется у Д. Нацагдоржа еще одно произведение, о котором необходимо здесь сказать несколько слов. В 1926 г. он написал путевые заметки «От Улан-Батора до Берлина» («Улаанбаатараас Берлин хүртэл»). Интересно это произве-

дение тем, что в нем обнаруживаются следы влияния уже не фольклорных, а литературных традиций. Читая эти заметки, легко установить связь, преемственность с жанром «хождений» старой монгольской литературы.

Правда, этот жанр не получил заметного развития в Халхе, опубликовано пока только одно произведение такого рода – «Путешествие Жавзандамба-хутагты в Эрдэнэ-зуу» [87]. Описание это довольно скучное, о путешествии там сказано совсем мало, места, которые проезжал хутагт, жизнь людей, живущих там, совсем не описаны. Зато много говорится о встрече и проводах знатного путешественника, о подношениях ему и различных церемониях, о милостях, которые оказывал он ламам и т.п.

Впрочем, дело не в количестве описаний путешествий (возможно, встречались в старое время и другие произведения этого жанра) и не в манере письма. Важно то, что такой жанр в старое время существовал, а Д. Нацагдорж дал этим традициям дальнейшее развитие.

Внешне путевые заметки Д. Нацагдоржа следуют правилам описания старых бурятских или калмыцких "хождений". Однако по содержанию – это совершенно новый жанр, произведение передового человека нашего времени, в котором он выразил свое отношение к действительности.

Своим путевым заметкам Д. Нацагдорж придал стихотворную форму, а описания бурятских и калмыцких авторов написаны прозой. Можно было бы считать Д. Нацагдоржа новатором в этой области, если бы не было Намдала (бурятского автора), который еще в 1896 г. дал стихотворное описание своего путешествия в Санкт-Петербург и Москву. Но на монгольской почве Д. Нацагдорж был все же в этом отношении первым.

В целом же путевые заметки Д. Нацагдоржа «От Улан-Батора до Берлина» явились новым словом в монгольской литературе революционной эпохи, началом современного жанра путевых заметок.

Каждый писатель использует литературное наследие, опирается на опыт своих предшественников, но далеко не каждый осознает это. Так, Т. Нацагдорж никак не мог понять, что хорошего нашел Д. Нацагдорж в стихотворении шамана, которое они слышали вместе. Д. Нацагдорж, как свидетельствует Т. Нацагдорж, относился к овладению наследием вполне сознательно. На недоуменный вопрос Т. Нацагдоржа о стихотворении шамана он ответил: «В старом надо искать новое. В нем (т.е. стихотворении шамана, – Г.М.) исключительная техника стихосложения» [6,38].

С этим заявлением любой современный литературовед без колебаний согласится. Конечно же, монголы (не шаманы, а простой народ) на протяжении многих столетий выработали свою «шүлэг бичих техник» (технику стихосложения), и этим богатством нельзя было не воспользоваться. Стихотворение шамана духом своим не соответствовало мировоззрению и индивидуальности поэта революционной эпохи, но «шүлэг бичих техник» годится и для наших современников. Д. Нацагдорж не просто следовал примеру своих предшественников, а старался в меру своих сил развивать и обогащать национальные традиции.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что Д. Нацагдорж не пренебрегал национальными традициями, умело использовал их. В поисках сюжетов и форм он обращался как к произведениям фольклора, так и к старой монгольской литературе, отдавая предпочтение все же первому из названных источников.

Здесь говорилось о тех произведениях Д. Нацагдоржа, в которых прослеживается связь с фольклором и старой монгольской литературой. Однако это вовсе не означает, что Д. Нацагдорж создавал только такие произведения. Нет, он черпал материал и из современной ему действительности, стремясь быть активным участником строительства новой жизни. В 30-е годы Д. Нацагдорж становится на путь решительного новаторства в области формы.

Д. Нацагдорж подал хороший пример правильного подхода к национальному наследию. И вот несколько лет спустя обстановка изменилась, монгольская литература шагнула далеко вперед, сложились новые традиции. Теперь писатели МНР имеют возможность опираться не только на старые поэтические традиции, но и на новые, сложившиеся в революционную эпоху.

Литература

1. Гаадамба М., Д. Цэрэнсодном, Монгол ардын аман зохиолын дээж, Улаанбаатар, 1967.
2. Дамдинсурэн Ц., Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршив, Улаанбаатар, 1959.
3. Лодойдамба Ч., Основные идеи и образы современной монгольской драматургии, автореф. канд. дисс., М., 1959.
4. Нацагдорж Д., Зохиолууд, Улаанбаатар, 1961.
5. Нацагдорж Д., Зохиолын түүвэр, Улаанбаатар, 1945.
6. Нацагдоржийн Д. тухай дуртгал тэмдэглэл, Улаанбаатар, 1966.
7. Оюун Э., Народные истоки театрального искусства монголов, автореф. канд. дисс., М., 1960.
8. Позднеев А.М., Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, СПб., 1900.
9. Содном Б., Д. Нацагдоржийн намтар зохиол, Улаанбаатар, 1966.

Э. Н. Наджип

ОЖЕРЕЛЬЕ МУДРОСТЕЙ

В XIV в. на территории Средней Азии, Золотой Орды и мамлюкского Египта окончательно сложились региональные смешанные языки, одни на основе туркменского, другие на основе кыпчакского языков. Все эти смешанные языки, одни в большей, другие в меньшей степени, испытали влияние уйгурской литературной традиции, установившейся с XI в. – со времени появления «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. Один из этих языков достиг расцвета на территории Египта при кыпчакских его правителях в XIII-XIV вв. Художественная, научная, военная, медицинская литература на этой территории писалась на языке, который можно было бы назвать кыпчакско-огузским. Этот язык подвергся воздействию уйгурской литературной традиции в незначительной степени. Тюркоязычное население страны состояло из самых различных племен. Однако основную массу тюркоязычной части населения представляли выходцы из южнорусских степей, которые тогда входили в состав Золотой Орды. Солидную часть населения составляли туркменские племена, одни из которых попали сюда в составе различных армий в разные времена, другие – в качестве рабов. В дальнейшем, особенно после установления военного союза между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, культурно-экономические связи между этими странами в значительной степени укрепились. Эти связи в свою очередь способствовали росту кыпчакского населения Египта. Бесконечные междоусобные войны на огромной терри-

рии Золотой Орды способствовали этому перемещению. Переселилось сюда большое количество поэтов, писателей и ученых. В результате в XIV в. на этой территории был создан новый культурный очаг тюркоязычных народов. Значительного развития достигла литература на кыпчакско-огузском языке. Отдельные газели, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что среди поэтов, творивших в этот период в Египте, были и выходцы из современного Азербайджана.

Арабские исследователи сообщают, что кыпчаки оказывали сильное влияние на все стороны жизни местного населения. Это воздействие сказалось и в области искусства и литературы. Они оказали влияние не только на язык, но и на художественную литературу, на формы литературных произведений. Под влиянием кыпчаков арабские писатели и поэты стали уделять особое внимание описанию и восхвалению красоты человеческого тела. В арабской и в арабоязычной литературе тюркоязычных поэтов и писателей появились новые художественные образы, средства. Арабские исследователи-литературоведы высоко ценили художественное мастерство тюркоязычных поэтов.

Вот в этот период, в период расцвета тюркоязычной литературы в мамлюкском Египте выходец из столицы Золотой Орды города Сарая поэт Сейф Сараи переводит на тюркский язык знаменитое произведение персидского поэта Шейха Саади «Гулистан». Единственный дошедший до нас список этого произведения хранится в Голландии, а факсимиле в 1954 г. опубликовано в Турции профессором Феридуном Нафизом. Произведение написано хорошим мамлюкским насхом. Перевод свободный. Одни рассказы и поэтические вставки оригинала переводятся точно, другие в значительном сокращении. Перевод завершен в 1391 г., когда поэту-переводчику было семьдесят лет. Часто Сейф Сараи вставляет в рукопись свои оригинальные стихи, которые носят назидательный характер.

Язык перевода очень прост и близок к разговорному, чем он выгодно отличается от языка многих поэтов более

позднего времени. Некоторые элементы, архаические с точки зрения современного языка, встречающиеся в языке поэта, по-видимому, тогда не совсем вышли из употребления. Поэт не злоупотребляет арабскими и персидскими элементами. Многие слова встречаются в разных фонетических вариантах, что свидетельствует о разноплеменном составе населения страны. Об этом же говорит и тот факт, что кыпчакские элементы употребляются параллельно со своими огузскими эквивалентами.

Дошедший до нас список сохранил еще отдельные газели нескольких тюркоязычных поэтов того времени. Эти газели сопровождаются ответными газелями Сараи. Размеры и рифмы этих стихов разнообразны. Что касается языка, то, естественно, язык газелей, написанных арабско-персидским размером аруз, более сложен, чем язык прозаической части. Это касается даже тех поэтических вставок, которые имеются в рассказах. Кроме ответов на газели современников в конце книги помещены пять газелей, два фарда и четыре рубаи, принадлежащие перу самого поэта Сейфа Сараи.

Ниже мы приводим отдельные строки назидательного характера из этого произведения. Они же характеризуют и состояние этого смешанного языка мамлюкского Египта конца XIV в. Эти отрывки отобраны нами из различных рассказов «Гулистана» Шейха Саади в вольном переводе Сейфа Сараи. Одни из них являются более точными переводами оригинала, а другие сохранили только самое главное: идею, основное содержание, некоторые являются оригинальными и принадлежат поэту Сейфу Сараи. Цифры в конце отрывков указывают на страницу турецкого издания «Гулистана».

Приношу глубокую благодарность научному сотруднику Института востоковедения АН СССР Н. Голубевой, которая помогла мне в литературной обработке этих отрывков.

1. *Билик сиз киши тыбл-и баз бекин: ташындын хуш аваз, ӱни бӱйӱк-бӱйӱк турур вӓликин ичи бош.*

Невежественный человек похож на барабан: он обладает приятным и громким звуком, а внутри пуст.

11-1061

2. *Ердӓм ийӓси қанда барса алтун берӱрлӓр даҕы йоқары кечирӱрлӓр* (276).

Куда бы ни пришел человек, обладающий знанием, и золото ему дадут, и на почетное место его проведут.

3. *Ердӓм бир чишмӓ дурур, дайым суйы ташып келӓ дурур* (276).

Знание – это источник, вода которого в обилии прибывает.

4. *Мӱӓллим ким хасыр ишлӓр тӱн-ӱ-кӱн сақынма барып ол ер атлас итлӓр* (292).

Не думай, что мастер, который день и ночь изготовляет циновки, когда-нибудь сможет выткать атлас.

5. *Ар кӧрмӓ билмӓган ни сормаҕа*
Сормайынча'ӓмӓл ӧгрӓнмӓс киши (350).

Не бойся спрашивать о том, чего не знаешь,
Тот, кто не спрашивает, дело не изучит.

6. *Билик сиз кишигӓ сӱкӱт дӓн йахшы рақ йок, ӓгӓр бу мӓслиҳатны билсӓ еди, билик сиз болмаҕай еди* (97).

Для невежественного человека нет ничего лучше молчания. Если бы он знал этот благой совет, он не был бы невеждой.

7. *Аҕач кӧрки йемиш, ӓрниң кӓрӓмдӱр,*
Кӓрӓм сиз ер вӱҗӱди кӓлӓдӓм дӱр (185).

Дерево славится плодами, а человек благородством.

Человек, лишенный благородства, как будто не существовал вовек.

8. *Ата меҳриндӓн уста жӓври йахшы* (281).

Любви отцовской лучше наставника обида.

9. *Тилӓсӓң егӱ атың мӓнгӱ қалҕай*
Айақдан тӱшкӓн елин тутҕучы бол (944).

Если хочешь, чтобы твое доброе имя осталось жить в веках,
Протяни руку помощи тому, кто упал обессиленным.

10. *Җӓвр кӧп қылма қулҕа, ей хоҗа.*
Чӱнким ол ҳӱкмӱңӓ дурур мунқад,

Таң билә таң тәфәрруҗ еткәй сән
Хожа зәнҗир ичиндә, құл азад (293-294).
Раба слишком не угнетай, о хозяин,
Когда он покорен твоему приказу:
С удивлением утром можешь обнаружить,
Что хозяин в оковах, а раб на свободе.

11. *Мәхбүбләр зүлфи 'әқл айағының зәнҗири дағы зийрәк құшларның тузағы дурур* (138).

Кудри возлюбленных – кандалы для ног благоразумных и силки для бдительных птиц.

12. *Дәвләт ли ер ол ким йеди дағы йедүрди* (318).
Счастлив тот, кто сам поел и других накормил.

13. *Дәвләт сиз ол ким мүтәфәрриқ мал җам' етти, йемәйин қойди, кетти* (318).

Несчастен тот, который собрал разное богатство, невкусив, оставил и ушел.

14. *Не қайғу сәвмәсә гүлни сайысхан*
Түмән былбыл қылур ышқында әфған,
Күнәш васлын тиләмәс болса ватват
Күнәш ниң нурына андан не нуқсан (233).
Не станет роза горевать, что не влечет сороку к ней;
Зато ее так сильно любит соловей;
Когда летучей мыши дела нет до солнца,
Не станет солнце от того темнеть.

15. *Чүн 'ашық вә ма'шуқ бир йергә келди,*
Хожалық, дағы құл луқ ортадан кетти (223).
Там, где сходятся влюбленные, исчезает граница между хозяином и рабом.

16. *Көңлүнни бағлама бир йергә зинһар*
Йәнә мүшкүлдүр андан айрылмақ ей йар (246).
Не привязывай свое сердце к одному месту,
Ведь трудно будет потом расстаться с ним.

17. *Йүз-көз өбүшмәк не файда қылур ол дәм*
Чүн ким алар айрылып йәнә йер емиш ғәм (245).
Что за польза от встреч и поцелуев,

Когда надо опять расставаться и опять горевать.

18. *Ҳар ким ни кӧңӱл тиласа, кӧркли ол дур,*
Ышкына хамишӓ жан ичиндӓ йол дур (222).
Кого полюбит сердце, та и хороша,
Любви всегда откроет путь душа.

19. *Йигит ӓбчи йанында қары келип отурғунча, қаты йадан чыққан оқта отурса йахшы рақ турур* (265).
Молодой женщине лучше сидеть на кончике стрелы, выпущенной из туго натянутого лука, чем рядом со стариком.

20 *Кӧңӱл бермӓ ол ӧздӓнгӓ ки, мӓкр-ӱ ҳийлӓси чоқдур*
Харами кӧзлӓри, қашы 'ажӓб йа, кирпӱки оқ дур (85).
Ты сердце не отдавай красавице такой,
в которой много коварства и зла.
Страстные глаза ее – плутовки, брови –
удивительный лук, ресницы – стрела.

21. *Билӱрсан ким жеҳан ның мӓжлисиндӓ*
Тутар елгӓ қӓдӓмны раст сақый;
Сӓвӱнмӓк йоқ кӧрӱп дӱшмӓн ӧлӱсини,
Кӓлисӓр чӱн бизӓ ол дӓвр айақы (89).
Известно на пирушке в этом мире
Всех виночерпий обнесет:
К чему же радоваться над прахом врага,
И нам со временем такой конец придет.

22. *Фитнӓ йӱз ли рас сӧздӓн бол йырақ*
Мӓслиҳӓт ли йалған андан йахшы рақ (18).
Берегись правдивых слов, несущих смуту,
Лучше ложь, ведущая к благу.

23. *Кӓмал фазл сӓндӓ чӱнки йоқтур*
Тилиңни сақлап аъзыңда отур тек
Қылур ӓрни тили даим фазиҳат,
Чӱрӱк қозны нечӱк қылса йӧңӱл лӱк(97).
Если в тебе разумения мало,
Язык за зубами держать не грех;
Язык человека всегда может выдать,
Так же как легкость – гнилой орех.

24. *Нечӯн қуры қамышдан шäкäр тамʻ қылурсäн?*

Почему ты от пустого камыша надеешься получить сахар?

25. *Нечä болса сöзӯң мäвзӯн-ӯ ширин,*
Мӯфäрриҳ лайық тасдиқ-у täҳсин;
Бир айытқаныны ны йäнä айтма мӯкäррäр,
Ки ҳäлва ни дағы бир қурла йерлäр (214).

Хоть речь твоя размеренна и сладка,
Радостна душе и достойна похвалы,
Сказанное не повторяй еще раз –
Ведь и халву едят один раз.

26. *Суҳбät етмä йаман киши бирлäн,*
Не қäдäр пак есаң, näҳс етäр (347).

Не вступай в беседу с плохим человеком,
Он осквернит тебя, каким бы чистым ты ни был.

27. *ʻАриф билä олтурмақ ҳаҳил гä ерӯр зиндан*
Ҳаҳил билä олтурмақ, ʻарифгä ҳäҳännäм (234).

Сидеть с мудрым человеком для невежды – наказание,
Мудрому сидеть с невеждой – хуже адского мученья.

28. *Тилäсäң ким дағы келмäгäй лäр ол ким фäқир дурур, аңа ақча борыч бергил, ол ким ваний дурур, андан ақча тилäгил, дағы ҳеч ким ерсä қатыңа келмäс* (146).

Если ты хочешь, чтобы к тебе не приходили, то дай бедняку в долг, а у богатого сам попроси в долг. Ни тот, ни другой не станут ходить к тебе.

29. *Ҳäр бир ер бир иш ӱчӯн дӯр, ҳäр бир иш бир ер ӱчӯн*
Мäслиҳäт ол öз ишини тилäгäй ҳäр зӯфнӯн (188).

Каждый человек для определенного дела, каждое
дело для определенного человека;
Совет таков: пусть каждый сведущий займется
своим делом.

30. *Ол қадар қаты лық етмäгил ким сäндäн тойғайлар; ол қäдäр йумшақ болмағыл ким, сäни айақ алтында қойғайлар* (327).

Не проявляй такую твердость, чтобы от тебя отшатну-

лись, но и такую мягкотелость, чтобы тебя растоптали.

31. *Ғәриб-ү хәстә ҳалин ол билүр ким*
Бу ғурбәт меҳнәтин йыл лар чәкип тур;
Йоқ есә не билүр ол адәми ким,
Тәнәүум бирлә евдә бәсләнип тур.

Больного и скитальца поймет лишь только тот,
Кто испытал сам трудности скитания;
Как же страданья их поймет тот,
Кто дома вырос без забот.

32. *Рәнж чәкмәйин гәнж хасил болмас* (205).

Не испытав лишений, не приобретешь сокровище.

33. *Йүзүм ләззәтин бағ ийәси билмәс* (343).

Садовник не знает вкуса винограда.

34. *Йаз болса йығар қарынча ки та*
Қыш қәна'әт болуп йемәгәй гәм (303).

Муравей пищу собирает летом,
Чтобы жить зимой в довольстве, без печали.

35. *'Әмәл сиз 'алим балсыз зәнбүр гә охшар* (346).

Ученый без дел подобен пчеле без меда.

36. *Йусуф ны сатып не алғайлар* (342).

Что можно купить, продав Иосифа.

37. *Ики киши файдасыз рәнж чекти, даьы тухум ны шора йергә екти; бири ол ким мал йыьды, йемәди, икинчи ол ким, 'илм оқыды даьы 'әмәл қылмады* (82).

Двое напрасно трудились, без пользы старались и семена посеяли на солончаковой земле; один тот, кто копил богатство и не ел, а второй тот, кто учился, но ничего не сделал.

38. *Нечә болса зә'иф тазы ат,*
Бир тойла ешәкдән ол йахшы (20).

Арабский конь, каким худым бы ни был,
Гораздо лучше табуна ослов.

39. *Меск еси билән өзини фаш қылур.*

Мускус дает о себе знать запахом.

40. *Йахшы қылыч болурмы хәргиз йаман томурдин,*
Йумақ билән кетәрми луты көмүрдан (29).
Разве хороший меч из плохого железа куется.
А с угля, как ни тереть, разве сажа сотрется.

41. *Сындурур болса уруп алтун қәдәҳ ны қаты таш*
Сынмас алтун қыйматы, артмас бәҳасы ташның (339).
Если крепкий камень нанесет удар и
разобьет золотой бокал,
То не уменьшится от этого цена золота,
и не повысится камень в цене.

42. *Җәвһәр балчық қа түшсә, бурунъы бекин нәфис турур,*
Ғубар көк кә чықса, байаъы бекин хәсис турур (339).
Если даже драгоценный драгоценный упадет в грязь,
то по-прежнему останется чистым.
Пыль же, и когда поднимается к небу,
все равно остается грязной.

43. *Җәррә ичиндә нә есә ташындан ол сызар* (353).
Что внутри горшка, то и вытекает из него.

44. *Мәзәллат билән тири йүригинчә ъиллат билән өлсә йахшы рақ.*
Лучше умереть в недостатке, чем жить в позоре.

45. *Дәҳлиң йоқтурур, харж арқун ет.*
Раз не имеешь твердого дохода, в своих расходах
скромен будь.

46. *Ол ев ешиндә ешитмә хәир-ү салаҳ,*
Ким ебчи үни ол евдә қаты келгәй (341).
Ты у порога того дома не жди мира и добра,
Где громко раздается голос женщины.

47. *Бу тирликиң йемәк үчүн дәгүлдүр йалъуз* (165).
Жизнь у тебя не только для того, чтоб есть.

48. *Душман қаты зә'иф болса, достлуқ көргүзүр* (324).
Враг выкажет дружбу, если он очень слаб.

49. *Дүшмән ны 'аҗиз көрүп рәхм етмәгил ким, қачан қадыр болса, сәңа рәхм етмәс* (326).

Не проявляй милость к врагу, считая его слабым, ибо когда он окажется сильным, не проявит к тебе милость.

50. *Дӯшмӓн ӧгӱтӱн ҡӓбул ҡылмак хата дурур, вӓ лекин ешитмӓк рӓва* (327).

Допустимо слушать назидание врага, но недопустимо принимать их.

51. *Ҡыл хӓдӓр дӱшмӓн сӧзиндӓн, ей рӓфиҡ,*
Не ким ол ӓйтсӓ, аныҡ сен 'ӓксин ет:
Кӧргӱзӱрсӓ саҕ йаны йол сӓҥа,
Сӓн аныҡ сӧзин ешитмӓ, солҕа кет (327).

Берегись речей врага, о друг,
Что бы он ни говорил, ты делай наоборот;
Если он укажет тебе дорогу направо,
Не слушай его, иди налево.

52. *Киши җаныны хӓтӓргӓ ҡоймайын, дӱшмӓн гӓ зафар тапмас* (206).

Человек, не подвергнув опасности свою жизнь, не сумеет врага победить.

53. *Ҡӓчан ким дӱшмӓн ныҡ ҳийлӓси тӱгансӓ достлуҡ силсилӓсин тебрӓтӱр* (329).

Когда враг исчерпает свою хитрость, он начинает проявлять беспредельную дружбу.

54. *Елиҡ йув ол мӱнафиҡ достдан ким,*
Йӱрӱр дӱшмӓн ларыҥ бирлӓн болуп йар (325).

Отвернись от того лицемерного друга,
Кто дружбу завел с твоими врагами.

55. *Не сириҡ ким бар, достларыҥа демӓгил, не билӱрсӓн ким бир вӓҡт дӱшмӓн болҕай лар* (85).

Не все свои секреты выкладывай друзьям, откуда знать, что когда-нибудь они не станут твоими врагами.

56. *Досталр евин сипиргил, даҕы дӱшмӓн ешкин ҡаҡмаҕыл* (113).

Подметай дом друзей, но не стучи в дверь врага.

57. *Достҡа ол ҡӓдӓр йары ҡылҕыл ким, дӱшмӓн болса сӓҥа зафар тапмаҕай* (76).

Другу помоги настолько, чтобы он не одолел тебя, если станет врагом твоим.

58. *Дағўлдўр достуң ни'мат дә ҳар ким*
Мўҳаббат лафын урса йаныңда;
Ҳақиқат достуң, йарың дур ол ким,
Қолуң тутса айаҳдан тўшкәниңдә (52-53).
Не тот твой друг, кто о своей любви
В дни благоденствия твердит тебе.
Того ты настоящим другом назови,
Кто руку протянуть готов в беде.

59. *Бу тиләнмәк адәмигә көп хиҗалат келтўрўр*
Етмәги артар вә лекин абруйы ексилўр (170).
Попрошайничество приносит человеку стыд,
Хлеб его от этого увеличится, но уменьшится авторитет.

60. *Кўч билән битмәс ишиң, аҳча керәк, аҳча,*
Аҳчалы адәми муҳтаж дағўлдўр кўч кә (197).
Силой не решатся твои дела, деньги нужны, деньги.
Денежный человек не нуждается в силе.

61. *Йоҳсул луқ отына кўйўп кўймәк андан йахшы раҳ ким*
бир киши қатына барып хаҗат тиләгинчә (162).
Лучше сгореть в огне бедности, чем пойти к кому-нибудь просить милостыню.

62. *Не қәдәр ким сәмиз есә бәрйан,*
Бәррә дән кам көрўр аны тоқ әр,
Ач бәрли тапып биши шалғам,
Шишләмиш қаз ети бекин хуш йер (178).
Каким бы жаркое ни было вкусным,
Сытый едва ли почувствует вкус;
В степи же голодному жалкая репа
Покажется слаще, чем жареный гусь.

63. *Боғаз бәласы болмаса еди, қуш тузаҳ қа тўшмәгәй еди, сәййад дағы тузағын қурмағай еди.*
Если бы не постоянная нужда в пище, птицы не попадали бы в силки, и охотники также не расставляли бы свои силки.

64. *Қанда ким ач ит тапар ет,тиш урур, сормас аны,*
Ким бу салиҳ нақāсы мы, йахуд Дāжжал ешāги.
Когда голодный пес найдет мясо и зубами станет рвать,
Ему все равно , верблюдица ли это праведного
или осел Дажжала.

(Анти-Магомед, который по поверию мусульман, явится верхом на осле перед концом мира).

65. *Āгāр йазыдағы барча қумлар инжи болса, тиläнчиläрниң көзи тоймағай* (72).

Если весь песок пустыни превратится в жемчуг, и тогда не насытятся глаза попрошайки.

66. *Мал 'ӱмӱр раҳāти ӱчӱн дурур, дағы 'ӱмӱр мал жāм' етмāк ӱчӱн дāгӱл* (218).

Богатство существует для того, чтобы наслаждаться жизнью, а не жизнь для того, чтобы копить богатство.

67. *Не қāдāр ким бек лāр ашы татлы болса, ей қонақ,*
Йарлы-йоқсуға қуру етмāги андан йахшы раҳ (346).
Как бы вкусно ни было угощение беков, о гость,
Гораздо вкуснее бедняку свой хлеб.

68. *'Āқыл мисли бу дур ким бир аҳры алтун*
Көп йахшы дурур йӱз елли батман кӱч дāн (205).

Притча разумного такова: одна полноценная золотая монета
Гораздо лучше ста пятидесяти батманов силы.

69. *Ол нимā ким тарк биткāй, көп турмас* (96).
Все, что делается наспех, долго не живет.

70. *Озуп кетчи ашыққан атлы ерни*
Йӱрӱбāн бир киши арқун тӱн-ӱ-кӱн
Көлӱк-атлар арып қалды, тāвāчи
Сӱрӱр еди тāвāсин арқун-арқун.
Всадника позади оставил тот,
Кто шел, двигаясь не спеша, день и ночь;
Устали кони и отстали, а погонщик
Гнал верблюда размеренно вперед.

71. *Сабр билән бағда ғора пишар*
Дағы ашыққан ким ерсә йүзи үстүнә түшар (96).
Коль терпенье есть, в саду незрелый плод созреет,
Торопиться начнешь – в грязь лицом упадешь.

72. *Дүшмән алына алданмағыл, дағы мәддаһ мәдхинә мәғрур болмағыл ким, ол ал тузағын қуруп турур, дағы бу тәма' етәгин ачып отурур* (94).
Не поддавайся козням подлеца,
И не гордись ты похвалой льстеца;
Первый из них обмана сеть расставил,
А второй полу жадности расправил.

73. *Хәтаға нисбәт етмәс ким ешитсә,*
Сөзи даим аның ким раст болғай;
Ҳәр ер йалған билән машһүр болса,
Ким аны раст деп иқрар қылғай (348).
Коль человек слывет праведным,
Ему всегда во всем доверье;
А если человек известен лживым,
Кто же тогда ему поверит?

74. *Йылан башын дүшмән ели билән йәнчил* (329).
Размозжи голову змеи рукой врага.

75. *Өч алмаҳдан 'афү йахшы раҳ* (257).
Лучше прощать, чем мстить.

76. *Ердәм ийәсин хусуд севмәс*
Ватват нечүк ки севмәс нур (211).
Завистливый ученого не любит,
Как мышь летучая не любит свет.

77. *'Ақыл йемәк йер тирилмак учун дағы ҳаҳил тирилир йемәк үчүн* (165).
Умный ест для того, чтобы жить,
Невежда живет для того, чтобы есть.

78. *Не йергә ким еришсә 'алим анда*
Билүрләр қыйматин ары ғәвҳартек (192).
Куда бы ни приехал ученый муж,

Везде оценят его, как чистый жемчуг.

79. *Сӧзӯң бу дур ки мән фәлан 'алим мән,*
Чӯн йоқ 'илмиң, йәнә ҳәман жахил сән;
Мунуң мисли ошол ешәк кә охшар,
Билмәс ки йӯки отун мы дур, йа дәфтәр (82-83).

Ученый я – ты повторяешь всюду те слова,
Но знания не применяешь, грош тебе цена;
Подобен ты ослу, которому не важно,
Что на спине несет он – книги иль дрова.

80. *Қәчан ким 'алим ер илмин хәлайық қа йӯрӯп сатты,*
Ол ер нәқдын ели бирлән йанар отқа салып етти (83).

Если ученый муж познаниями своими торговал,
Он собственной рукой в огонь добро бросал.

81. *'Ариф ергә, бил, жәҳәннәм ниң 'әзабы бирлә тең*
Кирмәки қоншы айағы бирлә жәннәт бағына (162).

Знай, мудрому равносильно адской муке
Войти в сад рая ногами соседа.

82. *Кӯч билән кишигә байлық дағы арзу билән бек лик ҳасыл болмас* (190).

Человек не приобретет силой богатство,
Одним желанием – бекство.

83. *Кӯч билән болмас сә'адәтниң етәгин тутмаға* (190).

Силой не ухватишь счастье за полу.

84. *Залим ларны 'әфӯ етмәк фәқир ларға зулум қылмақ болур* (84).

Прощать угнетателей равносильно угнетению бедных.

85. *Мәлик ләр билик ийәләри ниң нәсыйҳатына мухтажрақ турур, андан ким билик ийәләри малик ләр суҳбәтинә мухтаж болғай* (83).

Цари больше нуждаются в советах ученых, чем ученые в обществе царей.

86. *Бу рә'ийәт кә мәлик чобан ерӯр,*
Ол нечә ким көп вилайәтни билӯр;
Қой дәгӯл чобан ечӯп, ей зӯфнӯн,

Бәлки чобан қойлара хидмәт үчүн (77).
Для подданных царь, что пастух для стада,
Ибо он знает много стран;
Не овцы для него существуют, о мудрец,
А пастух существует, чтобы стеречь овец.

87. *Сығар бир хўҗрә ға он ики меҳман,*
Бир иқлима сығышмас ики султан (23).
Двенадцать гостей могут устроиться в одной комнате,
Но не вмещаются в целом континенте два султана.

88. *Қорқса вәзир ҳәқдан қорққан бекин мәликдән*
Табуп мәқам-и 'алий, болғай мәлик сыйфат ол (79).
Когда б везир боялся бога так, как он царя боится,
Великим стал бы он и ангелу подобным.

89. *Зулум қылса мәлик рә'ийәт кә*
Ла җәрәм мәмлакәт хәраб болур (31).
Когда правитель подданных гнетет,
Сомнения нет, страна его погибнет.

90. *Хуш көр бу рә'ийәт ни ким наф'и фәрәван дур.*
Не йердә султан бар, мунлар билә султандур (32).
Люби своих подданных, ибо они приносят большую пользу.
Где бы ни был султан, он благодаря им является султаном.

91. *Ким зулм елин узатса, султан болурмы, болмас,*
Қойларға қурт ҳәр гез чобан болурмы, болмас (32).
Кто склонен угнетать других, султаном может быть? —
не может.
И волк, чтоб стал пасти овец, в природе может быть? —
не может.

92. *Әйә келгән жеханға егүлүк ет,*
Йаман иш ни йаман ларға қойуп кет (94).
Пришедший в этот мир, твори лишь добро,
Пусть плохие совершат плохие дела.

93. *Әзәли мәвжүдат ит турур ким, туз-етмәк ҳақыны билүр, ол адәми дән йахшы рақ ким билмәс* (348).
Среди божьих тварей собака выделяется тем, что она не

забывает сделанного ей добра, а потому она лучше неблагодарного человека.

94. *Йаман лық қылған ергә егүлик қыл* (322).

Делай добро и тому, кто совершает зло.

95. *Қары болдун йигит лик дән елиң йув,*
Билүрсән ким йәнә қайтмас ақар сув;
Йигит ликни йигит лärгä қойуп кет,
Бүгүн таңда үчүн көп егүлүк ет (269).

Ты старым стал, в том отдавай себе отчет,
Ведь знаешь, вспять река не потечет;
Пусть молодым достанется молодость,
А твой удел добро творить.

96. *Адәми нечүк дегәйим мән аңа,*
Сураты инсан, вәли ҳәйван хисал;
Җүмлә әсбаби ичиндә истәсәң,
Ким аның қанындан өзгә йоқ ҳәлал (189).

Как человеком мне его назвать?
Он только внешне человек, а по природе зверь;
В нем ни душа, ни тело не чисты,
Чиста в нем только кровь, поверь.

97. *Йаман ларға рәҳм қылмақ егү лärгä жәвр етмәк болур* (84).

Милость к плохим людям равносильна угнетению хороших.

98. *Әгәр йаъса булут дан аб-и ҳәйван,*
Йақын бил, тал ағачында йемиш йоқ;
Йаман бирлә 'үмүрни зайы' етмә,
Қуры нәй дин киши шәкәр йемиш йоқ (25).

Если из тучи пойдет живая вода,
Знай, и тогда ива не сможет плодоносить;
Попусту жизнь не трать с человеком дурным,
Из тростника пустого сахар нельзя вкусить.

99. *Егү аты қалса ерниң йахшы раң.*
Соңра қалғынча толы алтун раваң (12).

Лучше добром пусть тебя вспоминают люди,

Чем после себя оставить золота полное блюдо.

100. *Агәр кеттиң-йеттин, вә агәр қалдың–өлдүң* (109).

Коль пойдешь вперед – достигнешь, остановишься – погибнешь.

101. *Нәһән дән һәвф етип ғәввас евиндә*
Отурса дүрр-и халис ким кетүр ғәй (206).

Коль испугавшись крокодила, засядет дома водолаз,
Кто же чистый жемчуг станет добывать?

102. *Хаҗәт тиләмә хәсис ердән,*
Буғдай тама' етмә шора йердән (167).

Не вздумай у скряги что-либо просить:
Солончак не может пшеницу родить.

103. *Турш йүзлиниң елиндән йегинчә бал-у тәр қаймақ.*
Күләч, йүзли ниң елиндән алып хәнзал йесә
хуш рақ (169).

Чем принимать мед и свежую сметану из рук человека
с кислым лицом,
Лучше принимать колоквинт из рук человека
с сияющим лицом.

104. *Сәхини йад етип даим өгәрләр*
Бахил атын ешиткәндә сөгәрләр (185).

Щедрого имя всегда хвалят, вспоминая,
Услышав имя скупого, проклинают.

105. *Көзүн бағлар дәраһим 'ақыл ерниң,*
Тама' салур учар қуш ны тузақ қа (198).

Деньги закроют глаза умного человека,
Алчность приводит летящую птицу к силку.

106. *Бәхил ниң алтуны ол вәқт йердән чыҳар ким, аны йергә қойғай лар* (71).

Золото скряги тогда выйдет из земли, когда его самого кладут в землю.

107. *Мәлүл қылмысар 'ариф ер киши көңлүн*
Вәли хәсүд хәсәд дән болур һамишә мәлүл (30).

Мудрый человек ничем никого не огорчает.

А завистника всегда зависть терзает.

108. *Хәсүд райҳинә йоқтур өлүмдән өзгә дәва* (30).

От зависти нет иного средства кроме смерти.

109. *Сәхи ер ким йегәй дәҳы бағышлағай* (341).

Щедрый человек и сам ест и другим дарует.

110. *Даим тикән-ү гүл, ғәм-у шади биллә дүр* (315).

Всегда вместе шипы с розой, а печаль с радостью.

11. *Не йердә гүл бар – анда тикән бар, дағы не йердә* ***хәмр бар*** *– анда хумар бар, дағы не йердә ким ғәнҗ бар, анда йылан бар, дағы не йердә ким дүрр-и сәмин бар – анда нәһән бар* (315).

Там, где розы – там и шипы, там, где водка – там и страсть, там, где сокровище – там и змея, там, где жемчуг полноценный, – там и чудовище.

112. *Сиринни көңүлдә сақлағыл бек*
Мүшфиқ сәңа йоқ жәһанда сән тек;
Айытма деп аны кишигә айытма.
Турмас ким аны ешитса тип-тек (85).

Если есть у тебя тайна, твердо сохрани.
Нет более сострадательного в мире, как ты сам;
Не передай ее другому, чтобы он молчал,
Не может он молчать и хранить твою тайну.

113. *Сөзләмәк ҳикмәт дәгүл, ей хуш мәқал,*
Болмаса ол йердә ким сөзгә мәҗал;
Ол тәкәллүм дән сәңа хуш дур сүкүт,
Ким хәта сөздә йегинчә инффи'ал (90).

Если ты красноречив, помни же всегда:
Мудрость в том, чтоб говорить, когда есть нужда;
Если ж надобности нет, лучше промолчать,
Чем сказать не то, что надо и сгореть от стыда.

114. *Насыйҳәт тутмаған 'ақыл ким ерсә*
Түшәр даим мәшаққәт ниң ҳатына:
Билүрсән захмина чүн тақатиң йоқ
Қолуңны суқмағыл ақраб ининә (55-56).

Когда беспечный не желает слушать наставлений,
Познает он вполне несчастий муку;
Коль знаешь, что бессилен против яда,
Не суй же в нору скорпиона руку.

115. *Ғафил йурубан усал болма,*
Дӯшмӓн ны кӧрӱп хӓқир-у мискин (27).
Коль ты не дурак, не будь беспечным,
Считая врага ничтожным и слабым.

116. *Йӓйаҕ мискин лӓрӓ кӓ'бӓ йолында,*
Муҕылан кӧлгӓси дур чатр-и султан (109).
Несчастным пешеходам по пути в Кааду
Тень кустарника покажется шатром султана.

117. *Гӓр тилӓсӓҥ ким ҕӓраиблӓр тӓмаша еткӓсӓн*
Тегмӓ бир кӱн бир йаҥи йергӓ керӓк ким йеткӓсан.
Если хочешь удивительные вещи в жизни наблюдать,
Старайся каждый день на новых местах побывать.

118. *Сӓн егӱ бол, йӓман десин хӓлайық*
Йӓман болуп, сӓҥа йахшы дегинчӓ (122).
Пусть назовут плохим, а будь хорошим,
Чем слыть хорошим, будучи плохим.

119. *Кӓчан бир мухтасар диван болуп, 'уммал улҕайса,*
Тӓкӓббӱрдӓн билишлӓргӓ кӧрӱбӓн илтифат етмӓс;
Йӓнӓ тӱшсӓ 'ӓмӓлдӓн, ол келип йоқсул билишлӓргӓ
Кӧҥӱл дӓрдин йатып сӧзлӓр, сурар болса туруп
кетмӓс (130).
Когда ничтожный человек займет внезапно важный пост,
Знакомых видя, возгордясь, приветствовать он их не станет;
Когда же потеряет пост, он сам придет к ним, не спросясь.
Ища сочувствия, от них он ни за что уж не отстанет.

120. *Йалҕан сӧзлӓмӓк ол зӓҳм бекин дурур ким, жӓра-ҳӓти битсӓ нишаны қалур* (348).

Лживые речи подобны ране, если даже она заживет, след останется.

121. *Ҳӓр ким хийанӓт билӓн тирилгӓй ҳисаб вӓқтында ел лӓри титрӓгӓй* (288).

12-1061

Тот, кто нечестным трудом живет, дрожащей рукой ответ будет держать.

122. *Сағ ға сағлықы йетәр.*

Здоровому довольно и его здоровья.

123. *Аз йесүн хәр йемәкни вақтында,*
Даима сыйҳәт издәгән кимсә (164).

Должен мало, но вовремя есть,
Каждый, кто хочет здоровье сберечь.

124. *Йемәс ит сарқытын келип арслан,*
Ғар ичиндә ачын өләр болса;
'Ариф ер нәфсинә уйуп кетмәс
Не қәдәр нәфс аңа жәфа қылса (172).

Не соблазнится лев тем, что осталось от собаки,
Скорее в пещере с голоду умрет;
Так мудрый человек не поддастся страсти,
Как страсть ни велика, он все же ее уймет.

125. *Бир ким ерсә миң мәшаққәт бирлә ни'мәт жам' етәр,*
Йер аны өзгә келип, ол йазуқын алып кетәр (71).

Кто жизнь на накопление богатства потратит,
Другой придет и съест его, а он несет
ответственность за все.

126. *Алнында йаваш қой бекин мүшфиқ йар,*
Артында бөри бекин териңни йыртар (100).

Перед тобой, как овечка, нежен и смирен,
Позади же тебя волком сразу станет он.

127. *Қылып тәвбә қутулмақ ға болур тәңри 'әзабындан,*
Вәлекин бу хәлайықның тилиндән қуртулуп болмас 122).

От гнева божьего всегда спастись раскаянием можно,
Но от людского осужденья спастись не можешь никогда.

128. *Оқ тәмүри жәрахәт дан чықар, вәли нишаны қалур* (199).

Наконечник стрелы можно вынуть из раны, но останется след.

129. *Тәмүр түккән билдк миң қурла йахшы*
Ол елдән ким көкүсиндә бекkә қаршы (88).

В тысячу раз лучше руки, что сталь куют,
Тех рук, что перед беком к груди прижмут.

130. *Садаф дан айрылур болса, тапар жавхар ағыр қыймат* (193).

- Жемчуг приобретает большую ценность только тогда, когда отделится от раковины.

131. *Не ишлӓр қылғай ерди адамиғӓ*
Қӓрынча ныҥ кӓнаты бар болса (175).
Будь у муравья хоть маленькие крылья
Что бы он ни сделал тогда для человека.

132. *Тири ерни енгӓн асан уруп оқ бирлӓ өлтӱрмӓк, вӓлекин бир өлӱни миҥ ким ерсӓ тиргизӓ билмӓс* (338).

Очень легко убить живого человека, выпустив стрелу, но тысяча человек не смогут воскресить одного мертвого.

133. *Ҳӓр ким жандан ел йувғай, не ким көҥӱлдӓ болса, тилинӓ кетургӓй* (16).

Всякий, кто потерял надежду на жизнь, выскажет все, что у него на сердце.

134. *Йетсӓ татлы сувға сувсамыш ер,*
Қорқмас, алында болса ӓждӓрҳа (93).
Если терзаемый жаждой доберется до желанной воды,
Не испугает его даже страшный дракон.

Л. Б. Никольский

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛУЧАЕВ ОТСУТСТВИЯ ПАДЕЖНЫХ МОРФЕМ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в связи с разработкой советскими лингвистами проблемы морфологической структуры слова поставлен и решается вопрос о так называемых нулевых морфемах, в том числе и нулевых падежных аффиксах. Этот вопрос обсуждался, в частности, на ленинградской дискуссии 1960 г. по проблеме морфологической структуры слова [2]. В понимании же того, что такое, в частности, нулевой падежный аффикс и нулевая падежная форма, пока не существует единого мнения, так как сам факт возможного отсутствия падежного аффикса у имени интерпретируется по-разному. Одни лингвисты считают, что всякое отсутствие падежного аффикса в изменяемом имени на фоне всей парадигмы склонения должно рассматриваться как нулевой падежный аффикс. Так, О.П. Суник, анализируя морфологическую структуру турецкого слова «работа», находит нулевые морфемы именительного падежа и единственного числа [2, 45-48]. Другие полагают, что отсутствие материально выраженного падежного аффикса еще не является достаточным основанием для выделения особой нулевой падежной формы и должно подкрепляться наличием у неоформленного имени значения настолько конкретного, чтобы его (значение, – *Л.Н.*) можно было считать соотносимым со значением других падежей. Так, например, об этом говорит Н.А. Сыромятников [3, 276]. На этих же позициях, видимо, стоит и В.А. Аврорин: "Вообще-

то я не против применения термина «нулевая форма» и даже не стал бы возражать против связанных с ним терминов «нулевой аффикс» или «нулевое окончание», когда речь идет об условном обозначении таких случаев, в которых то или иное грамматическое значение выражено отсутствием формальной морфемы" [3, 211]. И по моему мнению, первая точка зрения не находит достаточного подтверждения даже в материале тех алтайских языков, при анализе которых она возникла.

Дело в том, что, хотя имя существительное без падежного аффикса во всех алтайских языках чаще всего является подлежащим, оно так же регулярно и закономерно может быть и другим членом предложения. В турецком языке, например, имя без падежного аффикса может быть в предложении подлежащим, прямым дополнением, обстоятельством времени, определением [1, 83-84].

Учитывая эти факты, пришлось бы говорить не только о нулевом именительном падеже, но и о нулевом винительном, нулевом родительном, нулевом местном и т.д. Не чем иным, как отражением этих фактов являются термины «неоформленный винительный», «неоформленный родительный», принятые, в частности, в монголистике.

Что касается корейского имени существительного, то оно отличается в области склонения от имен других алтайских языков (кроме японского) только тем, что в форме именительного падежа на его основу наращивается падежный аффикс *-и/-га* (*-и* – после основы с согласной финалью и *-га* – после основы с гласной финалью). Как и в других алтайских языках, имя без падежного аффикса может употребляться в предложении в функции различных падежей, в том числе и в функции именительного. Приведем примеры:

а) неоформленное имя – подлежащее: *Чэнъгэчжанъ-есэ нын кичха ттэнанын сори-га тыллинда* (ЛК, 66) 'Со станции доносится шум отходящего поезда' (букв. 'шум поезд отправляющийся'); *Чагын эмэни ттэдынын сори-е эди чал су-га иссэячжи* (ЛК, 54) 'Разве тут успешь, когда маленькая мама шумит';

б) неоформленное имя – прямое дополнение: *пат мэдɔн сарамдыр ын...* (ЛК, 35) '...люди, занимавшиеся прополкой суходольного поля' (букв. 'половшие суходольное поле'); *Ури конъчжанъ кугйɔнъхаго калкка* (ЛК, 78) 'Посмотрим нашу фабрику и пойдем, что ли?';

в) неоформленное имя – определение: *Кы-ый чиб ын паро сведыги чип ква иус-ииɔтта* (ЛК, 39) 'Ее дом был как раз по соседству с домом Сведыги'; *ɔмɔм, илккун паб ын ɔттɔкхе твейɔссо* (ЛК, 53) 'Мать, как там с обедом [для] работников?'

Возможно также употребление имени без падежного аффикса в функции косвенного дополнения и различного рода обстоятельств [4, 169-173].

Таким образом, и факты корейского языка подтверждают, что какого-либо определенного (отличного от других падежных словоформ) значения или функции именная форма, не осложненная падежным аффиксом, не несет. Она может иметь различные синтаксические функции, как правило, те же, что и формы с падежным аффиксом. Поэтому вряд ли было бы логично считать, что она входит в парадигму падежного словоизменения как какая-то исходная форма, противопоставленная другим словоформам своим значением и функцией. И было бы совсем неверно называть ее формой основного падежа. (Я полностью разделяю точку зрения Н.А. Сыромятникова [3].) Видимо, целесообразнее квалифицировать ее как такую форму, которая стоит за пределами падежной парадигмы и, следовательно, не является падежной. Но в этом случае надо определить ее истинную синтаксическую нагрузку. Мне кажется, что дело обстоит следующим образом.

Падежные аффиксы в корейском языке, кроме указания на синтаксическую функцию имени имеют еще и другое назначение. Они актуализируют предмет мысли, выраженный именем, а именно: закономерно появляясь после имен, обозначающих предметы, они указывают, что внимание говорящего сосредоточивается на этих предметах. Ср. два предло-

жения, взятых из диалога: *Пɔлссɔ чɔмсис-ыл чиɔ= е* (ЛК, 59) 'Ты уже готовишь обед?' и *На чɔмсим мɔкко окке* (ЛК, 62) 'Я приду после обеда' (букв. 'съев обед'). Особенно хорошо видна эта функция падежных окончаний, когда они следуют после аффикса недостаточного инфинитива *-чи* в составе отрицательной формы предикатива. Так, недостаточный инфинитив в приведенном ниже примере принимает окончание винительного падежа *-рыл*, поскольку отрицание является категорическим: *Ɔдум сог-есɔнын хыйн пхадо-га нɔмсилкдринын тэхэ-га пхйɔлчхйɔиссыл ппун кы ве-е н амугɔт то поичжи-рыл анатта* (ЧМ, 1955, № 5, 64) 'Во тьме простиралось только огромное море, покрытое белыми бурунами, и кроме этого ничего не было видно'.

Таким образом, падежной формой имени выражаются два синтаксических значения – синтаксическое отношение к другим словам и указание на актуализацию. В противоположность падежной непадежная форма нейтральна к обозначению синтаксического отношения. Синтаксическое отношение к другим словам выражается иными средствами: определенной синтаксической позицией непадежной формы и интонацией. Следовательно, оппозиция падежной и непадежной формы имени идет по линии наличия или отсутствия актуализации, а если так, то непадежная форма может считаться нулевой, но по совершенно другим основаниям, – подобно тому, как безусловно нулевой является форма единственного числа имени при материальном выражении в языке только множественного числа. Кстати сказать, при таком рассмотрении совершенно снимается проблема факультативности падежных аффиксов.

Литература

1. Кононов А.Н., Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956.
2. Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.-Л., 1963.
3. Морфологическая типология и проблемы классификации языков, М.-Л., 1965.

4. Чосɔно мунпɒп, I, ɔымрон, хйɔнътхэрон, Пхйɔнъянъ, 1960.

Условные сокращения

ЛК – Ли Гийɔнъ, кохянъ, Пхйɔнъянъ, 1956.

ЧМ – журн. «Чосɔн мунхак», Пхйɔнъянъ.

М. Н. Орловская

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЙ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

По общепринятому мнению языковедов, наречие по сравнению с другими частями речи является категорией более позднего образования и весьма разнообразной по составу, что особенно характерно для производных наречий, образованных на базе других частей речи.

Наряду с наличием ряда корневых, непроизводных наречий [4] в монгольском языке имеются и производные наречия, образованные при помощи специальных наречных суффиксов и словосочетаний в функции наречий, а также путем изоляции некоторых падежных и глагольных форм.

Наречия, образованные при помощи наречных суффиксов

Таких суффиксов несколько. В основном — это суффиксы, присоединяемые к корням, ныне самостоятельно не употребляемым, но входящим в состав ряда производных основ.

Суффикс *-на* входит в состав наречий, указывающих место совершения действия: *гадна* снаружи', 'вне дома' (ср. гадаа < *γadaγ-a* 'снаружи', 'на улице'; *гадагш* 'наружу'; *гадаад* 'наружный', 'внешний'; *гадар* 'внешний покров', 'наружная сторона (чего-либо'). *цаана* 'дальше', 'по ту сторону' (ср. *цаш* 'дальше', *цаа* 'отдаленный', 'дальний', *цаагуур* 'подальше', 'глубже'). *наана* 'с этой стороны' (чего-либо), 'на эту сторону' (ср. *наагш* 'сюда', 'поближе'; *наагуур* 'по эту сторону'; *наад* 'ближайший'. 'находящийся на этой стороне'). *хойно* 'сзади', 'позади' (ср. *хойгуур* 'севернее',

'позади'; *хойш* 'назад', 'к северу'; *хойт* 'задний', 'северный'; *хоймор* 'задняя часть юрты'; *хойч* 'будущее').

Суффикс *-ш (-шаа)* присоединяется к тем же, ныне самостоятельно не употребляющимся корням, что и суффикс *-на*, и образует наречия, указывающие на направление действия: *цаашш* 'дальше', 'далее', *дээшээ* 'вверх', 'выше'; *доошоо* 'вниз', 'ниже'; *наашш* 'сюда', 'ближе'; *ийш* 'сюда', *тийш* 'туда'; *хойш* 'назад', 'к северу'.

Небольшое количество наречий имеют в своем составе суффикс *-гш (-гшаа)*: *урагш* 'вперед', 'на юг'; *гадагш* 'наружу', 'во двор'; *дотогш* 'вовнутрь'; *дорогш* 'вниз', 'ниже'; *хойногш* 'впоследствии', 'впредь'.

Более продуктивен суффикс *-уур (-гуур)*, образующий наречия со значением, указывающим на направление (реже отрезок времени) совершения действия: *доогуур* 'низом', 'низко'; *хойгуур* 'позади', 'сзади'; *цаагуур* 'по той стороне'; *наагуур* 'по этой стороне', 'этой стороной'; *дээгүүр* 'высоко', 'верхом'; *дэргэдүүр* 'рядом'; *далдуур* 'тайно', 'скрыто'; *дундуур* 'серединой', 'посредине'; *өмнүүр* 'впереди', 'навстречу'; *гадуур* 'по поверхности', 'верхом'; *өглөөгүүр* 'утром', *оройгуур* 'вечером'.

Суффикс *-даа (-таа)* присоединяется к различным основам и образует наречия, обозначающие способ протекания действия: *аажимдаа* 'медленно', 'тихо'; *аянда* 'стихийно', 'само собой'; *хамтдаа* 'вместе', 'совместно'; *дандаа* 'все время', 'постоянно' *заримдаа* 'иногда'; *жичдээ* 'отдельно', 'особо'; *цугтаа* 'вместе', 'совместно'.

Суффикс *-т (-таа)* присоединяется к числительным и образует наречия со значением кратности: *олонтаа* 'неоднократно', 'часто'; *гурвантаа* 'троекратно'; *хэдэнтээ* 'неоднократно', 'несколько раз', *мянгантаа* 'тысячекратно'.

Суффикс *-тээ*, присоединяясь к местоимениям *энэ* 'этот', *тэр* 'тот' и к словам *зүүн* 'восток', *баруун* 'запад', образует наречия, обозначающие место совершения действия; *энэтээ* 'на этой стороне', *тэртээ* 'на той стороне', *зүүн-*

тээ ‘слева’, ‘на восточной стороне’, *баруунтаа* ‘справа’, ‘на западной стороне’.

Суффикс *-тээ* именного происхождения: *-тээ* < *tege* ‘сторона’, ‘направление’: *tere tege* ‘по ту сторону’ > *tertege* ~ *terte* ‘на той стороне’, ‘по ту сторону’, ‘на том берегу’. Позднее *-тээ* превратился в словообразовательный формант, подвергшийся гармонии гласных; ср. *энэтээ* ‘на этой стороне’, *баруунтаа* ‘справа’, ‘на западной стороне’. От наречий на *-тээ* с помощью суффикса *-хи* могут быть образованы прилагательные, например, *тэртээхи* ‘находящийся на той стороне’, ‘тамошний’. *Энэтээ уулын орой дээр хөхөө шувуу яруухан донгодоход...* (Д. Нац, 272) ‘На вершине по эту сторону горы куковала кукушка’; *Тэртээ улыг өнөөрвөл айлгүй гэж бодож...* (Д. Нац., 234) ‘Он думал, что если перевалить гору на той стороне, то аилов там нет’; *Зүүнтээ баахан адуу байна* (Л. Миш., 21) ‘Слева находится небольшой табун’; *Баруунтаа суусан хүүхний хөөрхнийг хэлэхүү* (Д. Нац., 163) ‘Рассказать ли о хорошенькой девушке, живущей на западной стороне?’.

При помощи суффикса *-үү* от глагольных основ образованы наречия: *дэндүү* ‘чрезмерно’, ‘чересчур’, ‘слишком’ (*дэнд-* ‘переходить меру’); *өнгөрүү* ‘слишком’, ‘чересчур’, ‘свыше’ (*өнгөр-* ‘проходить мимо’, ‘миновать’). *Өнгө нь дэндүү хурц гэв юм* (Цог, 1961, № 5, 23) ‘Говорят, цвет его слишком яркий’; *Өнгөрүү заяажээ* (Я. Пэ, 439) ‘Слишком осчастливил’.

Небольшое количество наречий образовано с помощью суффиксов *-тар (-тэр), -ээ, -жин*. Приведем примеры. *-тар*: *сайтар* ‘хорошенько’; *ичихтэр* ‘постыдно’, ‘позорно’; *Тэднийг нэгд нэгнээр сайтар ажиглавал* (Д. Нац., 274) ‘Внимательно (хорошенько) разглядывал их одного за другим’; *-ээ*: *бүрнээ* ‘всецело’, ‘полностью’, *хэдийнээ* ‘уже давно’; *Дор бүрнээ нэгэн бодолтой цагдаа цэргүүд уурласан мэт хөмсөг зангидан уулын хэц өөд бүслүүрдэн мацаар байлаа* (Цог., 1959, № 2, 23) ‘Внизу все как один и с единой мыслью, насупив брови, точно рассердившись, продолжали взбираться вверх

по горе опоясанные ремнями солдаты и полицейские'; *өнөөх хүн хэдийнээ хоймор суув* (Д. Нац., 164) 'Этот человек уже давно сел на почетное место'; *-жин : өдөржин* 'весь день', 'в течение всего дня'; *өнөөдөржин* 'в течение сегодняшнего дня'; *шөнөжин* 'в течение всей ночи'; *Ирэх байх гэж өнөөдөржин харлаа* (Цог., 1961, № 5, 26) 'Весь день смотрела, не вернулся ли [сын]'; *Адуу хойноос өдөржин шогшиж саяхан ирсэн* (Цог., 1961, № 5, 51) 'Весь день ездил за табуном и недавно вернулся'; *Шөнөжин орсон хүйтэн нойтон цас татраад үүр халарлаа* (Туяа, 1958, № 6, 8) 'Выпавший в течение ночи холодный мокрый снег осел, забрезжил рассвет'.

Прочие суффиксы по происхождению являются словоизменительными. Это окончания некоторых косвенных падежей (дательно-местного, исходного, орудного) и некоторых деепричастий, которые в силу своей синтаксической функции и употребления в определенных группах слов как бы превратились в словообразовательные форманты. Такие формы по значению и употреблению нетрудно отличить от живых изменяемых форм, так как в лексико-синтаксическом отношении последние представляют собой самостоятельные единицы.

Ниже рассматриваются наречия, образованные на базе других частей речи.

Наречия, образованные на базе имен существительных

Процесс образования наречий от имен существительных идет по пути адвербиализации отдельных падежных форм и изоляции их. Как известно, падежные формы имен существительных выражают различные синтаксические отношения существительного в той или иной падежной форме к другим членам предложения. И эти отношения бывают различными: субъектными, определительными, дополнительными, обстоятельственными.

Выражая дополнительные и обстоятельственные отношения, существительное обычно выступает определителем гла-

гола, т.е. выполняет ту же синтаксическую функцию, что и наречие. Разница между существительным и наречием в том, что существительное, какую бы функцию оно ни выполняло в предложении, всегда сохраняет свое предметное значение, тогда как наречие такого значения не имеет. Однако при употреблении некоторых падежных форм существительных в функции определителя глагола создаются предпосылки для полной адвербиализации существительного и перехода его в разряд наречий. При адвербиализации большое значение имеет лексическое содержание слова. Оно бывает обычно более или менее абстрактным, обозначающим отрезки времени, пространства, качества. Слова с четким, конкретным значением (*морь* 'конь'; *гар* 'рука'; *гэр* 'юрта', 'дом') не адвербиализуются или адвербиализуются в очень редких случаях как, например, *сүүл* 'хвост', 'курдюк'; *сүүлд* 'потом', 'после', 'в конце'. Но и здесь адвербиализация идет через изменение, вернее расширение, конкретного значения слова «хвост» до более абстрактного «конец», «окончание».

Адвербиализовавшаяся форма выпадает из общей системы склонения, приобретает значение самостоятельной лексической единицы.

При адвербиализации падежной формы существительного и переходе его в разряд наречий большую роль играет также значение падежа, которое создает предпосылки для употребления данной падежной формы в качестве абстрактного, обстоятельственного определителя глагола. Естественно, важна также и частота употребления данной падежной формы в новом отвлеченном значении; она является показателем степени потери словом предметного значения и говорит о том, насколько прочно за ним закрепилось новое значение, и в какой мере можно считать его самостоятельным словом.

От степени потери предметности и частоты употребления зависит и степень адвербиализации: одни слова полностью перейдут в разряд наречий, другие будут находиться на той или иной стадии адвербиализации.

К наречиям, образованным от имен в форме дательно-местного падежа, относятся следующие: *ард* 'сзади', 'позади' (*ар* 'спина', 'зад'); *ангид* 'отдельно', 'порознь' (*анги* 'часть', 'отдел'); *хажууд* 'возле', 'около', 'рядом' (*хажуу* 'бок', 'сторона'); *сүүлд* 'после', 'потом' (*сүүл* 'хвост', 'конец'); *насад* 'всегда', 'вечно' (*нас* 'возраст'); *дашрамд* 'попутно', 'кстати' (*дашрам* 'случай', 'повод'); *амандаа* 'про себя' (*ам* 'рот', 'уста'). *Хажууд нь суусан залуу түүнийг зөлхөн нудрлад...* (Цог., 1961, № 5, 42). 'Сидевший рядом юноша тихонько толкнул его'; *Дараа нь тохойгоороо тэмтрээд сүүлд нь тэсч ядсандаа толгойгоо унжуулав* (Найз, 31) 'Потом нащупал локтем, наконец не вытерпел и уронил голову'; *Бид дашрамд дайрлаа* (МРС) 'Мы заехали попутно', *Амандаа ямар нэгэн л ойлгогдох юм хэлэв* (Цог., 1959, № 2, 26). 'Он говорил про себя что-то непонятное'.

Что касается окончания орудного падежа *-аар*, то в современном монгольском языке оно является не только словоизменительным, но и словообразовательным формантом. Особенно продуктивен процесс образования наречий на *-аар* от прилагательных, но имеются также производные и от существительных, местоимений, числительных.

Форму орудного падежа имеют наречия: *дунджаар* 'в среднем' (*дундаж* 'средняя величина'); *талаар* 'зря', 'напрасно', 'впустую' (*тал* 'сторона'); *биеэр* 'лично' (*бие* 'тело'); *үндсээр* 'в корне', 'совсем', 'окончательно' (*үндэс* 'основа'); *үдшээр* 'вечером' (*үдэш* 'вечер', 'вечером'). *Би 1952 онд саалийн нээ бүрээс дунджаар 6000 кг сүү саасан юм* (Шу-3/54-84) 'Я в 1952 году от каждой дойной коровы надоила в среднем 6000 кг молока'; *1952 оны өвөл их зохиолч Шолоховыг биеэр үзэх завшаан бидэнд тохиолдлоо* (Ц. Дамд., 281) 'Зимой 1952 года нам представился случай лично увидеть крупного советского писателя Шолохова'; *Тус оронд социализм байгуулах зорилт хуучин материал үйлдвэрлэлийн суурийг үндсээр нь өөрчлөн...* (ШУ, 1954, № 3, 79) 'Задача построения социализма в данной стране в корне меняла старую материально-произ-

водственную базу'; *үдшээр ирсэн Дорлиг* (Цог., 1959, № 2, 28) 'Пришедший вечером Дорлик'.

Существительных, адвербиализовавшихся в форме исходного падежа, немного. К ним можно отнести: *араас* 'сзади', *алсаас* 'издали'. *Цуваа аваад явах юм биш шүү гэж араас нь хашгарсан...* (Цог., 1961, № 5, 24) '«Взяли ли плащ», – кричала она ему вслед (сзади)'; *Алсаас ирсэн шинэ зочид Самбуу Болод нарын амгаланг эрнэ* (Д. Цэв., 96) 'Все приветствовали приехавших издалека гостей – Болод и Самбу'.

Наречия, образованные на базе имен прилагательных

Процесс образования наречий от прилагательных идет путем прибавления к последним окончания орудного падежа -аар. Этот способ весьма продуктивен и практически от любого прилагательного, если этому не противоречит его лексическое значение, можно образовать наречие: *сайнаар* 'хорошо' (*сайн* 'хороший', 'хорошо'); *муугаар* 'плохо' (*муу* 'плохой'; 'плохо'); *хурднаар* 'быстро' (*хурдан* 'быстрый', 'быстро'); *шинээр* 'вновь' (*шинэ* 'новый'); *үнэнчээр* 'честно', 'искренне' (*үнэнч* 'правдивый', 'искренний', 'честный'); *зөөлнөөр* 'мягко', 'нежно' (*зөөлөн* 'мягкий'. 'нежный'); *яруугаар* 'мелодично', 'благозвучно' (*яруу* 'благозвучный', 'мелодичный'); *ганцаар* 'одиноко', 'в одиночестве', 'уединенно' (*ганц* 'единственный', 'одинокий'). Примеры употребления таких наречий в предложениях:

Дахин сайнаар ажиглая... (Д. Нац., 241) 'Посмотрю-ка хорошенько...'; *Энэ нь үйлдвэрийн төлөвлөгөөг хугацаанаас нь урвд давуулан биелүүлэхэд муугаар нөлөөлж байна* (Хөд) 'Это плохо сказывается на досрочном выполнении производственного плана'; *Гэтэл манай энэ бариггын ажилд үнэнчээр зүтгэж...* (Д. Цэв., 111) 'Однако [он] честно трудится у нас на строительстве'; *Гэвч одоогоор хийдэд явуулахад гэртээ ганцаараа үлдэх...* (Д. Цэв., 67) 'Но теперь, отправив его в монастырь, она осталась дома в одиночестве'.

Наречия, образованные на базе имен числительных

Эта группа наречий невелика, так как само количество числительных по отношению к другим частям речи невелико. Большинство таких наречий восходит к числительному *нэг (эн)* 'один'. Путем прибавления к нему суффикса *-т* образуется наречие *нэгэнт* 'уже', 'однажды', например: *Энэ номын нүүр, сүүл нэгэнт урагдаад...* (Туяа, 6/59) 'Обложка и последний лист этой книги уже порвались'. *Нэг (эн)* в совместном падеже и с наречным суффиксом *-гуур* образует наречие *нэгэнтэйгүүр* 'одновременно', 'в то же время', например: *Нэгэнтэйгүүр Долингор муу үг олонд тарахаас айх болович...* (Ц. Дамд. 168) 'В то же время Долингор опасался говорить много плохого'.

Удвоенная основа числительного *нэг (эн)* со вторым компонентом в орудном падеже образует наречие *нэг нэгээр* 'поодиночке', 'один за другим', например: *Судас, шөрмөсий нь нэг нэгээр сугалсаар...* (Д. Нац., 281) 'Одну за другой выдергивал жилы'. Первый компонент может иметь форму дательно-местного падежа, а полная основа второго – орудного: *нэгд нэгнээр* 'по порядку', 'одно за другим', например: *Удалгүй Долингор адуугаа хурааж ирээд Дэжид нарт өөрийн эхнэрийн нярайлсан учрыг нэгд нэгнээр хэлэв* (Ц. Дамд., 164) 'Вскоре Долингор пригнал табун и все по порядку рассказал Дэжид о предстоящих родах жены'. Полная или усеченная основа второго компонента с частицей *-гүй* в сочетании с *нэгд* образует наречие *нэгд нэггүй, нэгд нэгэнгүй* 'по порядку', 'один за другим', например: *Улаан бучит хүүхэд хотын доторхи зүйл бүхнийг нэгд нэгүй тоочих тул Самбуу Болд хоёр дув дуугүй чихээ тавьж нүдээ билчээнэ* (Д. Цэв., 63) 'Так как дети в красных галстуках перечисляли по порядку все городские новости, Самбу и Болод молча, не отрывая глаз, смотрели на них'; *Та тэр хуудсан дахь бүх бичгийг нэгд нэгэнгүй уншин...* (Б.Б. II, 10) 'Вы прочтите по порядку все написанное на той странице'.

Числительное *нэг (эн)* входит также в различные устойчивые сочетания, употребляющиеся в качестве наречий, например, *нэг адил* 'одинаково'; *нэг амиар* 'сразу', 'залпом', 'одним духом'; *нэг дуугаар* 'единогласно'; *нэг зэрэг* 'одновременно'; *нэг мөр* 'заодно'; *нэг өдөр* 'однажды'; *нэг удаа* 'однажды', 'как раз'.

Удвоение одного или разных корней числительных со вторым компонентом в форме орудного падежа образует наречия совокупности: *нэг хоёроор* 'по одному-двое', *хоёр-гурваар* 'по двое-трое', *ес-есөөр* 'по девять', *арав арваар* 'по десять', например: *Хоёр гурваар нийлэлцэн ярилцан...* (Д. Нац., 238) 'Разговаривали, объединившись по двое-трое'.

Разделительные числительные на *-аад*, особенно удвоенные, второй компонент которых имеет форму орудного падежа, также образуют наречия совокупности: *нэжгээд* 'по-одному'; *хошоод* 'по двое'; *хошоод хошоодоор* 'попарно', 'по двое'; *арваад арваадаар* 'десятками', 'по десяти', например: *Энэ хэсэг цэрэг хэдэн том эсгий гэрт арваад арваадаараа тасарч сууна* (Ц. Дамд., 169) 'Эта часть солдат разместилась по десяткам в нескольких войлочных юртах'.

Собирательные числительные *хоёулаа(н)* 'двое', *гурвуула(н)* 'трое', *дөрвүүл(эн)* 'четверо' и т.д. в предложении часто имеют значение 'вместе', 'вдвоем', 'втроем', 'вчетвером', например: *Самбуу Болод хоёр нэгэн эхээс төрсөн ах дүү мэт суувч хоёулан, явавч хоёулан, нэгэн чихэр олбол хуваан идээд, нэгэн тоглоом олбол хамтран тоглоод...* (Д. Цэв., 95) 'Самбу и Болод точно родные брат с сестрой жили вместе, ходили вместе, если получали сладости, делились, если получали игрушки, играли вместе'; *Сономдорж...гэлэнгийн санваар иг жаахан гажуудуулж эхнэр хүүхэдтэй болоод гэрийн доторгурвуул аж төрж суужээ* (Ц. Дамд., 230) 'Сономдорж...нарушил монашеский обет, завел жену и ребенка, и жили они втроем в юрте'.

Наречия, образованные на базе местоимений

Наречия местоименного происхождения образованы в основном от указательных местоимений *энэ* 'этот', *тэр* 'тот' и их основ в косвенных падежах. Наречия *энд* 'здесь', *тэнд* 'там' исторически представляют собой форму дательно-местного падежа ныне не употребляемых самостоятельно корней *эн-, тэн-*.

Эти наречия часто выступают в паре и образуют наречие со значением «там и сям», «здесь и тут», «кое-где», например: *Тэнд энд гишгэсээр тэнтэр туntар явна* (Ц. Дамд., 37) 'Ступая там и сям, она еле-еле передвигает ноги'.

При присоединении ко второму компоненту отрицания *-гүй* это парное сочетание имеет значение «везде», «повсюду», например: *Хар хонинууд энд тэндгүй бөндийгөөд хэвтэж байгаа харагдав* (Ц. Дамд., 248) 'Виднелись повсюду лежащие черные овцы'.

Оба наречия имеют изолированную форму исходного падежа: *эндээс* 'отсюда'; *тэндээс* 'оттуда'; сочетание *энд тэндээс* 'отовсюду', 'со всех сторон'.

При повторе основы *тэр-*, где первый компонент стоит в совместном падеже, а второй имеет отрицание, образуется наречие *тэртэй тэргүй* 'в том и другом случае', 'так или иначе', например: *Тэртэй тэргүй маргааш би төв орох ажилтай* (Туяа, 1958, № 6, 13) 'Так или иначе (в любом случае) завтра я поеду по делам в центр'.

От основ косвенных падежей *үүн-* < *егүп-* и *түүн-* < *тегүп-* в орудном падеже образованы наречия *үүгээр* 'здесь', 'на этом месте'; *түүгээр* 'там', 'на том месте'; *үүгээр түүгээр* 'там и сям', 'повсюду', например: *Чи наашаа үүгээр унт гэж* (Д. Нэв., 82) 'Иди сюда и спи здесь'; *Би түүгээр яваагүй одоо хэдэн ч жил болсон юм шиг байна* (Б.Б. Н., 46) 'Будто прошло несколько лет с тех пор, как я не был там'; *үүгээр түүгээр адуу мал зөндөө билчээд...* (Д. Нац., 238) 'Там и сям в изобилии пасутся табуны'.

От указательных местоимений *ийм* ‘такой’, ‘эдакий’ и *тийм* ‘такой’ образованы наречия: *иймд* ‘поэтому’; *иймээс* ‘из-за этого’, ‘вследствие этого’; *тиймээс* ‘поэтому’, ‘вследствие того’, например: *Иймд би хурдан хар морио хайрт армидаа бэлэглэе* (П. Хор., 90) ‘Поэтому я подарю своего быстрого вороного своей любимой армии’; *Иймээс арга олдвол хийдэд суулгаж лам болгон эрдэм номд сургахыг бодно* (Д. Цэв., 67) ‘Поэтому если будет возможность, отдам в монастырь, думаю, сделают из него ламу, обучат наукам’.

От вопросительного местоимения *юу?* ‘что?’ в форме дательно-местного падежа образуется наречие *юунд?* ‘зачем?’, ‘почему?’, ‘для чего?’, например: *Та нар юун хүн вэ?* Юунд буу тавив? (Д. Нац., 274) ‘Вы что за человек, зачем стреляли?’

От адъективизированных личных местоимений в родительном падеже *минийх* ‘принадлежащий мне’, ‘мой’; *чинийх* ‘принадлежащий тебе’, ‘твой’ прибавлением окончания орудного падежа образуются наречия *минийхээр* ‘по-моему’, *чинийхээр* ‘по-твоему’.

Наречия, образованные на базе глагольных форм

Когда речь идет о наречиях, образованных от глагольных форм, то прежде всего имеются в виду деепричастные и причастные формы, отличающиеся от других, им подобных форм своим наречным значением и употреблением.

Переход деепричастных форм в наречия связан с утратой тем или иным деепричастием глагольных признаков — способности глагольного управления и залогообразования, что влечет за собой его лексико-грамматическую изолюцию и превращение в самостоятельную лексико-грамматическую единицу.

Деепричастные наречия бывают простыми, состоящими из одного деепричастия, и парными, образованными повторением одной и той же деепричастной формы. Для современного монгольского языка типична изоляция в наречия форм слитного, соединительного, реже разделительного деепричастий.

Довольно распространенное наречие *дахин* 'снова', 'опять', 'еще раз' по форме – слитное деепричастие от глагола *дахи-* 'повторять', 'возобновлять'. В предложении такое наречие выступает только в роли обстоятельства, например: *Гэвч эр хүний замын хүзүүр урт тул дахин уулзахыг горьдоно* (Ц. Дамд., 176) 'Но так как дорога мужчины длинна, то он еще надеялся снова встретиться'; *Бас дахин Цэрэн гүйж харих гэтэл гэрээ хүрэх замын зуур баригдаад...* (Ц. Дамд., 186) 'И снова Цэрэн бежал, но по дороге домой был схвачен'. Это наречие с тем же значением и употреблением можно встретить и в форме соединительного и разделительного деепричастий, например: *Ноднин жил дахиж төрсөн шинэ хүнтэй адилхан санаж болно шүү* (Цог, 1961, № 5, 56) 'Вы ведь думаете обо мне как о человеке, заново (снова) родившемся в прошлом году'; *Гэрэлмаа дахиад үг дуугарсангүй, шууд тогоо шанага чихаа ажилд ороход...* (Цог, 1961, № 5, 27) 'Гэрэлма снова ничего не сказала и сразу принялась за хозяйство'.

Наречие дахин часто встречается в парном сочетании *дахин дахин* 'снова и снова', например: *Цэрэнгийнхэн нүүх бол уу? гэж дахин дахин харавч ер нүүх шинжгүй* (П. Хор., 92) 'Она снова и снова смотрела, не собирается ли кочевать семья Цэрэна, но этого не было заметно'.

Наречие *байн байн* 'периодически', 'то и дело', 'часто', 'время от времени' по форме – парное сочетание слитного деепричастия от глагола *бай-* 'быть', 'существовать', полностью утратившее связь с лексическим значением глагола и употребляющееся только в парном сочетании, например: *Ганцхан Долгор хуучин буудал руугаа байн байн эргэж харсаар...* (П. Хор., 92) 'Только Долгор время от времени оборачивалась и смотрела в сторону старого стойбища'.

Наречие *дөнгөж* 'едва', 'только лишь', 'еле' по форме представляет собой слитное деепричастие от глагола *дөнгө-* 'справляться с трудом', 'делать что-либо на скорую руку', например: *Мядаг, Долингорыг явснаас хойш хуучин хэвээрээ дөнгөж амьдарч суулаа* (Ц. Дамд., 160) 'После отъезда Долингора Мядаг по-прежнему едва сводила концы с концами'.

Форма слитного деепричастия *эргэн* от глагола *эргэ-* 'обходить кругом', 'кружиться' в сочетании с такой же формой от синонимичного глагола *тойр-* 'обходить вокруг чего-либо', 'окружать' перешла в разряд наречий: *эргэн тойрон* 'вокруг', 'около' (ср. в том же значении: *орчин тойрон* от глагола *орч-* 'кружиться' и *тойр-* 'окружать'). *Бяцхан Ганбат дувдуугүй эргэн тойрон гайхан харж...* (Д.Цэв., 103) 'Маленький Ганбат молча и с удивлением озирался вокруг'; *Эргэн тойрон нам гүм, өмнөх нэг гүдэрийг давахад цаана нь бас нэг гүдгэр байна* (Д.Цэв., 114) 'Вокруг тишина, перевалишь через один холм, за ним еще один'. В этом наречии совсем ослабла связь с глаголом, от которого оно образовано, и оно способно субстантивироваться, что абсолютно исключено для деепричастий, например: *Найдан хүүгийн бие чичирч, царай нь хувиран орчин тойрныг эргэн эргэн харж хурдлан гүйнэ* (Д. Цэв., 70) 'Тело Найдана дрожало, лицо изменилось, он быстро бежал, то и дело оборачиваясь и окидывая взглядом окрестность'.

Субстантивированное наречие выполняет в приведенном примере роль прямого дополнения, которое оформлено показателем винительного падежа. Субстантивируясь, эта форма может присоединять аффиксы и безличного притяжания, чего не может соответствующее ей деепричастие, например: *Доров эргэн тойрноо харснаа* (Б.Б. II, 55) 'Доров осмотрел свою окрестность'. Примеры свидетельствуют о том, что *эргэн тойрон* – бесспорное наречие, хотя в языке и существуют аналогичные деепричастные формы, способные, как и всякое деепричастие, управлять именем существительным, например: *хураасан юмыг тойрон эргэнэ* (Цог., 1962, № 2, 31) 'Объехал вокруг сложенных вещей' (букв. 'сложенные вещи, окружив, объехал'); *Өрөвсөн өсчий дээрээ эргэн гарч оджээ* (Цог., 1963, № 3, 43) 'Вышел, повернувшись на одном каблуке'.

С глаголами *иигэ-* 'делать эдак, таким образом', *тэгэ-* 'делать так, таким образом' связаны наречия времени: *иигээд* 'теперь', 'сейчас', 'скоро'; *тэгээд* 'потом', 'после', 'затем'.

13[x]–1061

Эти наречия, как и некоторые другие, полисемантичны: они являются также и наречиями образа действия со значением «так», «таким образом». По форме они соотносимы с разделительными деепричастиями, но как наречия они не содержат в себе глагольного значения, а само лексическое значение наречия, как видно из следующих ниже примеров, далеко отошло от лексического значения глагола, например: *Би ингээд бууя, зогсоорой* (Д. Цэв., 103) 'Я сейчас сойду, остановитесь, пожалуйста'; *Тэгээд өвлийн ид хүйтэн дундуур баахан адуутай шууранд урууджа тогтоох байтугай хаа ч яваагаа мэдэхээ болиод...* (Цог., 1961, № 5, 46) 'Потом в сильную зимнюю стужу он попал в пургу с небольшим табуном и не только не мог остановить его, но и сбился с дороги'.

Форму условного деепричастия имеет наречие *заавал* 'обязательно', 'во что бы то ни стало', 'непременно', также утратившее лексическую связь с глаголом *заа-* 'указывать', 'учить', 'наставлять' и выполняющее в предложении только функцию обстоятельства, например: *Урина, амьд гарвал заавал урина* (Д.Б., 8) 'Приглашу, если буду жив, обязательно приглашу'.

Наречие *удтал* 'долго', 'продолжительно' по форме представляет собой деепричастие от глагола *уд-* 'медлить', 'задерживаться', например: *Гэрэлмаа зуухныхаа захад удтал суужээ* (Цог., 1961, № 5, 29) 'Гэрэлма долго сидела возле печи'; *Цэнд гуай ...нилээд удтал дуугүй хэвтжээ* (Цог., 1961, № 5, 28) 'Цэнд довольно долго лежала молча'.

На базе причастий образовано небольшое количество наречий. Здесь укажем лишь два, восходящих к одной и той же глагольной основе. Это *удахгүй* 'вскоре', 'в скором времени' – по форме представляющее собой будущее причастие с отрицанием *гүй* и *удсангүй* – прошедшее причастие с тем же отрицанием и с тем же значением от глагольной основы *уд-* 'медлить', 'задерживаться'. *Удахгүй хотын хүнийг нүүж ирэхэд энэ цэцэг хөлд гишгэгдэх нь лавтай* (Ц. Дамд. 222) 'Вскоре, когда вернутся горожане, этот цветок наверняка будет растоптан';

Удсангүй хашааны том хаалгаар...шинэвтэр ногоон автобус орж ирлээ (Б.Б. I, 4) 'Вскоре через большие дворовые ворота [во двор] въехал новенький зеленый автобус'.

Правда, в этих двух словах ощущается принадлежность их к разным причастиям: будущему и прошедшему. При одном и том же значении, первое из этих двух наречий, как правило, определяет действие, которое еще только должно совершиться, а второе, – когда оно уже совершилось. Однако и причастиями они не являются: их лексическое значение, позиция в предложении (причастие непременно определяло бы стоящее за ним слово) и выполняемая синтаксическая функция говорят о том, что это наречия.

Глагольное происхождение имеет наречие *даруй* 'немедленно', 'вскоре', образованное от глагольной основы *дар-* 'давить', 'притеснять', 'побеждать', например: *Даруй ирэх хэрэгтэй* (МРС) 'Нужно немедленно прийти'; *Мягмар гаригт төрсөн тул их урин нүгэлт богоод даруй үхнэ гэжээ* (Ц. Дамд., 165) 'Так как она родилась во вторник, то очень грешна и вскоре умрет'.

Форма на *-уй* – устаревшая глагольно-именная форма. В современном монгольском языке в этой форме с временным значением употребляется только архаический глагол *айс-* 'приближаться', 'подходить близко'. *Модны захаар хоёр морьтой хүн айсуй* (П. Хор., 81) 'По опушке леса приближаются два всадника'; *Манайхан тарвагачин айсуй гэж шуугилдав* (Б.Б., I, 28) '«Приближаются наши ловцы тарбаганов», – зашумели они'.

Заканчивая обзор наречий, образованных на базе глагольных форм, следует отметить, что нельзя любую глагольную форму, выступающую в предложении в функции обстоятельства, механически относить к наречиям. Это особенно касается деепричастных форм, так как любое деепричастие, если оно не входит в состав сложного глагола или сложноглагольного сказуемого, также выполняет в предложении функцию обстоятельства. *Вандан дээр суух номоо унших* (Ц. Дамд., 279) 'Си-

дя на скамейке, читал свою книгу'; *Үүгээр түүгээр хэдэн тугал ооДогнон давхина* (Д. Нац., 234) 'Там и сям носятся, задрав кверху хвосты, несколько телят'. В этих предложениях соединительное деепричастие *сууж* и разделительное *ооДогнон* выполняют обстоятельственную функцию, указывая при каких обстоятельствах или каким образом совершаются действия, но тем не менее в разряд наречий они не переходят. Поэтому вряд ли есть основания считать наречиями деепричастия в таких примерах, как: *хүрээ дээгүүр харайжа гараба* 'перепрыгнул через изгородь' (букв. 'прыгая вышел'), *хадын оройе шэртэжэ харана* 'пристально смотрел на вершину горы' (букв. 'всматриваясь глядел') и *hүрэжэ бууха* 'спрыгнуть' (букв. 'прыгая спуститься') [2, 293-300].

Сложные наречия

Некоторые из таких наречий только исторически можно считать сложными. Это наречия, образованные путем сложения двух слов, подвергшихся при слиянии фонетическим изменениям, так *өнөөдөр* 'сегодня': *өнөө* 'этот' + *өдөр* 'день', например: *Би бол өнөөдөр адуу хариулж явааа хүн* (Цог., 1961, № 5, 40) 'Я сегодня пасу табун'. Наречие *нөгөөдөр* 'послезавтра', 'на следующий день' образовано из *нөгөө* 'другой', 'тот' + *өдөр* 'день', пример: *Нөгөөдөр нэгдлийн төвд эмэгтэйчүүдийн хуралтай* (Цог., 1961, № 5, 31) 'Послезавтра в центре объединения состоится собрание женщин'. Наречие *урждар* ~ *уржигдар* 'позавчера', 'третьего дня' образовано из *урж* ~ *уржиг* (ср. *уржнан* [г.] 'позапрошлый год', *уржийн цаад өдөр* 'канун или накануне позавчерашнего дня') + *өдөр* 'день'. Второй компонент этого слова подвергся значительным фонетическим изменениям: начальный гласный выпал, а второй подвергся ассимиляции, например: *Гэрэлмаа маань хайчсан бэ? – Сумын төв орсон. – Хээзээ? – Уржигдар* (Цог., 1961, № 5, 25) 'Где Гэрэлма? – Уехала в сомонный центр. – Когда? – Позавчера'. Наречие *өчигдөр* ~ *өцөгдөр* 'вчера' образовано из *өчиг* ~ *өцөг* (этимология неясна) + *өдөр*

Тэгээд өчигдөр нэгтгэлийн төв рүү яваад одоо хүртэл ирээгүй (Цог., 1961, № 5, 31) 'Вчера уехала в центр объединения и до сих пор не вернулась'.

Наречия *бүрмөсөн* 'навсегда', 'полностью', 'совсем', 'целиком' и *нэгмөсөн* 'в один раз', 'в один прием', 'сразу', 'совсем' состоят из *бүр* 'еще', 'даже', 'совсем', *нэг* 'один' и компонента *мөсөн* 'раз', 'крат', не имеющего ныне самостоятельного употребления [3]. Примеры: *Тийм учраас хаврын гарсан төл хурга бүрмөсөн үхэв* (Ц. Дамд., 251) 'Поэтому ягнята весеннего окота полностью погибли'; *Чи нэгмөсөн ирсэн үү?* (МРС) 'Ты совсем приехал?'

Парные наречия и повторы

Парные наречия по наличию или отсутствию у составных компонентов самостоятельных семантических значений можно подразделить на две группы.

Первая группа. Сложные наречия этой группы характеризуются семантической полноценностью компонентов, которые сочетаются друг с другом для выражения общего значения, например, *өдий төдий* 'много', 'большое количество': *өдий* 'столько' + *төдий* 'столько', 'столь', 'так'; *агшин төдийд* 'тотчас', 'моментально': *агшин* 'мгновение', 'миг' + *төдийд* 'столько'; *агшин зуур* 'мгновенно', 'моментально', 'вмиг': *агшин* 'миг', 'мгновение' + *зуур* 'в промежутке', 'во время'; *түр зуур* 'кратковременно', 'немного': *түр* 'временно' + *зуур*; *мөчүү тачуу* 'кое-как': *мөчүү* 'в обрез', 'еле-еле', 'кое-как' + *тачуу* 'тесный', 'узкий'. Примеры: *Өдий төдий залуу тарган морины үнэ хаялцана* (Д. Нац., 237) 'Сбросили цену на большое количество молодых упитанных коней'; *Гэрийн эзний эгч чавганц түр зуур суухыг зөвшөөрч...* (Ц. Дамд., 180) 'Старуха, старшая сестра хозяина юрты, разрешила немного посидеть'; *Цөм агшин зуур чагналаа* (Цог., 1959, № 2, 26) 'Все моментально прислушались'; *Тэр хүн уг газрыг өөрийн төдийд нүдээрээ үзэх болно* (Б.Б. II, 10) 'Тот человек должен немедленно своими глазами увидеть родные места'.

Наречие *санд мэнд* 'второпях', 'спешно', 'в панике' состоит из значимых глагольных основ *санд-* 'чрезмерно торопиться', 'быть в замешательстве', 'растеряться' и *мэнд-* 'спешить', 'растеряться'. *Ажлаа дуусаад санд мэнд буцаж ирсэн* (Цог., 1961, № 5, 30) 'Закончив работу второпях вернулся обратно'.

Часто в парном сочетании выступают адвербиализованные деепричастные формы, например, *чадан ядан* 'кое-как', 'еле-еле', 'по мере своих сил': *чадан* 'умея', 'находясь в состоянии' + *ядан* 'не умея', 'не будучи в состоянии'. *Чадан ядан орчуулах* (МРС) 'переводить кое-как (еле-еле)'; *яран сандран* 'поспешно', 'второпях': *яран* 'спешно', 'торопясь' + *сандран* 'теряясь', 'чрезмерно торопясь'.

Некоторые близкие по значению прилагательные в парном сочетании образуют наречия образа действия, например, *аажуу уужуу* 'спокойно', 'тихо', 'постепенно': *аажуу* 'неторопливый', 'медлительный', 'спокойный' + *уужуу* 'просторный', 'свободный', 'спокойный'. *Хөгшид настангууд ч гаанс тамхиа бахаа ханатал аажуу уужуу татахуйяа бэрх мэт ажээ* (ББХ., 49) 'И даже старики с удовлетворением, медленно, точно с трудом, потягивают свои трубки'; *яруу сандруу* 'торопливо', 'в спешке': *яруу* 'торопливый', 'спешный' + *сандруу* 'встревоженный', 'растерянный'. *яруу сандруу яваа улс тэр дайтай дулаацаж амандаа бас юм хийчихээд юугаа хайж сууж байх вэ* (Цог., 1961, № 5, 45) 'Что оставалось делать спешившим (торопливо идущим) людям, которые случайно согрелись и перекусили?'

Вторая группа. Наречия этой группы характеризуются тем, что один или даже оба компонента не имеют самостоятельного лексического значения. В качестве организующего фактора здесь выступает фонетический признак, объединяющий компоненты по созвучию. Как правило, второй (реже первый) компонент в таких наречиях представляет собой рифмующийся с первым звуковой комплекс (словорифму), начальный звук которого замещает начальный звук первого компонента, на-

пример, *бага сага* ‘кое-что’, ‘немного’ : *бага* ‘маленький’, ‘небольшой’, *сага* – созвучный компонент; *хааш яш* ‘небрежно’, ‘кое-как’, ‘наскоро’: *хааш* ‘куда’, ‘в каком направлении’, *яаш* – созвучный компонент; *бүүр түүр* ‘кое-как’, ‘смутно’: компоненты имеют значение только в парном сочетании;*аахь уухь* ‘впопыхах’, ‘второпях’; *мэр сэр* ‘изредка’, ‘временами’: первый и второй компоненты не имеют самостоятельного значения; *шалай балай* ‘кое-как’, ‘небрежно’: *балай* ‘невежественный’, ‘мрачный’; *яв цав* ‘как раз’, ‘точно’: *цав* ‘вдруг’, ‘неожиданно’. Иногда ко второму компоненту добавляется звук, отличающий его от первого: *арай чарай* ‘кое-как’, ‘еле-еле’, ‘едва’: *арай* ‘едва’, ‘почти’, ‘немного’; *ачуу бачуу* ‘быстро’, ‘спешно’: *бачуу* ‘тесно’, ‘торопливо’; *ов тов* ‘кое-где’, ‘там-сям’, ‘местами’: *тов* ‘вмиг’, ‘мгновенно’; *ундуй сундуй* ‘в панике’, ‘растерянно’, ‘суетливо’: компоненты не имеют самостоятельного значения; *армаг тармаг* ‘редко’, ‘кое-где’, ‘там-сям’: *тар-* глагольная основа со значением ‘расходиться’, ‘разъезжаться’, ‘рассеиваться’; *уван цуван* ‘гуськом’, ‘друг за другом’, ‘поодиночке’: *ува-* ‘идти друг за другом поодиночке’. Поскольку в данном разряде наречий лексическим значением часто обладает второй компонент, то в этих случаях речь идет не о добавочном ко второму компоненту звуке, а об отбрасывании его в первом компоненте. Ниже приведено несколько примеров на употребление этих наречий. *Өдөр бүр түүд ном бага сага заалгадаг боловч унших үзэх зав чөлөө олдогүй* (Д. Цэв., 69) ‘Хотя каждый день он понемногу обучался тибетской грамоте, но читать не было свободного времени’; *Эмээлийн будаг холторхой, элдэв хэрэглэл хааш яаш, ганзага урт хар сур голом уранхай шар шир байжээ* (Ц. Дамд., 160) ‘Краска на седле облезла, все снаряжение сделано наспех: торока – простой длинный ремень, чепрак из рваной желтой кожи’; *Тэр жилийн явдал бүүр түүр санагдах юм* (Я. Цэв., 570) ‘Смутно вспоминаются дела того года’; *Нүднийхээ нулимсыг арай чарай баръж суув* (Цог., 2/62-89) ‘Сидела едва сдерживая слезы’;

Эрхэм ахын санаа миний санаатай яв цав нийлэв гэж хариулав (Л. Миш.) 'Мысли моего дорогого старшего брата точно совпадали с моими мыслями'; *Айлууд уван цуван нүүж эхлэв* (Б.Б. II, 47) 'Один за другим начали кочевать аилы'.

Встречаются наречия, компоненты которых различаются начальными слогами, например: *шальдар бульдар* 'кое-как', 'неохотно'; *хальт мольт* 'кое-как', 'небрежно'. *Урьд адил шальдар бульдар ажил хиих ч гүй эрхийн эрх мэдэл дээр энгүйгээр булаацалдах ч гүй нь ил болсон* (М. Гаад., 59) 'Выяснилось, что он не работает так неохотно, как прежде, и не было у него высокомерного стремления верховодить'; *Бичиг хальт молт гаргадаг* (МРС, 244) 'Умеет читать кое-как'.

Повторы имеют в монгольском языке разное назначение: с одной стороны, они несут словоизменительную функцию и служат для интенсификации общего значения (например, *сонин сонин ном* 'интересные книги', *дахин дахин* 'снова и снова', *сэмээр сэмээр* 'тихо-тихо'), а с другой стороны, подобный повтор является способом аналитического словообразования, преимущественно наречий и наречных выражений.

Так, повтор формы слитного деепричастия от глагола *бай-* 'быть', 'находиться' образует наречие *байн байн* 'периодически', 'время от времени', 'то и дело', 'часто', например, *энд тэнд тас няс чимээ гаран морь байн байн зогсусах* (Д. Нац., 249) 'Там и сям раздавался треск, время от времени конь останавливался'.

Удвоение существительного *үе* 'период', 'эпоха', 'момент' образует наречие *үе үе* 'время от времени', 'периодически', например, *Уургын үзүүр үе үе* ширвэлзэнэ (Д. Цэв., 62) 'Время от времени помахивает кончиком урги'.

Удвоение слова *зуур* 'дорогой', 'по пути' образует наречие *зуур зуур* 'иногда', например, *Бадрах Даш хоёр залуучуудын шуугилдан тоглохыг зуур зуур ажин харж...* (Цог., 1961, № 5, 44) 'Бадрах и Даш иногда посматривали на веселившуюся молодежь'.

Количественные числительные в результате удвоения

образуют счетные наречия, например, *гурав(ан)* 'три', *гурав гурав* 'трижды'. *Дараа нь хоер жаалтай дөрвөн талд нь гарч гурав гурав мөргөв* (Б.Б. II, 34) 'Потом вышел с двумя детьми и трижды поклонился на четыре стороны'.

При повторении одного и того же корня (основы) вторая часть может иметь падежную форму: *ам амандаа* 'все сразу', 'разом'; *бие биедээ* 'друг за другом'; *сүүл сүүлдээ* 'в конце концов'; *бага багаар* 'понемногу', 'помаленьку', 'мало-помалу'; *бөөн бөөнөөр* 'гурьбой', 'кучами'. Ниже приведены с этими наречиями примеры. *За, нөхдүүд надаар юу яриулж юу сонохыг хүсэж байна гэхэд хүн болгон ам амандаа «хонь таргуулах, таргуулах» гэж шагшицгаана* (Цог., 1962, № 2, 52) '«Ну, товарищи, о чем мне говорить, что хотите услышать? – спросил он, и все разом зашумели, – об откорме овец, об откорме овец»'; *Хүмүүс бие биендээ «ёстой эрдэмтэн болсон хүн, жинхэнэ хоньчин хүн» гэж шивнэлдэх нь сонсдоно* (Цог., 2/62-57) 'Было слышно, как люди шептали друг другу: «Настоящий ученый стал, настоящий чабан»'; *Балчир томоогүй наснаасаа үерхэн нөхөрлөж явсан нь сүүл сүүлдээ дурлах болж...* (Цог., 1959, № 2, 32) 'С самого детства дружил с ней, в конце концов полюбил'; *Морьтой хүмүүд бөөн бөөнөөр нэмэгдэн ирцгээж байв* (Туяа, 1958, № 6, 1) 'Гурьбой подъезжали всадники'.

При удвоении первая часть может иметь форму совместного падежа, а вторая – частицу отрицания *үй*, например, *тэртэй тэргүй* 'так или иначе', 'в любом случае'; *дуртай дургүй* 'волей-неволей', 'нехотя'. *Найдан хүү арга буюу дээш босч дуртай дургүй алхлав* (Д.Цэв., 71) 'Найдану ничего не оставалось как встать и волей-неволей зашагать'.

Но не всякий повтор является наречием. Это могут быть и чисто синтаксические конструкции, в которых отсутствует какая-либо лексикализация, а так же конструкции, промежуточные между формами словообразовательными и свободными синтаксическими сочетаниями с той или иной степенью лексикализации.

Литература

1. Голстунский К.Ф., Монгольско-русский словарь, т. III, Л., 1938.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология, М., 1962.
3. Ковалевский О.М., Монгольско-русско-французский словарь, т. III, Казань, 1844-1849.
4. Орловская М.Н., О непроизводных наречиях в монгольском языке, – «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 83, М., 1964.

Условные сокращения

Б.Б.I – Б. Бааст, Цэцэглэж байгаа Баян-Өлгий (замын тэмдэглэлээс), Улаанбаатар, 1951.
Б.Б.II – Б. Бааст, Хүрлээ, тууж, Улаанбаатар, 1960.
Д.Б. – Д. Баатар, Очоос түймэр шатна, Улаанбаатар, 1947.
Д. Нац. – Д. Нацагдорж, Зохиолын түүвэр, Улаанбаатар, 1955.
Д. Цэв. – Д. Цэвэгмид, Зохиолын түүвэр, Улаанбаатар, 1956.
Л. Миш. – Л. Мишиг, Монгол хэлний тусагдахуун ба байц, Улаанбаатар, 1957.
М. Гаад. – М. Гаадамба, Элбэг дээл, Улаанбаатар, 1957.
МРС – Монгольско-русский словарь, М., 1957.
Найз. – «Найз». Сборник рассказов, Улаанбаатар, 1955.
П. Хор. – П. Хорлоо, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1948.
Туяа – Журн. «Туяа».
Ц. Дамд. – Ц. Дамдинсүрэн, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1956.
Шог. – Журн. «Цог».
Шу – Журн. «Шинжлэх ухаан».
Я. Цэв. – Я. Цэвэл, Монгол хэлний товч тайлбар толь, Улаанбаатар, 1966.

М. Н. Орловская

УПОТРЕБЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ «АЛТАН ТОБЧИ»

По наблюдениям исследователей-монголоведов, употребление множественного числа в древнемонгольском языке значительно шире, чем в современном [4, 207], хотя в языке попрежнему существует развитая система показателей множественного числа.

В языке XVII в. сфера употребления множественного числа уже по сравнению с языком XIII в., но само употребление еще во многом отличается от норм современного языка.

В языке «Алтан тобчи» (XVII в.) множественное число образуется при помощи следующих суффиксов:

1. Суффикс *-s* — один из древнейших суффиксов образования множественного числа [7, 57], исчезающий и редко употребляемый в современном языке [8, 132], встречается здесь довольно часто, присоединяясь к основам, оканчивающимся на гласные и дифтонг, конечный элемент которого *-i* отбрасывается, например: *ere* 'мужчина' — *eres* 'мужчины', *eme* 'женщина' — *emes* 'женщины', *eke* 'мать' — *ekes* 'матери', *ecige* 'отец' — *eciges* 'отцы', *degü* 'младший' — *degüs* 'младшие', *üge* 'слово' — *üges* 'слова', *aγta* 'мерин' — *aγtas* 'мерины' (это слово встречается и с суффиксом *-d* — *aγtad*), *tan-a* 'перламутр' — *tanas* 'перламутры', *böke* 'борец' — *bökes* 'борцы', *erdeni* 'драгоценность' — *erdenis* 'драгоценности', *beriy-e* 'посох' — *beriyes* 'посохи', *mese* 'меч' — *meses* 'мечи', *noqai* 'собака' — *noqas* 'собаки', *ebüge* 'предок' — *ebüges* 'предки', *metü* 'подобный' — *metüs* 'подобные'.

2. Суффикс *-d*, встречающийся почти во всех монгольских языках, относится наряду с *-s* к древнейшим суффиксам, служившим для образования множественного числа в этих языках [7, 57]. В «Алтан тобчи» этот суффикс используется для образования множественного числа чаще, чем другие. Употребляется он после основ, оканчивающихся на.

а) *-n*, который при присоединении суффикса выпадает, например: *qan* 'хан' – *qad* 'ханы'; *on* 'год' – *od* 'годы'; *γalaγun* 'гусь' – *γalaγud* 'гуси'; *bergen* 'невестка' – *berged* 'невестки'; *kümun* 'человек' – *kümüd* 'люди'; *noyan* 'князь' – *noyad* 'князья'; *temegen* 'верблюд' – *temeged* 'верблюды'; *bulγan* 'соболь' – *bulγad* 'соболи'; *čečen* 'мудрый', 'мудрец' – *čečed* 'мудрые', 'мудрецы'; *ökin* 'девушка', 'дочь' – *ökid* 'девушки', 'дочери'; *morin* 'конь' – *morid* 'кони'.

Причастные формы на *-γsan*, *-gsen* могут иметь форму множественного числа как в субстантивном употреблении, так и в определительной функции. (В современном монгольском языке причастия, как и прилагательные, имеют форму множественного числа только в субстантивном употреблении.) Конечный *-n* суффикса здесь также выпадает, например: *iregsed* 'пришедшие', т.е. 'те, кто пришел'; *saγuγsad* 'севшие', 'те, кто сел'; *ülegsed* 'оставшиеся', 'те, кто остался'; *abuγsad-i* 'взятое', 'то, что взяли' (захватили)'.

б) *-sun*, который также выпадает, и *-d* присоединяется непосредственно к основе слова, например: *nuγusun* 'утка' – *nuγud* 'утки'; *qubčisun* 'одежда' – *qubčid* 'одежды'; *narasun* 'сосна' – *narad* 'сосны'; *balγasun* 'город' – *balγad* 'города'; *buryasun* 'ива', 'ивняк' – *buryad* 'заросли ивняка'.

Этот способ образования множественного числа не характерен для современного языка, в котором имена на *-sun* последовательно сохраняют в основе элемент данного суффикса *-s* к которому уже присоединяется окончание множественного числа.

в) *-r*, который также выпадает, и взамен наращивается суффикс множественного числа *-d*, например: *mor* 'след' – *mod*

'следы'; *γar* 'рука' – *γad* 'руки'; *edür* 'день' – *edüd* 'дни'; *γaγar* 'земля' – *γaγad* 'земли'; *öndür* 'высота' – *öndüd* 'высоты'; *uyiγur* 'уйгур' – *uyiγud* 'уйгуры'; *bayatur* 'герой', 'богатырь' – *bayatud* 'герои', 'богатыри'; *nökür* 'друг', 'товарищ' – *nöküd* 'друзья', 'товарищи'.

Данный способ образования множественного числа также не характерен для современного языка, в котором, пожалуй, только слово *nökür* сохраняет старую форму образования множественного числа: *nöküd* (в современной орфографии *нөхөд*). Что же касается всех прочих слов, то *-r* в них уже является неотъемлемой частью основы и никогда не выпадает.

В связи с этим вспомним весьма интересное замечание Ал. Бобровникова о том, что «иногда и множественное, и единственное число произошли, кажется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова *nökür, nöküd, nökürekü* 'подружиться', можно заключить, что корень был *nökü*. Для слов *modun* и *modud* находим корень в древнем слове *mod* 'деревья', для слов *aran* 'человек' (неупотребительное) и *arad* 'люди' находим у бурят корень *ap* 'человек'» [2, 87].

Вполне возможно, что и ряд других имен, конечный согласный которых или целый слог (*-sun*) выпадал при образовании множественного числа, также имели когда-то основу или корень, «который в отношении числа был безразличен». Ср., например: *öndür* 'высота' – *öndüd* 'высоты', *öndiyikü* 'приподниматься', где корнем мог быть *öndi-* ~ *öndü-*; *edür* 'день' – *edüd* 'дни'; *edüge* 'сейчас', 'теперь' с общим корнем *edü-*.

г) гласный, а также *-či*, например: *ödü* 'перо' – *ödüd* 'перья'; *qota* 'город' – *qotad* 'города'; *aγta* 'мерин' – *aγtad* 'мерины'; *busu* 'другой', 'иной' – *busud* 'другие', 'иные'; *teyimü* 'такой' – *teyimüd* 'такие', *kelemerči* 'переводчик' – *kelemerčid* 'переводчики'.

д) *-s*, например: *ös* 'месть', 'злоба', 'ненависть' – *ösüd* – множественное число. Такой случай оказался единичным, поскольку именам с подобным лексическим значением не свойственна форма множественного числа.

3. Суффикс *-ud (-üd)* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные, кроме *-n*, например: *čerig* 'войско' – *čerigüd* 'войска'; *γal* 'огонь' – *γalud* 'огни'; *külüg* 'конь', 'рысак' – *külügüd* 'кони', 'рысаки'; *kerem* 'белка' – *keremüd* 'белки'; *mös* 'прут', 'хворостина' – *mösüd* 'прутья', 'хворостины'; *tiib* 'материк' – *tiibüd* 'материки'; *nom* 'книга' – *nomud* 'книги'.

4. Суффикс *-ud* следует после основ на *-či*, *-γči*, например: *qaraγčiγud qonid* 'черные овцы', *alaγčiγud qonid* 'пестрые овцы', *qongqoγ čiγud qonid* 'желтые овцы'.

Об этом редком суффиксе упоминает в своих работах Н. Поппе [10, 67, 11], как о суффиксе XVII и более ранних веков. Причем Э. Хайниш полагает, что alaqči'ud (Сокр. ск. § 124) – это множественное число гипотетического *alaqčiq (alaγčiγ)* или *alaγčiγun* [12, 12].

5. Суффикс *-n*. В монголистике уже отмечалось, что в древнейших памятниках монгольской письменности имена, оканчивающиеся на *-i*, *-ai*, *-ui*, *-qui*, *-küi*, *-či*, *-γči* имеют во множественном числе окончание *-n* [6, 5-7; 2, 58; 3, 133].

Э. Хайниш приводит некоторое количество примеров, где *-n* служит показателем множественного числа имен в тексте «Сокровенного сказания».

Это имена, оканчивающиеся на *-ai*, *-ui*, *-i*, *-ci*, например: *noḥai – nohan; moḥai – moḥan; gergai – gergan; ḥulaḥai – ḥulaḥan; edui – edun; tedui – tedun; kedui – kedun; borbi – borbin; čerbi – čerbin; elči – elčin* [6, 512].

Причастная форма на *-qun*, *-kün* также представляет собой форму множественного числа от причастия на *-qu(-qui)*, *-kü (-küi)*.

В языке «Алтан тобчи» форму множественного числа на *-n* сохраняют подобные же имена, например: *edüi – edun* (Alt. I, 88, 136), *borbi – borbin* (Alt. I, 37), *elči – elčin* (Alt. I, 34), *aqu – aqun, ügegü – ügegün* (Alt. I, 34).

6. Суффикс *-nar*, как известно, употребляется в монгольских языках для обозначения лиц, состоящих в родствен-

ных отношениях, или группы людей, например: *degüü* 'младший брат (сестра)' – *degüü nar* 'младшие братья (сестры)', *aq-a* 'старший брат' – *aq-a nar* 'старшие братья', *blam-a* 'лама' – *blam-a nar* 'ламы', *naγaču* 'дядя' (со стороны матери) – *naγaču nar* 'дяди' (со стороны матери). Употребление этого суффикса ограничено в связи с определенным лексическим кругом имен.

7. Суффикс *-tan* определяется в монголистике как суффикс, образующий имена с собирательным значением (наименования социальных групп людей и видов животных). Его происхождению и значению уделялось особое внимание в научных грамматиках и специальных статьях [8, 133-134; 1, 106].

Признавая за этим суффиксом общее значение собирательной множественности и совокупности, ученые, однако, расходятся во мнении относительно его происхождения.

Одни считают *-tan* формой множественного числа на *-n* от имен на *-tai* [11, 5-12] или *-tu(-tü)*, *-tai (-tei)* [6, 111-112]; другие отрицают это, считая *-tan* исторически «цельным и неразложимым», производными разновидностями которого являются *-tu*, *-tai* [8, 134; 7, 106; 1, 106].

Вполне вероятно, что *-tan* существовал первоначально как единый и неделимый суффикс, обозначающий некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц, а также живых существ, обладающих каким-то общим признаком.

Так, являясь весьма продуктивным в современном монгольском языке, этот суффикс употребляется не как показатель множественного числа, а как суффикс, образующий имена существительные со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенной деятельностью, или живых существ, обладающих каким-то общим свойством, например: *ажилтан* 'работник (*-и*)' (от *ажил* 'работа'), *холбоотон* 'союзники' (от *холбоо* 'союз'), *сэхээтэн* 'интеллигенция' (от *сэхээ* 'ум', 'интеллект'), *сээртэн* 'позвоночные' (от *сээр* 'позвоночник') [5, 42-43].

В современном языке имена на *-тан* нередко имеют значение единственного числа, принимая во множественном соответствующие окончания, например: *эрдэмтэн* 'ученый' – *эрдэмтнүүд* 'ученые', *хороңготон* 'капиталист' – *хороңготнүүд* 'капиталисты', *ажилтан* 'работник' – *ажилтнууд* 'работники'. Поэтому относить его к числу показателей множественного числа в современном языке можно только условно, учитывая его историческое значение совокупности-множественности.

Однако в языке XVII в. суффикс *-tan* имел более широкий круг значений: от обозначения коллективной совокупности до простого количественного множества предметов.

В языке «Алтан тобчи» имена с *-tan* передают:

1) принадлежность к роду, племени, клану, например: *Börte činu-a ... er-e ügei γou-a Maral nereṭü ökin - i abcu... mongγol obuγtan bolba* (Alt. I, 6) 'Бортэ Чинуа взял [в жены] незамужнюю Гуа Марал, и образовался род монголов'; *Buqu qatagi-yin köbegün Qatagi omuγ-tan bolba* (Alt. I, 17) Сын Буха Хатаги образовал род Хатаги'; *Tömüčin-tan köbegüd ödterlenkü bosuγad morin-iyan bariju...* (Alt. I, 50) 'Темучиновцы (Темучин и его братья) тотчас встали и поймали коней'; *qutuγtan törügsen köbegüd-iyen tejiyer-ün* (Alt. I, 34) 'чтобы накормить сыновей своих, рожденных хутуктами (высший духовный сан)...';

2) названия лиц, обладающих каким-либо предметом, например: *qaraγčiγud alaγčiγud tuγ-tan bui* (Alt. I, 130) 'знаменосцы черно-пестрых знамен' (букв. обладающие черными и пестрыми знаменами');

3) качество или признак, присущий группе людей, например: *Tede serelten irgen bui* (Alt. I, 130) 'Они осторожные (бдительные) люди'; *Tus qaγan-iyan qartaju iregsen yaγun itegel-ügei-ten arad ede* (Alt. I, 110) 'Эти люди, поднявшие руку на своего государя, не имеют (не имеющие) никакого доверия'; *itegelten kebtegül minu* (Alt. I, 158) 'верная стража моя'; *qurdun yabudal-tan kebtegül minu* (Alt. I, 158) 'быстроходная стража моя';

4) значение союза «и» или слова «и другие», например: *biden-ü manglai Altan, Qučar, Seγügüm-ten Edükü-e kürčü...* (Alt. I, 89) 'Как только идущие впереди нас Алтан, Хучар, Сэнгум и другие дошли до урочища Удкуй...'; *Jelme-e-yin köbegün Yisüntüge aqalaju Tüdei-yin köbegün Bükedei-ten-lüge eyetüldüju atuγai kemebe* (Alt. I, 152) 'Командующими пусть будут сын Зэлмэ Есунтей и сын Тудая Бухедей во главе с Есунтеем'; *Tolüi-ten-lüge töblen saγutuγai kemen saγurin jixaju ögbe* (Alt. I, 142) '«Вы садитесь с Тулуем и другими [помощниками] в центре», – сказал он и указал им место'.

Кроме того, суффикс *-tan* выступает как обычный показатель множественного числа, например: *Dargi qonggor-i unuju siry-a ayta-tan-i ebesün-i alurqai-bar möskijü γurba qonoγ yabuju* (Alt. I, 44) 'Сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами'; *Qamtu dobtulju oruγad siryа ayta-tan-i üldeju γarbai* (Alt. I, 45) 'Поедем вместе и угоним соловых меринов'.

В единичных случаях суффикс *-tan* присоединяется к формам имен во множественном числе, например: *erdem* 'наука', *erdem-üd* 'науки', *erdem-üd- ten* 'ученые, обладающие науками'.

Особенности употребления множественного числа

Хотя в XVII в. уже произошел сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону современных языковых норм, что в свое время отмечал академик С.А. Козин, сравнивая параллельные места «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи» Лувсанданзана [4, 120-135], все же употребление множественного числа в языке «Алтан тобчи» во многом отличается от употребления его в современном языке.

Во-первых, форму множественного числа здесь имеют имена, которые в современном языке, как правило, употребляются только в единственном числе, например: *Mön kümün bey-e γad ebečin ügei kesig-ün noyad-ača ey-e ügegu γučin doluγan beriyes süyitügei* (Alt. I, 154) 'Если этот человек, бу-

14x–1061

дучи здоров (букв. 'тело, руки не больны') без согласия нойонов в третий раз пропустит смену, получит наказание – тридцать семь розог'; *Tomučin köbegün-dür qatqulduqun metüs ken bui* (Alt. I, 130) 'Кто у сынка Темучина подобен тем, кто примет бой?'; *Ösöd gem ülü talburči jögelen yongqor metü Torγon sira minu či nige üge ögüle gebe* (Alt. II, 17) 'Говори ты, Торгон шара, не таящий ненависти и коварства'; *Mod-iyer-iyen yabuγad γaγad-iyan γegütgen bederiju...* (Alt. I, 41) 'Идя по следам, тщательно осмотрим местность'.

Во-вторых, и при наличии количественного определения определяемое довольно часто оформляется множественным числом, что практически отсутствует в современном языке, например: *Cingγis qaγan arban γurban küriyed bölüge* (Alt. I, 75) 'У Чингисхана было тринадцать куреней'; *Tabun köbegüd minu ta γaγča kebeli-eče törübei γa* (Alt. I, 12) 'Вы, пять сыновей моих, родились из одной утробы' ; *Cingγis qaγan-i törüküi-yin urida γambutiib-ün yirtinču-dür arban qoyar maγu qad töröju* (Alt. I, 27) 'До рождения Чингисхана на земле родились двенадцать ханов'; *Eldeb erdenis-iyer čoγčalaγsan sümbür aγula minu* (Alt. II, 12) 'Гора Сумбер моя, полная всяких драгоценностей'; *Sartaγul irgen-dür doluγan od yabuju...* (Alt. II, 85) 'Семь лет шли к сартульскому народу'; *Cingγis qaγan Γuči Čaγadai, Ögedei γurban köbegün-i čimadču (buruγusiyaju) γurban edüd ese aγulγabasu...* (Alt. II, 82) 'Чингисхан рассердился на трех своих сыновей – Джучи, Чагадая и Угедея и три дня не встречался с ними'.

В-третьих, в языке «Алтан тобчи» нередко наблюдается согласование в числе определяемого и определения, нехарактерное для современного языка, например: *Ede üges ögülegülju Nila Senggüm ečige-dür-iyen Ong qaγan-dur tedeger üges Sayiqan Tödüger-iyer ögülju ileküi* (Alt. I, 25) 'Сказав эти слова, Нилха Сенгум послал Сайхан Тодо передать те слова Ван-хану'; *Boγorči, Taulai, Boroqul, Čilaγun ede dörben külüg-üd-iyen dergedegen yabubasu...* (Alt. I, 139) 'Борчи, Таулая, Борохула, Чилагуна – этих четырех рысаков держи возле себя'; *Sayid kö-*

begüd-i inu sibaγun bariγulǰu daγaγulǰu γabutkun (Alt. II, 92) Прекрасных сыновей его заставь ловить птиц, следуя за тобой'.

В современном языке невозможно употребление причастных форм во множественном числе в качестве определений, так как в этом случае они имеют субстантивное значение. В «Алтан тобчи» же они нередко служат определениями, согласуясь, таким образом, в числе со своим определяемым, например: *Ius qaγan-iyan qardaγsad arad mön-e qoyina ker itegegdekün ede kemekü bolüge* (Alt. I, 149) 'Как после этого можно верить аратам, посягнувшим на своего хана? ; *Üleqsed čerig-üd-i inu turaǰu ükürün* (Alt. II, 74) 'Отставшие воины его гибли от истощения'; *Čabčiyal-i barisad čerig-üd-i ködelgeǰü ireǰü Činggis qaγan-dur neyilebe* (Alt. II, 74) 'Двинул войска, державшие Цавчал, и присоединился к Чингисхану'.

Если в современном языке при наличии однородных членов предложения множественным числом, как правило, оформляется (если того требует контекст) только последний член, то в языке «Алтан тобчи» часто каждый из однородных членов имеет показатель множественного числа, например: *Noγud γalaγud-i bariγulǰu iden bükü-dur...* (Alt. I, 14) 'Когда ел пойманных уток и гусей...'; *Ondüd-te qoǰidǰu qadud-ta γarbasu...* (Alt. I, 122) 'Когда я в преклонных годах взойду на горы и скалы'; *Noγud γalaγud-un ödüd buryali čisun metü butaraǰu keyisčü iremü* (Alt. I, 15) 'Перья уток и гусей летали повсюду точно снег'; *Eke-yügen ügei boluγsan-u qoina aq-a nar degüü ner aduγun-iyan qubiyaǰu abulčaba* (Alt. I, 12) 'Когда не стало матери, старшие и младшие братья поделили табуны'; *Qorildai mergen tümed-ün γaǰar-tur-iyan bulaγad, kerem-üd görökü γaǰad qorilaǰu (esergü) qorilalduǰu (tesergü)* ... (Alt. I, 9) 'Хорилдай мэргэн запретил охотиться на соболей, белок и других зверей в тумедских землях'; *Ene yeke ulus-tu okid emes olan genem* (Alt. II, 50) 'Говорят, в этой стране много девушек и женщин'.

Следует отметить и то, что многие имена, обладавшие формой множественного числа в языке XVII в., выступают во множественном числе и в современном языке, однако сейчас

они употребляются с другими показателями множественности, например: *on* 'год' – *od* 'годы' (в современном языке редко – *онууд*); *edür* 'день' – *edüd* 'дни' (в современном языке – *өдрүүд*); *bayatur* 'герой', 'богатырь' – *batud* 'герои', 'богатыри' (в современном языке *баатрууд*); *nuγusun* 'утка' – *nuγud* 'утки' (в современном языке – *нугасууд*); *balaγasun* 'город' – *balaγad* 'города' (в современном языке – *балгасууд*).

Многие языковеды отмечали, что отличие в употреблении единственного и множественного числа сводится к тому, что единственное число имеет развернутую систему падежей, тогда как множественность получает выражение только в сфере субъектно-объектных падежей [9, 66; 3, 113].

Факты монгольского языка XVII в. в какой-то мере подтверждают эти наблюдения. Наибольшее число примеров на употребление множественного числа приходится здесь на именительный и винительный падежи, т.е. на сферу субъектно-объектных отношений, тогда как на другие падежи встретились лишь единичные примеры: пять – с родительным падежом, шесть – с дательно-местным, четыре – с орудным, два – с местным и один – с исходным.

Литература

1. Бертагаев Т.А., Суффикс *-тан* и его производные в монгольских языках, – «Записки калмыцкого НИИЯЛИ», вып. 3, Элиста, 1964.
2. Бобровников Ал., Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849.
3. Бурбих Д.В., К вопросу о путях возникновения порядковых числительных, – «Язык и мышление», III-IV, М.-Л., 1935.
4. Козин С.А., К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, – «Ученые записки ЛГУ, Серия филологических наук», вып. 10, Л., 1946.
5. Орловская М.П., Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке, М., 1961.

6. Поппе Н.Н., Грамматика письменно-монгольского языка, М.-Л., 1941.
7. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957.
8. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, т.I, М., 1953.
9. Тронский И.М., К семантике множественного числа в греческом и латинском языке, – «Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», вып. 10, Л., 1946.
10. Poppe N., Grammer of Written Mongolian, Wiesbaden, 1964.
11. Poppe N., Plural Suffixes in the Altaic Languages (Ural-Altaische Yahrbucher, Bd XXIV, Heft 3-4, Wiesbaden, 1952.
12. Haenisch E., Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Manghol un niuca tobca'an, – «Studia Orientalia», XVI:3, Helsinki, 1950).

Условные сокращения

Alt I. – Altan tobči, a Brief History of the Mongoles, – Harward University Press, Cambridge, Massachusetts, I, 1952.

Alt II. – Altan tobči, a Brief History of the Mongoles, – Harvard University Press, Cambridge, Mass., II, 1952.

Д. А. Павлов

РАЗВИТИЕ ДИФТОНГОВ В МОНОФТОНГИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Старокалмыцкая, или зая-пандитская, письменность «Тодо бичиг» («Ясное письмо») зарегистрировала в калмыцком языке в середине XVII в. следующие семь дифтонгов: *аі*, *эі*, *оі*, *өі*, *уі*, *үі*, *иі*. Эти дифтонги встречаются в конечной позиции слов, в том числе в односложных словах с конечным открытым. В непервых слогах слова наличествовали семь комплексов: *айі*, *эйі*, *ойі*, *өйі*, *уйі*, *үйі*, *ийі*.

Многочисленные переводы Зая-Пандиты, в частности, «Алтан гэрэл» («Золотой блеск»), «Доржи жодба» («Жезл пресечения»), Биография Зая-Пандиты, «Сарин гэрэл» («Луч луны»), относящиеся в основном ко второй половине XVII в., последовательно обозначают указанные выше комплексы и дифтонги в ойратском (калмыцком) языке.

Дифтонги калмыцкого языка имеют общие истоки с монгольскими, так как они представляют собой общемонгольское явление.

Как известно, исторически дифтонги в монгольских языках образовались из комплексов: 1) *г* + *й* + *і* (в начале и середине слова), 2) *г* + *і* (в конце слова). Последние, оказавшись в ходе словообразования или словоизменения в середине слова, принимали вид первого комплекса. Постепенно эти комплексы развились в дифтонги. «Дифтонги являются сложными сочетаниями гласных, постепенно переходящих друг в друга, которые как бы образуют по существу один долгий гласный, ка-

чественно неоднообразный, меняющийся в течение всего периода артикуляции...» [5, 80].

Б.Я. Владимирцов, касаясь вопроса развития дифтонгов в долгие гласные, отмечал: «Фонема *i*, заключающая последние комплексы, была фонемой слабой, легко доступной всяким воздействиям, а ударение, главное или второстепенное, не падало на него, и в результате из комплекса *v+y+i>* дифтонги в халхаском и в других монгольских новых диалектах, которые в свою очередь подверглись дальнейшему развитию. Интервокальное *y* при этом процессе легко ассимилировалось, теряя свой шумный элемент: *v + y +i> v+i +i* »[1, 274-275].

Нам кажется, что из комплекса *ɪ + й +i* образовались дифтонги не в результате ассимиляции *y (й)* в *i*, а вследствие выпадения интервокального *й*, и затем стяжения двух рядом стоящих гласных (*ɪ + й + i > ɪ + i*) в один. Об этом свидетельствуют следующие факты живого языка калмыков:

1) образование аффикса родительного падежа с долгим *и*: (знаком : передается долгота гласных) – *-и:н* в результате выпадения интервокального согласного *й*, например: *бүлийин – бүли:н* 'семьи'; *ханийин – хани:н* 'спутника', 'коллеги'; *һарийин – һари:н* 'руки'. Здесь образовался долгий *и:* на стыке морфем;

2) выпадение интервокального *й* в местоимении *бийә*, восходящего к *бэйэ > бийэ* 'личность', 'особа', 'сам' на стыке морфем. При этом образуется долгий *и:*, например: *би:дн* 'ему самому', *би:дэн* 'себе', *би:сн* 'сами'. Но наряду с этим допускается *бийдн* 'ему самому', *бийдэн* 'себе', *бийин* 'самого', *бийсн* 'сами'. В подговоре бузава произошла замена сонанта *й* на увулярный щелевой *һ* (буквой *һ* обозначается увулярный согласный), который сохраняется при любой модификации: *биһән* 'сам', *биһин* 'самого', *биһдн* 'самому'. Как видно, при выпадении интервокального согласного *й* образовался долгий гласный *и*;

3) в словаре А. Позднеева слово «бросать» и слово «искать» обозначено одинаково – *хайихү* [3, 737]. Здесь дают-

ся фразы: *хайіҗи оркиху* 'выбросить', *хайіҗи иркэҝ* 'сыскать'. Нельзя предположить, что А. Позднеев не знал, что слово «бросать» исторически передавалось как *хайаху*. Видимо, в тот период, когда это слово было зафиксировано А.Поздневым, гласный *а* непервого слога слова *хайаху* был настолько редуцирован, что он имел и измененное произношение, и это привело к одинаковому написанию его со словом «искать». В живой же речи *хайіху* дало *хəːхъ*, так как комплекс *айі* перешел в долгий *əː*, в других же комплексах, где второй гласный не есть *і*, подобное развитие не имеет места: обычно этот гласный редуцируется, а согласный *й* сохраняется. Например: *хайхъ* < *хайъху* < *хайаху* 'бросать', *байън* < *байан* 'богатый', *нойън* < *нойан* 'князь'.

Вопрос о развитии дифтонгов калмыцкого языка в долгие гласные в общих чертах рассматривался в работах В.Л.Котвича и Г.Д. Санжеева. В.Л. Котвич в 1915 г. писал: «В старинных книгах имелись двугласные *айі, ойі, уйі, эйі, өйі, үйі, ийі*. В настоящее время в живом языке вместо них стоят одиночные долгие гласные» [2, 137].

Г.Д. Санжеев указывает, что «в...калмыцком языке исчезли дифтонги, которые превратились в соответствующие долгие гласные, а именно: *аі* > *аː* (в первом слоге), *аː* (в непервом слоге), *эі* > *əː* (в непервом слоге), *иː* (в первом слоге), *оі* > *оː*, *уі* > *уː*, *үі* > *үː* (иногда *иː*, например, *киːтн* 'холод')» [4, 137].

Необходимо отметить, что дифтонги калмыцкого языка дали различное развитие по слогам: в первых, непервых и конечных. Причем обнаруживается различное развитие дифтонгов по говорам и подговорам калмыцкого языка. Это обусловлено не только тем, в каком окружении находится данный дифтонг с точки зрения закона сингармонизма гласных, но и влиянием гласного элемента дифтонга *г* + *і* на свое непосредственное окружение. В одних случаях дифтонги *г* + *і* развились в мягкие долгие гласные, а в других – в твердые долгие гласные. Под палатализующим влиянием гласного элемента *і*

в дифтонгах *а + і* многие из твердорядных перешли в мягкорядные.

В дербетском и торгутском говорах, являющихся основными говорами калмыцкого языка, дифтонг *аі* первого слога слова, восходящий к комплексу *а + й + і*, развился в долгий гласный *ə:* переднего ряда: *хə:сън* 'котел' < *хаісун* < *хайісун*, *хə:чъ* ножницы' < *хаічи* < *хайічи*, *нə:мън* 'восемь' < *наіман* < *найіман*.

Интересное развитие дает дифтонг *аі* первого слога в подговоре донских калмыков (бузава). Дербетские и торгутские *тə:лхъ* 'снимать'; *хə:лхъ* 'таять'; *мə:лхъ* 'блеять', 'мяукать'; *зə:лхъ* 'выполаскивать', восходящие соответственно к *таілаху, хаілаху, маілаху, заілаху,* дали в подговоре бузава *та:л'хъ* 'снимать', *ха:л'хъ* 'таять', *ма:л'хъ* 'блеять'.

Как видно из этих примеров, гласный элемент *і* дифтонга *аі* в первом слоге дербетского и торгутского говоров при ассимиляции смягчающе повлиял на предшествующий элемент *а*, тогда как в подговоре бузава – подверг палатализации последующий согласный *л* в *л'*, одновременно развив свой предшествующий компонент *а* в долгий гласный *а:*.

В непервых слогах слова дифтонг *аі* развился в дербетском говоре в долгий *ə:* (в любой позиции в слове), а в торгутском – в долгий *а:*. Приведенная ниже таблица иллюстрирует это положение.

Таблица 1

Старописьменный калмыцкий язык	Говоры		Значение
	дербетский	торгутский	
далаі	*далə:*	*дала:*	'много'
манаі	*манə:*	*мана:*	'наш'
махлаі	*махлə:*	*махла:*	'шапка'
харһаі	*харһə:*	*харһа:*	'доска'
арзайіху	*арзə:хъ*	*арза:хъ*	'быть неровным шершавым'

Старописьменный калмыцкий язык	Говоры		Значение
	дербетский	торгутский	
сарбайіху	*сарвəːхъ*	*сарваːхъ*	‘растопыриваться’
хулахайілаху	*хулхəːлхъ*	*хулхаːлхъ*	‘воровать’
hахаіта	*hахəːтəː*	*hахаːтаː*	‘имеющий свинью’

В дербетском говоре встречаются, однако, отдельные слова, где в непервых слогах слова после согласных *х* и *h* или в их окружении наличествует *аː* вместо *əː*, например: *орхаːхъ* ‘громоздиться’, *амhаːлхъ* ‘разнуздывать’. Комплекс *əйі* первых слогов развился в *иː*, а конечных – в *əː*, дифтонг *эі* конечных слогов развился в *эː*, а односложных слов – в *иː*. Комплексы *ойі* и *ейі* первых слогов развились в *еː*, а непервых слогов – в *əː*. Дифтонги *оі* и *еі* конечных слогов развились в *эː*, а односложных слогов – *еː*. Комплекс *уйі* и дифтонг *уі* развились в любой позиции слова в *у*. Комплексы *ўйі* и дифтонг *ўі* развились в *ўː*, а комплекс *ийі* и дифтонг *иі* – в *иː*.

В икидербетском подговоре под влиянием ударного гласного *əː* следующего слога, восходящего к дифтонгу *аі*, происходит процесс ассимиляции заднеязычного гласного *а* первого слога в *əː*, например: *мəнə* ‘наш’ < *манəː* < *манаі*, *тəнəн* ‘ваш’ < *танəː* < *танаі*, *дəлə* ‘много’ < *далəː* < *далаі*.

В торгутском говоре в отличие от дербетского комплекс *айі* и дифтонг *аі* непервых и конечных слогов развились в долгий *аː*, а в односложных словах дифтонг *аі* перешел в *əː*. Комплекс *эйі*, дифтонг *эі* имеют одинаковое развитие с дербетским, но в местоимениях *им*, *тим*, восходящих соответственно к *эйіми* ‘этакий’, *тэйіми* ‘такой’, наличествует теперь краткий *и*. Комплексы *ойі*, *ейі* первых слогов, *ейі* непервых слогов, имеют одинаковое развитие с дербетским, а комплекс *ойі* непервых слогов развился в долгий *аː*. Дифтонг *оі* конечных слов развился в *аː*, а дифтонг *еі*, как и в дербетском говоре, в *əː*, а в односложных словах в *еː*. Комплексы *уйі*,

үйі, ийі, дифтонги *уі, үі,ыі* имеют одинаковое развитие с дербетским. В этом говоре встречаются слова, в первом слоге которых наличествует не *у:* , а *ү:* , например: *ү: тхън* 'тесный'.

В подговоре донских и оренбургских калмыков комплекс *айі,* непервых и дифтонг *аі* конечных слогов развились в долгий *а:* , как в торгутском говоре: *алца:хъ* 'растопырить ноги', *шаһа:хъ* 'подсматривать', *шаһа:* 'альчик' и др. Комплексы *эйі, уйі, ейі, үйі, ийі,* и дифтонги *эі, еі, уі, үі* и *і* имеют соответственно одинаковое развитие с дербетским. Комплекс *ойі,* дифтонг *оі* в этих подговорах имеют одинаковое развитие с торгутским.

В уральском подговоре комплекс *айі* первых слогов развился в карткий *э,* а в непервых – в *а.* Дифтонг *аі* конечных слогов и односложных слов перешел в *а.* Комплексы *эйі, ейі* непервых слогов трансформировались в *э,* а комплекс *эйі* первых слогов развился в *и,* а *ейі* и *ойі* – в *е.* Комплекс *ойі* непервых слогов, дифтонг *оі* конечных слогов перешел в *а.* Все остальные комплексы и дифтонги развились в соответствующие монофтонги, как в дербетском говоре, и имеют нормальную длительность.

Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции, проведенной в июне 1970 г. среди хошутов, показывают, что хошуты в языковом отношении мало отличаются от торгутов, и развитие дифтонгов здесь имеет много общего с торгутским.

Отмеченные различия в образовании дифтонгов в долгие монофтонги связаны с развитием территориальных говоров и подговоров калмыцкого языка уже в Поволжье. Некоторая часть калмыков входит в различные административно-территориальные единицы России, что в определенной мере обусловило образование подговоров и усиление имевшихся незначительных диалектных различий в калмыцком языке. Вместе с тем различное развитие дифтонгов по говорам и подговорам наилучшим образом свидетельствует об относительном единстве ойратского языка в историческом прошлом.

Таким образом, образование монофтонгов в калмыцком литературном языке можно представить в целом следующей таблицей.

Таблица 2

Двоеслоги	Слоги		Дифтонги	Слоги
	первый	непервый		конечный
айі > *аі*	*э:*	*а:, э:*	*аі*	*а:, э:*
эйі > *эі*	*и:*	*э:*	*эі*	*э:*
ойі > *оі*	*о:*	*а:*	*оі*	*а:*
ейі > *еі*	*е:*	*э:*	*еі*	*э:*
уйі > *уі*	*у:*	*у:*	*уі*	*у:*
үйі > *і*	*ү:*	*ү:*	*үі*	
ыйі > *ыі*	*ы:*	*ы:*	*ыі*	*ы:*

Можно предположить, что в калмыцком языке переход дифтонгов в долгие монофтонги был завершен к концу XIX в. В настоящее время в отличие от монгольского и бурятского языков ни в одном из говоров и подговоров калмыцкого языка не сохранились дифтонги.

В свете развития дифтонгов в долгие гласные заслуживает большого внимания образование в калмыцком языке особых фонем *э:* и *э:.*

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, в историческом прошлом не было указанных фонем. Фонема *э*, как известно, первоначально развилась из гласного *а* под влиянием гласного и соседнего слова, например: *тавън* 'пятьдесят' < *табин*, *эҳгъ* 'часть' < *анги*, тогда как фонема *э:* – из дифтонга *аі* и комплекса *і+й+і*.

Палатализующее влияние гласного и на соседние гласные и некоторые согласные, видимо, началось уже в XVII в. – к периоду создания «Тодо бичиг». Об этом говорит способ орфографирования слов типа: *хари:д* 'возвращаясь', *нари:р* 'тоньше', *хани:дун* 'кашель', которые в живой речи произносились скорее как *хариад*, *нариар*, *хан' иадун*. При этом в со-

четании *иа* компонент *а* произносился, видимо, с некоторым смягчением, приблизительно как *э*.

Литература

1. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л. 1929.
2. Котвич Вл., Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Пг., 1915.
3. Позднеев А.М., Калмыцко-русский словарь, СПб., 1911.
4. Санжеев Г.Д., Грамматика калмыцкого языка, М.-Л., 1940.
5. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953.

15-1061

Г.Ц.Пюрбеев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФРАЗЕОЛОГИЕЙ ЯЗЫКА "СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ"

Вопросы лексико-фразеологического анализа текстов этого древнейшего памятника письменного монгольского языка еще не привлекли внимания лингвистов. Поэтому фразеологический материал упомянутого сочинения остается пока не взятым на учет словарями и не обобщенным.

Язык «Сокровенного сказания», в основе которого лежит один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгорского [1, 13], является литературно-унифицированным и выдержанным в духе архаически-книжного стиля. Тем не менее он в значительной мере опирается на многочисленные фольклорные элементы: пословицы, поговорки, макталы, сургалы, отрывки из песен и легенд. Использование их в сочетании с такими средствами метафоризации речи, как идиоматические обороты, во многом способствует созданию стилистической выразительности языка и подчеркивает национальную самобытность этого памятника.

Высокий стиль и выразительность языка той отдаленной эпохи ярко проступает в семантически цельных словосочетаниях, которые мы берем в качестве примеров (все примеры и их переводы на русский язык приводятся по тексту "Сокровенного сказания" в переводе С.А.Козина со ссылкой на соответствующие параграфы):

1) *tenggeri-tür γara-* 'вознестись к небесам, отойти в вечность': *Tangγud irgen-i muxudxaju, Gaxai jil, Činggis xaγan*

Tenggeri-tür ɣarba (§ 268) ‘Чингисхан после окончательного разгрома Тангутов возвратился и взошел на небеса в год Свиньи (1227)’;

2) *ere-in aru, aɣta-in ɣaryam ese üjegule-*‘не показывать спины, не трусить’: *Inanča-Bilge-xan ečige čino, sača nokor-e ere-in aru, aɣta-in ɣaryam ese üjegülülege* (§ 194) ‘Твой родитель Инанча-билге-хан равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу’;

3) *hünesü-er keisga-* ‘развеять прахом’, ‘развеять пепел по ветру’. *Nama-i hünesü-er keisgan aldaba!* (§ 87) Чуть было не не развеяли мой прах по ветру’;

4) *yasu ino bari-* ‘предать прах погребению’: *J̌amuxa-i tende nögčigejü, yasu ino bariɣulba* (§ 201) ‘Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах’;

5) *altan jiloa ičun tata-*‘повернуть золотые поводья’, ‘благополучно и с успехом возвращаться назад’: *...harban niken xarin irgen-i jüg-tür oroulju, altan jiloa ičun tatau, salul-čaxui xurim xurimlaya keeidüjü...* (§ 275) ‘...подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир...’.

При ближайшем рассмотрении фразеологических оборотов, встречающихся многократно на протяжении всего повествования, становится вполне очевидным, что большинство из них не отличается от соответствуюших единиц современных монгольских языков ни особенностями семантико-стилистического функционирования, ни способами контекстуального оформления. Ср. фразеологические образования типа *var gürge-*(§ 200) ‘наложить, поднять руки на кого-л’; *aman kelen alda-*(§ 199) ‘клясться’, ‘давать клятву’; *amaan sidu-ben bilegüde-*(§ 82) ‘точить зубы (и язык)’; *köl ano köser-e, ɣar ano ɣajar-a jirɣa-*(§ 279) ‘блаженствовать’, ‘пребывать в полном благоденствии’; *hon ɣara-*(§ 25) ‘провести зимовку’, ‘благополучно прожить год’; *‘amin-niyan öre-*(§ 145) ‘пренебрегать опасностью’, ‘жертвовать собственной жизнью’.

Как уже отмечалось, перечисленные фразеологизмы весьма часто повторяются на страницах "Сокровенного сказания", и это, по нашему мнению, не может не свидетельствовать об их былой популярности и активной употребительности в языке монгольских племен XIII в.

Из числа оборотов, относящихся, несомненно, к наиболее древнему пласту монгольской фразеологии и характеризующих в какой-то степени специфику образного словоупотребления того периода, можно назвать следующие: *dere ubun ükü-*(§ 154) 'умереть на подушках (из вражеского тела)' (букв. 'подушку взяв умереть'); *hümegai helige ebüridču yabu-*(§ 152) 'вынашивать коварные замыслы', 'питать зло', 'быть злопамятным' (букв. 'смердящую печень за пазухой носить'); *ečegein degel-tü töre-*(§ 181) 'родиться в сорочке', 'быть счастливым' (букв. 'в отцовской дели(шубе) родиться').

Выражения подобного рода в живых монгольских языках не обнаружены и их следует причислить к фразеологическим архаизмам. Однако это не значит, что они вообще вышли из сферы употребления. Их применение в определенных ситуациях речи возможно и теперь, но с условием обязательного пояснения.

Часть фразеологически устойчивых сочетаний хотя и сознается как устаревшая, но все же хорошо понятна носителям современных монгольоких языков и диалектов. Для иллюстрации этой мысли сошлемся на обороты: *kündü mörtü güün* (§ 201) 'важный человек' (ср. калм, *кунд толһата кун* 'важный, степенный человек'); *aman düguren kele-*(§ 201) 'оскорблять словесно', 'поносить'; *uruγ-un uruγ gürtele ügei kee-* (§ 268) 'истребить', 'поголовно уничтожить'; *joliγ ögö-* (§ 272) 'давать духам выкуп за больного'.

Текст памятника регистрирует ряд лексикализованных сочетаний – терминов, необычных в своих переносных значениях: *aburin eme* (§ 46) 'насильно взятая жена', 'первая, старшая жена'; *urtu duru-in güün* (§ 191) 'человек свободного состояния'.

Выделение отдельных фразеологизмов сопряжено с немалыми трудностями, поскольку хронологический барьер в несколько веков не всегда позволяет точно определить их общее значение и лексический состав. Кроме того, нужно учитывать, что некоторые фразеологизмы только формировались, и спаянность их компонентов была еще слабой. Поэтому нелегко установить фразеологичность таких оборотов, как *ciuntür üli-* 'предать мечу', 'казнить' (букв. 'примеривать к тележной оси'); *buuljar ide-* 'устраивать сговорный пир-помолвку' (букв. 'кушать шейный позвонок барана'. По словам Ц. Дамдинсурена, этот древний обычай, символизирующий прочность брачно-семейных уз, сохранился и доныне в некоторых районах МНР [2, 120]. Обратимся к тексту. *Edüge buuljar idere irektün kemen üdür boljaju iregüljü, tende bariya...* (§ 168). 'Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить'. *Jno metüs-i čiün-tür uliba. Yaγu saγaramui? Nidün-o ečine getkün! Tedüi-gü mökörülba* (§ 156) 'Ведь подобных ему мы уже примеривали к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой! И ему не замедлили снести голову'.

Разнообразный фразеологический материал, выявленный в текстах "Сокровенного сказания" составляет существенный элемент стиля этого уникального литературного памятника и во многих отношениях оживляет и обогащает его язык.

Преобладание в текстах фразеологических единиц типа идиом также свидетельствует о сильном влиянии разговорной речи древних монголов на язык данного произведения.

Литература

1. Козин С. А., Сокровенное сказание, Юань чао би ши, т. I, Введение в изучение памятника, перевод, тексты и глоссарии, М.-Л., 1941.
2. Дамдинсүрэн Ц., Монголын нууц товчоо, гл. V, Улаанбаатар, 1957.

А. Рона-Таш

ОБ ОДНОМ ЗАИМСТВОВАННОМ СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ СЛОВЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время немало сделано в области истории и реконструкции системы среднемонгольского языка. Были опубликованы и исследованы среднемонгольские глоссы и тексты в китайских, тибетских, армянских, грузинских, арабских и латинских источниках, монгольские тексты того времени на уйгурском и квадратном письме, более поздние монгольские тексты, содержащие среднемонгольские реликты, были изучены вместе с заимствованными среднемонгольскими словами в таких языках, как корейский, комапский, караимский, якутский, персидский и др. Благодаря этим работам можно описать основные черты грамматики среднемонгольского языка.

В данной небольшой статье хотелось бы привлечь внимание еще к ряду источников, которые до сих пор как-то упускались из виду. Речь пойдет о финно-угорских и тюркских языках Поволжья, носители которых входили в XIII в. в тесный контакт с монголами. Поэтому можно предположить, что в этих языках также есть заимствованные среднемонгольские слова. Рассмотрим одно из них.

В марийском языке есть слово *saus*, *savüs* 'дружка', 'шафер', 'распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом'. Очень важные диалектные данные приведены М.Рясяненом в его книге о чувашских заимствованиях в марийском (9, 190): бирский – *s'äüs'* (Рясянен), *saus* (Паасонен), пермский – *s'aRs'*, *s'aRus'* (Генетц), а также *sȧvus*, *saus*,

sagus (Хемелейнен), *saus* (Холмберг). Это марийское слово ранее связывалось Паасоненом с тюркским словом *čauš*, *čavuš* [7, 242]. Последнее имеется уже в работе Махмуда Кашгари и было заимствовано некоторыми нетюркскими языками: персидским, курдским, армянским, арабским, суахили, грузинским, средне- новогреческим, польским, румынским, сербским, болгарским, словацким, украинским и дважды было заимствовано венгерским [4, 35-38; 3, 487, 567]. Слово *čauš* везде имеет значение «командир», «герольд», «стража» и не имеет никакой связи с марийским словом ни с фонетической, ни с семантической стороны.

Рясянен реконструировал чувашскую форму *savăš* и связал ее с тюркским словом *yaučï* 'посредник в свадебных делах' [9, 190]. В недавно опубликованном этимологическом словаре он проводит генетическую связь между этим тюркским словом и предполагаемым монгольским **jabulči* [10, 176]. В действительности же мы сталкиваемся здесь со среднемонгольским заимствованным словом, которое возможно реконструировать в форме **jauci*. Среднемонгольское слово должно восходить к корню **jaɣu* 'середина', ср.: *jaɣura* 'промежуток', 'пространство между'; *jaɣurmaɣ* 'половина пути', 'срединная точка'; *jabsar* 'промежуток', 'щель', *jabsarla* 'делать перерыв', *jayi* 'промежуток', 'пространство'. Приведенное гнездо монгольских слов рассматривал В. Котвич [5, 334-335], который пытался связать его с известным словом *jam* 'станция', 'почтовая служба', 'дорога'. Я не думаю, что слово *jam* имеет какое-либо отношение к корню **jaR > jab, jaɣu, jayi*. Это старое слово «культурного» фонда имеет, по-видимому, индоевропейское происхождение. Оно может быть связано с тохарским в *yoñiya*, а *yom* < древнетохарским **yam* индоевропейским **iān*, это то же самое, что санскритское *yana* 'дорога'. В слове **jaučï* есть суффикс *-čï*, который образует существительные со значением деятеля, а само слово имеет значение "посредник", "сват", "сваха". Среднемонгольская форма корня **jaɣu (< jaBu)* была *jau*, см. «Сокровенное сказание»: *ja-*

ura ‘между’, ‘по пути’; *Hua yi yi yü: ǰa'ura* – то же, *ǰa'ur-maliɣ* ‘на полпути’, ‘не завершенный до конца’; в квадратном письме: *ǰa'ura* ‘среди’, ‘между’ и др. Мне не попалось слово *ǰauči* в среднемонгольских источниках, но оно хорошо известно в литературном монгольском (*ǰaɣuči*) и вообще в монгольских языках: халхаском – *dzūtš* ‘сват’, ‘сводник’, ‘посредник’; ордосском – *džūtši* ‘посредник в свадебных делах’, ‘сводня’, бурятском – *zūrša* ‘посредник’, ‘ходатай за кого-либо’, ‘сводник’; калмыцком – *zutš, zūltš* ‘посредник’. Монгольское слово было заимствовано некоторыми тюркскими языками. В одной группе этих языков находим звук *ü:* у алтайских тюрок – *d'ütši;* у киргизов – *džütšu* ‘сват’, ‘сваха’; в других языках сохранился дифтонг *au:* чагатайском – *yauči,* каракалпакском – *ǰaušı,* татарском – *yäučı* (> чувашское *yavič, yevče*), башкирском *yausi,* а также у сибирских татар – *sautsi* ‘сват’, ‘сваха’.

В.Г. Егоров, исследовавший чувашское слово *yevče* [1, 60], соотносит его с такими словами, как *elči, savči* и монгольским *ǰiɣuči.* Первые два слова не имеют ничего общего с чувашским словом, третье же является вторичной формой от *ǰaɣuci.* Чувашское слово в действительности является поздним заимствованием из татарского.

Среднемонгольское **ǰauči* было заимствовано волжскими булгарами. Из надписей в захоронениях волжских булгар известно, что *ǰ-* сохранился по крайней мере в одном из среднебулгарских диалектов: 1281/82 *ǰāl,* 1355/56 *ǰāl* ‘год’ (тюркское *yāš*), 1288 *ǰieti,* 1357 *ǰiet*^{i} ‘семь’ (тюркское *yēti*), 1281/82 *ǰur,* 1357 *ǰür* ‘сто’ (тюркское *yüz*). Звук *ǰ-* в чувашском позднее развился в *ś,* например, *śul* ‘год’, *śiče* ‘семь’, *śĕr* ‘сто’. Чувашский звук *ś* регулярно замещает *s* в чувашских заимствованиях из марийского: марийское *surt* ‘дом’ > чувашское *śurt* (тюркское *yūrt*); марийское *sorta, sarta* ‘свеча’ – чувашское *surta* (тюркское *yarta*); марийское *sura* ‘замок’, ‘запор’ > чувашское *śăra* (тюркское *yazaq*) и др. Звук *č* сохранился также в среднебулгарском: 1323: *w*^{e}*čim, wüčim*

'третий' (тюркское *üč* 'три'). Среднебулгарский звук перешел в чувашском в *s: kaś* 'вечер' (тюркское *käč*); *timerśĕ* 'кузнец' (тюркское *temürči*); *pulăśă* 'рыбак' (тюркское *baliqči*); а затем этот *ś* точно также развился в марийском в *s*. Таким образом, чувашская форма может быть реконструирована как **śauś(i)*, а марийское *saus* является его закономерным соответствием.

Это значит, что марийское слово сохранило утраченное чувашское слово, которое само по себе явилось заимствованием из среднемонгольского. Сохранившийся дифтонг *au*, бесспорно, является отличительной чертой среднемонгольского языка (среднемонгольский *au* сохранился также в некоторых случаях в монгольском, дагурском, дунсянском языках) [2, 78; 8, 67; 6, 163], а эволюция среднемонгольский *j* > среднебулгарский *j* > *ś* > марийский *ś* > *s* очень помогает в реконструкции сравнительной хронологии эволюции булгарско-чувашского *j* > *ś* и марийского *ś* > *s*. Эти эволюции не могли произойти ранее XIII в., когда монголы вошли в соприкосновение с Булгарским княжеством в районе Средней Волги. И, наконец, последнее по счету, но не последнее по важности: путь развития слова ясно показывает, что чувашские заимствования в марийском не могли появиться ранее XIII-XIV вв.

Это только один пример из многих, свидетельствующих о том, как много может дать изучение среднемонгольских заимствований в языках Поволжья.

Литература

1. Егоров В.Г., Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
2. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953.
3. Doerfer G., A magyar nyelv történeti etimologiai szótára, I, Wiesbaden, 1967.
4. Doerfer G., Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd III, Wiesbaden, 1967.

5. Kotwicz W., Contribution aux études altaiques, – RO, XVI, Lwów (Kraków), 1950.
6. Ligeti L., Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanboul, – AOH, XVI, Budapest, 1963.
7. Paasonen, Unqrisch Turkische Etymologien, – KSz, III, Budapest, 1902.
8. Poppe N., Introduction to Mongolian Comparative Studies, – MSFOu, 110, Helsinki, 1955.
9. Räsänen M., Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, – MSFOu, XLVIII, Helsinki, 1920.
10. Räsänen M., Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen, Helsinki, 1969.

Библиографические сокращения

AOH – «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae».
KSz – «Kéleti Szemle (Revue orientale)».
MSFOu – «Memories de la Societé Finno-ougrienne».
RO – «Rocznik Orientalistyczny».

Р. Ф. Тарасенко

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Категория принадлежности в тюркских языках получила значительную разработку и освещение в грамматиках по конкретным тюркским языкам, а также в обобщающих исследованиях Н.К. Дмитриева [2], Э.В. Севортяна [6] и др.

Введение за последние годы в научную литературу материалов по таким малоизученным языкам, как тофаларский, чулымский, саларский языки и язык желтых уйгуров, значительно расширило возможности сравнительно-сопоставительного анализа в области исследований рассматриваемой категории и выявления некоторых закономерностей ее становления и развития.

Изучение парадигм аффиксов принадлежности показывает, что различия наблюдаются в основном лишь в формах аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа. Различия в аффиксах 1-го лица множественного числа только фонетические: в одних языках этот аффикс начинается с губного *б*, в других – с губного *м*, а в третьих – с губно-зубного *в*. В лобнорском [1] и чулымском [4] языках сосуществуют аффиксы с начальным губным *б* и с губно-зубным *в*, в языке барабинских татар [3] – с начальными *б* и *м*.

Различия в аффиксах принадлежности 2-го лица множественного числа структурного характера. В большинстве тюркских языков показателем принадлежности 2-го лица множественного числа выступает аффикс *-ыз* и его фонетические варианты *-ыз, -йыз*, что наглядно вытекает из приводимых ниже парадигм аффиксов принадлежности.

Таблица 1

Парадигма аффиксов принадлежности
в азербайджанском языке

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	*-м, -ым/-им, -ум/-үм;*	*-мыз/-миз, -муз/-мүз,*
		-ымыз/-имиз, -умуз/-үмүз;
2-е	*-н, -ын/-ин, -ун/-үн;*	*-ныз/-низ, -нуз/-нүз,*
		-ыныз/-иниз, -унуз/-үнүз;
3-е	*-ы/-и, -у/-ү,*	*-ы/-и, -у/-ү.*
	-сы/-си, -су/-сү;	

Таблица 2

Парадигма аффиксов принадлежности
в башкирском языке

Лицо	Ед. ч	Мн. ч.
1-е	*-м, -ым/-ем,*	*-быҙ/-беҙ, -боҙ/-бөҙ,*
	-ом/-өм,	*-ыбыҙ/-ебеҙ, -обоҙ/-өбөҙ,*
2-е	*-ң, -ың/-ең,*	*-ҙыҙ/-геҙ, -ҙоҙ/-гөҙ,*
	-оң/-өң;	*-ыҙыҙ/-егеҙ, -оҙоҙ/-өгөҙ,*
3-е	*-ы/-е, -о/-ө,*	*-ҙары/-ҙәре, -дары/-дәре,*
	-һы/-һе, -һо/-һө;	*-ҙары/-ҙәре, -тары/-тәре.*

Таблица 3

Парадигма аффиксов принадлежности в тракайском диалекте караимского языка

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	*-м, -ым/-им,*	*-мыз/-миз, -муз/-мюз,*
	-ум/-юм;	*-ымыз/-имиз, -умуз/-юмюз;*
2-е	*-й, -ый/-ий,*	*-йыз/-йиз, -йуз/-йюз,*
	-уй/-юй;	*-ыйыз/-ийиз, -уйуз/-юйюз;*
3-е	*-ы/-и, -у/-ю,*	*-лары, -лери, -ляри.*
	-сы/-си, -су/-сю;	

К этой группе языков относятся азербайджанский, башкирский, гагаузский, казахский, караимский, каракалпакский, кумыкский, ногайский, татарский, язык барабинских татар, крымско-татарский, турецкий, туркменский, узбекский и якутский языки.

В остальных тюркских языках показателем принадлежности 2-го лица множественного числа выступает аффикс *-ңлар*, состоящий из аффикса принадлежности 2-го лица *-ң* и аффикса множественного числа *-лар*, и его фонетические варианты *-ңар*, *-гар*. Приведем для иллюстрации парадигмы аффиксов принадлежности в уйгурском, тувинском и алтайском языках.

Таблица 4

Парадигма аффиксов принадлежности
в уйгурском языке

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	*-м/-им, -ум/-үм;*	*-миз/-имиз, -умыз/-үмиз;*
2-е	*-ң/-иң, -уң/-үң;*	*-ңлар/-иңлар, -уңлар/-үңлар;*
3-е	*-и/-си;*	*-и/-си.*

Таблица 5

Парадигма аффиксов принадлежности
в тувинском языке

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	*-м, -ым/-им, -ум/-үм;*	*-выс/-вис, -вус/-вүс, -ывыс/-ивис, -увус/-үвүс;*
2-е	*-ң, -ың/-иң, -уң/-үң;*	*-ңар/-ңер, -ыңар/-иңер, -уңар/-үңер;*
3-е	*-ы/-и, -у/-ү, -зы/-зи, -зу/-зү;*	*-ы/-и, -у/-ү, -зы/-зи, -зу/-зү.*

Таблица 6

Парадигма аффиксов принадлежности
в алтайском языке

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	*-м, -ым/-им;*	*-быс/-бис, -ыс/-ис, -ыбыс/-ибис;*
2-е	*-ң, -ың/-ин;*	*-гар/-гер, -ыгар/-игер;*
3-е	*-ы/-и, -зы/-зи;*	*-ы/-и, -зы/-зи.*

В зависимости от показателей принадлежности распределение современных языков на группы и подгруппы может быть представлено следующим образом:

I. *-ңыз* и его варианты:

а) *-ңыз/-ңиз* ... – азербайджанский, гагаузский, казахский, каракалпакский, ногайский, язык барабинских татар, крымско-татарский, турецкий, туркменский и узбекский языки.

б) *-гыз/-гиз*... – башкирский, карачаево-балкарский, кумыкский, татарский и якутский языки.

в) *-йыз/-йиз*... – караимский язык.

II. *-ңлар* и его варианты:

а) *-ңлар/-ңлэр*... – уйгурский и чулымский языки.

б) *-ңар/-ңэр*... – киргизский, тофаларский, тувинский и хакасский языки.

в) *-гар/-гер*... – алтайский язык.

В шорском языке формантом принадлежности 2-го лица множественного числа выступает показатель, компоненты которого по сравнению с аффиксом принадлежности 2-го лица множественного числа *-ңлар* следуют в обратном порядке: вначале аффикс множественного числа *-лар* (и его фонетические варианты), а затем – аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа *-ң*: *-лар-ың, -лер-ин, -нар-ың, -нер-ин, -тар-ың, -тер-ин.*

Существование двух различных по структуре типов показателя принадлежности 2-го лица множественного числа в тюрк

ских языках позволяет предположить, что становление и развитие их шло двумя различными путями. Исходной формой является первый тип. В памятниках орхоно-енисейской письменности функционировал аффикс *-ңыз* и его фонетические варианты. И лишь в древнеуйгурском языке наблюдается сосуществование аффиксов первого и второго типа. В.М. Насилов в своем очерке «Древнеуйгурский язык» отмечает, что форма *-ңлар* появилась, по-видимому, для выражения почтительного отношения к божествам или священным персонам, а также к высокопоставленным лицам [5]. Постепенно форма *-ңлар* вытеснила форму *-ңыз*, которая стала употребляться в уйгурском языке лишь для выражения вежливости. Такое же положение существует и в киргизском языке. Приводим полные парадигмы аффиксов принадлежности в современных киргизском и уйгурском языках:

	Киргизский язык	Уйгурский язык
	Единственное число	
1-е л.	*-м, -ым/-им, -ум/-үм;*	*-м/-им, -ум/-үм;*
2-е л.	*-ң, -ың/-иң, -уң/-үң;*	*-ң/-иң, -уң/-үң;*
Вежливая форма	*-ңыз/-ңиз, -ңуз/-ңүз, -ыңыз/-иңиз, -уңуз/-үңүз;*	*-ңыз/-ңиз, -ыңыз/-иңиз;*
3-е л.	*-ы/-и, -у/-ү, -сы/-си, -су/-сү;*	*-и/-си ;*
	Множественное число	
1-е л.	*-быз/-биз, -буз/-бүз, -ыбыз/-ибиз, -убуз/-үбүз;*	*-мыз/-миз, -ымыз/-имиз, -умыз/-үмиз;*
2-е л.	*-нар/-нер, -нор/-нөр -ынар/-инер, -унор/-үнөр*	*-лар/-иңлар, -уңлар/-үңлар;*
Вежливая форма	*-ңыздар/-ңиздер, -ңуздар/-ңүздер, -ыңыздар/-иңиздер, -уңуздар/-үңүздер;*	*-ңызлар/-ңизлэр, ыңызлар/-иңизлэр,*

3-е л.	*-ы/-и, -у/-ү,*	*-и/-си.*
	-сы/-си, -су/-сү.	

По аналогии с уигурским языком и, очевидно, под его непосредственным влиянием развивались аффиксы принадлежности 2-го лица множественного числа и в языках Сибири: алтайском, тофаларском, тувинском, хакасском и чулымском.

В особом положении находятся саларский язык и язык желтых уйгуров. В них существуют единые формы аффиксов принадлежности и для единственного, и для множественного числа. В языке желтых уйгуров существует единый аффикс и для 1-го и для 2-го лица. Парадигмы аффиксов принадлежности в этих языках таковы:

	Саларский язык	Язык желтых уйгуров
1-е л.	*-м*,	*-ң*,
2-е л.	*-ң*,	*-ң*,
3-е л.	*-i/-ci*;	*-и/-си, -ы/-сы.*

Неразличимость аффиксов для единственного и множественного числа, а в языке желтых уйгуров и для 1-го и 2-го лица, предполагает обязательное наличие при имени атрибута, выраженного в языке желтых уйгуров формой родительного падежа личных местоимений, а в саларском – соответствующим притяжательным местоимением. В языке желтых уйгуров: *менің млаң* 'мой ребенок', *сенің млаң* 'твой ребенок', *гоның мласы* 'его ребенок', *мыстерның млаң* 'наш ребенок', *сілерның млаң* 'ваш ребенок', *голарның мласы* 'их ребенок' [8]. В саларском языке: *minigi inim* 'мой брат', *sinigi iniң* 'твой брат', *anigi inisi* 'его брат', *pisinigi inim* 'наш брат', *silinigi iniң* 'ваш брат', *vulanigi inisi* 'их брат' [7].

Своеобразна и несколько отлична от парадигм других тюркских языков парадигма аффиксов принадлежности в чувашском языке, которая приводится ниже.

Прилагаем сводную таблицу аффиксов принадлежности во всех тюркских языках.

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-м, -ăм/-ĕм,	-мăр/-мĕр, -ăмăр/-ĕмĕр,
2-е л.	-у/-ў,	-ăр/-ĕр,
3-е л.	-ĕ/-и;	-ĕ/-и.

Таблица 7

Сводная таблица аффиксов принадлежности

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Азербайджанский	-м -ым -им -ум -үм	-и -ын -ин -ун -үн	-ы -и -у -ү -сы -си -су -сү	-мыз -миз -муз -мүз -ымыз -имиз -умуз -үмүз	-ныз -низ -нуз -нүз -ыныз -иниз -унуз -үнүз	-ы -и -у -ү -сы -си -су -сү
Алтайский	-м -ым -им	-ң -ың -иң	-ы -и -зы -зи	-быс -бис -ыс -ис -ыбыс -ибис	-гар -гер -ыгар -игер	-ы -и -зы -зи
Башкирский	-м -ым -ем -ом -өм	-ң -ың -ең -оң -өң	-ы -е -о -ө -hы -hе -hо -hө	-быҙ -беҙ -боҙ -бөҙ -ыбыҙ -ебеҙ -обоҙ -өбөҙ	-гыҙ -геҙ -гоҙ -гөҙ -ыгыҙ -егеҙ -огоҙ -өгөҙ	-лары -лэре -дары -дэре -ҙары -ҙэре -тары -тэре

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Гагаузский	-м -ым -им -ум -ӱм	-н -ын -ин -ун -ӱн	-ы -и -у -ӱ -сы -си -су -сӱ	-мыз -миз -муз -мӱз -ымыз -имиз -умуз -ӱмӱз	-ныз -низ -нуз -нӱз -ыныз -иниз -унуз -ӱнӱз	-лары -лери -нары -нери
Казахский	-м -ым -ім	-ң -ың -ің	-ы -і -сы -сі	-мыз -міз -ымыз -іміз	-ңыз -ңіз -ыңыз -іңіз	-лары -лері -дары -дері -тары -тері
Караимский (галицкий диалект)	-м -ым -им -ум	-н -ын -ин -ун	-ы -и -у -сы -си -су	-мыз -миз -муз -ымыз -имиз -умуз	-ныз -низ -нуз -ыныз -иниз -унуз	-лары -лери
Караимский (тракайский диалект)	-м -ым -им -ум -юм	-й -ый -ий -уй -юй	-ы -и -у -ю -сы -си -су -сю	-мыз -миз -муз -мюз -ымыз -имиз -умуз -юмюз	-йыз -йиз -йуз -йюз -ыйыз -ийиз -уйуз -юйюз	-лары -лери -ляри

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Каракалпакский	-м -ым -им	-ң -ың -иң	-ы -и -сы -си	-мыз -миз -ымыз -имиз	-ңыз -ңиз -ыңыз -иңиз	-ы -и -сы -си
Карачаево-балкарский	-м -ым -им -ум -юм	-нг -ынг -иӊг -унг -юнг	-ы -и -у -ю -сы -си -су -сю	-быз -биз -буз -бюз -ыбыз -ибиз -убуз -юбюз	-гъыз -гиз -гъуз -гюз -ыгъыз -игиз -угъуз -югюз	-ы -и -лары -лери
Киргизский	-м -ым -им -ум -үм	-ң -ың -иң -уң -үң В.ф. -ңыз -ңиз -ңуз -ңүз -ыңыз -иңиз -уңуз -үңүз	-ы -и -у -ү -сы -си -су -сү	-быз -биз -буз -бүз -ыбыз -ибиз -убуз -үбүз	-ңар -ңер -ңор -ңөр -ыңар -иңер -уңор -үңөр вежливая форма -ңыздар -ңиздер -ңуздар -ңүздер -ыңыздар -иңиздер -уңуздар -үңүздер	-ы -и -у -ү -сы -си -су -сү

Продолжение табл. 7

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Кумыкский	-м -ым -им -ум -уьм	-нгъ -нг -ынгъ -инг -унгъ -уьнг	-ы -и -у -уь -сы -си -су суь	-быз -биз -буз -буьз -ыбыз -ибиз -убуз -уьбуьз	-гъыз -гиз -гъуз -гуьз -ыгъыз -игиз -угъуз -уьгуьз	-ы -и -у -уь -сы -си -су -суь
Ногайский	-м -ым -им	-нъ -ынъ -инъ	-ы -и -сы -си	-мыз -миз -ымыз -имиз	-нъыз -нъиз -ынъыз -инъиз	-ы -и -сы -си
Саларский	-m -ym -im -um -üm	-ŋ̧ -yŋ̧ -iŋ̧ -uŋ̧ -üŋ̧	-y -i -sy -si	-m -ym -im -um -üm	-ŋ̧ -yŋ̧ -iŋ̧ -uŋ̧ -üŋ̧	-y -i -sy -si
Татарский	-м -ым -ем	-н̧ -ын̧ -ен̧	-ы -е -сы -се	-быз -без -ыбыз -ебез	-гыз -гез -ыгыз -егез	-ы -е -сы -се
Язык барабинских татар	-м -ым -им	-н̧ -ын̧ -ин̧	-ы -и -сы -си	-быс -бис -мыс -мис -ыбыс -ибис -ымыс -имис	-н̧ыс -н̧ис -ъыс -гис -ын̧ыс -ин̧ис -ыъыс -игис	-лары -лери

Язык	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Крымско-татарский	-м -ым -им	-ң -ың -иң	-ы -и -сы -си	-мыз -миз -ымыз -имиз	-ңыз -ңиз -ыңыз -иңиз	-ы -и -сы -си -ары -лэри
Тофаларский	-м -ым -им	-ң -ың -иң	-ы -и -зы -зи	-быс -бис -ыбыс -ибис	-ңар -ңэрэ -ыңар -инэр	-ы -и -зы -зи
Тувинский	-м -ым -им -ум -ӱм	-ң -ың -иң -уң -ӱң	-ы -и -у -ӱ -зы -зи -зу -зӱ	-выс -вис -вус -вӱс -ывыс -ивис -увус -ӱвӱс	-ңар -ңер -ыңар -иңер -уңар -ӱңер	-ы -и -у -ӱ -зы -зи -зу -зӱ
Турецкий	-m -ım -im -um -üm	-n -ın -in -un -ün	-ı -i -sı -si -u -ü -su -sü	-mız -miz -ımız -imiz -muz -müz -umuz -ümüz	-nız -niz -ınız -iniz -nuz -nüz -unuz -ünüz	-ları -leri
Туркменский	-м -ым -им	-ң -ың -иң	-ы -и -сы	-мыз -миз -ымыз	-ңыз -ңиз -ыңыз	-ы -и -сы

16х-1061

Язык	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Туркменский	-ум -ӳм	-уң -ӳң	-си	-имиз -умыз -ӳмиз	-иңиз -уңыз -ӳңиз	-си
Узбекский	-м -им	-нг -инг	-и -си	-миз -имиз	-нгиз -ингиз	-и -си
Уйгурский	-м -им -ум -ӳм	-ң -иң -уң -ӳң В.ф -ңыз -ңиз -ыңыз -иңиз	-и -си	миз -имиз -умиз -ӳмиз	-ңлар -иңлар -уңлар -ӳңлар	-и -си
Язык желтых уйгуров	-ң	-ң	-сы,-ы -си,-и	-ң	-ң	-сы,-ы -си,-и
Хакасский	-м -ым -ім	-нъ -ынъ -інъ	-ы -і -зы -зі	-быс -біс -ыбыс -ібіс	-нъар -нъер -ынъар -інъер	-ы -і -зы -зі
Чувашский	-м -ӑм -ӗм	-у -ӳ	-ӗ -и	-мӑр -мӗр -ӑмӑр -ӗмӗр	-ар -ӗр	-ӗ -и
Чулымский	-м -ым -им -ум	-нг -ынг -инг -унг	-ы -и -у -ӳ	-быс -бис -ыбыс -ибис	-нгнар -нгнӑр -ынгнар -ингнӑр	-ы -и -у -ӳ

Язык	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Чулымский	-ӱм	-ӱнг	-зы -зи -зу -зӱ	-выс -вис -вус -вӱс	-унгнар -ӱнгнӓр	-зы -зи -зу -зӱ
Шорский	-м -ым -им	-нъ -ынъ -инъ	-ы -и -зы -зи	-быс -бис -ыбыс -ибис	-ларынъ -леринъ -нарынъ -неринъ -тарынъ -теринъ	-лары -лери -нары -нери -тары -тери
Якутский	-м -ым -им -ум -ӱм	-н -ын -ин -ун -ӱн	-а -э -о -ө -та -тэ -то -тө	-быт -бит -бут -бӱт -мыт -мит -мут -мӱт -пыт -пит -пут -пӱт	-кыт -кит -кут -кӱт -ъыт -ъит -ъут -ъӱт -кыт -кит -кут -кӱт -хыт -хит -хут -хӱт	-лара -лэрэ -лоро -лөрө -дара -дэрэ -доро -дөрө -нара -нэрэ -норо -нөрө -тара -тэрэ -торо -төрө
Древнеуйгурский	-м -ым -им -ум -ӱм	-ң -ың -иң -уң -ӱң	-ы -и -сы -си	-мыз -миз -муз -мӱз -ымыз -имиз	-ңыз -ңиз -ңуз -ңӱз -ыңыз -иңиз	-ы -и

Язык	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Древнеуйгурский				-умуз -ӱмӱз	-уңуз -ӱңӱз -нлар -ңлəр вежливая форма -ңызлар -ңизлəр -ңузлар -ңӱзлəр	
Орхоно-енисейский	-м -ым -им -ум -ӱм	-ң -ыңъ -иңъ -уңъ -ӱңъ	-ы -и -сы -си -у -ӱ	-мыз -миз -муз -мӱз -ымыз -имиз -умуз -ӱмӱз	-ңыз -ңиз -ңуз -ңӱз -ыңъыз -иңъиз -уңъуз -ӱңъӱз	-ы -и

Литература

1. Асаналиев У., Лобнор тилинин грамматикалык, кускача очерки, Фрунзе, 1964.
2. Дмитриев Н.К., Категория принадлежности, – сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т.II, Морфология, М., 1956.
3. Дмитриева Л.В., Язык барабинских татар, – сб. «Языки народов СССР», т.II, Тюркские языки, М., 1966.
4. Дульзон А.П., Чулымские татары и их язык, – «Ученые записки Томского ГПИ», т.IX, 1952.
5. Насилов В.М., Древнеуйгурский язык, М., 1963.

6. Севортян Э.В., Категория принадлежности, – сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т.II, Морфология, М., 1956.
7. Тенишев Э.Р., Саларский язык, М., 1963.
8. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х., Язык желтых уйгуров, М., 1966.

Б. Х. Тодаева

СВАДЬБА У ЭЛЮТОВ

Во время лингвистической экспедиции 1956 г. мне удалось побывать во многих местах поселения основных групп ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Среди богатого фольклорного материала, записанного нами в экспедиции, есть и описание свадебных обрядов у различных групп ойратов – торгутов, хошутов и элютов.

Нами уже опубликованы некоторые фольклорные материалы [1, 228], в частности, о свадьбе у торгутов [2]. Задача этой статьи – дать представление о свадебных обрядах у элютов. Ниже приводится записанный в экспедиции текст и дается его перевод.

Худъ болхъд нег залӯ кӯн хадъгтā ес гедж нег цаɣāн ал'чӯртā ірнā̈. Зӧвшā̈рсн цагтъ дарӯј хојр кӯн гурвн савъ ӓрктā̈ однā. Тӯнā̈ дарӯј гурвн кӯн (негӣј залӯ кӯн, хојр кӯкд кӯн) тавн савъ ӓрктā̈ худнртāн однā. Енə одлɣън дēр худъ болснā темдəг гедж ал'чӯр савдāн ујӯлнā.

Нег джіл тӧрā̈д, ірəгч джілдə хадъг болнā. Хадъг тāвлɣндə хӱрм ӧгчā̈х кӯн елг-садн кедӯ мӧртā̈ кӯн ірдəг болнā тӯнā̈ тōɣāр хӧ̄ алдж авч ірнā̈. Бас бурхнā дēджӣ гедж нег болɣъсн хӧ̄нā̈ махтā, нег алсн ӱкрін махтā ірнā̈.

Бурхъндъ тāвдəг хӧ̄нā̈ махън дēр нег цā̈, нег баглā шікр, нег хадъг, хојр джіӊ[1] ӱзм, зус – нег негӣј терə зусāр нāлдӯлснлā ӓдлā̈р авч ірнā̈. Енӣј татхълā – татршӣгō, мадхълā – матршӣгō зуснщӊ ахъ– дӯ̄ болвā гех учӣртā. Ӓркə бӓрх -

лāрн тавн савдҗ болāд хадҗгтҗ дӯ дӯлнā. Дӯлдҗг дӯј: «Бурхҗн шаджн оӷтрӷӯ», «Улāн мēрңгīн усн».

Хадҗг тāвдж болснāс хōрāн хатāмл авч однā – дундӯр[2] ӱкрīн махҗн, нег хōнā махҗн. Енӣ – ӱвл ідшīн дēджӣ. Намр шīдр тāвхə гӯнā ӱсн гедж āрктā – чігāтāӷāн однā.

Хӯрм болхāс ӧмн хӯрмīн ӧдр келнā. 1947 джіл кӯртл гучāд мӧр унджāсн āлс білā. Олн мӧр унсн цагтāн дӧрвāд хувāдж уннā: джорā мӧрн, бōдӯн мӧрн, хӯрмīн тавн настҗ, гунн, бāдцн. Когшн[3] мӧрдīј хāрӯлчкнā.

Кӯргнā талāс девсгр гēд хојр ішгā, көшīг, кōнджлīн бӧс, чімкāр кедəг бӧс, дер-боӷцҗ[4], кōл боӷцīн гадр, чімкдəг хорӷā–ӱгāн хојр кӯн авч однā.

Кӯкнā газрāс арвн хојр хошлң[5], хојр герīн бӱс (дотр, гадр), дӧрвн ӧркāн ōср – ірсн улҗс авāд хāрнā.

Хōрн мӧр ундҗг болхҗлā хōрн хонҗг ӧмн , арвн мӧр ундҗг болхҗлā арвн хонҗг ӧмн кӯкāн гīчлӯлнā. Дӯдсн елгн–садн кӯн нег малāн алнā, багҗ берāчӯд, баӷчӯд, цуӷлӯлāд нāр – нāд кенā. Ірсн улҗс āрктā однā. Тӯнд ікə даршлӷтā дӯј бāнā. Кӯкнд бāрдəг дӯј: «Нарн баӷҗ шарӷҗ», «Кілң сāхҗн харҗ», «Ерā сāхҗн зēрдə».

Ікə хӯрмāн сāнāр кеӷāд, кӯк авāд јовхҗ дēр кӯргндə нег алчӯр, нег бӱс, нег јавшīг, нег канчāр, нег гіджгīн бōдҗг өгāд, јöрāлāн тāвāд, нег шāзң чігā ōгнā. Кӯкн ӱлнā. Залӯс кӯкīј булāдж авāд, гарāд, мӧрн дēр унӯлāд оркнā. Кӯкнā хојр бијдə көвӯнā газрāс ірсн хојр бергн көшгӣ бāрнā.

Көвӯнā газртҗ ӧрдāд ірхəлā кӯкд берāчӯд тосāд цā өгнā. Хӯрмīн улҗс көвӯнā газртҗ ірхəлā, ікə герīн газā цаӷāн ішгā делгāтā. Кӯкīг мӧрнāсīј бӯлӷāд, кӯкн кӯргн хојрīг мӧргӯлнā.

Дарӯј āркə, махāн ідāд, ӯӷāд шӯглдҗна. Бас көвӯнā гертə гал тӯлнā. Галӣ тӯлхīн ӧмнə утāн гархҗшӣ гēд нег хōнā толхāг ӧркāр гарӷāд гурвн удā шівнā.

Хӯрмдə кӯкнā екӣј бас ірнā. Кӯкнā екдə нег мӧр унӯлдж хāрӯлнā. Кӯргн кӯн тӯг дахāд, кēрə бӯлӷāд āркə – чігāӷāн өгāд јовӯлнā.

Кӯ̄кн гурвн хонъг гертāс кӧшӣг дотрāс гархъшӣ. Гурвн хонгāс хӧрāн кӯ̄кнā̄ екə бас ірнā̄. Ірсн цагтāн нег хӧ̄нā̄ махъ, кедӯ̄н савъ āрктā̄ ірнā̄. Ӯ̄нāс хӧ̄н кӯ̄кн кӧшӣг дотрāсн гарнā̄. Хадм, ахъ улсӣн гертə орӯлнā̄. Гертə газā јовāд, ӯ̄л – ахӯ кеɣā̄д бā̄нā̄. Одā енə кӯргнā̄ ā̄л, отгтə ірā̄д, берӣј болдж однā̄.

Примечания к тексту:

1. Джин – мера веса, равная приблизительно 0,6 кг.

2. Кроме значений "посередине", "среди", "между" слово *дундӯр* в хошутском, торгутском и элютском имеет значение "половина". Ср. *кӯсдундӯр* 'полтора', *хојр дундӯр* 'два с половиной'.

3. Только элюты слово «старый» произносят как *когшн*.

4. В торгутском и элютском говорах *богцъ* является синонимом слова *дер* 'подушка'. Так как раньше подушки на кроватях ставились не только у изголовья, но и у ног, то они различались: *дер богцъ* 'подушка у изголовья' и *кӧл богцъ* 'подушка у ног'.

5. Широкий пояс или веревка, которыми стягивают стенной войлок. Ср. *бӯслӯр* 'волосяная веревка, опоясывающая юрту'.

Перевод

Когда сватают девушку, то посылают в семью будущей невесты одного человека с хадаком, или белым платком. Если [там] ответили согласием, семья жениха посылает к семье невесты двух человек с тремя сосудами вина. В следующий раз едут три человека (мужчина и две женщины) с пятью сосудами вина. В этот приезд в знак того, что они уже стали сватами, к сосудам для вина приезжих гостей привязывают платок.

Через год устраивается обряд хадак. При совершении обряда тот, кто женит своего сына, режет столько баранов, сколько его родственников поедет верхом в дом невесты.

В качестве подношения бурхану сторона жениха привозит кроме того вареную тушу барана и разделанную тушу быка.

В доме невесты под изображением бурхана кладут лучшие куски мяса, плитку кирпичного чая, пачку сахара, хадак, два джина изюма и кусок клея. Все это ставят так, будто вещи скреплены клеем. Наличие клея должно символизировать следующее: две стороны – семья невесты и семья жениха – связаны крепкими узами братства, которые ничто не сможет ни разорвать, ни поколебать. На данном этапе свадебного обряда, когда гостей угощают вином, поются песни: «Бурхӯн шаджн оγтрγӯ», «Улāн мēрңгін усн».

Сторона жениха должна несколько раз навестить семью невесты, приурочивая посещение к определенному времени года, например, ближе к осени, когда завершается сезон кумыса (с вином и кумысом), зимой, когда уже пища заготовлена впрок (полтуши вяленого мяса быка, туша барана и вино).

Перед тем, как устраивать основной цикл свадебного обряда, устанавливают день свадьбы и договариваются о подарках с каждой стороны. До 1947 года встречались семьи элютов, которые давали выкуп стороне невесты до 30 голов лошадей. В этом случае сторона невесты заранее согласовывала вопрос о количестве лошадей: столько-то иноходцев, столько-то взрослых лошадей, столько-то пятилеток, трехлеток, двухлеток и т.д. Не понравившиеся лошади подлежали замене или возврату.

Бо́льшая часть приданого приходится на долю семьи жениха. Помимо одежды для невесты сторона жениха обязана привезти войлок для тюфяков, материю для по́лога над кроватью и одеяла, материал для наволочек на подушки у изголовья и у ног, разноцветные куски ткани и кусок парчи для украшения одежды и постельных принадлежностей.

Новую юрту для молодых ставит сторона жениха и лишь детали, завершающие установку юрты, дарит сторона неве-

сты. К ним в частности относятся 12 широких вытканных поясов-веревок, две волосяные веревки, которыми опоясывают юрту, веревки к четырем углам кошмы для дымника.

Если сторона невесты взяла за нее выкуп в 20 лошадей, то родственники девушки приглашают ее и угощают за 20 дней до свадьбы; если же взят выкуп в 10 лошадей, то – за 10 дней.

Пригласивший собирает в основном молодежь и устраивает вечеринку с угощением. Произносятся тосты, поются песни, например, такие как: « Нарн баɣɒ шарɣɒ» , « Кілң са̄хəн харɒ» , « Ерä са̄хəн зердə » .

Новая юрта сначала устанавливается в аиле невесты, а затем ее увозят и до приезда свадебной процессии устанавливают в аиле жениха.

При проведении основного свадебного обряда в доме невесты, когда закончен свадебный пир, произнесены все тосты, спеты песни, сторона невесты приглашает туда жениха и делает ему подарки: платок, пояс, халат, безрукавку и завязку для косы. Старшие высказывают добрые пожелания, после чего подносят чашку кумыса.

Затем наступает время увоза невесты. Невеста начинает плакать. Люди со стороны жениха отнимают у девушек их подружку-невесту и усаживают на коня. Две женщины, приехавшие для сопровождения невесты, едут рядом и держат над ней пóлог.

При приближении свиты к дому, в котором живет жених, навстречу им выходят девушки и молодые женщины, в обязанность которых входит угощение гостей чаем.

Свита подъезжает к юрте родителей жениха. Перед юртой лежит на земле белый войлок. Снимают невесту с седла. Невесту с женихом заставляют встать на войлок и класть земные поклоны.

После всех угощений в юрте старших, следует церемония зажигания нового очага. Перед тем как разжечь огонь, трижды спускают через дымоход юрты баранью голову, как

бы прочищая и освобождая его. Если после этой процедуры из нового очага повалит густой дым, то это верная примета образования новой, прочной молодой семьи.

На свадьбу приезжает и мать невесты. Когда наступает время отъезда гостей, то матери невесты дарят коня.

Молодая в течение трех дней не выходит из своей юрты, она сидит за пологом. На третий день после свадьбы к ней снова приезжает мать. Визит матери знаменует собой снятие запрета и разрешение дочери входить в юрты старших родственников мужа, право участия в повседневных делах, начало самостоятельной жизни молодой женщины в семье мужа, среди членов другого рода.

Литература

1. Тодаева Б.Х., Материалы по фольклору синьцзянских монголов, – сб. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 228.
2. Тодаева Б.Х., Свадьба у Хобуксарских торгутов, – «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, Монголоведение и тюркология», № 83, М., 1964.

К. Ураи-Кёхалми

НЕКОТОРЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ О РОЛИ ЛУКА И СТРЕЛЫ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ

Во время своего пребывания в Будапеште в марте 1961 г. Г.Д. Санжеев сообщил мне интереснейшие и очень ценные сведения о применении бурятского лука и стрел. Некоторые из них касались символического значения этого оружия.

В благодарность Гарме Данцарановичу нам хотелось бы сейчас привести некоторые примеры из бурятского и эвенкийского фольклора, подтверждающие некоторые из этих сведений, и затем, привлекая более отдаленные связи, осветить фон одного из бурятских обычаев.

Согласно этому обычаю в бурятской свадебной процессии первый всадник, сопровождающий жениха, держит в руке стрелу "*удху*". Когда процессия подходит к юрте невесты, он сходит с коня, с силой распахивает дверь и вбивает стрелу в опорный столб, находящийся на женской половине юрты.

В дошедшей до нас сказке "Баян-Хара", фигурирующей в заметках известного бурятского ученого М.Н. Хангалова [6,259-262], герой, который отправляется свататься, приблизившись ко двору Угу-кана, достает лук со стрелами и одну стрелу пускает в юго-западный угол дворца. Никто не может вытащить эту стрелу, кроме самого подошедшего героя, который, вытащив стрелу, входит во дворец и просит руки невесты. Мотив этой сказки сохраняет в себе довольно полный образ древнего обычая бурятского сватовства со стрелой.

Однако в еще более полной форме подобный обряд у эвенков описывает Г.М. Василевич [2, 362]. Раньше сватов-

ство здесь происходило так: жених, приближающийся к чуму девушки, пускал по направлению к нему стрелу под названием *"селу"* и кричал в это время *"селе!"*. Жениха, приходу которого были рады, приветствовали в доме также словом *селе*. Сватовство с выпущенной стрелой встречается и в фольклоре сагайцев [3, 68-92].

Во всех этих сказках и отраженных в них обычаях стрела, пущенная в дом невесты или вбитая в опорный столб дома (юрты), выражает стремление заключить брак. Однако лук и стрелы, кроме этого, имели еще и другое, символическое значение, на которое проливают свет следующие сказки.

В одной из эвенкийских сказок, собранных опять-таки Василевичем [2, 280-284], герой во время охоты пускает стрелы в двух уток. Утки улетают вместе со стрелами. Герой, узнав, что утки являются дочерьми бога солнца Сигундара, отправляется вслед за ними. Он приходит в страну солнечных людей и берет в жены обеих девушек. На свадебной церемонии девушки появляются, сияя красотой, и в руках держат стрелы героя. Но дело не доходит до заключения брака из-за козней Сигундара. Герой побеждает только в долголетней борьбе, в ходе которой его возрождает к жизни его конь. Своей победой он обязан совету незнакомого юноши, оказавшегося подле него в критический момент. Как выясняется, этот юноша – его сын, рожденный девой солнца от стрелы, пущенной в нее героем.

Один из вариантов этой сказки записал Г.Н. Потанин у монголов под названием "Мальчик Булот-хурэ и его конь" [4, 391-395]. Ход событий этой сказки такой же, как и эвенкийской: стрела попадает в лебедя, охотник пускается в путь вслед за ним. Ценой опасных приключений, во время которых героя опять-таки возрождает к жизни конь, герой получает в жены деву-лебедя. В этом варианте сказки уже опущена стрела, которую держат в руке во время свадебного обряда, опущено и зачатие от стрелы.

Мотив стрелы, летящей к невесте, имеет место и на отдаленных от Монголии территориях. На Гаваях, например, рассказывают, что стрела Ки-ку прилетела в дом принцессы Ка-ве-лу. Герой Ки-ку идет за стрелой, находит ее у принцессы и, держа стрелу в руке, просит руки девушки [5, 37-38]. Этот рассказ очень напоминает мотив сказок из серии Царевна-лягушка и тип сказок № 402 Аарне–Томсона. Здесь, как известно, рассказывается о том, что трем сыновьям царя следует взять в жены тех девушек, к которым попадут пущенные ими стрелы. Стрела младшего царевича попадает в болото к лягушке. Царевич не без отвращения женится на ней. Далее однако Царевна-лягушка превращается в прекрасную женщину, которая во всем превосходит своих невесток. Эта сказка распространена во всей Европе и особенно в Восточной [7, 50-51; 8, 86-87].

Мотив сказки о Царевне-лягушке для нас важен тем, что он относится к тем немногочисленным сказочным мотивам, которые благодаря русскому посредству проложили путь в сокровищницу сказок сибирских народов. Его мы находим у телеутов и орочей [1, 168-172], более того, в уже упомянутом бурятском собрании М.Н. Хангалова [6, 173-174], когда данный мотив вплетается в приключения Ута-Саган-Батора [6, 150-181]. В этой сказке князь дает своим двум сыновьям по три стрелы, чтобы с их помощью они выбрали себе жен. Старший сын берет в жены девушку-лягушку, которая, однако, совершенно так же, как и в русском варианте сказки, в шитье и танцах превосходит своих невесток–обыкновенных девушек.

Мы не сомневаемся в том, что телеутским, бурятским и орочским сказочникам мотив Царевны-лягушки понравился потому, что они его не считали чуждым. Обычай сватовства с помощью стрелы полностью перекликается с мотивами их сказок и с их традиционной символикой.

Характерная и важная символическая функция, которую выполняют лук со стрелами и выстрел стрелы из лука при сватовстве и при бракосочетании, по нашему мнению, восходит

к собирательно-охотничьему обществу первобытной эпохи, поскольку у племен этого общества овладение луком и стрелами, а также ловкость и умение метко стрелять превращает юношей в полноправных членов общества, в охотников и воинов. Именно благодаря луку они становятся в состоянии основать новую семью, могут ее содержать и охранять. (В другой своей работе мы дадим объяснение формированию символики лука и стрел. В ней же будет дана критика имеющимся в настоящее время по этому поводу гипотезам.)

Кроме того, в наконечнике стрелы, летящей к невесте и оплодотворяющей ее, мы можем обнаружить и фаллический символ, в котором стрела частично абстрагируется как типично мужское оружие. Лук со стрелами можно найти почти во всех свадебных обрядах монгольских народов, хотя в большинстве своем это оружие исполняет лишь одну функцию: жених и его свита берут его с собой [5].

Буряты и эвенки вместе со своим охотничьим образом жизни на долгое время сохранили и свои древние луки и стрелы. Они продолжают сохраняться и у монголов, обитающих в степи. Благодаря этому замечательные образцы свадебной символики в обычаях этих народов и в их фольклоре дошли до нас.

Литература

1. Аврорин-Лебедев В.А., Орочские сказки и мифы, Новосибирск, 1966.
2. Василевич Г.М., Исторический фольклор, Л., 1966.
3. Жирмунский В.М., Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960.
4. Потанин Г.Н., Очерки Северо-Западной Монголии, IV, СПб., 1883.
5. Рона-Таш А., Материалы к изучению монгольских свадебных обрядов, – КСИНА, т.8, М., 1964.
6. Хангалов М.Н. Собрание сочинений, т.III, Улан-Удэ, 1960.

7. Andreev N.P., Az orosz nepmese tipusai, Budapest, 1960.
8. Eberhard-Boratav, Typen Türkischer Volksmärchen, Wiesbaden, 1953.
9. Ignácz Rózsa, Hawaii mesék és mondák, Budapest, 1963.

Библиографические сокращения

КСИНА – «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР».

Х.-П. Фице

ФОРМАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МОНГОЛЬСКОГО СЛОВА

1. Монемы и морфемы

Мы употребляем название "монема" вместо "морфема" (по А. Мартине /1, 366-566/, школе Фридриха Мейера и другим), потому что термин "морфема" нам нужен в другом месте.

Постулат: Имеется система правил, которая разбивает каждое написанное монгольское слово /5/ на монемы /4/:

Пример:

(4 монемы: *зал, уу, чууд* и *ын*)

Таким образом мы получаем в монгольском языке конечное множество A всех монем монгольских слов. (Для понимания математической проблематики достаточно элементарного введения в теорию множеств.) Элементы этого мно-

17 –1061

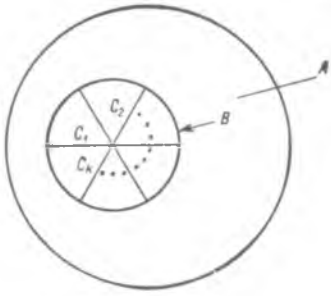
жества, т.е. отдельные монемы, мы обозначаем символами $a_1, a_2, \ldots, a_n$:

$$A = a_1, a_2, \ldots, a_n$$

Разумеется, эти монемы отличаются друг от друга, и их можно разделять по определенным признакам. Если такое разделение делается точно (в математическом смысле), оно может служить базой программы автомата, который добавляет к расчленению монгольского слова на монемы характеристику этих монем.

Из множества A можно выделить подмножество B: $A \supseteq B$. B является множеством всех монем a_i, так что существует a_j ($i \neq j$), причем $a_i = a_j$ и $a_i \approx a_j$. В действительности $A \supset B$.

Соотношение эквивалентности $\approx$ определяет в множестве B разбиение на классы, причем каждый класс содержит по меньшей мере два элемента. Классы попарно дизъюнктны, т.е. пересечение двух любых классов всегда пустое. Объединение всех классов равно B. Мы обозначаем эти классы символами C_i ($1 \leqq i \leqq k$); т.е.: $C_i \subseteq B$; $C_1 \cup C_2 \cup \ldots C_k = B$; $C_i \cap C_j = \emptyset$.



Класс C_i определяется следующим образом: C_i является множеством семантически равноценных монем $\{a_1, a_2, \ldots, a_k\}$ ($1 < i \leqq k$), которые находятся в комплементарной дистрибуции (в смысле дистрибуционного анализа Хэррриса), т.е. могут быть заменены между собой без влияния на семантику любого слова, к которому они могут принадлежать. Элементы класса C_i, как правило, графически похожи друг на друга.

Пример одного подмножества C_i:

(1) *мал* 'скот' – *мал*|*ын* 'скота'

(2) *мод* 'дерево' – *мод*|*ны* 'дерева'

(3) *гэр* 'юрта' -- *гэр*|*ийн* 'юрты'

(4) *цай* 'чай' – *цай*|*н* 'чая'

(5) *хөдөө* 'худон' – *хөдөө*|*ний* 'худона'

(6) *хөдөө*|*гийн* 'худона'

Шесть подчеркнутых монем образуют одно подмножество C_i. Они семантически равноценны (образуют родительный падеж). Их выбор определяется в каждом случае составом гласных и конечными согласными тех монем, к которым они добавляются. Примеры (5) и (6) являются одновременно примерами возможной замены двух монем без последствий в области семантики.

Класс C_i может содержать только два элемента, например: *чи* 'ты' и *чам* (в *чам шиг* 'как ты').

Каждый класс C_i называется "морфема", каждый элемент класса C_i – "алломорф". Морфемы являются множествами по меньшей мере двух монем. Алломорфы являются монемами. Подмножество B из A – множество всех морфем монгольского языка.

Чтобы упростить нотацию, не пишут "морфема *-ын, -ны, -ийн, -ний, -н, -гийн*", а выбирают один алломорф, который заключают в фигурные скобки $\{\ldots\}$, вследствие чего он будет представителем морфемы. В данной статье мы воспользуемся для нотации морфем наклонными скобками */.../*, чтобы не сталкиваться с символикой теории множеств (иначе морфемы могли бы быть поняты как множества с одним элементом).

Предлагается выбрать представителем морфемы алломорф, который (1) содержит графемы *а* или *ы*, является исходной формой (2) или встречается чаще всего (3), например:

/-лаа/ = *-лаа, -лоо, -лээ, -лөө* (прошедшее время);

/-чи/ = *чи, чам* 'ты';

/-жээ/ = *-жээ, -чээ* (прошедшее время).

Нотация морфем сложна в отдельных случаях, о чем речь пойдет ниже.

1) Рассмотрим следующие примеры:

цагаан 'белый' – *цав цагаан* 'совсем белый',

хар 'черный' – *хав хар* 'совсем черный',

хөх 'синий' – *хөв хөх* 'совсем синий'.

Монемы *цав, хав* и *хөв* семантически равноценны, они усиливают значение последующих монем. Кроме того они находится в отношении комплементарной дистрибуции. Внутриязыковым критерием выбора является первая и вторая графема слова, значение которого эти монемы усиливают. Таким образом, мы, несомненно, имеем дело с морфемой.

Но невозможно выбрать один алломорф (например *цав*) представителем морфемы, так как это могло бы вести к сегментации слов *хөв хөх* на */цав/ + хөх*. Поэтому предлагается критерием выбора представителя морфемы сделать критерий выбора алломорфов. Так, мы пишем эту морфему следующим образом:

$$/\#x_1, x_2, \ldots, x_n\# \Longrightarrow \#x_1, x_2, \text{в } \# x_1, x_2 \ldots x_n\#/$$

с возможным упрощением $/x_1, x_2, в/$, где # – пробел, x_1 – буква, $\Longrightarrow$ – заменяй следующим, /.../ – обозначение морфемы.

2) То же самое применимо и для таких случаев, как:

ном 'книга' – *ном мом* 'книги и т.д.',

цаас 'бумага' – *цаас маас* 'бумага и т.п.',

мах 'мясо' – *мах зах* 'мясо и т.п.',

чтобы писать морфему следующим образом:

$$/\#x_1, x_2, \ldots, x_n\# = x_1, x_2, \ldots, x_n\#\begin{bmatrix} м \\ з \end{bmatrix}, \quad x_2, \ldots, x_n\# \cdot$$

с упрощением $\begin{bmatrix} м \text{ или } з \end{bmatrix}, x_2, \ldots, x_n/$.

2. Лексемы и тагмемы

Кроме выделения подмножества B можно разбить множество A (совокупность всех монем) на два класса D и E с условиями $D, E \subseteq A$; $D \cup E = A$; $D \cap E = \emptyset$.

Сначала рассмотрим класс D. Его элементы мы называем "лексемами". Лексемой является каждая монема, которую можно изолировать, т.е. такая монема, которая потенциально встречается между двумя пробелами, например:

(1) *мал* 'скот',

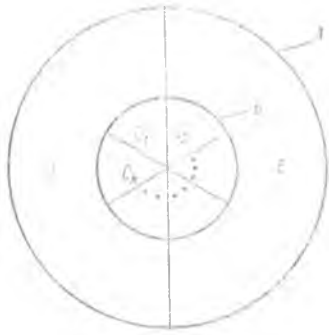
(2) *сур* | *г* | *уульь* 'школа' (только первую монему можно изолировать),

(3) *ав|ч|ир* 'принеси!' (первую и последнюю монему можно изолировать, поэтому это слово содержит две лексемы).

Класс E легко можно определить как дифференцию A\D, т.е. каждая монема, которая не является элементом класса D (лексемой), есть элемент класса E: $a \in E$ тогда и только тогда, когда $a \notin D$.

Элементы класса E мы называем "тагмемами". Примеры тагмем: все неподчеркнутые моремы примеров (1) – (3).

Так мы получили следующую систему множеств:



A – множество всех монем,

B – множество всех морфем,

C – морфема,

D – множество всех лексем,

E – множество всех тагмем.

Разбиение множества A на классы D и E не является размельчением разбиения множества B на классы C_i, так как, если любой элемент одной морфемы является тагмемой, то и все остальные элементы этой морфемы есть тагмемы.

Множества C_i, которые находятся в пересечении $D \cap B$, называются "лексемы-морфемы", а те, которые в пересечении $E \cap B$ "тагмемы-морфемы". Пример лексемы-морфемы:

/руу/ = руу, рүүлуу, лүү 'в направлении на'.

Пример тагмемы-морфемы:

/-аарай/ = -аарай, -оорой, -ээрэй, -өөрэй (императив).

Все элементы пересечения B ∩ D можно назвать "лексемы-алломорфы", все элементы пересечения B ∩ E – "тагмемы-алломорфы". Лексемы-алломорфы и тагмемы-алломорфы являются монемами.

3. F-тагмемы и G-тагмемы

Все обозначения в этой статье мы выбрали с точки зрения системы множеств. В нашем распоряжении имеются еще такие термины, как суффикс, окончание, аффикс, постфикс, формант; грамматема, таксема; словообразующий, формообразующий (суффикс, окончание и т.д.) и др.

Множество E всей тагмем можно опять разбить на два класса F и G. Элементы класса F мы называем "F-тагмемы", а класса G – "G-тагмемы". На вопрос, принадлежит ли та или иная тагмема к F-классу отвечает следующая проверка: тагмема принадлежит к классу F, если она потенциально воздействует только на то слово, к которому она добавлена. Примеры:

(1) *тэмээ|ч|ин, адуу|ч|ин хоёр* 'верблюжий пастух', 'табунщик'; тагмемы *ч* и *ин* нужно добавить и к слову *тэмээ* 'верблюд' и к слову *адуу* 'табун', чтобы получить слова со значением 'верблюжий пастух', 'табунщик'.

(2) *өндөр шинэ|хэн байшин* 'высокое, довольно новое здание'; *хэн* имеет уменьшительное значение. Эта монема (как и монемы *ч* и *ин* первого примера) воздействует только на слово, к которому она добавлена, но не на слово *өндөр* 'высокий'. Таким образом, она является F-тагмемой.

При глагольных тагмемах проверка реализуется с помощью деепричастия:

(3) *Би түүн|нийг сан|уул| аад яв|уул|сан* 'Я ему напомнил (о чем-то) и отослал'; *уул* – тагмема с побудительным значением. Чтобы получить побудительные залоги лексем *сана-* 'вспоминать' и *яв-* 'идти', надо ее добавить к обеим лексемам. Поэтому она – F-тагмема.

(4) *Бидоч|оод тани|лц|сан* 'Мы пошли и познакомились';

-лц- – тагмема с кооперативным значением. Она добавлена только к лексеме *тани-* 'знать кого-то' и воздействует только на семантику этой лексемы, но не на семантику лексемы *оч-* 'идти'. Поэтому она тоже является F-тагмемой. Множество F всех F-тагмем можно опять разбить по синтаксическим, семантическим, позиционным, фонетическим и другим критериям на большое число классов. Разбиение по синтаксическим и семантическим признакам на классы отглагольных, отноминальных, глаголообразующих, побудительных, страдательных и многих других F-тагмем уже хорошо разработано [2; 3]. Мы здесь, как пример, кратко обрисуем возможность разбить множество на классы по положению F-тагмем в слове. Классы мы обозначаем позиционными индексами (i):

Класс $FT_{(1)}$: F-тагмемы этого класса занимают в последовательности F-тагмем любого слова первое место, например, *-лц-* в слове *тани|лц|ах* 'познакомиться'.

Класс $FT_{(2)}$: F-тагмемы этого класса добавляются к лексемам и F-тагмемам классов $FT_{(1)}$, $FT_{(2)}$, ..., $FT_{(i-1)}$, например *-уул- в тани| лц|уул ах* 'познакомить'.

Класс $FT_{(n)}$: F-тагмемы этого класса занимают в последовательности F-тагмем любого слова последнее место, например, *ач* в *тани|лц|уул|ач* 'тот, кто познакомит'.
Мы уверены в том, что с помощью обратного словаря современного монгольского языка было бы возможно выработать целую систему позиционного поведения монгольских морфем. Но это выходит за рамки нашей статьи.

Класс C; элементы которого мы называем "G-тагмемы", определяется следующим образом: тагмема принадлежит к классу G, если сфера ее влияния распространяется потенциально не только на то слово, к которому она добавлена, но и на предыдущее слово, например:

(1) *эх үр|ийн жарга л* 'счастье матери и ребенка'. Тагмема *-ийн* (родительный падеж) добавлена только к слову *үр* 'ребенок' (литер., но она распространяет свое влияние и на

предыдущее слово, как и тагмема *-оос* (аблатив) в следующем примере:

аав ээж хөөр|оос 'от отца и матери'. Так *-ийн* и *-оос* являются G-тагмемами.

При глагольных тагмемах мы опять воспользуемся для проверки деепричастием:

Дорж хөдөө явж амар|на. 'Дорж поедет в худон и отдохнет'. Тагмема *-на* (будущее время) распространяется семантически и на предыдущее слово *явж*, и таким образом, она является G-тагмемой.

И множество G всех G-тагмем можно разбить на классы $GT_{(1)}$ ($1 \leqq i \leqq n$) по позиционным признакам G-тагмем, например:

$GT_{(1)}$: G-тагмемы этого класса стоят непосредственно после лексем и F-тагмем, например, *д* в слове *нөхө(р) д* 'товарищи'.

$GT_{(2)}$: после лексем, F-тагмем и G-тагмем класса $GT_{(1)}$, например, *ҮҮд* в *нөхө(р)|д|ҮҮд* 'товарищи'.

$GT_{(1)}$: как $GT_{(2)}$, но после G-тагмем классов $GT_{(2)}$,..., $GT(1-1)$, например, *-ийн* в *нөхө(р)|д|ҮҮд|ийн* 'товарищей'.

$GT_{(k)}$: как $GT_{(2)}$, но после G–тагмем классов $GT_{(2)}$,..., $GT_{(i)}$, ..., $GT_{(k-1)}$, например, последний *-д* в *нөхө(р)|д|ҮҮд ийн|д* 'в квартире (юрте, на месте работы) товарищей'.

$GT_{(n)}$: G-тагмемы этого класса встречаются всегда в конце слова, например, *-оо* в *нөхө(р)|д|ҮҮд|ийн|д|оо* 'в квартире (юрте, на месте работы) своих товарищей'.

Если не слишком далеко уходить от конкретных данных языка, то установить дизъюнктность между множествами F и G не является возможным: $F \cup G = E$, $F \cap G = \emptyset$.

Элементы в пересечении $F \cap G$ мы называем "FG-тагмемы". Пример FG-тагмемы: *-д* в слове *сай(н) д* 'министр' (от *сайн* 'хороший') как F-тагмема. Проверка:

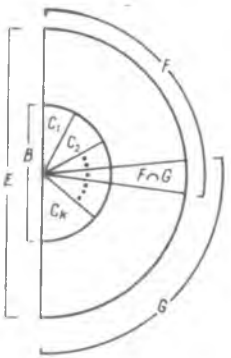
нөхөр сай(н)|д 'товарищ министр',

-д в слове *нохо(й)|д* 'собаки' как G-тагмема. Проверка:

хахай нохо(й)|д 'свиньи и собаки'.

Далее мы рассмотрим опять соотношения между обоими недизъюнктными классами F и G и подмножеством B ($B \subset A$,

$P = \{C_1, C_2, \ldots, C_k\}$). Параллельно с определением лексем-морфем и тагмем-морфем мы обозначаем все множества C_i в пересечении $F \cap B$ как – "F-тагмемы-морфемы", все C_j в пересечении $G \cap B$ как "G-тагмемы-морфемы" и все множества C_n в пересечении $(F \cap G) \cap B$ как – "FG-тагмемы-морфемы"



Пример F-тагмемы-морфемы: /**-втар**/ – -втар, -втор, -втэр, -втөр; значение: ослабление обозначений цветов, например, *хар* 'черный', *харавтар* 'черноватый'.

Пример G-тагмемы-морфемы: /*-сан*/ = *-сан, -сон, -сэн, -сөн*; значение: причастие, прошедшее время.

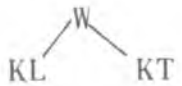
Пример FG-тагмемы-морфемы: /*-нар*/ = *-нар, -нэр* (если условиться, что *-нар* является монемой, а не словом). Значение: как F-тагмема /*-нар*/ обозначает множественное число, как G-тагмема оно изменяет значение слова *эх* 'мать' в *эхнэр* 'супруга'.

Все элементы в пересечении $F \cap B$ называются "F-тагмемы-алломорфы", все элементы в $G \cap B$ – "G-тагмемы-алломорфы" и все элементы в $(F \cap G) \cap B$ – "FG-тагмемы-алломорфы". Все эти элементы есть монемы.

4. Формальная морфологическая структура монгольского слова.

Каждое монгольское слово W можно разбить на конфигурацию лексем KL и конфигурацию тагмем KT, причем присутствие KL обязательно и присутствие KT факультативно:

$$W \longrightarrow KL,\ KT$$



Сначала рассмотрим конфигурацию лексем KL. Она начинается после пробела и кончается последней справа лексемой L. Следующие структуры KL возможны:

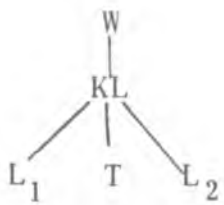
$$KL \longrightarrow L$$

$$KL \longrightarrow L_1, L_2$$

$$KL \longrightarrow L_1, T, L_2$$

Например: *мал* 'скот', *өнө(ө) өдөр* 'сегодня', *ав|ч|ир* 'принеси!', (*ч* – тагмема).

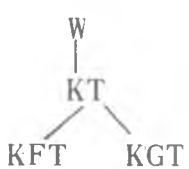
Таким образом, мы получаем для потенциальной конфигурации лексем KL и ее отношения к слову следующее дерево:



Примечание: По нашему определению KL кончается последней справа лексемой. Поэтому тагмема имеется только тогда в KL, когда лексема L следует за ней.

Конфигурацию тагмем KT можно разбить на конфигурацию F-тагмем – KFT и на конфигурацию G-тагмем – KGT:

$$KT \longrightarrow KFT, KGT$$



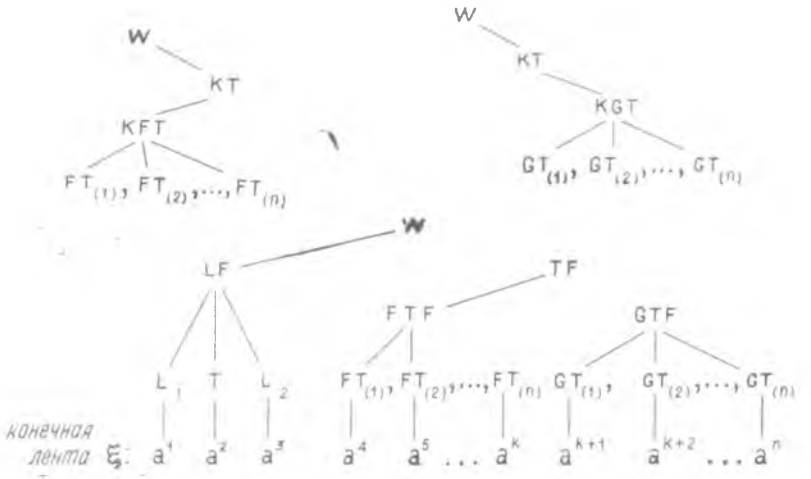
KFT начинается непосредственно после конфигурации лексем KL и кончается последней справа F-тагмемой слова. KFT может содержать n F-тагмем, которые расположены по их позиционным индексам:

$KFT \longrightarrow FT_{(1)}, FT_{(2)}, \ldots, FT_{(n)}$ (пример см. раздел 3).

Конфигурация G-тагмем KGT начинается непосредственно после KFT или после конфигурации лексем KL, если KFT отсутствует. KGT содержит n G-тагмем:

KGT $\longrightarrow$ $GT_{(1)}, GT_{(2)}, \ldots, GT_{(n)}$ (Пример см. раздел 3). Положение FG-тагмем нейтрально, т.е. они могут занимать как место F-тагмем в KFT, так и место G-тагмем в KGT.

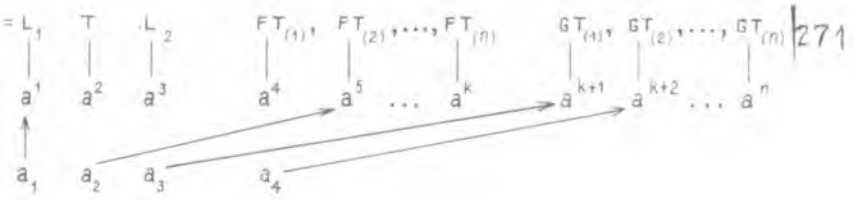
Итак, мы получили потенциальную формальную морфологическую структуру монгольского слова:



Конечная лента: $a^1, a^2, a^3, a^4, a^5, \ldots a^k, a^{k+1}, a^{k+2}, \ldots a^n$. Каждое монгольское слово можно однозначно привязать к конечной ленте ξ. Взаимно-однозначная привязь на практике не встречается. Привязываются монемы $a_1, a_2, \ldots a_n$ любого монгольского слова к элементам конечной ленты $a^1, a^2, \ldots, a^n$. Для этой привязи действительны следующие правила:

(1) $a_1 \longrightarrow a^1$; (2) a_i $(1 < i \leqq n) \longrightarrow a^j (j \geqq i,\ 1 < j \leqq n)$,

т.е. каждая первая монема a_1 ($a_1 \in w$), которая должна быть лексемой, привязывается к a^1 ($a^1 \in \xi$). Каждая другая монема a_i $(i > 1)$ привязывается к элементу a^j из ξ, у которого тот же самый или более высокий индекс, чем у a_i. Пример:



W = *яв|уул|ачч|аас* ‘от отправителя’.

Но, в отличие от выше приведенного примера, такая привязь как, например, невозможна.

Итак, мы получили в основном функцию, которая придает каждому монгольскому слову его формально-морфологическую структуру (здесь в абстрактном плане). Конкретный запас значений этой функции можно получить путем классификации монем монгольских слов по их позиционному поведению. Но это выходит за рамки этой теоретической статьи.

Литература

1. Мартине А., Основы общей лингвистики, – «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
2. Санжеев Г.Д., Грамматика бурят-монгольского языка, М.-Л., 1941.
3. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. Глагол, М., 1953.
4. Vietze, Das Problem der Semantikstrukturierung bei einer automatischen monematischen Analyse, – «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung» (в печати).
5. Vietze, Eine Definition des mongolischen Wortes, – «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Bd 22/I, 1969.

С. Хаттори

НАЧАЛЬНЫЕ ВЗРЫВНЫЕ В ПРОТОМОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

1. Важную роль в сравнительных исследованиях монгольских языков и диалектов играют точные фактические данные по существующим диалектам, поскольку письменные памятники прошлого не различают кратких и долгих гласных и некоторые из них не фиксируют различия между слабыми и сильными согласными, между закрытыми и открытыми лабиализованными гласными и т.п. Поэтому автор считает, что, приступая к реконструкции протомонгольских начальных эксплозивных, целесообразно начать исследование со сравнения современных нам диалектов.

В случаях со взрывными часто бывает бессмысленно ссылаться на формы письменного монгольского языка. Эта точка зрения достаточно подробно изложена автором [4].

2. В протомонгольском языке принято реконструировать два вида взрывных: сильные (аспираты) и слабые (полузвонкие); Г.И. Рамстедт и Н. Поппе реконструируют для каждой из этих групп по четыре взрывных [6,4; 4,95; 5,97]: **p*, **t*, **k*, **q*; **b*, **d*, **g*, **G*.

Вместе с тем, Поппе пишет:

"Глубокозадненёбные согласные (т.е. **q* и **G*) встречались только в корнях с задним вокализмом, в то время, как **k* и **g* встречались только в корнях с передним вокализмом" [4, 129] и это позволяет нам считать, что СМ [h] восходит к **p*. Монгорское *f* должно было появиться от билабиального,

18-1061

фрикативного [Ф], которое является неэкономичным звуком, поскольку требует напряжения обеих губ для получения четкого фрикативного. Вот почему он легко может переходить в [h], который может в дальнейшем исчезнуть или превратиться в [x]. В тех случаях, когда структура языка требует лабиального фрикативного, он переходит в [f], который может быть произнесен в виде четкого и резкого фрикативного при небольшом усилии. Мы предполагаем, что [Ф], являюшийся переходным звуком, не может сохраняться долго и считаем, что ПМ было свойственно [*p], а не [*Ф].

3. Что же касается следуюшей фонемы **b*, то нам необходимо проверить правомерность нашей реконструкции, поскольку значительное количество монгорских слов имеет *p-*, соответствующее ПМ **b*.

Имеются следующие случаи соответствий между монгорскими и халхаскими словами /8; 17/:

монгор.	халх.
padu 'solide'	*bat* 'крепкий'
podoGo 'gésier'	*bäräg* 'птичий зоб'
pudjuu 'ce qu'on peut mettre dans le creux des deux mains réunies'	*bituu* 'закрытый'
pudəraa- 'se disperser'	*butra-* 'рассыпаться'
pudjee- 'couvrir'	*bütää-* 'покрывать'
puduri ~ *puduru* 'caille'	*bödnö* 'перепелка'
paGda- 'pouvoir entrer dans'	*bagta-* 'вмещаться'
pudaG 'sale, impur'	*burtag* 'грязный'

Это значит, что *q* и **k*, **g*, **G* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, так что они могут быть отнесены к одной и той же фонеме – /**k*/ и /**g*/ соответственно, – как варианты, по принципу ассимиляции соседними звуками /11/. Однако в этой статье, где исследуются только начальные взрывные (и аффрикаты), за которыми не следуют **i* или **i*, автор, в целях более удобного обсуждения, разбирает **q* и **k*, **G* и **g* по отдельности.

3.1. ПМ (протомонгольские) начальные *p и *b.

Примечание: Сокращения названий диалектов и языков, принятые в этой статье: ПМ (протомонгольский), халх. (халхаский), орд. (ордосский), бур. (бурятский), калм. (калмыцкий), мог. (могольский), даг. (дагурский), монгор. (монгорский), СМ (среднемонгольский) и ПсМ (письменный монгольский), прототунг. (прототунгусский).

Обе эти протомонгольские фонемы были реконструированы на основе приведенных ниже соответствий [4, §§ 46, 48].

/'/ является звонкой ларингальной фонемой, которая в монгольских диалектах является постепенным или внезапным началом следующей гласной, т.е. V в /'V/.

ПМ	халх.	орд.	бур.	калм.	мог.	даг.	монгор.	СМ
*p	'	'	'	'	'	x	f, x	h
*b	b	b	b	b	b	b	b, p	b

3.2. Что касается первой фонемы, то билабиальный сильный взрывной (*p) не засвидетельствован ни письменными памятниками прошлого, ни существующими диалектами. Только монгорский лабиодентальный f- указывает на его губную артикуляцию. Когда мы сравниваем монгольский язык с некоторыми тунгусскими диалектами, то находим соответствие, СМ h || прототунг. *p [5, § 7].

монгор.	халх.
pardaŋ 'vanite'	*bardam* 'чванство'
puzig 'écriture'	*bicig* 'письмо'
pazjarGai 'gande'	*bulčirxai* 'железа'
purjaG 'pois, fève'	*burcag* 'бобы'
pugii 'se courber'	*böxii-* 'сгибаться'
pugunoG 'taon'	*böxnö* 'слепень'
pugilii 'tout, complet'	*bŭxăl* 'целый'
pjerge 'difficile'	*bărx* 'трудный'
puger 'couvercle de chaudière'	*bŭrxăăr* 'колпак'
purGaan 'Buddha'	*burxan* 'бог'
puziraa 'jaillir'	*burxira-* 'дымиться'

pusə 's'enfuir secrètement'	*boso-* 'убегать'
puzee 'ceinture'	*büs* 'пояс'

Русский алфавит халхаской орфографии транслитерирован латинскими буквами.

Что касается форм ордосского, то упрощенное фонематическое обозначение их используется вместо фонетической транскрипции оригинала. Наша система знаков соотносима с системой знаков работы, из которой цитируются примеры, так, как показано в приведенной ниже таблице соответствий.

Во всех этих случаях, когда первый гласный в обоих диалектах краткий, второй слог в халхаских словах начинается одним из *t'*; *č*, *c*; *x*, которые соответственно указывают на протомонгольские сильные **t*; **č*; **k*, **q*. Исключения составляют монгорские *puduri*, *pardaŋ*, *pusə-* и *puzee*. С другой стороны,

(Smedt—Mostaert)

p'		*t'*		*k'*		*χ*		
B		*D*		*G*		*G*		
f		*s*	*ś*			*s*		
		ts'	*ts'*			*ts'*		
						z		
		Dz	*Dz*			*Dz*		
m		*n*			*ŋ*			
	l		*r*					
w			*y*					
i	*e*	*a*	*a*	*o*	*u*	*u*	*ö*	
i	*ē*		*ā*	*ō*	*ū*	*ū*	*ü*	*ē*
	ie	*iä*	*ia*	*io*			*ü(yü)*	
	iē		*iā*	*iō*	*iū*	*iū*		
		uä		*uo*				
ui			*ua*	*uō*				*uē*
	üē	*üä*					*üö(yüö)*	
		äŋ-āŋ-		*ōŋ-*			*öŋ*	
		an-an-		*oŋ-*				

когда и монгорские и халхаские имеют в начале *b-*, то второй слог в халхаских словах начинается не сильным, а слабым согласным. Так, например:

монгор.	халх.
buda 'nous'	*bid* 'мы'
budin 'gros'	*büdüün* 'толстый'
bardaG "poignée'	*baldag* ~ *bardag* 'эфес'
buziraa- 'etre malpropre'	*buzar* 'грязь'
boGwon "bas, peu élevé'	*bogino* 'короткий'
bugu 'cerf'	*buga* 'олень'
bugulje- 'combler'	*böglö-* 'закупоривать'
bjergän 'épouse du frère aîné'	*bärgän* 'жена старшего брата'

(Hattori)

p		*t*		*k*		*x*				
b		*d*		*g*		*G*				
f		*s*	*s*			*š*				
		c	*c*			*č*				
						ǯ				
		z	*z*			*ž*				
m		*n*			*ŋ (n)*					
	l		*r*							
w			*j*							
i	*e*	*ä*	*a*	*o*	*U*	*u*				
ii	*ee*		*aa*	*oo*	*UU*	*uu*	*üü*			*ai*
	je	*ja*	*ja*	*jo*			*ju (ju)*			
	jee		*jaa*	*joo*	*jUU*	*juu*				
		wä		*wo*						
wïi				*waawoɔ*						*wai*
jweejwä									*jwə*	*(jwə)*
		aŋ- aŋ- oŋ-							*ən*	
		än- an- on-								

Существует одно исключение, о котором будет сказано ниже (см. § 3.3).

Если бы мы имели только эти данные, нельзя было бы еще определить, какая из структур старше: монгорская с *p-* или *b-* с последующим слабым, или халхаская с *b-* с последующим сильным или слабым.

Однако, если мы восстановим протомонгольское **p-* вместо обозначенного выше монгорского *p-*, оно придет в противоречие с вышеупомянутым протомонгольским **p-*, которое перешло в монгорское *f-* или *x-*; и которое встречается и перед сильными в халхаском, например:

монгор.	халх.	СМ
xəgi 'source'	*äx* 'начало'	*heki* 'head', "голова"
xuGwor 'court'	*oxor* 'короткий'	*'hoqar* 'short', 'короткий"
fugwor 'boeuf'	*üxär* 'крупный рогатый скот"	*hükär* 'cow' "корова, бык"

Для того, чтобы избежать этого, можно было бы восстановить протомонгольские **p'-*, *p-* и *b-* для монгорских *f-* ~ *x-*, *p-* и *b-* соответственно. Но от подобного рода реконструкции приходится отказаться по следующим причинам. Если мы восстановим в протомонгольском три лабиальных взрывных, то будет нарушена симметрия системы звуков в протомонгольском, потому что нам приходится реконструировать, как будет далее сказано, только два вида дентальных и задненёбных взрывных (также и аффрикат) для ПМ – сильные и слабые. Помимо этого, монгорский имеет *b-*, но не *p-* перед плавными и назальными; поэтому, если бы мы восстановили только **p'-* и **b-* перед плавными и назальными, реконструируя для упомянутых выше случаев **p'-*, **b-* и **p-*, то тогда также была бы нарушена симметрия протомонгольской системы.

Следовательно, мы должны восстановить ПМ **b-* для монгорского *p-* и считать, что в монгорском начальное *b* перед краткими гласными оглушалось, когда за ними следо-

вали (после *-G-, *-l-, *-r- в конце первого слога или без них) *t-, *č-, *k-, *q- во втором слоге, которые в свою очередь озвончались позже.

3.3. Исключения к соответствиям, приведенным выше (см. 3):

монгор.	халх.
budaa 'touffe (herbes)'	*but* 'куст'

Автор восстанавливает ПМ **butaa*, а не **buta* и считает, что этот **-t-* был озвончен ранее, чем **-t-* в примерах, приведенных выше, поскольку за ним следовал долгий гласный, в то время как в других случаях за ним следовали краткие гласные, например, *bütägää-*, халх. *bütää-*, монгор. *pudjee-* 'couvrir' [10, 48].

Монгорские *puduri* и *pardaŋ* остаются исключениями. Вместе с тем, имеется и другое монгорское слово *bardoŋ* 'fanfaron', которое можно сравнить с халхаским *bardam*.

3.4. Два приведенные выше слова (монгор. *pusə-* и *puzee*) явно свидетельствуют о том, что такое же оглушение *b* происходило и перед **-s-*. Однако имеются и следующие соответствия:

монгор.	халх.
baGšə 'maître'	*bagš* 'учитель'
bars ~bas 'tigre'	*bar~bars* 'тигр'
busa 'aussi'	*bas* 'опять'
bosə- 'se lever'	*boso-* 'вставать'
bosGwo 'seuil'	*bosgo* 'порог'
bos 'toile de coton'	*bös* 'материя'
busi 'négation'	*biš* 'не'

Эти соответствия вынуждают нас сделать вывод о том, что в некоторых случаях *s как будто не оглушает начальное *b. Особенно интересны следующие контрастирующие примеры:

монгор.	халх.	орд.	бур. [3]
bosə- 'se lever'	*boso-*	*bos-*	*bodo-*
pusə- s'enfuir secrètement'	*boso-*	*bos-*	*bodo-*

Эти соответствия указывают на то, что ПМ формы этих глагольных основ слова были CVC (а не CVCV), т.е. **b* + краткий гласный + согласный, и что они были неодинаковыми.

Формой перфектного причастия этого монгорского глагола является *pusaa*~*bosaa*, которая показывает, что первоначальным гласным было **-o-* .

Если реконструировать **bos-* для монгорского *pusə-* , то тогда нам надо будет реконструировать **boz-* для монгорского *bosə-* путем введения звонкой дентальной фрикативной фонемы **z* в ПМ. Видимо, также будет необходимо, реконструировать ПМ **böz* для монгорского *bos* 'toile de coton'.

Что касается следующего соответствия:

монгор.	халх.	орд.	бур.
puzee 'ceinture'	*büs*	*büsä*	*bähä* ,

то автор реконструирует ПМ **büsää*, допуская, что **s* оглушало начальное **b* в монгорском в тех случаях, когда **-s-* закрывало первый слог с кратким гласным или же, по крайней мере тогда, когда предшествующий гласный был закрытым и кратким, а последующий – открытым и долгим.

Однако нам остается только восстановить ПМ **s*, а не **z* для монгорских *busa*, *busi* и *baGšə*, приведенных выше, поскольку ПМ **s* обычно как будто бы не оглушает начальный слабый предшествующего слога с кратким гласным в тех случаях, когда за ним следует краткий гласный. Ср. следующие примеры:

монгор.	халх.	ПМ
dusaa- 'verser goutte à goutte'	*dusaa-* 'капать'	**dusaGaa-*

3.4.1. Тем не менее, в связи с этим на основе следующего соответствия:

монгор.	халх.	орд.	бур.
dusaa 'utilité'	*tus* 'польза'	*dusa*	*tuha*

возможно следует реконструировать ПМ **tuzaa*, поскольку **tusaa* должно было бы дать монгорское *tuzaa*, как будет от-

мечено далее (см. 7) и поскольку **dusaa* должно было бы дать монгорское *tuzaa*, параллельно с изменением ПМ *bŭsää* в монгорское *puzee*, как было указано выше.

В монгорском, однако, у *dusaa* '*utilité*' есть дублетная форма *tusaa*, и имеются варианты *dješen* ~ *djebšən* ~ *tješən* 'égal', 'uni', для которых автор реконструирует ПМ **töbzin* (см. 6). Глаголом, соответствующим последнему слову оказывается *tješə-* 'prospérer', который соответствует ПМ **töbzid-*; и имеется еще несколько таких слов как *tusu*, *tusudu*, *tusudi-* ~ *tusdi-*, которые имеют корень *tus* 'vis-à-vis' (из ПМ **tus*). Эти факты могут быть причиной возникновения дублетных форм *tusaa* и *tješən*.

Необходимо обратить внимание на то, что другие слова с первым слогом из звуков *d/t* + V + *s/š* не обладают дублетными формами: *dasbä* 'dévotion', *dašda-* 'rejeter', *dašə-* 'faire claquer', *dašə-* 'choyer (enfant)', *djesə-* 'durer', *djeszi* 'bouton', *djeszir* 'heureux', *dusGu* 'coupe aux invites', *taš* 'pierre', *tašaG* 'scrotum', *tašda-* 'lapider', *təsma* 'lanière' и *tješə* 'en haut'.

3.5. Приведенная выше гипотеза об оглушении **b-* в монгорском могла бы быть подтверждена, если бы мы смогли выявить параллельное оглушение других начальных полузвонких слабых в монгорском. Попытаемся рассмотреть эту проблему.

4. Начальные **q* и **G* в ПМ.

Говоря об этих глубоко-задненёбных взрывных, надо отметить четыре вида их соответствий:

монгор.	халх.
x	*x*
x	*g*
G	*x*
G	*g*

Обычным является соответствие: монгорское *x-* ‖ халхаское *x-*, на которое имеется много примеров. В этом случае мы восстанавливаем ПМ **q*.

На соответствие монгор. *x-* || халх. *g-* имеется пять примеров:

монгор.	халх.
xaGai 'porc'	*gaxai* 'свинья'
xozin 'trente'	*gučin* 'тридцать'
xazjaGaar 'seul'	*gancaar* 'один'
xàŋsaa 'pipe'	*gaans* 'трубка'
xUUrzə 'éteule'	*guurs* 'перо', 'трубка'

Хотя *xaŋsaa* и *xUUrzə* являются необъяснимыми (ср. орд. *GaGčaar*, калм. *Gaqca*, ПсМ *ɣaɣčaɣar*) исключениями, *xaGai*, *xozin* и *xazjaGaar* могут быть рассмотрены, как примеры упомянутого выше оглушения, поскольку не было обнаружено примеров на монгорское *G-*|| халхаское *g-*, у которых второй слог начинался бы исконным сильным, за исключением возможного заимствования в монгорском *GUdusə* 'botte' (ср. халх. *gutal* 'обувь'). В случаях:

монгор.	халх.
Gašəli- 'devenir amer'	*gašla-* 'прокисать'
Gašən 'amer'	*gašuun* 'горький'

мы реконструируем корень *Gasi-*, поскольку **s* в этой структуре не оглушает **G-* в монгорском, как было выше указано (см. 3.4).

С другой стороны, из следующих соответствий мы должны были бы сделать вывод о том, что озвончение начального **qV-* перед **d* и **z* имело место в монгорском:

монгор.	халх.
Gada 'dehors'	*gadaa* 'вне'
Gadaa 'roche'	*xad* 'скала'
Gazjar 'la terre'	*gazar* 'земля'
Gazja- 'ronger'	*xaza-* 'кусать'

Примеры соответствия монгор. *GV-* || халх. *xV-* перед другими согласными:

монгор.	халх.
GUrdun 'rapide'	*xurdan* 'быстрый'
(Gwə̈hzjase 'le derrière')	*xondloi* 'круп'
GasGu- 'piquer'	*xatga-* 'колоть'
GUsGu- 'remuer'	*xutga-* 'мешать'
Gwoše 'museau, bec'	*xošuu* 'морда'
Goor 'deux'	*xojor* 'два'
GacilaG 'espèce de perdrix'	*xaxilag šuβuu* 'кулик'

Если мы восстановим ПМ **qazGu-* и **quzGu-* для монгорских *GasGu-* и *GusGu-*, а **qozi-* для *Gwoš*ə, то в таком случае условием для озвончения начального **qV-* является наличие последующего **d*, **rd*, **nž* (?), **z*, либо **j*.

Монгорские *GacilaG* (? ПМ **GaqilaG*) и *xozir* 'soude' (ср. халх. *xuzir*, орд. *xuzir*, *Guzir* (? ПМ *quciir*) являются исключениями.

Необходимо обратить внимание на то, что последующие **G*, **b*, плавные, носовые и дифтонги (не говоря уже о сильных) не озвончали ПМ **q*V- в монгорском. Например:

монгор.	халх.
xaG 'arête'	*xag* 'перхоть', 'шлак'
xwoG 'fumier', 'ordure'	*xog* 'сор', 'отбросы'
xadaraa- 'être usé'	*xagdra-* 'высыхать'
xaGali- 'fendre', 'briser'	*xagala-* 'разламывать'
xawuzə 'côte'	*xaβis* 'бок'
xaloŋ 'chaud'	*xaluun* 'жаркий'
xulo 'loin'	*xol* 'даль'
xara 'noir'	*xar* 'черный'
xuri 'doigt'	*xuruu* 'палец'
xumoG 'poussiére'	*xumxi* 'пылинка'
xani- 's'étancher'	*xana-* 'пускать кровь'
xunaazə 'pli', 'ride'	*xunias* 'складки'
xoŋGozjoG 'gousse'	*xongorcog* 'гроздь'
xaŋšar 'ligne proéminente'	*xansaar* 'переносица'
xaizi 'ciseaux'	*xaič* 'ножницы'
xwaino 'après', 'derrière'	*xoino* 'позади'
xwai 'forreau', 'étui'	*xui* 'вихрь'

Кстати, следующие соответствия показывают, что подобного озвончения не произошло в монгорском в том случае, когда в ПМ было **p-* :

СМ	монгор.	халх.	орд.
huža'ur 'origin',	*szUUr* 'racine'	*jozoor*	*iǯuur*
hudara- 'to break'	*sdari* 'démolir'	*udra-*	

Эти примеры показывают, что ПМ **p-* превратилось в [Ф] или [h] в монгорском до того, как произошло озвончение ПМ **q*V-.

4.1. Таким образом ПМ **q-* и **G-* реконструируются на основе следующих соответствий [4, §§ 72, 82]:

ПМ	халх.	орд.	бур.	калм.	мог.	даг.	монгор.
**q*	*x*	*x, G*	*x*	*x*	*q*	*x*	*x, G*
**G*	*g*	*G*	*g*	*g*	*γ*	*G*	*G, x*

Превращение **q*V- в *G*V- в ордосском происходило в иных условиях по сравнению с монгорским. Оно имело место только тогда, когда второй слог начинался с *t, k, *q, c* или *s(š)*, которые произошли из **s* или **z*. Это фонетическое изменение в ордосском, по мнению автора, не является озвончением **q*, а представляет собой конвергенцию ПМ **q*V- и **G*V- в [GV] /GV/, явившуюся результатом оглушения краткого гласного в первом слоге. Необходимо обратить внимание на то, что смычность в ордосском и монгорском *G-* , восходящая к ПМ **q-* , указывает на то, что это **q-* было взрывным.

О могольском *q* Рамстедт пишет: "Не следует забывать, что нынешнее могольское *q* отчасти обязано влиянию тюркотатарских диалектов, с носителями которых у моголов были постоянные контакты, но все же доказано, что в старо-монгольском мы имеем дело с *q*, а не с фрикативным *χ* . Если бы общемонгольский имел бы ко времени его разделения *χ* , то этот звук, конечно, сохранился бы в этой же форме (ведь имел же персидский язык также *χ*)" [7, 44].

Для ПМ **G-* в могольском обычно имеются фрикативное *γ*, но иногда стоит и взрывное *q* (*qar* 'рука': *qaǯuun, qoǯuun*

'горький'), но это не является результатом дивергенции. Рамстедт пишет: "Мои записи о могольском, к сожалению, очень шаткие, и я не в состоянии сказать здесь что-либо вполне достоверное. Я записал рядом *qar* 'рука' и *enaɣar* 'эта рука', что, возможно, отражает также историческое развитие. Позднее, вероятно, в некоторых случаях преобладало *q*, а в других *ɣ* ... Важно все же то, что различие между ПМ **G* || мог. анлаутным *q* интервокальным *ɣ* и ПМ **q* || мог. анлаутным *q* ~ интервокальным *q* [qq] еще не изгладилось, как это случилось в турецких языках. Могольское *q*, соответствующее *G* других диалектов, возможно, еще в наше время является [G$_p$] или [G], хотя я не могу это точно утверждать из-за неровного, меняющегося чужеземного произношения" [7]. В целом описание Рамстедтом могольского языка говорит о значительном влиянии на него персидского.

Когда мне удалось встретить моголов около Герата в Афганистане в 1961 г., я обнаружил, что хотя их «могольский язык» очень близок к описанному Рамстедтом, но они говорят на нем весьма плохо; в то же время на персидском они говорят бегло и правильно. Создалось впечатление, что их родным языком уже довольно долгое время был персидский, а не «могольский язык». Возможно они изучали последний как своего рода тайный язык на базе персидской фонетики и синтаксиса. Во всяком случае, невероятно, что могольский *ɣ* показывает на фрикативность ПМ **G-*.

5. Начальные **k* и **g* в ПМ.

Эти задненёбные взрывные также имеют четыре вида соответствий:

монгор.	халх.
k	*x*
k	*g*
g	*x*
g	*g*

Обычным является соответствие монгор. *k-* || халх. *x-*,

на что имеется большое количество примеров. В этом случае мы восстанавливаем ПМ *k.

На соответствие между монгор. k- || халх. g- имеются следующие примеры:

монгор.	халх.
kwiizja- 'être au complet',	*güicä-* 'оканчиваться',
kworosə 'bête féroce'	*göröös* 'антилопа'

Это не случаи оглушения ПМ *gV- поскольку в первом случае диалекты имеют долгий гласный или дифтонг в первом слоге (ср. даг. *kuičʼi-*), а во втором – второй слог начинается с r-. Это исключения, подобные *xaŋsaa* и *xuurzə* (см. 4).

Необходимо, однако, обратить внимание на то, что мы не находим примеров того, чтобы за монгор. *gV-* || халх. *gV-* следовали бы сильные.

Помимо случаев с монгор. g- || халх. g- имеется еще немало примеров и с монгор. g- || халх. x- :

монгор.	халх.
gudoli- 'se mouvoir'	*xödlö-* 'двигаться'
gizjaar 'côté'	*xjazgaar* 'граница'
guzi 'bâtonnet d'encens'	*xüž* 'сорт свечи'
guzi 'cou', 'goulot'	*xüzüü* 'шея'
geri 'Te côté septentrional'	*xär* 'лес на северном склоне горы'
gurzjaG 'bêche', 'pelle'	*xürz* 'лопата'
gwän-kərjee 'grand corbeau noir'	*xon-xärää* 'ворон'
gwänziljän 'couverture de lit'	*xönžil* 'одеяло'
gwosgwo 'un quartier'	*xösiglö-* 'крошить'
gugu šuu 'coucou'	*xöxöö* 'кукушка'
gi- 'faire'	*xii-* 'делать'

Очевидно, условием озвончения начальных взрывных в монгорском является наличие последующего *d, *ž, *rž, либо nž. Что касается монгорского *gwosgwo* , то мы можем реконструировать ПМ *közkö* (ср. орд. *göškölö-* 'couper en petits morceaux'), в то время как *gugu* и *xöxöö* являются ономатопо-

этическими словами, и *gi-* является словом, которое часто употребляется в слабой позиции. Однако *geri* и *gwän-* продолжают оставаться исключениями.

Согласно изложенной выше точки зрения следующие два примера соответствия – монгор. *k-* || халх. *x-* будут исключениями:

монгор.	халх.
kidi 'combien'	*xäd* 'сколько'
kizjee 'quand'	*xäzää* 'когда'

Наряду с ПМ **qV-* , не вокализуется ПМ **kV-* последующим **b* плавными, носовыми и дифтонгами, не говоря уже о сильных:

монгор.	халх.
kwoG 'enfoncement'	*xöB* 'глубина'
kajaG 'son des céréales'	*xäBäg* 'шелуха'
kilje 'langue'	*xäl* 'язык'
kargii 'bègue'	*xälgii* 'немой'
kuru- 'arriver'	*xürä-* 'доходить'
kurgeen 'gendre'	*xürgän* 'зять'
kwomosgwo 'paupiere'	*xömsög* 'брови'
kän 'qui'	*xän* 'кто'
kundun 'lourd'	*xündü* 'тяжелый'
kwongwän 'léger'	*xöngön* 'легкий'
kii 'vent'	*xii* 'воздух'
kwiidjän 'froid'	*xüitän* 'холод'

Монгорские *kidi* 'combien?' и *kizjee* 'guand?' могли сохранить *k-* по аналогии с *kän* 'qui?'

ПМ **k-* и **g-* реконструированы на основе следующих соответствий:

ПМ	халх.	орд.	бур.	калм.	мог.	даг.	монгор.
**k*	*x*	*k, g*	*x*	*k*	*k*	*k*	*k, g*
**g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*

В ордосском ПМ **kV-* изменяется в *gV-* в тех же самых условиях, какие были обнаружены в случаях ПМ *qV-* (см. 4.1).

6. ПМ начальные **t* и **d*.

Здесь также существуют четыре вида соответствий:

монгор.	халх.
t	*t*
t	*d*
d	*t*
d	*d*

Обычным является соответствие монгор. *t-* || халх. *t-*; на него имеется много примеров. Мы восстанавливаем в этом случае ПМ **t*.

На соответствие монгор. *t-* халх. *d-* имеем следующие примеры:

монгор.	халх.
tudor~*tudwor* 'l'intérieur'	*dotor* 'внутренность'
tudUU 'pas assez'	*dutuu* 'недостаточный'
tudUUraa- 'manquer'	*duta-* 'не хватать'
tudjee- 'tremper'	*dä tää-* 'пропитывать'
tjezin 'quarante'	*dörin* 'сорок'
taGur 'double'	*da xar* 'двойной'
tjesə 'en haut'	*dääs* 'вверх'

За исключением *tjesə*, которое явно представляет собой ослабленную форму, все остальные являются примерами оглушения **dV-* перед сильным или *č*, с которого начинается второй слог. Отсутствуют примеры монгор. *dV-* || халх. *dV-* перед **t*, **č*, **k*, **q*, за исключением следующего: монгор. *dargän* 'qui s'est retiré des affaires'; халх. *darxan*. Возможно, что это слово является заимствованным монгорским языком. Монгор. *daaxu* 'habit court' || халх. *dax* 'доха' не будут исключениями, поскольку автор реконструирует ПМ **daaqu*.

Ниже приведены примеры соответствия монгор. d- || халх. t-:

монгор.	халх.	орд.
dusaa~*tusaa* 'utilité'	*tus* 'польза'	*dusa*
dašə- 'fair claquer'	*tašı-* 'шлепать'	*dasi-*

djesə- 'durer'	*täsä-* 'терпеть'	*das-*
djebsi 'plat, assiette'	*taβsi* 'корыто'	*dabsi*
dješ̆ən ~djebš̆en~ tješ̆ən 'égal'	*tuβsin* 'прямой'	*dobsin*
djeszi 'bouton'	*toβc* 'пуговица'	*dobci*
daGsəli-~taGsəli- 'rompre'	*tasla-* 'отрывать'	*dasul-*
daGəraa-~taGsəraa- 'se rompre'	*tasra-* 'отрываться'	*dasur-*

В этих случаях автор реконструировал бы следующие формы протомонгольского языка:

монгор.	ПМ
dusaa	**tuzaa* (ср. 3, 4, 1)
daš̆ɔ-	**tazi-*
djesə-	**täz-*
djebsi-	**täbzi*
dješ̆ən	**töbzin* (ср. 3, 4, 1)
djeszi	**töbž̆i*
daGsəli-	**daGsul-*
daGsəraa-	**daGsuraa-*

Если *djebsi* в монгорском является заимствованием из диалекта, в котором оно звучит *dəbš̆i*, как в ордосском, то ПМ формой для этого слова будет **täbsi*.

К сожалению, у нас нет примеров для первоначального **t*V-, за которым следовало бы **d* или **z*, за исключением следующего: монгор. *cizjee-* 'nourrir'; халх. *täžää-* 'кормить'. Начальный согласный не озвончился. Однако в случае с аффрикатой **č-*, озвончения не происходило:

монгор.	халх.
cjadi- 'se rassasier'	*cada-* 'наедаться'
cjudor 'entraves'	*č̆odor* 'путы'
sda- 'etre capable de'	*č̆ada-* 'мочь'

Видимо, начальный взрывной в *täžigää-* превратился в *č-* в монгорском еще до того, как происходило указанное выше озвончение.

Кстати, необходимо заметить, что видимо оглушение в монгорском происходило в случаях с начальной аффрикатой *ž:

монгор.	халх.
čugu- 'convenir'	*zoxi-* 'годиться'
čuGwaa- 'perdre'	*zaβxra-* 'теряться'

Однако имеется несколько важных исключений:

монгор.	халх.	орд.
žjaGa 'collet, bordure'	*zax* 'край'	*žaxa*
zjerge 'coeur'	*zürx* 'сердце'	*zürägä*
cjargi- 'avaler'	*zalgi-* 'глотать'	*zalgi-*.

По сравнению со СМ *žirügä, zürükän* [4, 146], мы можем реконструировать ПМ **žirükä* (или **žirügä* ?) для *zjerge, zürx*. Для *cjargi-, zalgi-* мы сможем вероятно реконструировать дублетные формы ПМ **žalki-* ~ **žalgi-*. Для *zjaGa, zax* рассмотрим следующие примеры:

монгор.	халх.	орд.
aGa 'frère aîné'	*ax* 'старший брат'	аха
zjaGa 'collet'	*zax* 'край'	žаха

в которых оглушение из-за *-q-* не произошло. Возможно, что их ПМ формы были **aqaa* и **žaqaa*, а **-qaa* было озвончено в **-Gaa* раньше, чем имело место оглушение, о котором идет речь, и после этого озвончения *-q-* последний долгий гласный именных основ с формой **GaGaa* был укорочен.

Параллельно со случаями **q*V- и **k*V-, озвончение начального **tV-* не происходило перед **G, * b*, плавными, носовыми и дифтонгами, не говоря уже о сильных.

Однако мы находим один случай: монгор. *tjaG* 'bâton', 'canne'; халх. *tajag* 'трость', который не составляет параллели с соответствием монгор. *goor* || халх. *xojor*, упомянутым выше (см. 4). И наконец, ПМ **t-* и **d-* реконструируются на основе следующих соответствий [4, §§ 51-52]:

ПМ	халх.	орд.	бур.	калм.	мог.	даг.	монгор.
**t*	*t*	*t, d*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t, d*
**d*	*d*	*d*	*d*	*d*	*d*	*d*	*d, t*

В ордосском ПМ **t*V- переходит в *d*V- при тех же самых условиях, как и в случае ПМ **q*V- и **k*V- (ср. 4, 1).

7. Сравнительное исследование монгольских языков и диалектов свидетельствует о том, что различие в протомонгольском языке между сильными и слабыми было сохранено в большей части диалектов, за исключением немногочисленных отклонений. Даже в монгорском, где произошли сложные звуковые изменения, проявились эти же закономерности фонетического развития, как мы показали выше. Мы можем допустить, что изменения в монгорском происходили в следующем порядке:

1) Начальный ПМ **p* был ослаблен в [ф].
Ослабление интервокального **p* должно было произойти гораздо раньше.

2) Озвончение начальных **t, *k, *q*, за которыми следовали V + **(r)d, *(b, r, n)ž, *(b)z, *j/?/*.

3) Озвончение интервокальных ПМ **t, *k, *q, *č*, (?), за которыми во втором слоге следовал VV (долгий гласный).

4) Оглушение начальных **b, *d, *ž, *g, *G*, за которыми следовали V + *(*b, *g, *G, *l, *r) + *t, *č, *k, *q* или же Vs, или закрытый V+ *s*+открытый VV.

(Начальное /'/ также было оглушено в монгорском в [h], которое превратилось в *x-*, например, монгор. *xada* 'châtré' халх. *agt* 'конь' || «Юань-чао Ми-ши» *aqta*. Ср. тюрк. *at*.)

5) Озвончение не начальных (и не конечных) (**b, *g, *G, *l, *r) + *t, *c, *k, *q, *s* (*š* исключается), которым предшествуют *p, t, c, k, q, f, s, š, x* обычно являющиеся начальными. (Редким исключением является монгор. *cjasə* 'neige' || халх. *čas* 'снег' || орд. *žasu*, поскольку *ПМ *času(n)* должно было перейти в монгор. *cjazə*. Монгор. *cjasə* могло появиться из **cas.*) Некоторые из них образовались из ПМ слабых. Ср. следующие примеры:

монгор.	халх.
nasə 'âge'	*nas* 'возраст'
numpuzə 'salive'	*nulims* 'слеза'
nUUsoŋ 'morve'	*nus* 'сопли'
nukwoozə 'morceau d'étoffe'	*nöxöös* 'заплата'

Хотя начальным согласным в этих словах является *n-*, **-s-* озвончается в тех случаях, когда ему предшествует *-p-* или *-k-*.

Хронологический порядок звуковых изменений, о которых шла речь в данной статье, вместе с некоторыми добавлениями, будет представлен на примерах в следующей схеме, на которой гласные представлены так, как будто они не изменяли своего качества.

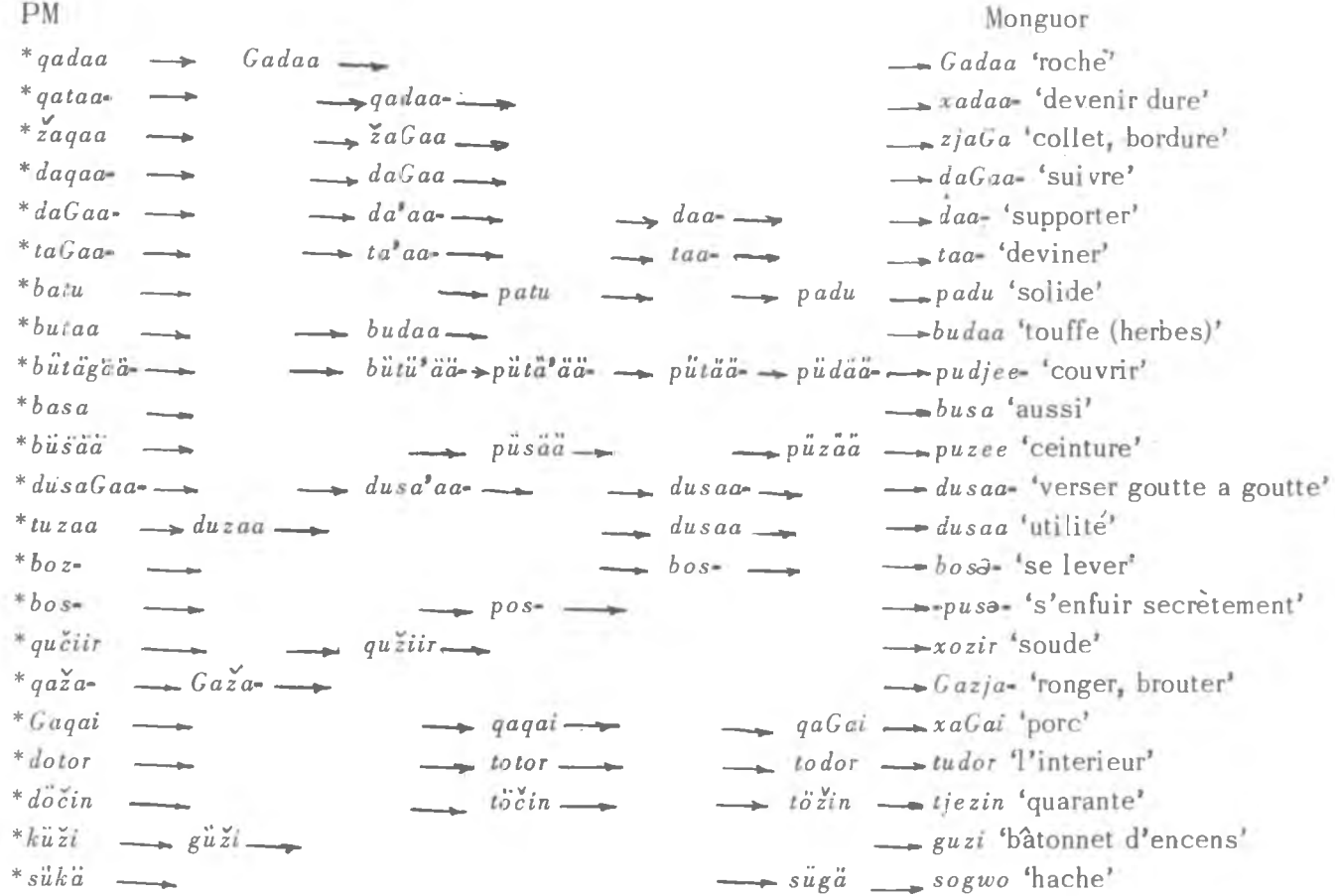
8. Замечателен тот факт, что квадратное письмо Пагбы, представляющее среднемонгольский, обладает весьма своеобразными особенностями своих букв для взрывных и аффрикат, которые можно было бы транскрибировать через:

(h)	*t*	*č*	*k*	*q*
b	*d*	*ž*	*g*	

где *h-* соответствует ПМ **p-*. За исключением незначительных отклонений, соответствующими ПМ звуками являются:

**p*	**t*	**č*	**k*	**q*, **G*
**b*	**d*	**ž*	**g*	

Бесспорно, что система и структура языка, представленного в этом письме, в общем такова, что ее можно было бы объяснить как развившуюся из протомонгольской. Но все же невозможно себе представить диалект, в котором ПМ **q* и **G* конвергировались бы в одну фонему, а прочие сильные и слабые (вместе с *č* и *ž*) оставались бы фонемами, отличными друг от друга, тем более потому, что **q* и **k* являются аллофонами */*k/*; а **G* и **g* – аллофонами */*g/*. Соответственно мы должны допустить, что по некоторым причинам изобретатель квадратного письма, осознавая различие между задне-


PM
Monguor
*qadaa
Gadaa
Gadaa 'roche'
*qataa-
qadaa-
xadaa- 'devenir dure'
*žaqaa
žaGaa
zjaGa 'collet, bordure'
*daqaa-
daGaa
daGaa- 'suivre'
*daGaa-
da'aa-
daa-
daa- 'supporter'
*taGaa-
ta'aa-
taa-
taa- 'deviner'
*batu
patu
padu
padu 'solide'
*butaa
budaa
budaa 'touffe (herbes)'
*bütägää-
bütü'ää-
pütä'ää-
pütää-
püdää-
pudjee- 'couvrir'
*basa
busa 'aussi'
*büšää
püšää
püžää
puzee 'ceinture'
*dusaGaa-
dusa'aa-
dusaa-
dusaa- 'verser goutte a goutte'
*tuzaa
duzaa
dusaa
dusaa 'utilité'
*boz-
bos-
bosə- 'se lever'
*bos-
pos-
-pusə- 's'enfuir secrètement'
*kučiir
kužiir
xozir 'soude'
*kaža-
Gaža-
Gazja- 'ronger, brouter'
*Gaqai
qaqai
qaGai
xaGai 'porc'
*dotor
totor
todor
tudor 'l'interieur'
*döčin
töčin
töžin
tjezin 'quarante'
*küži
güži
guzi 'bâtonnet d'encens'
*sükä
sügä
sogwo 'hache'

небными и глубоко-задненебными звуками в монгольском, считал необходимым предусмотреть букву для последних, однако он не предусмотрел двух букв для различения сильного и слабого.

Достойно внимания то, что система транскрибирования монгольских звуков китайскими иероглифами в "Юань-чао Ми-ши" совпадает в этом отношении с той, которая была в квадратном письме. За исключением некоторых отклонений, большая часть которых объяснима, составители ее при транскрибировании "Ми-ши" использовали китайские иероглифы, обозначавшие слоги с придыхательной и непридыхательной инициалями, для транскрибирования монгольских сильных и слабых соответственно. Поэтому можно различить посредством китайских придыхательных и непридыхательных велярных взрывных монгольские звуки, которые соответствуют ПМ **q* и **G*, поскольку, по крайней мере, звук, который соответствует ПМ **G* должен был быть взрывным, как это показывает сравнение диалектов. Звук, соответствующий ПМ **q*, мог быть ослаблен во фрикативный во время транслитерирования "Ми-ши" и тем не менее легко было бы отличить его от слабого *G*, который был взрывным, поскольку в китайском имелся глухой задненёбный фрикативный, противопоставленный непридыхательному задненёбному взрывному. В действительности же, однако, транскрипция "Ми-ши" являлась системой для различения *t* и *d*, *č* и *ǰ*, *k* и *g*, однако не было средств различать те звуки, которые соответствуют ПМ **q* и **G*, так же как и в квадратном письме.

Это было решающим моментом для аргументирования утверждения автора о том, что оригинальный уйгурский текст "Юань-чао Ми-ши" был вероятно транслитерирован квадратным письмом раньше, чем его транслитерировали китайскими иероглифами. Это мнение уже было высказано автором в 1939 г. [2, 52].

Не исключено, что тот (те), кто транскрибировал "Ми-ши", передавал монгольскую орфографию китайскими иерог-

лифами. Этот способ либо был изобретен тогда для "Ми-ши", или в то время широко использовался. Если дело обстояло таким образом, то эта орфография должна была быть создана на основе квадратного письма. Другими словами, они не отбирали китайские иероглифы независимо от квадратного письма путем непосредственного наблюдения за звуками монгольского языка, а использовали их таким образом, чтобы они замещали каждый слог в квадратном письме.

Пока мы не сможем доказать, что ПМ *q и *G могли конвергироваться в одну фонему в СМ, в то время, как ПМ *k и *g, *t и *d, *$č$ и *$ž$ не конвергировались, или что при помощи звуковой системы китайского языка того времени невозможно было различить в транскрипции китайскими иероглифами монгольские звуки, соответствующие ПМ *q и *G, – мы не сможем отрицать наличие тесных связей между квадратным письмом и транскрипцией "Юань-чао Ми-ши".

Литература

1. Лувсандэндэв А., Монгол-орос-толь, М., 1957 (на монг. яз.).
2. Хаттори С., Разговорный монгольский и письменный монгольский, – «Моко Гахуко», 1941, № 2.
3. Черемисов К.М., Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951.
4. Poppe N., Introduction to Mongolian Comparative Studies, Helsinki, 1955.
5. Poppe N., Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen T. I, Wiesbaden, 1960.
6. Ramstedt G.I., Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Helsinki, 1957.
7. Ramstedt G.I., – статья в: «Journal de la Société Finno-ougrienne», vol. XXIII, «Mongolica», vol. 4, Helsinki.
8. Smedt A. de, Mostaert A., Dictionnaire Moguor-Francais, Pei-p'ing, 1933.

9. Hattory S., статья в: «Журнал Японского лингвистического общества», 1954, № 25 (на японском языке).
10. Hattory S. статья в: «Журнал Японского лингвистического общества», 1959, № 36 (на японском языке).
11. Hattory S., The Principle of Assimilation in Phonemics, – «World», 1967, vol. 23, № 1-3.

В. И. Цинциус

МОНГОЛИЗМЫ-ДУБЛЕТЫ В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Тесные связи маньчжурского языка с монгольскими давно уже привлекали внимание исследователей этих языков. В частности, сорок лет назад вышла в свет посвященная данной проблеме работа Г. Д. Санжеева, которая до сих пор сохраняет свое значение [3]. В ней не только приводится обширный перечень общих для маньчжурского и монгольских языков слов, большей частью заимствованных первым из вторых, но имеется также ряд интересных высказываний относительно соответствий, наблюдаемых в этих языках в области фонетики и грамматики.

Исходя из положения о генетическом родстве тунгусо-маньчжурских и монгольских языков и имея в виду, "что маньчжуро-монгольские соответствия подразделяются на элементы общего образования и заимствования от одного языка к другому" [3, 6147], мы хотели бы обратить специальное внимание на наличие в маньчжурском языке монголизмов-дублетов. Эти последние выступают в виде фонетических, морфологических или семантических вариантов лексем либо по отношению к исконным маньчжурским словам, восходящим как и монголизм-заимствование к общему источнику, либо являются для маньчжурского языка разновременными заимствованиями и, возможно, из разных монгольских языков или диалектов.

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас примеров, необходимо напомнить, что при заимствовании уст-

ным путем фонетический облик слова, как правило, подчиняется нормам заимствующего языка (диалекта, говора). Таким образом, выделить заимствованное слово не всегда легко. Это особенно затруднительно при сходстве фонетического строя контактирующих языков, что как раз относится к маньчжурскому и монгольскому языкам. Здесь на помощь приходит учет исторически сложившихся и проявивших себя закономерных особенностей развития звукового облика слов в этих языках. Это обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду также и при анализе дублетов, как это мы постараемся показать ниже.

Для маньчжурского языка, как члена тунгусо-маньчжурской языковой общности, весьма характерно специфическое фонетическое развитие некоторых сочетаний двух согласных в срединной позиции в слове. Сюда относится прежде всего подмеченное уже более ста лет тому назад развитие т.-маньчж. **-рг-* > маньчж. *-ǯ-(-чж-)* [4, 10] и, соответственно, т.-маньчж. *-рк-* > маньчж. *-ч-*; позднее установленное также для ульчского языка [9] и как последующая ступень этой фонетической эволюции, для орокского *-д-* **-ǯ-* < **-рг-* [5, 230, 236-237]. В ряде других тунгусо-маньчжурских языков, за исключением эвенкийского и эвенского, сочетание *-рг- (-рк-)* также подверглось различным фонетическим видоизменениям [5], тогда как в монгольских языках комплекс *-рг-* сохранился.

Именно такой регулярный ряд соответствий – эвенк., эвен. *-рг-*, сол. *-рг-~-гг-*, нан. *-йг-*, орок. *-д-* (< *-ǯ-*), маньчж. *-ǯ-*// монг. *-рг-* – мы имеем в широко представленных в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках названиях растений, зарослей лиственного леса, тополя, ивы, тальника, ср.: эвенк. вост. *бургак ~ бургак* 'заросли тополя', 'кустарник', 'лес', 'роща', 'ельник' (на пойме – заливном берегу), полуострове, острове, отмели); эвен. *бургāɣ ~ бургākāɣ* 'заросли тополя, ивы' (на берегу реки, озера, на острове), 'лиственный лес'; *бургāɣ-* 'есть листья (тополя) ивы' (об олене, лосе); сол. *бургā ~ бургā* 'тальник'; *бхрган ив* 'роща' [2];

бургаг ив 'заросли тополя', 'лиственный лес' (на берегу реки, озера); нан. *бойга мōни бик* 'тальник'; орок. *буда* 'заросли ивы'; *будан ду* 'пастбище весеннее около реки'; маньчж. *бужан (бучжан)* 'лес (роща) на равнине'; *бужан шумин* 'густой (дремучий) лес'; *бужан фисин* 'густой (глухой, непроходимый) лес'; *бужанту улхума* 'лесной фазан' // п.-монг. *burγasun*, монг. *бургаас(ан)* 'ивняк', 'тальник', 'прут'; бур. *бургаана(н)* 'кустарник', 'прут', 'лоза'; п.-монг. *burγasunda-*; монг. *бургаасда-*, бур. *бургаанада-* 'бить прутом'.

Но в маньчжурском языке помимо приведенной выше формы интересующего нас слова *бужан* имеется дублетная разновидность *бурҳа~бурҷа, бургасу*, где сочетание *-рг-* и наличие собирательного суффикса *-су* служат доказательством вторичного заимствования из монгольского языка, причем значение дублета несколько иное, ср.: маньчж. *бурга, бургасу* 'мелкий ивняк', 'тальник' (растущий по берегам рек и островам и употребляемый для плетней и стенок юрты), 'тонкие вершины деревьев', 'прутья', 'хворост'; *бурга фурги* 'связка прутьев ивняка', 'фашинник', 'метла из прутьев'. Представляет интерес также сопоставление маньчж. *бурга жасэ* ист. 'плетневая ограда', 'пограничный частокол, условно отделявший Маньчжурию от Монголии' и п.-монг. *burγasun xašija* 'ивовый плетень'.

Таким образом, общая для тунгусо-маньчжурских и монгольских языков корневая праформа интересующего нас слова выступает в виде **бурга-* > маньчж. *буҗа-н*, тогда как маньчж. *бурга-су* < монг. является дублетом. Но имеется и иное толкование маньчжурских вариантов этого слова. Г. Дёрфер, например, полагает, что вообще в тунгусо-маньчжурских языках это слово является заимствованием из монгольских языков, причем маньчжурским языком оно заимствовалось дважды, так как более раннее успело пройти на маньчжурской почве развитие **бурга* > *буҗа-н*, а второе проникло в тот период, когда в маньчжурском языке уже перестала действовать фонетическая закономерность изменения сочетания согласных *-рг->ж* [6, 225]. Г. Дёрфер не приводит каких-либо специаль-

ных доказательств в пользу высказанного им мнения о том, что во всех тунгусо-маньчжурских языках это слово является монголизмом, и не затрагивает вопроса о различиях его морфологической структуры в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, если не считать того, что им приводится очень интересная форма западного среднемонгольского языка *burġat*, которую он трактует как форму множественного числа от *burġasun* ~*burġan*. Вместе с тем надо обратить внимание на то, что если монгольским языкам в этом слове свойственен суффикс **-сун* > *сан*~*һан* и т.д., то в тунгусо-маньчжурских языках отмечается либо суффикс **-г* > -ɣ~ -*к* (как это видно по данным эвенского, солонского и, частично, эвенкийского языков), либо в преобладающем большинстве случаев, суффикс -*н*. Как т.-маньч. суффикс -*г*, так и монг. суффикс -*сун* являются показателями собирательно-совокупной семантики слова, тогда как суффиксы -*т* ~ -*д* и -*н* на монгольской почве выступают как показатели множественного числа, причем последний (т.е. суффикс -*н*) присоединялся к основам с конечным -*и* или с конечными дифтонгами на -*и*. Это обстоятельство необходимо учитывать, если на базе фономорфологического анализа рассматриваемого слова попытаться более тщательно реконструировать праформу его основы. Кстати, следует отметить также, что в бур. *бургаа-һан* и монг. *бургаа-сан* конечный гласный основы – долгий, по-видимому, в результате утраты интервокального **-г-*, и, следовательно, мы в праве предполагать праформу **бурга-гā-сун*, тогда как долгота гласного конечного слога в солонском варианте позволяет прибавить еще одну деталь в восстанавливаемом архетипе, а именно: сол. *буггā* < *бургā* < **бургāн* ~ **бургагāн* < **бурга-гāи-(н)*.

Морфологический облик реконструированной формы единственного числа **бурга-гāи* допускает предположение о ее отглагольном происхождении, поскольку в монгольском языке имелся имперфектный суффикс *-гāи-(-гēи)*, при помощи которого образуется также отглагольное имя со значе-

нием качества как результата действия. В монгольских языках имеется глагол *бурга-* 'падать', 'порошить' (о снеге), ср. як. *бурга-* 'подниматься' (о пыли, тумане), 'поднимать' (пыль), 'развевать', 'разметывать'. Имея в виду строение семян растений семейства ивовых (куда входит и тополь), можно предположить, что рассеиваемые ветром летучки с хохолками-пушинками и послужили основанием для наименования зарослей этих кустарников и деревьев: **-бурга-гаи* 'развевающий пушинки'; ср. як. *бурҕан* 'белый налет на тальниковых прутьях', маньчж. *бурга-ша-* 'носиться', 'расстилаться' (о дыме, паре, пыли), 'уносить', 'сдувать' (ветром).

С другой стороны, к этимологии монгольского и тунгусо-маньчжурского слова **бурга-гаи* как отглагольного имени от основы **бурга-*, вероятно интересно привлечь и тюркские данные, а именно: тур. *bur-* 'крутить', 'вертеть', 'вить'; *burgacik* 'кривой', 'скрученный', тат. *бор-*, *боргала-* (многокр.) 'крутить', 'вертеть'; *боргалан-* 'извиваться', 'вертеться'. В последнем случае названия ивовых или тополевых зарослей первоначально могли бы обозначать либо густые (переплетенные, перепутанные) кустарники, побеги, либо, в связи с их использованием для плетения, то, что служит материалом для витья.

Второй пример дублетных форм связан с наименованиями, обозначающими "хвост" "подхвостник" (ремень, идущий от седла под хвостом у лошади). В данном случае маньчж. *кударҕан ~ кударҕан* 'подхвостник' безусловно выступает как заимствование- дублет из монгольских языков; ср.: п.-монг. *qudurγa*, монг. *худрага*, бур. *хударга* 'подхвостник'.

Но эти монгольские параллели в свою очередь ведут нас к тюркским языкам, где слова с аналогичной морфологической структурой большей частью обозначают "хвост", "курдюк", "зад", "задняя часть чего-либо", "корма", "руль"; ср.: др.-тюрк. *qudruq ~ quduruq ~ qudruq* 'хвост', 'зад', 'задняя часть чего-либо'; *qudučaq* 'копчик'; *qudursuγ* 'основание хвоста', 'репица'; *qudurγun* 'подхвостник', *qudurγaq ~ qudurγaq* 'удли-

ненный сзади подол широкого халата'; тур. *kuyruk* 'хвост', 'придаток', 'конец', 'наружный угол глаза'; *kuskun* 'подхвостник'; туркм. *гуйрук* 'хвост', 'курдюк', 'конец', 'прихвостень'; тат. *койрык* 'хвост', 'курдюк', 'корма' (у лодки, судна), 'руль', 'зад', 'задняя часть чего-л', 'охвостье' (при молотьбе, веянии , 'прихвостень'; тув. *кудурук* 'хвост', 'курдюк', 'охвостье'; *кудурга* (< монг.) 'подхвостник'; як. *кутурук* 'хвост', 'корма' (лодки, судна), 'руль', 'кормовое весло'; *кудурҷан* (< монг.) 'подбрюшник'; чув. *хӱре~хӗвре* 'хвост', 'руль' [1, 313; 8, 296-297].

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то общее для них слово "хвост" восходит к праформе **хургу ~*кургу*; ср.: нан. *хуйгу*, ульч. *хуӡу*, орок. *худу*, маньчж. *унчэхэн ~ унчэхин*// эвенк. *ирги*, эвен. *иргэ*, сол. *ирги ~игги*, нег. *игги ~ӣги ~идги*, ороч. *игги*, уд, *иги* 'хвост'. Следует отметить, что вместо маньчж. *унчэхэн* ожидалась форма **уӡу (учжу)*; ср.: ульч. *хуӡу* 'хвост', но маньчж. *уӡу (учжу)* означает "голова".

Отклонения от развития *-рг-* > *-ӡ-* наблюдаются и в других случаях, например, в эвенк., эвен. *эйиргэ* 'щипцы', 'кузнечные клещи'; нег. *эйгэ ~ эйудгэ*; нан., уд. *эугэ*; ульч. *энӡэ*; орок. *энудэ*; где в ульчском и орокском языках также в середине слова появился носовой согласный *н*.

Мы считаем, что тунгусо-маньчжурская праформа **хургу ~ *кургу* восходит к общему для тюрко-монгольских языков архетипу **кудурга ~*кудуруг*, несмотря на разницу в количестве слогов и состав гласных (в тунгусо-маньчжурских языках они мягкорядные). Тем более, что мы уже располагаем убедительно обоснованными выводами из анализа аналогичных по структуре тунгусо-маньчжурских и монголо-тюркских параллелей [7, 241-242], ср.: маньчж. *нуӡан* 'кулак', ороч. *нугга*, нег. *нойга*, сол. *норга*, эвенк. *нурга*, *кастрен нидурга* (< монг.) // п.-монг. *nidurγa*, монг. *нударга(н)*, бур. *нюдарга(н)* < **н'удурга* 'кулак' // др.-тюрк. *judruq* 'кулак', *judruqlan-* 'сжимать кулаки', тат. *йодрык*, башк. *йоҙроҡ*, алт. *дъудрук*, тув. *чудурук*, як. *сутурук* 'кулак' [8, 209-210].

При сопоставлении фономорфологических линий развития приведенных слов "хвост" и "кулак", сконцентрировав внимание на интересующих нас в данном случае "узловых" формах, мы получаем два весьма выразительных параллельных ряда:

	архетип	п.-монг.	др.-тюрк.	як.	эвенк.	ульч., маньчж.
'хвост':	**кудурга*	*кудурга*	*кудрук*	*кутурук*	*ирги*	*хузу*
'кулак':	*н'удурга*	*нидурга*	*йудрук*	*сутурук*	*нурга*	*нузан*

Если в качестве возможной формы отражения архетипа **кудурга* принять маньчж. *унчэхэн* 'хвост' (см. выше), то маньч. *кударган кудархан* (<монг.) 'подхвостник', помимо того, что эти два слова выступают как фонетические варианты, могут считаться дублетами относительно маньчж. *унчэхэн*. Кстати отметим, что и в эвенкийском языке в качестве дублетов выступают эвенк. *ирги* 'хвост' эвенк. нерч. *кастрен кудурга* (<монг.) 'подхвостник', с одной стороны, и, с другой, эвенк. вост. *кутурук* (<як.) 'хвост'. Кроме того, принимая во внимание, что в ряде языков алтайской группы слово "хвост" одновременно служит для обозначения кормы лодки или судна и руля (см. выше), мы можем указать как на возможный вариант развития этого слова на следующие слова: маньчж. *худэ* 'задняя часть судна', 'корма', 'руль', *худэ ǯафа-* = *унчэхэн туванчихяку ǯафа-* 'браться за руль', 'править рулем'; нан. *кудэ, кудэку* 'руль', *кудэ-, кудэчи-* 'править рулем', *кудэмǯи, кудэчимǯи* 'рулевой'.

Приведем третий пример монгольских заимствований-дублетов в маньчжурском языке, которые могут быть выявлены при анализе лексики, группирующейся в гнезде слов со значением "рот". В тунгусо-маньчжурских языках существительное "рот" представлено следующими формами: эвенк., эвен., нег., орок., нан. *амна* ; сол., ороч. *амма*; уд., ульч., нан. аңма; маньчж. аңга <*амңа <*амга <*амага.

Таким образом, маньчжурская форма *аңга* характеризуется соответствием согласных *-нг-//-мн-*, что находит се-

бе подтверждение в ряде других лексических параллелей тунгусо-маньчжурских языков с аналогичным сочетанием согласных в середине слова, ср.: эвенк., нег. *омно-* 'забыть'; эвен. *омӈа-;* сол., ороч. *оммо-;* уд. *оӈмо-;* орок., нан. *омго-;* нан. *омбо-;* маньчж. *оӈго- id.*; эвенк., эвен., нег. *нимӈэ-;* сол. *ниӈэ-;* орок. *нунбэ-;* нан. *луӈбэ;* маньчж. *нунӈэн-* 'проглотить'.

В монгольских языках слово "рот" передается формами: п.-монг. *aman,* монг. *ама(н),* бур. *ама(н)* и т.д. И в маньчжурском, и в монгольских языках от приведенных выше существительных со значением "рот" имеются производные лексемы, например, глагол: п.-монг. *amɪsa-,* монг. *ам-са-,* бур. *ам-са-ам-ha-* 'пробовать', 'отведывать'; п.-монг. *amsaɣula-,* монг. *ам-суула-,* бур. *ам-суул-* (побуд.) 'давать пробовать', 'потчевать', 'угощать', ср.: маньчж. *аӈга-си-бу-* 'дать отведать' (побудит. от **аӈга-си-* 'отведать').

Вместе с тем в маньчжурском языке имеются монголизмы, которые распознаются по форме корневой морфемы **ам(а)-* и по характеру остальных морфем, например: маньчж. *амсу* ист. 'яства, подававшиеся на стол государю'; *амсун* 'жертвенные приношения', 'снеди, яства и вино'; *амсун* и *йали* 'жертвенное мясо'; *амсун* и *ӡэку* 'всякий хлеб в зерне', 'жертвенные хлебы'; *амсун* и *ӡака* 'разные жертвенные вещи', *амсула-* 'вкушать' // п.-монг. *amun-sun;* монг. *амас;* бур. (уст.) *ам-ha(н)* (уст.) 'каша'; бур. также название кушанья, приготовлявшегося из молока и зерен (и еще ранее – из семян и корней растений); краюшка черного хлеба, помазанная топленым маслом.

Литература

1. Егоров В.Г., Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
2. Ивановский А.О., Образцы солонского и дахурского языков, – «Manjurica», I, СПб., 1894.
3. Санжеев Г.Д., Маньчжуро-монгольские языковые параллели, – «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», сер... VII, № 8, 9.

4. Шифнер А., Предисловие к: Castren M.A., Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, СПб., 1856.
5. Цинциус В.И., Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949.
6. Doerfer G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd I, Wiesbaden, 1963.
7. Ligeti L., Les anciens éléments mongols dans le mandchou,- AO, t. X, fasc. 3, 1960.
8. Räsänen M., Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969.
9. Schmidt P., The language of the Olchas, - «Acta Universitatis Latviensis», VIII, Riga, 1923.

Условные сокращения названий языков

алт.	– алтайский
башк.	– башкирский
бур.	– бурятский
др.-тюрк.	– древнетюркский
маньчж.	– маньчжурский
монг.	– монгольский
нан.	– нанайский
нег.	– негидальский
орок.	– орокский
ороч.	– орочский
п.-монг.	– протомонгольский
сол.	– солонский
тат.	– татарский
т.-маньчж.	– тунгусо-маньчжурский
тув.	– тувинский
тур.	– турецкий
уд.	– удэйский (удэгейский)
ульч.	– ульчский
эвен.	– эвенский
эвенк.	– эвенкийский
як.	– якутский

Н.П.Шастина

СЛЕДЫ ПРИМИТИВНЫХ РЕЛИГИЙ В ЛАМАИСТСКОЙ МИСТЕРИИ «ЦАМ»

Религиозные мистерии «цам» стали исполняться в Монголии после вторичного проникновения буддизма к монголам из Тибета. Тибетское слово «чам» значит «танец, пляска»; халхасцы произносят его как «цам». Установить точное время, когда начали исполнять цам в Монголии, очень сложно.

Происхождение цама в Тибете относится к древним временам, возможно еще к добуддийским. Ритуал магических плясок, очевидно, существовал еще во времена религии бон и сводился к заклинаниям посредством жеста, телодвижений. Примитивным религиям, как известно, свойственны подобные действия как один из основных элементов. В шаманизме, например, наблюдаются священные пляски шаманов во время ритуала вызова духов.

После появления буддийских проповедников в Тибете в VII в. н.э. и принятия буддизма тибетцами постепенно происходила ассимиляция местных божеств, почитаемых древней, тибетской религией бон. Буддийская традиция связала эти местные божества с древнеиндийскими шиваистскими божествами. Так, например, царь смерти и адовых ворот Чойчжил (монг. Эрлиг-хан) ассоциировался с древнеиндийским Дхармараджи или Ямой, свирепая богиня Дурга стала идентифицироваться с индийской Дэви. Многие другие местные боги также были отождествлены с шиваистскими божествами [12,

525]. Большинство из этих богов стали считаться охранителями буддийской религии, ее защитниками и заняли в буддийском пантеоне почетное место под названием докшитов. Культ докшитов, изображаемых в страшных ипостасях, внушающих ужас врагам веры, занимает весьма значительное место в реформированном буддизме, известном под названием ламаизма. В тантрической системе (т.е. системе символики) ламаизма культ докшитов имеет большое значение. К этой же тантрической системе относятся и некоторые религиозные мистерии, цамы, в которых действуют докшиты.

Установление цама по традиции приписывается волхву-заклинателю Падме Самбхаве, жившему в VIII в. в Тибете. Считается, что Падма Самбхава, создавая первую мистерию цама с плясками божеств, заменил человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся в древности, бескровной мистической жертвой, носившей название «линга». Этот цам совершался согласно древним обычаям в конце года [12, 521].

В IX в. был создан еще один цам, получивший название «Ша-наг цам», что значит «Танец черных шапок». Появление этого цама ламаистская традиция связывает с историей властителя Тибета Ландармы (841-901), преследовавшего буддизм и убитого за это ламой-отшельником. Кроме этих двух в последующие века возникло еще несколько цамов.

Все цамы можно разделить на две категории: 1) цамы – религиозные мистерии, относящиеся к тантрической системе буддизма, и 2) цамы, имеющие не только религиозное значение, но и светское (т.е. мирское) и являющиеся скорее театральным представлением, своеобразной формой ламского театра.

К первой категории относятся кроме упомянутых двух ранних цамов еще «Чжахар-цам» («Цам Железного города») в просторечии именуемый «Цам Эрлик-хана», «Тахилийн-цам» («Жертвенный цам»), «Линга-лам» («Цам жертвоприношения линга»), «Дуйнхор-цам» («Цам символики Дуйнхор»). Этот последний цам совершается очень торжественно в хра-

ме в присутствии только немногих лам, посвященных в тантру Дуйнхор. Непосвященным ламам или светским зрителям видеть его было запрещено. Остальные же перечисленные цамы обычно совершались или во дворе монастыря, или на площади перед монастырем и вполне доступны для любого зрителя. На цам обычно собирались толпы народа, часто приезжавшие для этого издалека. Цамы – очень красочные зрелища, являются в то же время весьма действенным средством ламаистской пропаганды среди монгольского населения.

Ко второй категории цамов – театральным представлениям относится «Малай-цам», поставленный в монастыре Лавран в XVIII в. в честь тибетского поэта Миларайбы [1, 157]. К этой же категории относится «Гэсэр-цам», поставленный в одном из монгольских монастырей в середине прошлого века [2; 8, 58, 59], а также многочисленные священные драмы, в основу которых положены джатаки, разыгрываемые в Тибете бродячими актерами.

В настоящее время цам – явление исчезающее. Ни в Монгольской Народной Республике после 1937 г., ни в Бурятии после 1929 г. цам больше не исполняется. Во Внутренней Монголии (автономная область в КНР) цам ежегодно исполнялся в крупных ламаистских монастырях до «культурной революции». После «культурной революции» об исполнении цама никаких сведений не имеется. Ничего неизвестно и об исполнении цама в Тибете. Все же можно предположить, что цам в Тибете существует до сих пор в таких больших монастырях, как Брейбун, Самья, Дашилхунпо и др.

Автору этих строк удалось наблюдать несколько лет подряд два разных цама – «Чжахар-цам» и «Тахилийн-цам» в одном из крупнейших в свое время монастырей Монголии в Дзун-Хурэ, ныне не существующем, кроме того удалось увидеть и записать «Линга-цам» в монастыре Манчжушри-хит и «Чжахар-цам» в монастыре Даши Чойнхорлинг; эти монастыри ныне не существуют. Еще в

1935 г. было опубликовано небольшое исследование о цаме [7; 92-113]. В этой статье было дано описание внешнего сложного и пышного ритуала и рассмотрено значение некоторых обрядов и действий. Следует заметить, что в те годы установить истинное значение цама было делом нелегким, так как ламы ревниво оберегали его содержание от непосвященных и отвергали всякие попытки получить какие-либо письменные сведения о цаме, утверждая, что они написаны на тибетском сокровенном языке. Значительно позже академику Б. Ринчену удалось увидеть рукопись на тибетском языке о проведении цама. По сведениям Б. Ринчена, в этой рукописи содержится только описание одежды, масок и прочих ритуальных принадлежностей, употребляемых во время цама [8, 62].

Точно неизвестно, когда цамы стали исполняться в Монголии. Первые сведения о цаме в ойратских кочевьях имеются в дневниковых записях Ивана Унковского, относящихся к январю 1723 г. И. Унковский был послан к джунгарскому хану Цэвэн Рабдану, провел в его ставке почти два года. Там он и увидел цам, назвал его «процессией» или «оказией», которую достаточно подробно описал в своем дневнике [5, 64-69]. Это был цам, совершаемый в конце года перед Цаган-сара. Благодаря записи Унковского можно с достоверностью считать, что цам в Монголии исполнялся в первой четверти XVIII в. уже как вполне установившаяся и неоднократно исполнявшаяся религиозная мистерия. Можно предположить, что и в XVII в. этот цам был известен в Монголии. Другой цам, а именно «Чжахар-цам» (или «Цам-Эрлик-хана»), впервые был исполнен в монастыре Ихэ-хурэ (или Дэун-Хурэ) в 1811 г. Об этом писал Б. Ринчен [8], но он, к сожалению, не указывает названия пересказанного им документа и не дает на него сноски. Этот цам представлял собой сложную религиозную мистерию, которая, по-видимому, была специально сочинена для исполнения именно в Ихэ-хурэ, главном монастыре Урги – резиденции Богдогэгэна и маньчжурского амбаня.

20[x]–1061

чжурского наместника в Монголии. Впрочем,« Чжахар-цам» исполнялся также и в монастыре Эрдэни-дзу. Он подробно описан А.М. Позднеевым [3, 392-403], видевшим цам в 1877 г., когда исполнение цама было введено в Эрдени-цзу, А.М.Позднеев не упоминает.

Мистерия « Чжахар-цам» всегда исполнялась летом в восьмой день второго летнего месяца, что обычно приходится на средину или конец июля. За несколько дней до этого исполнялся « Тахилийн-цам» , который, возможно, был связан с « Чжахар-цам» , являлся, вероятно, какой-то его частью. « Тахилийн-цам» краток по времени исполнения и невелик по числу участников. Однако « Чжахар-цам» длится почти сутки и состоит из 23 выходов более ста танцующих масок.

Первая часть мистерии совершалась в закрытом помещении вечером, накануне дня исполнения основной части, и продолжалась до часу ночи. Эта была, так сказать, предварительная часть, во время которой происходило очищение всевозможных предметов, употребляемых в цаме, от злых духов. К таким предметам относятся: *пурбу* – трехгранный кинжал, поражающий злых духов. Верхушка кинжала изображает голову докшита Дамдина; меч, рукоятка которого представляет собой *ваджру (ваджра* – изображение молнии, поражающей демонов); петля для улавливания душ грешников; *габала* – чаша из черепа; *хонхо* – колокольчик и другие предметы. Как можно было рассмотреть через решетку огромной юрты, где происходило действие очищения, оно состояло из краткой пляски великого ша-нага, бравшего в руки очищаемый предмет и высоко его поднимавшего. Все его движения были очень схожи с пляской шаманов. Одновременно происходило и освещение двух жертв, которые будут принесены завтра в самом конце цама. Одна из жертв изображала « Железный город» (Чжахар). Это была большая, почти в рост человека, трехступенчатая пирамида, украшенная фигурками претов и тонкими бараньими кишками, висящими полукружиями, как своеобразные кружева. *Преты* (санскр.) или *бириты* (монг.) –

это существа, которые, согласно ламаистским представлениям о мироздании, населяют ту часть мира, которая расположена между миром живых существ и адом. В центре мира претов находится «железный город». Сами преты — это существа, обреченные на вечный голод, так как у них столь тонкое горло, что пища пройти не может, изо рта у них извергается пламя, пожирающее все съестное. Верх пирамиды был увенчан флагами. Вторая жертва, под названием «Сор» (тиб. слово *sor*) представляла собой искусно сделанные изображения пламени, увенчанные небольшим черепом из папье-маше. Около часу ночи богослужение прерывалось, чтобы начаться снова ранним утром, после восхода солнца.

Вторая часть цама совершалась в течение целого дня и состояла из выходов и плясок многочисленных масок, одетых в богатейшие костюмы докшитских богов и их прислужников. Все эти действия происходили на площади перед златоверхой кумирней Галбайн-сумэ. Площадь была тщательно приготовлена для цама: на земле белым были начертаны круги, в которых и должны были танцевать маски в соответствии с рангом изображаемых божеств. В центральном круге были установлены с раннего утра жертвы «Чжахар» и «Сор», торжественно перенесенные из большой юрты, где они находились ночью. Для зрителей, собравшихся посмотреть цам, вторая часть была центральной и самой интересной: это был красочный праздник, парад божеств, сошедших на землю.

Третья часть состояла из чтения хурала линга, сожжения изображения линга и в самом конце цама сожжения искупительных жертв «Чжахара» и «Сора». Этими действиями мистерия заканчивалась. Считалось, что актом сожжения жертв действия злых демонов обезврежены. Невольно бросается в глаза родство подобных действий и шаманских обрядов.

Пережитки шаманизма еще более ярко выступают в центральной части «Чжахар-цама», в выходах масок. Отражение древних религиозных воззрений — анимизма и шама-

низма – видны, например, в шестнадцатом по счету выходе масок. Из ворот монастыря выходят сразу четыре, а иногда и пять масок, называющиеся «доньши» или «дорбун агула-ийн эдзэд», что значит «владыки четырех гор». Эти маски изображают духов четырех окрестных гор. Культ гор, одушевление их в виде владыки или хозяина горы (монг. *агула-ийн эдзэн*) представляет собой типичные пережитки анимизма, вошедшие впоследствии в систему религиозных воззрений шаманизма, а из шаманизма адаптированные ламаизмом. Духи-владыки гор в ламаистском пантеоне божеств заняли место мелких, третьестепенных богов. Старинные шаманские обращения к духам гор были переделаны в буддийские молитвы. Духи гор были, как мы видим, включены в цам.. Дух горы Богда-улы являлся в виде мифической птицы Гаруды и назывался Хан-гаруда. Дух гор Сонгино (на запад от Улан-Батора) изображался в виде старца с лицом синего цвета, с огромными зубами-клыками, торчащими изо рта. Его называли Хухэ Эбугэн (т.е. Синий старик). Согласно легенде, этот старик, некогда шаман, после длительной борьбы с ламами был обращен в буддизм и после смерти стал владыкой гор Сонгино [1, 441-448]. Дух горы Чингилтэ-ула (на юго-запад от Улан-Батора) появлялся в маске, изображавшей голову вепря, на темени которой сверкало золотом «чиндамани» (драгоценность). Маска вепря, так же как и маска волка (дух горы Баин-дзурхэ, расположенной на юго-восток от Улан-Батора), отражает даже не анимистический культ гор, а еще более древние тотемистические воззрения. О том, что в древности волк (монг. *чоно-а*) считался, по-видимому, родовым предком (т.е. тотемом), говорится в монгольских летописях. Известно, что еще в самой древней летописи «Тайной истории монголов» рассказывается, что монголы произошли от некоего Бортэ Чино-а (Серый волк) [9, 57], упоминается также род Чинос (мн.ч. от "волк"), сведения о котором имеются и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина [6, 183-184]. Появление маски с волчьей головой в качестве изображения духа горы сви-

детельствует об устойчивости древнейших тотемистических воззрений. Ламы пытались заменить волчью маску другим персонажем, а именно маской молодого человека, изображавшего, по-видимому, шамана, добровольно перешедшего в буддизм. В одном из Чжахар-цамов, виденных мною восемь или девять раз, в качестве владык гор Баин-Дзурх выходили сразу обе маски – и волка, и молодого человека. Второстепенное значение этих местных божеств в «Чжахар-цаме» отмечено тем, что пляска их происходит вне начертанных на земле кругов, на дорожке, ведущей к кругам. Местные божества не имеют права вступить в круг более значительных богов. Сама пляска масок, изображающих местных божеств, не отличается от других плясок; она состоит из тех же телодвижений, приседаний, прыжков. Итак – пляска владык-хозяев четырех окрестных гор представляет собой отражение анимистических верований древних монголов, верований, вошедших затем в систему шаманизма и адаптированных ламаизмом. Таков первый пример.

Вторым примером является восемнадцатый по счету выход маски, посвященный весьма популярному шаманскому божеству Цаган Эбугэну (т.е. Белому старику). В Монголии народ называет так старого шамана Лхас-ун Цэрэна, широко известного в свое время, обожествленного после смерти, ставшего онгоном, т.е. гением-хранителем. Цаган Эбургэн считается покровителем скота и стада. В молитвах просили его покровительства в случае какого-либо несчастья, болезни и падежа скота и просто при невезении. Цаган Эбугэну посвящено несколько песнопений и молитв шаманского происхождения [4, 186-188]. Культ его распространен среди всех монголоязычных народов – среди монголов, бурят и калмыков. О культе Цаган Эбугэна имеется интересная статья А. Мостаэрта, где приведены текст и перевод одной из молитв, обращенных к Белому старику [10, 108-117].

В «Чжахар-цаме» роль Цаган Эбугэна скорее комическая, чем догматическая. Эта маска не исполняет ритуальных тан-

цев, а действует в стиле интермедии, вызывающей смех окружающей толпы. Представление, устраиваемое Белым стариком, не имеет отношения к таинству происходящей мистерии, даже может нарочито отвлекать зрителей от того, что происходит в центре кругов Цама. Белый старик всегда действовал не только вне кругов цама, но и вне дорожки, обозначенной белым и ведущей к кругам цама. Он появлялся в огромной маске с длинными белыми волосами и широкой расплывшейся улыбкой, выходил как бы навеселе, пошатываясь, болтая со встречными. Иногда шутливо замахивался, а то и ударял кого-нибудь своим посохом, что принималось пострадавшими с улыбкой. Белый старик вынимал горстями из-за пазухи широкого халата жужубы (плоды тутового дерева) и, широко размахнувшись, бросал их в толпу. Все, кто только мог, ловили их. Побродив вокруг, цама Белый старик начинал укладываться спать, положив шапку под голову. Пока он спал, к нему подкрадывались два льва; они играли мячом, стараясь попасть в спящего. Наконец, Белый старик просыпался в комическом испуге, и начиналась веселая возня со львами.

Во всех виденных мною цамах этот эпизод не повторялся в точности; он носил характер импровизации; каждый раз в нем было что-нибудь новое.

Из года в год в монастыре Ихэ-хурэ роль Белого старика исполнял высокий и толстый лама, несомненно обладавший талантом комического актера. Судя по всему, интермедия, разыгрываемая Белым стариком, является типичным образцом ламского театра. В «Чжахар-цаме» это вставной элемент; персонаж его шаманского происхождения. Таков второй пример использования в «Чжахар-цаме» шаманских божеств.

Третьим примером следует считать пляски масок докшитов. Их несколько. Разберем хотя бы один пример – пляски 21 и 22, предпоследние перед конечной длительной пляской, называющейся «чжактирх», во время которой совершается богослужение (т.е. хурал) линга. В двух указанных плясках появляется самый сильный, самый страшный докшит Чойчжил,

или Яма. Монголы называют его также Эрлик-хан. Это властитель адовых ворот, царь смерти, строгий судья, властелин загробного мира. Он изображается всегда с головой буйвола темно-синего цвета, увенчанной короной с пятью черепами. В цаме эту роль может исполнять только лама, имеющий высшую степень посвящения, окончивший тарнистический факультет и отличающийся высокоморальным поведением в жизни.

Сначала выходит и пляшет маска Цзамантэ – женская маска, представляющая собой «юм» – т.е. женскую эманацию Чойчжила. Лицо у нее синее, трехглазое, с отталкивающим выражением, голова увенчана короной из черепов. Танец ее непродолжителен, но по окончании его она не уходит, а ждет появления Чойчжила, своего «яб», т.е. мужской половины.

При появлении Чойчжила толпа зрителей замирает, многие совершают перед ним поклонение, подносят ему хадаки. Чойчжил весьма популярный бог, внушающий почтение и страх. О том, почему он изображается с головой быка, повествует легенда. Ее следует рассказать, так как в ней отчетливо намечена связь старой добуддийской религии бон с буддизмом. Согласно легенде, один из ревностных бон решил провести 50 лет в отшельничестве в пещере. Он просидел там 49 лет 11 месяцев и 29 дней; оставался один день, когда к нему в пещеру ворвались двое с украденным ими быком и нарушили его созерцание. Он просил не мешать ему, но эти злые люди убили его. Не успела его кровь политься на землю, как убитый превратился в Яму, т.е. во владку смерти, схватил голову зарезанного быка, надел на себя, вырвал сердца у двух нарушителей его покоя и съел их. Затем он выстроил замок и стал владычествовать в Тибете. Такова легенда, в которой фигурирует ревностный носитель религии бон, превращающийся в божество Яму из древнеиндийского, добуддийского пантеона. Эта легенда – пример попытки увязать появление страшного Ямы в буддийском пантеоне. В цаме отчетливо представлена сюжетная линия, благодаря которой ясно видна связь добуддийских верований Индии с тибетскими, а затем и с позд-

ним буддизмом, пришедшим в Монголию. Итак, Индия, Тибет, Монголия. Мне думается, что проблема создания ламаистского пантеона недостаточно изучена и требует еще большой работы. Изучение цама для истории этой проблемы несомненно имеет значение.

Остается сказать еще несколько слов о богослужении, или хурале линга. И сам хурал, и термин «линга» заимствованы монголами из Тибета. В Тибет этот же термин пришел из Индии, где, как известно, еще в глубокой древности существовал культ Шивы, одним из символов которого был лингам, почитавшийся как знак плодородия. Лингам – один из символов древнеиндийского фаллического культа. В настоящее время в Индии является символом плодородия, изображается в виде цилиндра, закругленного сверху. Но при заимствовании этого термина тибетским буддизмом произошло изменение его содержания. Под «линга» в тибетской форме буддизма подразумевается символическое изображение врага веры, носителя всяческого злого начала. В различных цамах так называется небольшая человекообразная фигурка, вылепленная из теста. Тесто замешивается из муки на особой воде – «аршан». В современном языке аршан – это вода из минерального источника; в ламско-буддийском значении под аршаном разумеется святая вода, употребляемая при богослужении. У вылепленной фигуры большой выпуклый живот, тоненькие руки и ноги, голова на тонкой шее. Вовнутрь живота вложены изображения разных органов человеческого тела, иногда они помещаются рядом. Все это положено на особый поднос и окружено магическим треугольником, называемым «йони» и покрыто черным большим платом. В таком виде все это выносится в центр круга цама. В цаме, поставленном в Улан-Баторе, этот поднос с линга выносили из главной юрты Барун-Орго и помещали перед жертвами чжахар и сор в течение последней пляски. В другом цаме, в монастыре Маньчжурши-хит линга ставился в самом центре круга, там, где плясал в маске великий ша-наг. В это время происходило богослуже-

ние, которое так и называли «линга». Богослужение состоит из произнесения многочисленных заклинаний против врага веры, длительной пляски ша-нагов (черных шапок), в конце которой великий ша-наг ударом магического трехгранного кинжала рассекал крестообразно круглый живот линга, т.е. убивал врага.

Традиционное толкование этого акта связано с историческим фактом, а именно с убийством тибетского царя Ландармы (IX в.), гонителя буддизма. Согласно легенде, основанной на факте, Ландарма был убит ламой-отшельником, спрятавшим стрелу и лук в широкие рукава своей черной одежды, что позволило ему близко подойти к царю и убить его. Когда свита бросилась преследовать ламу, тот сбросил с себя черный халат, вывернул его белой подкладкой наверх, надел и ввел в заблуждение преследователей. В память об этой хитрости великий ша-наг в цаме одет также в черный халат с длинными, широченными, висящими клином рукавами, в которых при взмахе его рук виднеется белая подкладка. Таково традиционное толкование действий великого ша-нага.

Итак, исходя из всех приведенных примеров связи между древними, первобытными религиями и установлением ламаистского цама, следует отметить, что заимствование символов одной религии другой часто сопровождается изменением содержания данного символа.

В заключение можно сказать, что это только предварительные соображения; исследование истории создания ламаистского пантеона еще далеко не закончено и недостаточно изучено, в частности, и создание цама. Почти каждый путешественник по Тибету и по Монголии сообщает об этом любопытном религиозном явлении, но подробного объяснения всего цама до сих пор еще не появлялось.

Литература

1. Барадийн Б., Цам-Миларайбы, – «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», СПб., 1909.

2. Дамдинсурэн Ц., Исторические корни Гэсэриад, М.-Л., 1958.
3. Позднеев А.М., Очерки быта будд"йских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, СПб., 1887.
4. Поппе Н.Н., Описание шаманских рукописей Института востоковедения, – ЗИВАН, т.I, Л., 1933.
5. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы, – «Записки по отделению этнографии», т.X, вып.2, СПб., 1887.
6. Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т.I, кн. 1, М.-Л., 1952.
7. Шастина Н.П., Религиозная мистерия цам в монастыре Дзун-Курэ, – журн. «Современная Монголия», 1935, № 1 (8).
8. Forman W. und Kintschen B., Lamaistische Tanzmasken. Der Erlik-Tsam in der Mongolei, Leipzig, [1967].
9. Histoire Sēcrete des Mongols ouevres posthumes de Paul Pelliot, vol.I, Paris, 1949.
10. Mostaert A., Note sur le culte de Vicillard blanc chez le Ordos, – «Studia altaica», Wiesbaden, 1957.
11. Kintschen B., Schamanische Geister der Gebrige dörben qgula-yin ejed in Ugraer Pantomimen, – «Acta Ethnographica», t. VI, f. 3-4, Budapest.
12. Waddell L.A., The Buddhisme of Tibet or Lamaism, London, 1895.

Библиографические сокращения

ЗИВАН – "Записки Института востоковедения АН СССР".

З.В. Шевернина

О СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование способов выражения языковой модальности в монгольском языке сводится обычно к выявлению в системе глаголов двух наклонений: изъявительного и повелительно-желательного и описанию некоторых интонационных схем, главным образом повествовательных, повелительных и вопросительных предложений. В различных грамматиках и статьях можно найти разрозненные сведения о передаче отдельных модальных оттенков, однако систематизации средств выражения существующих в монгольском языке модальных значений с возможной градацией степени каждого из них, пока не имеется.

В советской монголоведной литературе принято выделять два наклонения: изъявительное и повелительно-желательное. Тем не менее вопрос о количестве наклонений в современном монгольском языке нельзя считать окончательно решенным потому, что еще нет единого мнения относительно этого: в работах русских монголистов встречаются указания и на другие наклонения [1, 84, 88], в работах же монгольских ученых можно обнаружить большее число наклонений [4, 115-116; 5, 85-88]: изъявительное, повелительное, желательное, наклонение опасения и условное. Кроме того, недостаточно исследованы финитные аналитические образования, среди которых могут быть сформировавшиеся наклонения.

Изъявительное наклонение устанавливается на основании четырех временных агглютинативных формантов, присоединяемых к основе глагола: *-в, -лаа, -жээ/-чээ* для прошедшего времени и *-на* для настоящего и будущего. Общепризнанно, что эти синтетические формы констатируют факт реализации действия в настоящем, прошедшем или будущем времени. Ими, как правило, исчерпывается приводимая в исследованиях парадигма форм изъявительного наклонения. Большинство аналитических образований, имеющих в своем составе эти временные форманты, остается за пределами рассмотрения в плане модальности. Их место в системе глагола до сих пор не определено.

Иногда в исследованиях по монгольским языкам наряду с указанными наклонениями наделяются модальными значениями или выделяются как самостоятельные наклонения формы некоторых обстоятельственных деепричастий, в частности условного и уступительного. Но, обращаясь к формам обстоятельственных деепричастий, исследователи проявляют непоследовательность: к наклонениям относят формы функционально и позиционно различные – срединные и конечные, или формы зависимой и независимой предикации. Кроме морфологического и смыслового признаков при выделении наклонений необходимо учитывать еще один, чрезвычайно важный признак – синтаксический. Сравниваемые формы надо брать в одной и той же синтаксической позиции – независимого (конечного) сказуемого. Именно финитные формы глагола представляют действие в плане соответствия действительности. Следовательно, наклонения должны последовательно устанавливаться прежде всего из форм конечного сказуемого, противопоставленных по модальным значениям.

Обстоятельственные же деепричастия являются срединными формами, служащими для выражения смысловых (условных, уступительных, временных и др.) отношений между частями одного сложного предложения. Сами по себе эти деепричастия не обладают в монгольском языке ни значе-

нием времени, ни значением модальности. Так, условное деепричастие на *-бал/-вал* содержит только значение условия и может сочетаться с формами разных наклонений финитного сказуемого. Его наличие служит лишь формальным признаком условных предложений, говорит о том, что глагол в форме условного деепричастия выражает условие совершения другого действия, но не устанавливает конкретных модальных отношений между условием и следствием. Эти соотношения определяются в основном формой конечного сказуемого, а не условным деепричастием. Таким образом, условное деепричастие не следует считать формой условного наклонения. По тем же основаниям нельзя признать формами особых наклонений и другие обстоятельственные деепричастия.

Но с агглютинативными суффиксами связана только часть модальных значений. Значительная часть их (как впрочем и видовых, и временных) выражается аналитически. При рассмотрении аналитических глагольных образований обращает на себя внимание тот факт, что для передачи некоторых видовых, временных и модальных значений в монгольском языке нет особых средств, а используются уже имеющиеся деепричастия и причастия, различным образом комбинирующиеся как между собой, так и с финитными формами. Выделимость и самостоятельность глагольных форм, входящих в такие аналитические образования, возможность различных сочетаний одного и того же компонента и, следовательно, участие его в передаче разных значений привели к тому, что рассмотрение аналитических форм и конструкций ограничивается только описанием составляющих их компонентов и их значений, но не охватывает грамматического значения образования как целого. Тенденция рассматривать глагольные формы исключительно под углом зрения временных значений не способствует выявлению видовых и модальных значений. В результате в монголоведных работах аналитические образования рассматриваются то как формы сложных времен, то как синтаксические словосочетания, формы составного ска-

зуемого. Попутно следует заметить, что аналитические глагольные конструкции монгольского языка сравнительно мало исследовались с точки зрения их значений и места в языке и еще меньше в плане их отношения к слову как части речи и их роли в структуре предложения. Эти сложные и важные не только для монголистики, но и в общеязыковедческом отношении вопросы еще ждут своего решения.

А между тем, как показывают факты языка, некоторые из аналитических глагольных сочетаний довольно устойчивы. Можно выделить устоявшиеся аналитические формы, а также устойчивые грамматические конструкции, выражающие разные, в том числе и модальные, значения.

В данной статье будут кратко рассмотрены два сочетания со связкой, выделяющиеся среди других значением и употреблением, а именно: сочетание будущего причастия на *-х* смыслового глагола со связками: *билээ* (форма на *-х билээ*) и *сан* (форма на *-х сан*).

Эти сочетания встречаются в примерах в работах по монгольским языкам [7, 81; 1, 96, 154], но при этом, как правило, дается только одно их значение, другие же возможные грамматические значения, употребление и место этих сочетаний в системе глагола остаются неисследованными. Где и в каких значениях употребляются эти сочетания?

Связка *билээ* в современном языке представляет собой застывшую форму прошедшего времени на *-лаа/-лээ* от старописьменного глагола бытия *bükü*. Лексическое и временное значения этой связки значительно ослабли, но вместе с тем происходит интенсивное видоизменение ее в модальном отношении.

Значение сочетания будущего причастия с *билээ* (форма *-х билээ*) не равняется сумме значений его членов (это не будущее в прошедшем), а возникает как новое из взаимодействия обоих компонентов. Комплекс *-х билээ* представляет собой семантически и грамматически неразложимое единство, аналитическую форму с самостоятельным грамматическим значением – не временным, а модальным.

Эта форма употребляется в конечном сказуемом предложений, содержащих недоуменный вопрос, т.е. передающих удивление, сомнение говорящего относительно совершения какого-либо действия, размышление о себе, другом лице или каком-то событии. Примеры: (1) *Би энэ хоосон хөөхүүрээр юу хийх билээ?* (МА , 13) 'Что мне делать с этим пустым бурдюком?'; (2) *Эмч тэдний сэтгэлийг хэрхэн тайвшруулах билээ гэхдээ...* (Туяа, 1959, № 3, 6) '«Как же их успокоить?» – сказал врач...', (3) *Би хүүдээ нэр өгөх ёстой...Тэгээд ямар нэр өгөх билээ гэж...* (Цог. 1961, № 5, 56) 'Я должен дать имя своему сыну... Какое же имя ему дать?'; (4) *Олон жил хамт ханилсан хатан минь юунд худал хэлэх билээ* (ААЗЭ, 9) 'Зачем бы моя жена, с которой я прожил много лет, сказала неправду?'

Подобные предложения являются вопросительными, но они выражают проблематичный вопрос, различно эмоционально и экспрессивно окрашенный, который, как правило, не требует ответа. При этом могут передаваться модальные оттенки возможности, необходимости, долженствования и др., которые конкретизируются имеющимся в предложении вопросительным словом.

Рассматриваемая форма *-х билээ* используется в предложениях, представляющих собой риторический вопрос: (5) *Бид хүүхдүүд болсон хойнодоо хуримын хишиг иднэ гэхээс өөр юу мэдэх билээ* (Туяа, 1958, № 1, 5) 'Что знали мы, дети, кроме того, что на свадьбе нам перепадут сладости? (6) *Ажилчин тариачин ард түмний тухай бичиж байгаа энэ хүн яаж баян байх билээ* (Туяа, 1960, № 20, 4) 'Разве может быть богатым человек, который пишет про простых крестьян и рабочих?'; (7) *Юу зүгээр гэж дээ. Хэн зөв зүгээр байтлаа уйлах билээ* (Цог, 1964, № 5, 15) 'Говоришь, что все хорошо. А кто же плачет, если все очень хорошо?'.

В таких примерах данная форма не имеет в своем составе отрицания, но по смыслу все предложения являются отрицательными, и выражаемые модальные оттенки понимаются в негативном плане. И в этих предложениях большую роль в

дифференциации модальных оттенков возможности, необходимости играют вопросительные местоимения и наречия.

Следует отметить, что в живом разговорном языке в риторическом и проблематичном вопросах будущее причастие может заменяться многократным и настоящим причастиями. Примеры: (8) *Энэ ширүүн бороотой гүн шөнөхэн ирдэг билээ* (Цог, 1955, № 6, 14) 'Кто же это ходит в такую ненастную глухую полночь?'; (9) *Ингэхэд чи хайчих гэж яваа билээ гэж асуухад...* (СУЗ, 3.IX. 1959) 'Ну и куда бы ты пошел [учиться]?'. В этих случаях конкретное модальное значение глагольной формы обусловливается исключительно контекстом.

Очень часто можно найти форму *-х билээ* в сложных предложениях с условным деепричастием. Как уже говорилось, наличие условного деепричастия указывает на условно-следственную связь частей сложного предложения. Анализ предложений с условным деепричастием показывает, что существует зависимость между значением нереальности отношений условия и следствия и употреблением рассматриваемой здесь формы. А именно: форма на *-х билээ* в сказуемом выражает нереальный тип условно-следственной связи, более того, форма на *-х билээ* является главным признаком значения нереальности в сложном условном предложении. Примеры: (10) *Хэрэв усанд орохдоо малгайгаа авбал хиймэл үс нь хийсчунах билээ* (Туяа, 1960, № 2, 4) 'Если бы при купании он снял фуражку, его парик свалился бы'; (11) *Намхай муу авааг үйсэн бол манай анги зуун хувийн дүнтэй гарах билээ* (Цог, 1954, № 5, 10) 'Если бы Намхай не получил плохую отметку, наш класс имел бы стопроцентную успеваемость'; (12) *Хэрэв Архангай аймаг нас гүйцсэг ба мялх малыг арчилж хамгаалахын төлөө Өмнөговь аймгийнхантай адилаар тэмцэж ажилласан байвал Архангай аймагт 135 000 малыг гарздуулахгүй байх билээ* (ИҮ, 53) 'Если бы в Архангайском аймаке работали и ухаживали за взрослым скотом и молодняком так же, как в Южногобийском, то Архангайский аймак не потерял бы 135 000 голов скота'.

Судя по собранному материалу, форма на *-х билээ* чаще всего употребляется тогда, когда речь идет о действиях, возможных, но не реализующихся в данном случае. Назначение формы на *-х билээ* – указать на то, что действие существует лишь как предполагаемое, а не как факт действительности. Поскольку реальность действия-следствия отрицается самой формой конечного сказуемого, то и действие-условие не может быть понято как реализованное, осуществленное.

Нередко главная часть сложного условного предложения представляет собой риторический вопрос, который усиливает нереальность высказанного условия. Примеры: (13) *Тэр надад сэтгэлтэй дуртай хэвээрээ байсан бол миний зөвшөөрөлгүйгээр бага хатан юунд авах билээ* (УСТ, 1946, 72) 'Если бы он по-прежнему любил меня, разве он взял бы вторую жену без моего согласия?'; (14) *Клуб, улаан булангий ажил ихэвчлэн эрхлэгчээс шалтгаалах боловч бас идэвхтний өргөн оролцоогүй туслалцаагүй бол ганц эрхлэгч хичнээн ажил бүтээж амжуулах билээ дээ* (Соёл, 1960, № 2, 9) 'Хотя работа клуба, красного уголка в большой степени зависит от заведующего, но много ли сможет сделать один заведующий без помощи и широкого участия активистов?'

Как видно, о значении формы на *-х билээ* можно говорить в соответствии с использованием ее в простых и сложных предложениях.

В простых предложениях, представляюших собой проблематичный или риторический вопросы, она выражает частные модальные оттенки, и употребление ее не связывается о обязательным указанием на факт совершения действия.

В сложных условных предложениях с формой на *-х билээ* связано выражение значения обусловленной нереальности. Здесь наиболее четко проявляется ее общее значение нереализующегося действия. Очевидно, что по своей семантике форма на *-х билээ* не может рассматриваться как форма изъявительной модальности.

Грамматическое и лексическое единство наблюдается в современном языке и в сочетании будущего причастия на *-х* со связкой *сан*. Появление этой формы связано с общим процессом развития причастных образований в системе финитных глагольных форм монгольского языка: отпадением связок настоящего времени, фонетической и семантической эволюцией глаголов бытия и становления, переосмыслением их в модальном отношении.

Связка сан восходит к причастию прошедшего времени на *-сан* глагола бытия *аху – агсан*. Сам глагол *аху* почти вышел из употребления, сохранив лишь некоторые свои формы. Его форма прошедшего причастия *агсан* трансформировалась и сейчас выглядит только как формант причастия – *-сан* (по традиции *сан* называется здесь связкой). У Б.Я. Владимирцова есть замечание о фонетической эволюции подобных форм [3, 419]. Несомненно, что одновременно с сокращением фонемного состава или как следствие его меняются и семантика, и свойства формы. В статье «О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков)» Т.А. Бертагаев затронул проблемы, связанные с данной и некоторыми другими преобразованными формами и частицами (бур. *ha*, *бза*, *han* и др.) [2, 86-100; 1, 154]. Отмечая неравномерность сочетаний указанных форм с причастиями и их различные функции при именах и глаголах, Т.А. Бертагаев называет их частицами-суффиксами. Действительно, здесь мы сталкиваемся с очень сложным и любопытным явлением, но, очевидно, *сан* все-таки нельзя окончательно и безоговорочно отнести только к частицам и рассматривать в одной группе с такими частицами монгольского языка, как *ч*, *л*, *даа*, *вэ* и др. [6, 225-232].

Различные функции *сан* в современном языке происходят от бифункциональности глаголов бытия и становления в среднемонгольском языке. Но развитие этой формы в каждой из этих функций (связочной и вспомогательной), так же как и в конкретных сочетаниях, происходит неодинаково, и поэтому в отношении подобных форм, может быть, правиль-

нее говорить о развивающейся или развившейся омонимии.

При определенной дистрибуции развитие сан идет, по всей видимости, к превращению в морфологический формант. Примером тому является рассматриваемая форма *-х сан*, где сан эволюционирует в агглютинативный формообразующий суффикс. Об этом свидетельствует почти регулярная его просодическая несамостоятельность и изменение по гармонии гласных. Участившиеся случаи слитного написания (это будет хорошо видно в примерах ниже) также говорят о том, что эта форма все больше осознается носителями языка как одно целое. Таким образом, из аналитической форма на *-х сан* имеет тенденцию превратиться в синтетическую.

Форма на *-х сан* употребляется в конечном сказуемом при выражении желания (как осуществимого, так и неосуществимого) и пожелания. Примеры: (15) *Бор гуай, та яагаад ийм их хатуужилтай болов оо? Би тан шиг болохсон* (Туяа, 1960, № 29, 28) 'Дядя Бор, как вы стали таким закаленным? Мне бы стать таким как вы!'; (16) *Танай Мядагаас төрсон үрийг авахсан гэж өвгөн бид хоёр их боддог юм* (Ц. Дамд., 165) 'Мы со стариком много думали о том, чтобы усыновить ребенка (букв. 'взять бы ребенка'), родившегося у вашей Мядаг'; (17) *Удахгүй үүр цайна, чи минь хэвтэж амрахсан даа* (Эх, 16) 'Скоро светать будет, лег бы ты, уснул!'.

Такие предложения встречаются чаще всего в составе прямой речи и в структурном отношении часто характеризуются отсутствием подлежащего – местоимения.

Используется *-х сан* и при выражении предполагаемых действий: (18) *Та минь намайг хараач, таны алтан амийг аварснаар барахгүй үхэж байгаа ирвэсийн саврууд өртөгдөж нүүрийнхээ арьсыг буулгуулсан минь энэ гээд, салхи бороонд эвдэрч элэгдсэн уулын гуу мэт сориотой нүүрээ заасхан* (Туяа, 1958, № 6, 15) '«Посмотрите на меня, это для спасения вашей жизни я бросился на умирающего барса, и он разодрал мое лицо», – сказал бы он и показал бы на свое лицо, обезображенное глубоким шрамом'.

Сан может комбинироваться с именной связкой *юм — юмсан*, и сочетание будущего причастия с юмсан имеет те же значения, что и с *сан:* желания и предположения. Но в этом случае *сан* уже не подвергается гармонии гласных и *юмсан* никогда не пишется слитно с будущим причастием. Примеры: (19) *Цэндогийн нимгэн улаан уруулыг олон удаа шохоорхон харж үнэсчих юмсан гэж боддог...* (Цог, 1955, № 6, 35) 'Я поглядывал на алые губы Цэндоо и думал: «Поцеловать бы их...»'; (20) *Нас минь багас цус минь шингэн-болоосой энэ их хэрэгт чинь биеэрээ явах юмсан* (П. Хор., 82) 'Будь я моложе да покрепче, принял бы участие в этом великом деле'.

Если будущее причастие употребляется с отрицанием *гүй*, то все предложение выражает желание, чтобы данное действие не осуществилось, или же действие, которое вызывает (у говорящего) опасение. Примеры: (21) *Эмгэн хийж байгаа юмаа оролдон нэгэв таван хушуугаа хазгай оехгүй юмсан гэж хичээж байгаа бололтой...* (Туяа, 1958, № 1, 5) 'Старуха, занятая своим делом, немного помолчала, стараясь не пришить криво пятиконечную звезду...' (букв. 'стараясь как бы не пришить криво'); (22) *Би түүнийг шахахгүй юмсан гэж суудлаа байн байн засаж явлаа* (Соёл, 1960, № 2, 58) 'Я то и дело ерзал на своем сиденьи, боясь, что стесняю ее (девушку)' (букв. 'боясь как бы не нажать на нее').

Форма на *-х сан* часто употребляется в сложных условных предложениях. Можно даже сказать, что в них она успешно конкурирует с формой на *-х билээ*. Это объясняется, по-видимому, тем, что форма на *-х сан* в отличие от формы на *-х билээ* имеет более широкий круг значений, передающих нереальность: она может выражать как действия, заведомо противоречащие действительности, а потому являющиеся неосуществимыми, невозможными, так и действия, в действительности возможные, но не реализованные в данных условиях. Примеры: (23) *Аав минь одоо хүртэл амьд явсан бол яг л Лувсан гуай шиг...өвгөн байх сан* (УЗЦ, 1956, 52) 'Если бы мой отец был жив сейчас, он был бы такой же старик, как

Лувсан-гуай'; (24) *Бас хүүгээ сайн малч ажилч болгон хүмүүжүүлбэл эцэстээ төрд тустай түмэнд ашигтай хүн болох сан гэж санана* (Д. Цэв., 63) 'Если бы воспитать своего сына хорошим тружеником-скотоводом, он стал бы полезным для народа, для государства человеком'. Наличие этих форм в финитном сказуемом есть важнейший формальный признак условного предложения нереального типа. Таким образом формы на *-х билээ* и на *-х сан* выступают как специальные обязательные средства выражения нереальности.

В условных предложениях вариантом формы *-х сан* часто выступает форма *-х байсан*. Морфологическое изменение не влечет за собой никаких грамматических различий. Иногда в контексте у формы на *-х байсан* может сильнее ощущаться оттенок долженствования. Примеры: (25) *Таныг байгаагүй бол энэ маань шинэж үхэх байсан шүү* (Шог, 1946, 43) 'Если бы не вы, она ведь утонула бы'; (26) *Тариа хэрэв хэлтэйсэн бол инэж хэлэх байсан гэж бодлоо би* (УЗУ, 4.IX.1970) 'Если бы зерно умело говорить, оно сказало бы так...'

Как видно, форма на *-х сан/юмсан* в простых предложениях употребляется со значением желания, пожелания, предположения, опасения; в условных предложениях *-х сан/байсан* используется при передаче нереальности отношений условия-следствия. Вполне очевидно, что все эти значения выводят форму *-х сан* за пределы изъявительного наклонения.

Можно отметить важную структурную особенность условных предложений с формами *-х билээ* и *-х сан* в качестве финитных. Употребление этих форм в аподозисе обусловливает, как правило, употребление прошедшего причастия в протазисе независимо от времени предполагаемых действий (см. примеры 12, 13, 21, 26).

Отсутствие строгой временной отнесенности — отличительный признак не только сложных предложений нереального типа, но и простых предложений с формами на *-х билээ, -х сан*. Временной план таких предложений выявляется из кон-

текста. Это связано с временной индифферентностью самих форм (выражаемое ими действие может относиться к любому временному плану), которая в свою очередь обусловливается, по-видимому, значением нереальности, присущим этим формам.

Но иногда в прямой речи произведений, язык которых близок разговорному, в том случае, когда высказываемое условие относится непосредственно к моменту сообщения или к настоящему времени, прошедшее причастие в деепричастном обороте может заменяться настоящим. Тогда временной план всего предложения уточняется благодаря именно этому причастию. Примеры: (27) *Ойрхон байгаа бол надад туслах сан* (П. Хор., 97) 'Если он был близко [сейчас], он помог бы мне'; (28) ...*хэрэв Бадарчтайгаа хамт ажиллаж байгаа бол улам илүү ажилттай сайн нэр дуулах сан гэж...* (Туяа, 1958, № 5, 13) '...Если бы работали [сейчас] вместе с Бадарчи, успехи были бы еще лучше, прославились бы'.

Итак, в случаях сочетаний будущего причастия с *билээ* и *сан (юмсан, байсан)* образуются морфологические формы, предназначенные для выражения различных модальных оттенков действия: размышления, недоумения, волюнтативности, кондиционалиса. Эти аналитические формы характеризуются тем, что сообщают о действии безотносительно к факту его осуществления. Различаясь в выражении частных модальных значений, они объединяются общим инвариантным значением – отсутствием прямого соответствия содержания высказываемого действительности.

Единство морфологического и семантического признаков дает основания говорить о существовании в современном монгольском языке еще одного сформировавшегося наклонения. Таким образом, формы на *-х билээ, -х сан (юмсан, байсан)* можно выделить из числа финитных глагольных форм в самостоятельное наклонение, которое мы здесь называем сослагательным.

Литература

1. Бертагаев Т.А., Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение, М., 1964.
2. Бертагаев Т.А., О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков), – сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961.
3. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
4. Лувсанвандан Ш., Дэмчигдорж Б., Монгол хэлний зүй, д. I, Улаанбаатар, 1951.
5. Лувсанвандан Ш., Монгол хэлний зүйн сурах бичиг, тэргүүн дэвтэр, Улаанбаатар, 1956.
6. Орчин цагийн монгол хэл зүй, Улаанбаатар, 1966.
7. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963.

Условные сокращения

ААЗЭ	– Ардын аман зохиолын эмхэтгэл, Улаанбаатар, 1956.
Д.Цэв.	– Д.Цэвэгмид, Зохиолын түүвэр, Улаанбаатар, 1956.
ИҮ	– Мал ба хөдөө аж ахуйн сайчуулын гуравдугаар зөвлөлгөө дээр хийсэн илтгэл ба үгнүүд, Улаанбаатар, 1948.
МА	– Монгол ардын үлгэр, Улаанбаатар, 1957.
П.Хор.	– П.Хорлоо, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1948.
Соёл	– Журн. «Соёл».
СУЗ	– Газ. «Соёл утга зохиол».
Туяа	– Журн. «Туяа».
Ц.Дамд.	–Ц.Дамдинсүрэн, Түүвэр зохиол, Улаанбаатар, 1956.
УЗУ	– Газ. «Утга зохиол урлаг».
УЗЦ	– Уран зохиолын цоморлиг, Улаанбаатар.
УСТ	– Уран сайханчуудад тусламж, Улаанбаатар.
Цог	– Журн. «Цог».
Эх	– М.Горький, Эх, Улаанбаатар, 1952.

З. В. Шевернина

РЕДУПЛИКАЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Повтор, или редупликация, в монгольских языках признается не стилистическим приемом, а грамматическим способом передачи определенных значений. Как отмечают исследователи [4, 122; 1, 16-17], с ним связано усиление значения слова, т.е. привнесение, главным образом, количественных изменений.

В монгольском языке встречается удвоение многих частей речи: существительных, прилагательных, глаголов. Наименее исследованными являются глагольные повторы, хотя по количеству и разнообразию структур они, пожалуй, превосходят повторы других частей речи.

Специальному разбору глагольные редупликаты в русской монголоведной литературе не подвергались. Чаще всего в качестве примера редупликации глаголов приводится повтор типа *яв явсаар* – основа глагола + форма продолжительного деепричастия того же глагола (букв. 'иди, продолжая идти') и повтор формы соединительного деепричастия однокоренного глагола – *явж явж* (букв. 'идя идя').

В грамматиках монгольских ученых повторы (всего пять типов) приводятся или в разделе о глагольных видах, или в разделе деепричастий [2, 97; 3, 165, 167, 171]. Редупликаты рассматриваются здесь как синтаксическое средство выражения категории вида, и указывается, какой вид выражается каждым определенным повтором.

Однако указанными редупликатами не исчерпываются все повторы монгольского языка. В действительности обнаруживается довольно большое число повторов различных глагольных форм, которые можно объединить в определенные структурные группы. В данной статье делается попытка выявить имеющиеся повторы глагольных форм, определить значение деепричастных редупликатов и сгруппировать их.

Глагольные повторы состоят из двух членов (компонентов), от форм которых зависит значение всего редупликата. В монгольском языке удвоению подвергаются все сопутствующие деепричастия: соединительное (*-ж*), разделительное (*-аад*), слитное (*-н*), а также продолжительное (*-саар*), т.е. деепричастия, выступающие в роли срединных сказуемых.

В монгольском языке, как известно, последнее, конечное, сказуемое законченного предложения употребляется в формах повелительно-желательного наклонения, в простых и аналитических формах изъявительного наклонения и в формах причастий. Остальные же сказуемые имеют отличную от конечного сказуемого форму. Срединные сказуемые, а именно: сказуемые сложносочиненного предложения и однородные глагольные сказуемые имеют форму соединительного, разделительного, слитного и продолжительного деепричастий, т.е. всегда имеют стереотипную деепричастную форму, которая не принимает временны́х и, как правило, видовых показателей, свойственных конечным сказуемым. Именно в срединном сказуемом и встречаются обычно различные формы редупликатов.

Исходя из форм компонентов редупликата, можно выделить два типа повторов: тождественный и нетождественный.

Тождественный повтор – удвоение какой-нибудь формы деепричастия одного и того же глагола. Нетождественный повтор – сочетание различных деепричастных форм того же (однокоренного) глагола.

Значения, передаваемые всеми разновидностями повторов, весьма своеобразны и трудны для перевода. Семантиче-

ские различия между отдельными редупликатами проявляются иногда лишь в оттенках. В этой статье повторы рассматриваются по структурным типам, а внутри их редупликаты расположены по близости значений.

I. Тождественный повтор

1) Повтор соединительного деепричастия *Ж+Ж*.

Редупликация формы соединительного деепричастия (*явж явж* букв. 'идя идя') – одна из самых распространенных. Она выражает продолжительную, непрерывную длительность действия. На русский часто переводится глаголами с наречием «долго» или различными другими средствами. Примеры: *Жалмаа үзэж ...өрөөн өнцөгт нь хэдэн үг ташуулан бичээд...* (Туяа, 4, 59,8) 'Жалма долго рассматривала (букв. смотря смотря) [записку], потом написала на одном ее углу несколько слов...'; *...өнөөх бадарчныг баривчлан аваачаад, банздаж банздаж гадна гаргаж хаяв* (ШУ, 1946, 12-13, 88) '...схватили того бадарчина, долго били, а затем выбросили на улицу'; *Үүнийг зүйтэй, зүйгүй гэж маргаж маргаж...* (Туяа, 1955, № 4, 14) 'Мы долго спорили о положительных и отрицательных сторонах этого дела...'.

2) Повтор слитного деепричастия *Н+Н*.

Редупликация слитного деепричастия (*яван яван* букв. 'идя идя') указывает на повторяемость действия. Во многих случаях этот повтор может иметь такой смысл: каждое из повторяющихся действий связывается с другим последующим действием, например: *эргэн эргэн харав* букв. 'оглядывался, оглядывался и смотрел', т.е. каждый раз, когда оглядывался, смотрел (все оглядывался и смотрел). Примеры: *Санан санан хүсэмжлэх тутам машины дуу улам бүр ойртоно* (Д.Т., 15) 'Чем больше он думал (букв. думая думая), тем сильнее становилось его желание, и тогда шум автомобиля казался [ему] совсем близким'; *Автобус, ачааны, суудлын машинтай, мотоцикл, дугуйтай улс нэмэн нэмэн ирсээр байв* (СУЗ, 13.IV.1959)

'На автобусах, грузовых и легковых машинах, мотоциклах, велосипедах люди все прибывали и прибывали'; *Минжгээгийн араас зөөхөн гэзгий нь харангуутаа л хүн эргэн эргэн харжаар* (Цог, 1968, № 3, 73) 'Каждый, только увидев косы Минжгээ, много раз оглянулся бы на них'.

3) Повтор продолжительного деепричастия *САЖ+САЖ*.

Удвоение продолжительного деепричастия (*явсаар явсаар* букв. 'продолжая идти, продолжая идти') указывает на многократность, частую повторяемость действия; эти много раз повторяющиеся действия в представлении сливаются как бы в одно долго длящееся действие. Смысл этого повтора по-русски можно приблизительно передать словами 'продолжая много раз делать что-то', 'все продолжая', 'часто ', 'много'. Примеры:

Сурсаар сурсаар эрдэмтэн болдог
Сувилсаар сувилсаар анагаачин болдог
Зөрсөөр зөрсөөр этгээд болдог
Зөвлөсөөр зөвлөсөөр цэцэн болдог (МХЗ, I, 127)
'Продолжая много учиться, учеными становятся.
Часто ухаживая за больными, лекарями становятся.
Много раз не соглашаясь, недругами становятся.
Много раз советуясь, мудрыми становятся'.

Яръсаар яръсаар яваад хамгийн сүүлд...гэв (Цог, 1955, № 6, 50)
'Так мы шли, продолжая разговаривать, и наконец я сказал...'.

4) Повтор разделительного деепричастия *ААД+ААД*.

Удвоение разделительного деепричастия (*яваад яваад* букв. 'ушедши ушедши') также выражает повторность, многократность действия. По-русски это значение передается тоже повторением глагола, например, «делал-делал». Примеры: *Мэлхий дэвхрээд дэвхрээд намгаас холдохгүй. Мэхт хүн залилаад залилаад гутамшгаас зайлахгүй* (посл.) 'Лягушка прыгает, прыгает (букв. попрыгав попрыгав), но от болота не

удаляется. Хитрый человек обманывает, обманывает, но от позора не уйдет'; ...*худлаас гараад ирвэл ... хувцас ч байдаггүй гэнэ. Хавь ойр эрээд эрээд олсонгүй* (S. f., 13) '...вылез из колодца, а одежды нет. Искал-искал кругом – не нашел'.

II. Нетождественный повтор

5) Повтор из основы глагола и продолжительного деепричастия *ЯВ ЯВСААР*

Как говорилось выше, данный повтор форм однокоренного глагола (*яв явсаар* 'иди ушедши') часто приводится в качестве примера повторов глагольных форм, в действительности же он употребляется не чаще других повторов и имеет, повидимому, даже более ограниченную сферу распространения.

Ш. Лувсанвандан определяет значение этого повтора как «беспрерывно-длительный вид» [2, 96]. Более точное определение дает Т.А. Бертагаев: «...значение последовательности и методической настойчивости выполнения действия; *яба ябаваар ябаба* 'шел упорно, напролом, без остановок'» [1, 177].

Действительно, повтор основы и продолжительного деепричастия этого же глагола выражает не столько непрерывность, сколько последовательность, постепенное развитие действия, которое может идти и непрерывно, и с перерывами. Примеры: ...*одоо малгай чинь муудсан байна, өвлийн малгай ав! Дараа сард гутал ав. Инээж ав явсаар бүх юмаа жигдрүүлдэг юм.* (Туяа, 1959, № 1, 25) '... у тебя шапка уже плохая стала, купи себе зимнюю шапку. В следующем месяце купи гутулы. Так постепенно покупая (букв. возьми продолжая брать) приобретают все вещи'; *Гуа охин яв явсаар маргааш үдийн дүн халуунаар нэг хадан цохионы номөрт очоод...* (ААЗЭ, 111) 'Красавица шла-шла и на следующий день в полдень подошла...'. *Уйл уйлсаар хүн болдог – майл майлсаар мал болдог* (посл.) '[Ребенок] плачет-плачет и человеком становится – [ягненок] блеет-блеет и скотиной становится'.

На русский язык повтор переводится по-разному: повторением глагола, с наречием «постепенно» и т.д.

6) Повтор из слитного и продолжительного деепричастия однокоренного глагола *Н + СААР*

Данный повтор (*яван явсаар* 'идя, продолжая идти') передает длительность, большей частью непрерывность, и главное, интенсивный характер протекания действия. Здесь подчеркивается именно интенсивность действия, которую очень трудно перевести на русский язык. Можно приблизительно перевести как «все делал и делал», а также глаголами с соответствующими по смыслу наречиями: «очень», «сильно» и др. Примеры: *Өнчин хоцорсон хурга хайчихаа мэдэхгүй майлан майлсаар явна* (Цог, 1961, № 5, 91) 'Осиротевший ягненок, не зная куда деваться, идет и (сильно)блеет' (букв. 'блея, продолжая блеять'); *Тэгээд ачит мастер сургагч нартаа хэлж оролдон оролдсоор тэр машиныг гаргасан чинь...* (Туяа, 1955, № 4, 14) 'Потом я рассказал [об этом] своим мастеру и инструктору, [мы все] очень старались и сделали эту машину'; *...самрын идтэл тэр сайдын хамар чих улам улам бага болон болсоор хуучин байдалд орсон...* (МХЗ, I, 136) '...как только министр съел орех, его нос и уши стали все уменьшаться и [наконец] сделались такими, какими были раньше'.

7) Повтор из соединительного и продолжительного деепричастий однокоренного глагола *Ж + СААР*

Данный повтор (*явж явсаар* букв. 'идя, продолжая идти') очень близок по значению к предыдущему. Он также указывает на длительный и интенсивный характер протекания действия. Например: *Иньэж ноцолдож ноцолдсоор бид... хил даваад Дээд шивээ рүү очлоо.* (Цог, 1968, № 3, 136) 'Так с боями (букв. борясь, продолжая бороться) мы перешли границу и подошли к Дээд-шиве'.

8) Повтор из слитного и разделительного деепричастий однокоренного глагола *Н + ААД*

Повтор из слитного и разделительного деепричастий однокоренного глагола (*яван яваад* букв. 'идя, ушедши') ука-

зывает на многократность действия, например: *Сайр шандны усыг шавхавч барагдахгүй, сайн хүний үрийг далдлан далдлаад барагдахгүй* (ААЗЭ, 84) 'Вода Сайр-шанды, хоть ее и выкачивают, не иссякает. Дети хорошего человека, сколько их не унижай, не пропадают'.

9) Повтор из соединительного и разделительного деепричастий однокоренного глагола *Ж + ААД*

Повтор из соединительного и разделительного деепричастий (*явж яваад* букв. 'идя, ушедши') указывает на кратковременность действия, его недолгое течение. На русский переводится глаголами с наречиями «недолго», «немного». Примеры: *Би бодож бодоод сүүлээр нь ... энэ хэргийг зөвлөв* (Туяа, 1958, № 3, 46) 'Я немного подумал (букв. 'думая, подумав') и посоветовал вот что...', ...*хоёр лан мөнгө өвөрт нь хийж өгөөд уйлж уйлж байгаад сүүгээ гаргаж өгч* (МАҮ, 8) '...положила ему за пазуху два лана серебра, немного поплакала и проводила своего брата'.

Как видно из примеров, различные комбинации форм деепричастий создают богатство оттенков значений, передающих характер протекания действия; ни один из них полностью не повторяет другой. В большинстве случаев эти значения не находят грамматических соответствий в русском языке, и поэтому их своеобразие при переводе не ощущается достаточно ясно. Значения рассмотренных повторов не воспроизводятся точно другими средствами монгольского языка.

Редупликаты обладают, несомненно, экспрессией, но удвоения различных деепричастных форм предназначены прежде всего для передачи определенных значений. Эти значения в общем сводятся к выражению различной степени длительности и значения многократности, повторяемости действия . Вполне очевидно, что редупликаты в плане содержания тесно смыкаются с грамматической категорией вида, расходясь с ней, однако, в плане выражения: категория вида в монгольском языке выражается в основном аналитическими формами, состоящими из деепричастия и служебного глагола.

Деепричастные повторы не образуют парадигматических рядов, и в их значениях не прослеживаются строгие оппозиции. Рассмотренные повторы имеют «несловарный» характер, существуют на уровне предложения и позиционно ограничены пределами срединного сказуемого.

Редуплицированные деепричастия не меняют своей синтаксической роли: они выступают как одно целое, один член предложения – срединное сказуемое. Таким образом, редупликат, составляя элемент структуры предложения, одновременно выступает как средство выражения характера протекания действия. Повторы сосуществуют с основными грамматическими формами вида и входят вместе с ними в более широкое понятие аспектуальности, охватывающее различные средства ее выражения.

Литература

1. Бертагаев Т.А., О морфологическом строе бурятского языка, М., 1961.
2. Лувсанвандан Ш., Монгол хэлний зүйн сурах бичиг, Улаанбаатар, д. 1, 1956.
3. Орчин цагийн монгол хэл зүй, Улаанбаатар, 1966.
4. Санжеев Г.Д., Грамматика бурят-монгольского языка, М.-Л., 1941.

Условные сокращения

ААЗЭ	– Ардын аман зохиолын эмхэтгэл, Улаанбаатар, 1956.
Д.Т.	– Д. Тарва, Дамирангийнхан, Улаанбаатар, 1950.
МАҮ	– Монгол ардын үлгэр, Улаанбаатар, 1957.
МХЗ	– Монгол хэлний зүй, Улаанбаатар, 1951.
СУЗ	– Газ. «Соёл утга зохиол».
S.f.	– Журн. «Studia folclorica», т. 3, кн. 3, Улаанбаатар, 1961.
Цог	– Журн. «Цог».
ШУ	– Журн. «Шинжлэх ухаан».

А. М. Щербак

О ПРИЧИНАХ СТРУКТУРНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Структурно-фонетические расхождения в тюрко-монгольских лексических параллелях давно привлекают к себе внимание и тюркологов и монголистов и являются одной из основных тем традиционных споров о характере связей между тюркскими и монгольскими языками.

Эти расхождения заключаются в наличии в монгольском письменном языке "дополнительного" гласного (ср. др.-тюрк. *ab* 'охота', *är* 'мужчина', *ärk* 'сила', *bärk* 'крепкий', *boz* 'серый', *qoč* 'баран'; монг.п. *aba*, *ere*, *erke*, *berke*, *boru*, *huča*), "дополнительного" сочетания гласного с согласным (например: др.-тюрк. *küč* 'сила', *baj* 'богатый'; монг.п. *kücün*, *bajan*) или же сочетания нескольких гласных и согласных (ср. др.-тюрк. *qozï* 'ягненок'; *qïl* 'волос', 'щетина'; *täbä* 'верблюд'; *ant* 'клятва'; монг.п. *χuraγan*, *kilγasun*, *temegen*, *andaγar*).

Из всех приведенных типов расхождений наибольший интерес представляет первый, так как все другие могут иметь морфологическую природу. Так, в *χuraγan*, *temegen* выделяется некий аффикс *-γan*~*-gen*, характерный для группы слов-наименований домашних животных. Слово *kilγasun*, очевидно, включает в себя два морфологических элемента, из которых первый является таковым только в пределах тюркских языков (**qil-aq*, ср. чуваш. *χĕlĕχ* 'конский волос').

По вопросу о причине расхождений первого типа, т.е. тех, которые заключаются в наличии в монгольском письменном языке "дополнительного" гласного, существуют разные мнения.

Точка зрения Г.Рамстедта, Б.Я.Владимирцова, Н.Н.Поппе и ряда других алтаистов такова, что монгольские формы древнее тюркских, и что те и другие развились из единых тюрко-монгольских праформ с конечным гласным [19, 152-156; 1, 323-324; 9, 422-424; 13, 32-33; 17,224-225; 18, 23-25], например: др.-тюрк. *kök*, монг.п. *köke* 'голубой' (<**köke*); др.-тюрк. *ab*, монг.п. *aba* 'охота' (<**aba*). В монгольском праязыке и затем в монгольском письменном языке тюрко-монгольские праформы не претерпели существенных изменений, тогда как в тюркском праязыке был утрачен конечный гласный, и эта утрата, согласно гипотезе, выдвинутой К.Г.Менгесом, вызвала удлинение первого гласного: *kök*, *ab* и т.д. [16, 197].

Иной точки зрения придерживался В.Котвич: тюркские формы (без конечного гласного) – древнейшие, монгольские (с "дополнительным" гласным) – более поздние [15, 197]. Появление "дополнительного" гласного в монгольских формах объясняется В.Котвичем как следствие структурно-фонетической адаптации тюркских заимствований.

Третья точка зрения была высказана Г.Дёрфером [14, 14-21]. Последний различает в тюрко-монгольских параллелях рассматриваемого типа три случая: 1) когда тюркские слова оканчиваются двумя согласными или *č* (др.-тюрк. *qïlïnč* 'грех', 'проступок'; *ürk-* 'пугаться', *ärk* 'сила', *bärk* 'крепкий', *sač-* 'рассеивать', 'рассыпать'); 2) когда в конце тюркских слов выступает какой-либо шумный согласный, кроме *č* (др.-тюрк. *kök* 'голубой'; *say-* 'доить'; *jad* 'камень, вызывающий дождь'; *bölük* 'часть', 'подразделение', *čaq* 'время'); 3) когда в монгольских параллелях "дополнительный" гласный следует за сонантом (монг.п. *ere* 'мужчина', *jeme* 'падаль', *qonu-* 'ночевать').

В первом случае, по мнению Г. Дерфера, есть достаточные основания говорить о том, что "дополнительный" гласный появился в монгольском письменном языке при заимствовании тюркских слов, так как сочетание двух согласных и согласный *č* в конце слова не были ему свойственны (ср. монг. п. *kilinče, ürgü-, erke, berke*). Что же касается второго и третьего случая, то здесь, как полагает Г. Дёрфер, нельзя сослаться на своеобразие структурно-фонетических особенностей: в монгольском письменном языке конечным тюркским *q, t* и *p* соответствуют *g(q), d(t)* и *b(p)*, и для этого языка в конечной позиции вполне допустимы сонанты. Учитывая данное обстоятельство, он приходит к выводу, что в словах, подобных *köke, ajaγa, ere*, конечный гласный является не "дополнительным", а исконным, и что именно в этом фонетическом облике они были заимствованы монголами у древних тюрок.

I. Постулируемая Г. Рамстедтом первичность конечных гласных в монгольских языках и утрата их в тюркских требует серьезного обоснования. Прежде чем говорить об утрате конечных гласных, необходимо доказать, что корни с открытым типом слога в древнетюркском языке отсутствовали. Имеется большое количество тюрко-монгольских параллелей, в которых и тюркские и монгольские слова оканчиваются гласными, ср.:

др.-тюрк.		монг.п.
asra-	'воспитывать', 'заботиться'	*asara-*
elči	'посол'	*elči*
emči	'врач', 'лекарь'	*emči*
ertä	'рано'	*erte*
belgü	'признак'	*belge*
buγra	'верблюд-производитель'	*buγura*
buqa	'бык', 'бугай'	*buγa*
jaŋï	'новый'	*ǰanggi* 'новость'
jasa-	'устраивать', 'делать'	*ǰasa-*
jula	'факел'	*ǰula*

jïda	‘копье’	*ǰida*
qabïrɣa	‘ребро’	*χabirɣa*
qana-	‘кровоточить’	*χana-* ‘пускать кровь’
qara	‘черный’	*χara*
qïraɣu	‘иней’	*kiraɣu*
küsä-	‘желать’	*küse-*
kücla-	‘совершать насилие’	*kücüle-*
maqta-	‘хвалить’	*maɣta-*
olǰa	‘добыча’	*olǰa*
sana-	‘считать’	*sana-* ‘думать’
sora-	‘спрашивать’	*sura-*
tabulɣu	‘таволожник’	*tabilɣu*
tamɣa	‘печать’, ‘тавро’	*tamaɣa*
tani-	‘узнавать’	*tani-*
tïŋla-	‘слушать’	*čiŋna-*
tala-	‘грабить’	*tala-*
täbä	‘верблюд’	*temegen*
toɣa	‘шелк’	*toɣa*
törü	‘закон’	*törü*
tusu	‘польза’, ‘выгода’	*tusa*

Кроме того, можно было бы привести тюркские слова с гласным в исходе, не имеющие параллелей в монгольских языках. Кажется естественным, что утрата конечных гласных в пределах значительной группы слов не может быть избирательной или спорадической. Чем же объяснить тогда наличие в древнетюркском языке большого количества слов, оканчивающихся гласным? Н.Н. Поппе предложил считать все тюркские корневые слова с открытым вторым слогом древними заимствованиями из монгольских языков [9, 423]. В самом деле, некоторые из подобных слов – весьма вероятные или явные монголизмы, например: *ǰida* ‘копье’, *maqta-* ‘хвалить’, *olǰa* ‘добыча’. Однако абсолютное большинство их, даже с точки зрения ортодоксальных алтаистов, собственно тюркские слова или слова, относимые к общему тюркомонгольскому лексическому фонду.

II. Предположение В. Котвича о появлении дополнительных гласных на монгольской почве, в ходе структурно-фонетического освоения слов, заимствованных из тюркских языков, имеет солидную основу в виде различных фактов, наблюдаемых как в монгольском письменном языке, так и в других монгольских языках.

Хорошо известно, что монгольский письменный язык избегал сочетаний любых согласных в конце слова и сочетаний некоторых согласных в середине. Есть основания говорить также о нетипичности для ауслаута всех монгольских языков или части их, на определенном этапе развития, ряда согласных. Трудно, например, допустить, чтобы монгольское письменное *kömüldürge* 'нагрудный ремень у лошади', являющееся бесспорным заимствованием из тюркских языков, воспроизводило структурно-фонетический облик тюркской праформы, ср. др.-тюрк. *kömüldürük (kömül ~ könül* 'грудь'). В древнетюркском языке обнаруживается более десяти слов, включающих в себя аффикс *-duruq ~ -dürük*, и все они были образованы довольно поздно, о чем говорит прозрачность этимологии данного аффикса и единообразие выражаемых им значений.

В пользу предположения В. Котвича свидетельствует и такой факт, как наличие закона, устанавливающего позиционные ограничения для согласных в дунсянском языке: преобладают открытые слоги, а в конце закрытых слогов выступают преимущественно *ŋ* и *n* [11, 187]. Кстати, нечто подобное зафиксировано в дагурском языке, в котором многие слова, оканчивающиеся в других монгольских языках согласными, имеют на конце гласный [8, 116].

Наконец, нельзя оставить без внимания тенденцию к предпочтительному употреблению открытых слогов в пределах всего сибирско-дальневосточного ареала. Саларские примеры: *taši* 'внешний', *iši* 'внутренний', *pile* 'этот год', *qizili* 'красный', *ili* 'передний' [10, 17] и хотонские: *ata* 'лошадь', *beši* 'пять', *biri* 'один', *buti* 'нога', *gözä* 'глаз',

ečige 'коза', *ōzā* 'рот', *otā* 'огонь', *tilĭ* 'язык', *uju* 'бык', *üčü* 'три' [2, 274-277], независимо от того, рассматриваются ли они как формы "с местоименной притяжательной приставкой для третьего лица, подвергшейся ассимиляции предшествующими гласными основы" [2, 272] или как-нибудь иначе, должны быть связаны с проявлением этой тенденции.

Против предположения В. Котвича выступают сторонники алтайской гипотезы и некоторые противники ее. Основной аргумент тех и других – существование в монгольском письменном языке разных структурных типов слога и, следовательно, отсутствие необходимости в структурных преобразованиях заимствованных слов. По этому поводу заметим, что монгольский письменный язык не исчерпывает многообразия структурных особенностей или, точнее, структурных ограничений, проявлявшихся в масштабе всех монгольских языков и диалектов, и что в случаях, когда несомненно значительное смешение разных языков или диалектов, необходим особый подход к решению вопроса о точности проявления тех или иных фонетических или структурно-фонетических закономерностей. Когда мы встречаем в языке желтых уйгуров *qaza* 'гусь', *saqa* 'осторожный', наряду с *kök* 'голубой', *qĭz* 'девочка' [6, 49, 62, 71, 98], то это, как правило, не создает трудных ситуаций и не приводит к пересмотру традиционных взглядов на первоначальный структурный облик слов *qaz* и *saq*.

III. Гипотеза Г. Дёрфера об изначальности конечных гласных в монгольских словах типа *köke* 'голубой', *ajaγa* 'чаша', *ere* 'мужчина', которые он считает заимствованиями из тюркских языков, заслуживает самого серьезного внимания и, несомненно, поиски в этом направлении должны быть продолжены.

Все же реконструкция тюркских праформ **köke*, **ajaγa*, **ere* и т.д. сопряжена с большими трудностями. Так, ни современные, ни древние тюркские языки не дают никаких фактов, которые бы позволяли говорить об утрате в тюркских языках конечных гласных. Более того, как справедливо указывалось

некоторыми тюркологами, в тюркских языках на протяжении всего исторического периода их развития происходило чаще наращение гласных, чем их выпадение [4, 33]. Одним из источников образования "распространенных" форм являлось присоединение гласных к так называемым синкретичным глагольно-именным корням; ср. тур. *an* 'сознание', 'мысль' и 'понимать'; тат. *aŋ* 'сознание', *aŋla-* 'понимать'; азерб. *dad* 'вкус' и 'пробовать', 'вкушать'; башк. *tat* 'сладость', 'вкус'; *tatï-* 'пробовать', 'вкушать'. Другой источник – употребление формы принадлежности 3-го лица, образуемой присоединением гласного, безотносительно к обычно передаваемому ею значению, ср.: долган. *munnu* 'нос', *törđü* 'корень' [12, 291]; гаг. *bojnu* 'шея', *burnu* 'нос', *annï* 'лоб', *qojnu* 'грудь', *qutusu* 'коробка' [3, 5; 7, 117]; туркм. *bejni* 'мозг'; хак. *ïstï* 'живот'; *iŋnï* 'плечо'; *aχsï* 'рот'; шор. *erdi* 'губа', *qardï* 'желудок', *purdu* 'нос', *mojdu* 'шея', *ïšti* 'живот' [5, 125-126].

Г. Дёрфер не без оснований заявляет, что если монгольские языки допускали в конце слова *r, m, n,* то почему необходимо было к словам, подобным *ar* 'мужчина', *jem* 'пища', *küzän* 'хорек', при заимствовании их из тюркских языков, добавлять гласный: *ere, jeme, kürene* [5, 18-20]. Действительно, в монгольском письменном языке согласные *r, m, n, l* часто закрывают слог и, таким образом, вполне обычны для конечной позиции. Вместе с тем совершенно очевидно, что если в тюркских языках следы каких-либо ограничений структурных типов слога, предполагающих предпочтительность гласных в исходе, отсутствуют, то в монгольских языках они налицо, и употребление в них "дополнительного" гласного в словах, имеющих тюркские параллели, воспринимается как своего рода закономерность, ср.:

	др.-тюрк.		монг.-п.	
1)	*jalavač*	'посол'	*jalavači*	имя собств.
	känč	'ребенок'	*kenje*	
	qilïnč	'поступок'	*kilinče*	'проступок', 'греховное деяние'

qoč	‘баран’	*χuča*	
sač-	‘разбрасывать’ ‘рассеивать’	*sačи-*	
2) *ärk*	‘сила, власть’	*erke*	
barq	‘сооружение’	*baraγa*	‘имущество’
bärk	‘крепкий’	*bèrke*	
irq	‘знак’, ‘предзнаменование’	*iruγa*	
kärt-	‘делать зарубку’	*kerčä-*	
qïrq-	‘стричь’	*kirγa-*	
mäŋ	‘родинка’	*mengge*	
öŋ	‘цвет’, ‘перёд’ ‘лицо’	*öngge*	
siŋ-	‘впитывать’	*šingge-*	
ürk-	‘бояться’, ‘пугаться’	*ürgü-*	
3) *asra-*	‘воспитывать’, ‘заботиться’	*asara-*	
butra-	‘расходиться’, ‘рассеиваться’	*butara-*	
buγra	‘верблюд-производитель’	*buγura*	
köprük	‘мост’	*kögürge*	
küčlä-	‘совершать насилие’	*küčüle-*	
titrä-	‘дрожать’	*čičire-*	
4) *ab*	‘охота’	*aba*	
ajaq	‘чаша’	*ajaγa*	
boz	‘серый’	*boru*	
jüräk	‘сердце’	*jirüke*	
kez-	‘бродить’, ‘странствовать’	*kesü- (kerü-)*	
kök	‘голубой’	*köke*	
kömüldürük	‘нагрудный ремень (у лошади)’	*kömüldürge*	

saɣ-	'доить'	*sayaa-*	
saq-	'охранять', 'стеречь'	*saki-*	
säz-	'чувствовать', 'ощущать'	*sere-*	
uq-	'понимать'	*uχa-*	
ulaɣ	'вьючное животное', 'почтовый транспорт'	*ulaɣa*	
5) *är*	'мужчина'	*ere*	
qan-	'наслаждаться', 'удовлетворяться'	*χapu-*	
qon	'ночевать'	*χopu-*	
son-	'гаснуть'	*sönü-*	
tün	'ночь'	*tüne*	'темный'
ul	'основание', 'подошва'	*ula*	

В заключение следует отметить, что поскольку относительно параллелей, входящих в первую, вторую и третью группу, Г. Дёрфер придерживается, в общем, той же точки зрения, что и В. Котвич, линия расхождений его с последним не столь непреодолима, как это может показаться на первый взгляд. Она в значительной мере уменьшится, если будет доказано, что "дополнительные" гласные в составе некоторых параллелей четвертой и пятой групп имеют морфологическую природу, ср. *ajaɣa(n), jïrüke(n), kömüldürge(n), tüne(n), ulaɣa(n).*

Литература

1. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929.
2. Владимирцов Б.Я., Самойлович А.Н., Турецкий народец хотоны, – ЗВОРАО, XXIII, Пг., 1916.

3. Дмитриев Н.К., Гагаузские этюды, – «Ученые записки ЛГУ», № 20, Серия филол. наук, I, 1939.
4. Зайончковский А., К вопросу о структуре корня в тюркских языках, – ВЯ, М., 1961, №.2.
5. Исхаков Ф.Г., Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст, ӱст, алд, арт* и т.п., – «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.
6. Малов С.Е., Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957.
7. Покровский Л.А., Гагаузский язык, – «Языки народов СССР», II, М., 1966.
8. Поппе Н.Н., Дагурское наречие, – «Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР», вып. 6, Л., 1930.
9. Поппе Н.Н., Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам, – ИРАН, т. VI, серия XIX, вып. 9-11, Л., 1925.
10. Тенишев Э.Р., Саларский язык, М., 1963.
11. Тодаева Б.Х., Дунсянский язык, М., 1961.
12. Убрятова Е.М., Служебное слово *киэнэ* в якутском языке, – «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.
13. Bang W., Manichäische Erzähler, – «Muséon», XLIV, Louvain, 1931.
14. Doerfer G., Zwei wichtige Probleme der Altaistik, – JSFOu, vol. 69, Helsinki, 1968.
15. Kotwicz W., Studia nad jezykami altajskimi, – RO, Tom XVI (1950), Kraków, 1953.
16. Menges K., Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen, – AO, t. XI, fasc. 1, Praha, 1939.
17. Murayama S., Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen, – «Oriens», XI, 1-2, Leiden, 1958.

18. Posch U., Die altaische Sprachverwandtschaft, — «Theorie oder Hypothese?», — HOr, vol. I, Abt. V, Abschnitt-Mongolistik, Leiden-Köln, 1964.
19. Ramstedt G., Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Bd I, Lautlehre, Helsinki, 1957.

Библиографические сокращения

ВЯ	— журн. «Вопросы языкознания»
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества».
ИРАН	— «Известия Российской Академии наук».
AO	— «Acta orientalia».
HOr	— «Handbuch der Orientalistik».
JSFOu	— «Journal de la Société Finno-ougrienne».
RO	— «Rocznik Orientalistyczny».

Условные сокращения названий языков

азерб.	— азербайджанский
башк.	— башкирский
гаг.	— гагузский
др.-тюрк.	— древнетюркский
монг. п.	— монгольский письменный
тат.	— татарский
тур.	— турецкий
туркм.	— туркменский
хак.	— хакасский
чуваш.	— чувашский
шор.	— шорский

Р. Р. Юсипова

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Исследование именных фразеологизмов в турецком языке связано с общей проблематикой фразеологизмов. Под термином "именная фразеологическая единица" понимается устойчивое словосочетание, возникающее на основе сочетания двух имен, в котором один или оба компонента употреблены переосмысленно. Изучение же проблем фразеологии турецкого языка невозможно в отрыве от рассмотрения вопросов лексикологии и синтаксиса. Изолированное изучение фразеологии как турецкого, так и других тюркских языков приводит к тому, что многие тюркологи одно и то же явление языка трактуют по-разному. Так, например, именное образование типа *demir yol* 'железная дорога' одни тюркологи считают сложным словом [7, 125; 8, 104; 2, 154; 10, 477, другие – фразеологической единицей [6, 102].

Общеизвестно, что семантическая и грамматическая зависимость, существующая между компонентами фразеологизма, полная или частичная переосмысленность составляющих его элементов, воспроизводимость в речи являются важнейшими условиями существования устойчивых словосочетаний как лексических единиц [4; 15; 17].

Для выявления характерных особенностей фразеологических единиц и их описания представляется целесообразным рассмотреть фразеологизмы в сопоставлении с соответствующими свободными словосочетаниями и словами на синтаксиче-

ском, морфологическом, лексическом и семантическом уровнях языка. Такое всестороннее рассмотрение может выявить признаки, характерные отдельно для фразеологизмов, свободных словосочетаний и слов.

В данной работе рассматриваются фразеологические единицы типа "имя + имя", проводится анализ характера синтаксических связей, существующих между компонентами фразеологизма, а также делается попытка выяснить, какое влияние оказывают межкомпонентные отношения на лексико-семантическое содержание всего фразеологизма в целом.

Любая фразеологическая единица включает в себя не только ее лексико-семантическую характеристику, но и лексико-грамматические особенности ее как единицы речи, что дает возможность классифицировать фразеологизмы по соотнесенности их с той или иной частью речи. Лексико-грамматическая принадлежность всего фразеологизма определяется по стержневому в грамматическом, а не лексическом плане компоненту. Отсюда глагольные фразеологизмы: *meydan okumak* 'бросать вызов' (*meydan* 'площадь', *okumak* 'читать'), *ıstırap çekmek* 'страдать' (*ıstırap* 'страдание', *çekmek* 'тянуть'), *can çekişmek* 'агонизировать' (*can* 'душа', *çekişmek* 'бороться') и именные фразеологизмы: *deve kini* 'лютая ненависть' (*deve* 'верблюд', *kin* 'ненависть'), *horoz akilli* 'безмозглый' (*horoz* 'петух', *akilli* 'с умом', 'имеющий ум').

Фразеологическая единица, хотя и представляет собой в языке отдельную лексическую единицу и может соотноситься с определенным лексико-грамматическим классом слов, функционирование ее в составе высказывания существенно отличается от использования подобных ей узуальных единиц. Большинство фразеологических единиц в турецком языке не могут принимать на себя все функции той части речи, которую они представляют по предложенной выше классификации. В турецком языке в отличие, например, от русского языка, где части речи имеют свои морфологические показатели и роль каждого слова строго предопределена, любое турецкое

слово с оценочным значением в зависимости от функционального его использования может выступать в роли различных частей речи (*güzel* 'красиво', 'красивый', 'красавица'). Фразеологизм же лишен такой возможности. Например, такие фразеологизмы, как *açık göz* 'жадный' (*açık* 'открытый', *göz* 'глаза'); *dağ ayısı* 'простофиля', 'мужлан' (*dağ* 'гора', *ayısı* 'медведь – ее'); *eli dar* 'скупой' (*eli* 'рука – его', *dar* 'узкая') и др. могут выступать в предложении только в номинативной функции.

Устойчивость фразеологической единицы турецкого языка предполагает не только неизменяемость лексико-семантического состава ее компонентов, но и неизменный порядок следования ее компонентов. Если некоторые русские фразеологизмы, например, довольно свободно меняют месторасположение своих компонентов (ср. 'дурак набитый' / 'набитый дурак', 'душа не принимает' / 'не принимает душа', 'душой и телом' / 'телом и душой') [12], то турецкие именные фразеологизмы, как правило, всегда сохраняют неизменный порядок следования компонентов (ср.: *horoz akıllı* 'безмозглый' и *akıllı horoz* 'умный петух', *açık göz* 'жадный' и *göz(ü) açik (tır* 'глаза открыты', *eli dar* 'скупой' и *dar eli* 'у него рука узкая'). Однако, понимание устойчивости, как неизменяемости порядка следования слов в турецком языке может относиться не только к фразеологическим единицам, но и к отдельным типам свободных словосочетаний, т.к. порядок слов в свободных двусложных именных словосочетаниях выполняет, в основном, грамматическую функцию. В словосочетаниях типа "имя + имя" в турецком языке определение, как правило, всегда предшествует определяемому, конкретизирует его (ср. *güzel kız* 'красивая девушка', *ağir iş* 'тяжелая работа', *büyük halı* 'большой ковер', *soğuk dalgası* 'волна холода', *mendilin köşesi* 'уголок носового платка') [15; 14].

Строго установленный нормами языка порядок следования слов до некоторой степени затрудняет выделение сло-

восочетания типа "имя + имя" как фразеологической единицы. Разграничение фразеологической единицы и свободного словосочетания может происходить, по-видимому, по линии выяснения характера синтаксических отношений, существующих между компонентами тех и других образований.

Компоненты свободных именных словосочетаний связаны между собой полноценными синтаксическими отношениями. Это проявляется в том, что свободные словосочетания сохраняют за собой способность к определенным трансформациям. Трансформация имеющихся синтаксических отношений, хотя и приводит к структурному изменению всего словосочетания, однако в целом его компоненты сохраняют непосредственную отнесенность одного слова к другому (ср. *güzel kız* 'красивая девушка' и *kız güzel* 'девушка красива'). При трансформации отнесенность слов друг к другу получает иное синтаксическое содержание, но значение каждого компонента сочетаемых слов свободной конструкции во всех случаях остается неизменяемым (ср. *kız* 'девушка', *güzel* 'красивая'). Компоненты свободного именного словосочетания в соответствии с целью высказывания в составе многочленного предложения могут одновременно входить в связь с целым рядом отдельных слов или словосочетаний. При этом они всегда сохраняют присущее им лексическое значение, не разрушая своего семантического единства и тождества. Иначе говоря, содержание свободного именного словосочетания во всех случаях представляет собою сумму лексических значений, образующих его элементов.

Фразеологизмы функционируют в предложении иначе, поэтому необходимо при изучении фразеологической единицы является выяснение характера синтаксических связей, существующих между ее компонентами. Синтаксические отношения в составе фразеологизма как бы приобретают иное грамматическое назначение [11]. Ср. следующие пары: *kör topal* 'кое-как' и *kör topal* 'слепой хромой'; *horoz ayağı* 'штопор' и *horoz ayağı* 'петушиная нога'; *dağ ayısı* 'просто-

филя', 'мужлан' и *dağ ayısı* 'горный медведь'. В приведенных выше примерах синтаксические связи между компонентами одни и те же, и в зависимости от контекста такие сочетания могут восприниматься то как фразеологизм, то как свободное словосочетание.

Однако слова, входящие в состав фразеологизма, лишены синтаксической самостоятельности, тогда как слова свободных конструкций могут функционировать как самостоятельные члены предложения, определяться другими словами, могут быть заменены другим словом того же лексического класса, что и заменяемое слово и т.п.

Именные фразеологизмы в турецком языке при постоянных лексико-грамматических отношениях между компонентами могут представлять собой различные типы синтаксических конструкций. Они могут быть конструированы как атрибутивные словосочетания с адъективным или субстантивным препозитивным определением (*kör ocak* 'дом без детей', *kaşık düşmanı* 'жена') или с постпозитивным определением (*eli dar* 'скупой', *horoz akıllı* 'безмозглый').

По форме связи межкомпонентных отношений именные фразеологизмы можно разделить на несколько типов.

1. Имя прилагательное + имя существительное

1.1. Употребление имени прилагательного в составе фразеологизма вовсе не означает, что оно определяет последующее слово. Ср. следующие примеры: *kör kadı* 'прямолинейный' (о человеке; *kör* 'слепой', *kadı* 'духовный судья'); *kör düğüm* 'трудноразрешимый' (о вопросе, проблеме; *düğüm* 'узел'; *kör ocak* 'дом без детей' (*ocak* 'дом', 'очаг'); *kör kütük* 'мертвецки пьяный' (*kütük* 'бревно'); *kör boğaz* 'обжора' (*boğaz* 'глотка'); *kör kandil* 'сильно пьяный' (*kandil* 'светильник'); *kör topal* 'кое-как', 'наспех' (*topal* 'хромой').

Хотя по форме вышеприведенные фразеологизмы и являются адъективно-субстантивными словосочетаниями, их целостное значение, обусловленное взаимозависимостью со-

ставляющих элементов, лишает компоненты возможности функционировать в качестве самостоятельных номинативных единиц. Семантическая целостность подобных фразеологизмов не позволяет также конструировать иной тип связи между компонентами. Нарушение же существующих синтаксических отношений ведет к превращению фразеологической единицы в свободное словосочетание. Например: *kör bir kadı* 'какой-то (один) слепой судья', *kadı kör (dür)* 'судья слеп'.

1.2. В качестве первого компонента выступает отыменное прилагательное, снабженное аффиксами *li/li, lu/lü* и очень редко аффиксами *sız/siz, su z/süz*. Например, *tahtalı köy* 'кладбище' (*tahtalı* 'имеющий доски', 'с досками'; *köy* 'деревня'); *canlı cenaze* 'живой труп', 'очень худой' (*canlı* 'имеющий душу', 'с душой', *cenaze* 'труп'); *ayaklı kütüphane* 'ходячая энциклопедия' (*ayaklı* 'имеющий ноги', 'с ногами', *kütüphane* 'библиотека'); *deliksiz uyku* 'беспробудный сон' (*deliksiz* 'не имеющий дыр', 'без дыр', *uyku* 'сон').

При именах вещественных в свободных словосочетаниях аффикс *li* показывает, что снабженное им слово передает предмет, который содержится в другом предмете в качестве побочного продукта. Например, *sütlü kahve* 'кофе с молоком', *pamuklu eşya* 'хлопчатобумажные вещи' [9, 101].

Что же касается рассматриваемых фразеологизмов с аффиксом *li*, то здесь устанавливаются своеобразные собственно грамматические отношения, и отыменное прилагательное уже не определяет того слова, к которому оно относится.

2. Имя прилагательное + отыменное прилагательное

Для качественно-оценочной характеристики человека в турецком языке используются такие фразеологизмы как: *dik kafalı* 'упрямый' (*dik* 'прямой', *kafalı* 'имеющий голову', 'с головой'); *ağır kanlı* 'тяжелый на подъем' (*ağır* 'тяжелый', *kanlı* 'имеющий кровь', 'с кровью'); *geniş gönüllü* 'душа нараспашку' (*geniş* 'широкий', *gönüllü* 'имеющий душу', 'с душой').

Однако таких фразеологизмов в современном турецком языке сравнительно мало. Это можно объяснить тем обстоятельством, что для передачи понятия качественно-оценочной характеристики турецкий язык чаще использует фразеологизмы типа *gözü aç* 'ненасытный'. Такие фразеологизмы синонимичны по своему лексико-грамматическому содержанию рассматриваемым (*aç gözlü/gözü aç* 'ненасытный'); но их количество незначительно, и, кроме того, *ağır kanlı* не означает *kanı ağir*, *dik kafali* не означает *kafası dik* и т.п.

3. Имя существительное + имя прилагательное

3.1. Словосочетание типа "имя существительное с аффиксом принадлежности 3-го л. + имя прилагательное", по определению А.Н. Кононова, представляет собой придаточное определительное предложение [7, 163]. С.С. Майзель подобные образования называет прилагательными и отмечает, что аффикс в составе слова, являющегося компонентом сложных прилагательных, относится не к опущенному первому члену изафетного словосочетания, а к слову, которое является определением для прилагательного [9, 127]. Теоретически первый компонент, утверждает С.С. Майзель, должен был бы согласно строю турецкого языка, иметь определение в виде местоимения в родительном падеже, однако *onun* 'его' "дифференцировалось таким образом, что оно относит мысль к предмету, уже названному, а не к тому, о котором речь пойдет впереди" [9, 125]. В связи с этим возникает вопрос: какова роль аффикса принадлежности 3-го л. в составе таких фразеологизмов, как: *ağzı gevşek* 'болтун' (букв.: 'рот его расслабленный'), *eli açik* 'щедрый' (букв.: 'рука его открытая'), *eli uzun* 'вор' (букв.: 'рука его длинная'), *kanı bozuk* 'презренный' (букв.: 'кровь его испорченная'), *burnu büyük* 'важный' (букв.: 'нос его большой').

Существует мнение, что для турецкого языка "постепенное наращивание аффиксов основано на принципе постепенной конкретизации основы" [5,37]. Аффикс же 3-го лица у перво-

29[X]-1061

го компонента рассматриваемых фразеологизмов является средством выделения наиболее характерного признака, присущего тому или иному лицу.

Семантическое содержание первого компонента носит, как правило, типовой характер: все они являются словами, означающими название частей или органов человеческого тела. Второй же компонент как бы определяет, характеризует то слово, которое было выделено. Весь фразеологизм в целом используется в роли качественных определений для характеристики человека.

3.2. В турецком языке образование типа "имя существительное + отыменное прилагательное (имя существительное с аффиксом *-li*)" принято считать сложным прилагательным, синтаксические отношения между членами которого основываются на примыкании [7, 161]. Позиция, которую занимает имя существительное, означающее предмет, наделенный определенными качествами, предполагает использование его в составе фразеологизма в роли определения, наделяющего конкретной характеристикой отыменное прилагательное, с которым оно соотносится. Такого рода рассуждения основываются на том, что основа имени прилагательного, выступающего вторым компонентом, сама означает предмет. Определение в составе фразеологизма является как бы смысловым центром, и именно оно способствует созданию метафорического образа. Например: *dudu dilli* 'златоуст' (*dudu* 'попугай', *dilli* 'имеющий язык', 'с языком') *kaz kafalı* 'дурак' (*kaz* 'гусь', *kafali* и 'имеющий голову', 'с головой'); *cin fikirli* 'пройдоха' (*cin* 'бес', 'злой дух', *fikirli* 'имеющий мысль', 'с мыслью'); *koyun kafalı* 'дурачок' (*koyun* 'баран', *kafali* 'имеющий голову', 'с головой').

Хотя приведенные выше фразеологизмы зафиксированы в словарях, как лексические единицы, однако носитель языка при передаче образного сравнения для оценки человека может использовать модель "имя существительное качественной оценки + имя существительное с аффиксом *-li*". Образования

taş kafalı 'тупоголовый' – *taş* 'камень', *kafalı* 'имеющий голову'; *tavşan yürekli* 'трусливый' – *tavşan* 'заяц', *yürekli* 'имеющий сердце' в некоторых словарях не зафиксированы. Однако они ничем не отличаются от приведенных выше фразеологизмов, большинство которых имеется в словарях.

Семантическое и структурно-грамматическое единство рассматриваемого типа фразеологизмов поддерживается, в основном, особым проявлением метафорических значений составляющих компонентов, связанных в данном случае с определенными грамматическими формами, органически входящими в структуру фразеологизмов.

4. Имя существительное + имя существительное

4.1. Фразеологизмы типа "имя существительное + имя существительное с аффиксом принадлежности" очень разнообразны. Среди них можно встретить фразеологизмы, лексико-семантическая слитность компонентов которых позволяет воспринимать их как номинативные единицы. Например: *kaşık düşmanı* 'жена' (букв.: 'ложка враг ее'), *ayak takımı* 'простонародье' (букв.: 'нога группа ее'), *baş tacı* 'самое любимое' (букв.: 'голова корона ее'), *horoz ayağı* 'штопор' (букв.: 'петух нога его'). Некоторые из них перешли в разряд сложных слов: *ayak yolu* 'туалет' (букв.: 'нога дорога ее'), *eloğlu* 'чужак' (букв.: 'племя сын его'), *ayakkabı* 'обувь' (букв.: 'нога футляр ее').

Вместе с тем, следует отметить, что отнесение подобных образований к разряду сложных слов в некоторых словарях проводится непоследовательно и строгими критериями не обусловлено. С точки зрения синтаксического построения и реализации межкомпонентных лексико-семантических отношений между *deve boynu* 'колено', 'изогнутая труба' (букв.: 'верблюд шея его') и *horoz ayağı* 'штопор' (букв.: 'петух нога его') нет никакой разницы. Однако в словарях первое подается как сложное слово, а второе – как фразеологическая единица. Ни в лингвистических работах по тюркологии, ни в

лексикографических работах до сего времени не выработаны определенные критерии выделения и разграничения фразеологических единиц, представляющих собой, по определению В.В. Виноградова, фразеологические сращения и сложные слова. Просмотренный лингвистический материал по тюркологии позволяет говорить о том, что при выделении сложных слов обычно руководствуются семантическим признаком, невыводимостью значения целого из значений составляющих компонентов [10,37]. Этим обстоятельством по-видимому, можно также объяснить тот факт, что почти все терминологические словосочетания независимо от их характера в словаре «Türkçe Sözlük» выделены как заглавные слова. Вопрос определения сложных слов осложняется еще и тем, что в турецком языке имеется значительное количество терминов, в которых лексическое значение улавливается вполне отчетливо. Например: *diz kapağı* 'коленная чашечка', *göz akı* 'глазное яблоко', *göz yaşı* 'слезы' и т.п.

В отличие от свободных словосочетаний рассматриваемые фразеологизмы, будь то термин или просто фразеологизм, имеют в своем составе слово, фразеологически связанное со своим компонентом. Устойчивость фразеологизмов такого рода создается не только ограниченной сочетаемостью, но и определенными парадигматическими и синтагматическими особенностями употребления каждого компонента: первый компонент, как правило, не принимает аффикса множественного числа и аффикса родительного падежа. Фразеологизм в предложении всегда функционирует контактно.

В турецком языке посредством присоединения всевозможных аффиксов может быть образовано множество слов с различной категориальной формой от одного и того же корня. Кроме того, корнесложение для турецкого языка также является способом образования новых лексических единиц.

Из всех типов соединения слов, обнаруженных в современном турецком языке, словосочетания рассматриваемого типа по характеру межкомпонентных отношений являются

наиболее устойчивыми и служат своеобразной базой, откуда язык черпает новые лексические единицы. Именно отсутствие показателя предметно выраженной принадлежности дает возможность языку широко пользоваться подобными образованиями для передачи более сложных понятий чем то, которое содержится в одном единичном слове. Каждый язык располагает определенными сложными словами и разного рода устойчивыми словосочетаниями как готовыми лексическими единицами. Однако относительно турецкого языка следует сказать, что при помощи такой формы корнесложения как "имя существительное + имя существительное с аффиксом принадлежности" в случае необходимости могут быть созданы сложные слова и устойчивые словосочетания типа: *oy sandığı* 'урна для голосования' (букв.: 'голос урна его'), *iş birliği* 'сотрудничество' (букв.: 'работа единство его'), *basım evi* 'типография' (букв.: 'печатание дом его'), *görüş ayrılığı* 'разногласие' (букв.: 'взгляд различие его'), *dilbilgisi* 'грамматика' (букв.: 'язык знание его'). Некоторые из них вошли в язык как сложные слова (*dilbilgisi*), другие – как термины (*oy sandığı*), третьи – как широко употребительные, однако пока что не зафиксированные в словарях устойчивые словосочетания (*görüş ayrılığı*).

4.2. Одним из непременных условий функционирования в турецком языке безаффиксного изафета (термин С.С. Майзеля) являются определенные отношения, возникающие между компонентами, а именно: первый компонент представляет собой объект сравнения для другого компонента. Такой тип словосочетания "вызывает в нашем сознании, – пишет С.С. Майзель, – представление только об одном лице" [9, 43]. В роли определения выступает не прилагательное, а существительное, у которого возникают своеобразные отношения с примыкающим к нему словом, напоминающие отношения между прилагательным и существительным. В образованиях подобного рода первый компонент, выступая в качестве определения, служит объектом сравнения и представляет собой предмет, наделенный целым комплексом признаков.

Метафорическое употребление первого компонента предопределяет до некоторой степени лексико-семантическую сочетаемость составляющих слов, что дает возможность говорящему, наделяя первое слово метафоричностью, образовать в речи на данный случай его употребления определенный фразеологизм. Между компонентами таких фразеологизмов нет предметной соотнесенности, каждый из них вызывает в сознании человека представление только об одном лице или предмете. Например, *aslan er* 'храбрый солдат' (*aslan* 'лев', *er* 'солдат'), *gül yanak* 'розовые щеки' (*gül* 'роза', *yanak* 'щеки'), *demir el* 'железная рука' (*demir* 'железо', *el* 'рука'). Фразеологический характер подобных образований поддерживается не только метафоричностью первого компонента, но и тем, что словосочетание всегда контактно, сохраняет определенный порядок слов, обозначающих "объект сравнения + сравниваемый предмет". Некоторые из них могут иметь омонимичные свободные словосочетания типа *demir el* 'железная рука' и *demir el* 'рука из железа', 'железная рука'. Первым компонентом у образований типа *demir el* выступают имена существительные вещественные. Различие мужду фразеологизмом и свободным сочетанием обнаруживается только в контексте. В случае, когда подобные образования в составе высказывания выступают как свободные словосочетания, первый компонент является не объектом сравнения, а определением ко второму слову и указывает на то, из чего сделан второй предмет: *demir el* 'железная рука', 'рука из железа'. Первый компонент в такого рода словосочетаниях может без нарушения предметной соотнесенности подвергаться грамматическим и иным изменениям: *demirden el* 'железная рука', 'рука из железа'.

Легко выявляемые лексические значения компонентов фразеологизмов типа "объект сравнения + сравниваемый предмет" дают возможность, сохраняя общее лексико-семантическое содержание, трансформировать некоторые из них в другой тип фразеологизмов: *taş yürek//taş yürekli* 'жестокосердный' (*taş* 'камень', *yürek* 'сердце').

Краткий обзор структурно-грамматических особенностей именных фразеологизмов турецкого языка дает возможность отметить, что именные фразеологизмы в турецком языке бывают различных типов. Одни из них являются воспроизводимыми готовыми лексическими единицами языка, другие – создаются в процессе речи по определенным структурно-грамматическим и лексико-семантическим моделям. Непременным условием существования фразеологической единицы в турецком языке является не только семантическая и грамматическая зависимость и переосмысленность компонентов, но и наличие строго определенных межкомпонентных связей, которые реализуются в закрепившихся практикой употребления сочетаниях слов с определенным лексико-семантическим содержанием.

Литература

1. Архангельский В.Л., Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов, 1964.
2. Баскаков Н.А., Каракалпакский язык. Фонетика и морфология, М., 1952.
3. Бурнашева С.А., Влияние русского языка на развитие словарного состава татарского языка, – «Доклады и сообщения Института языкознания», 1955, № 8.
4. Виноградов В.В., Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, – сб. «А.А.Шахматов», М.-Л., 1947.
5. Дмитриев Н.К., Турецкий язык, М., 1960.
6. Коклянова А.А., О границах фразеологии тюркских языков, – «Труды СГУ», Вопросы фразеологии, Новая серия, вып. 106, Самарканд, 1961.
7. Кононов А.Н., Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956.
8. Кононов А.Н., Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948.
9. Майзель С.С., Изафет в турецком языке, М.-Л., 1957.

10. Муратов С.Н., Устойчивые словосочетания в тюркских языках, М., 1961.
11. Тагиев М.Т., Глагольная фразеология современного русского языка, Баку, 1966.
12. Фразеологический словарь русского языка, М., 1967.
13. Шанский Н.М., Фразеология современного русского языка, М., 1969.
14. Ömer Asım Aksoy, Atasözleri ve deyimler, Ankara, 1966.
15. Türkçe sözlük, Ankara, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Профессору Гарме Данцарановичу Санжееву – семьдесят лет (*И.Ф. Вардуль, Н.П. Шастина*) 5
Список печатных трудов Г.Д. Санжеева (составила *К.Н. Яцковская*) 12
Н.А. Баскаков, Принципы выбора признаков для наименования гор у алтайцев (к проблеме оронимии горного Алтая) 22
Т.А. Бертагаев, К этимологии некоторых слов в монгольских языках 28
Т.А. Гуриев, Топонимы монгольского происхождения в Северной Осетии 40
Д.Г. Дамдинов, О земледельческих терминах в монгольских языках 51
Ц. Дамдинсурэн, Бурятский пересказ Рамаяны 64
А.А. Дарбеева, О сказках нижнеудинских бурят 89
Ц.А. Дугар-Нимаев, Заметка о малоизвестной грамматической работе Ринчена Номтоева 98
В.С. Дылыкова, Легенда о Вень Чэн и Сонцзенгампо . . . 102
Г. Кара, Поправки к чтению ойратских грамот 1691 г. . . . 111
Л. Лёринц, "Хурин Алтай" и "Еренсей" 119
Ш. Лувсанвандан, Дистрибуция гласных и ударение в монгольском языке 126
К.М. Любимов, Система причастий в современном турецком языке 133
Г.И. Михайлов, Традиции и новаторство в творчестве Д. Нацагдоржа 149

Э.Н.Наджип, "Ожерелье мудростей" 159
Л.Б.Никольский, К интерпретации случаев отсутствия падежных морфем в корейском языке 180
М.Н.Орловская, Способы образования производных наречий в монгольском языке 185
М.Н.Орловская, Употребление множественного числа в языке "Алтан тобчи" 207
Д.А.Павлов, Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке 218
Г.Ц.Пюрбеев, Из наблюдений над фразеологией языка "Сокровенного сказания" 226
А.Рона-Таш, Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском языке 230
Р.Ф.Тарасенко, Категория принадлежности в тюркских языках 235
Б.Х.Тодаева, Свадьба у элютов 250
К.Ураи-Кёхалми, Некоторые фольклорные данные о роли лука и стрелы в свадебных обрядах 256
Х.-П.Фице, Формальная морфологическая структура монгольского слова 261
С.Хаттори, Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие 273
В.И.Цинциус, Монголизмы-дублеты в маньчжурском языке 297
Н.П.Шастина, Следы примитивных религий в ламаистской мистерии «цам» 306
З.В.Шевернина, О сослагательном наклонении в современном монгольском языке 319
З.В.Шевернина, Редупликации деепричастий в монгольском языке 332
А.М.Щербак, О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях 340
Р.Р.Юсипова, Структура именных фразеологизмов турецкого языка 351

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

К семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор Е.К.Борисова
Младший редактор Н.П.Губина
Художник М.И.Эльцуфен
Технический редактор Е.А.Пронина
Корректор Г.С.Горюнова

*

Сдано в набор 21/XI-1972 г.
Подписано к печати 1/XI-1973 г.
А-06942. Формат 60x90 1/16. Бум. № 1
Печ.л. 23 + 0,06 вкл. Уч.-изд.л. 17,33. Тираж 1400 экз.
Изд. № 2983. Зак. 1061. Цена 1 р. 84 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано на ротапринтах в тип. Изд-ва МГУ
Москва, Ленгоры

1р.84к.